

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»

На правах рукописи

Логинов Александр Викторович

**КАТЕГОРИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность 10.02.01 – русский язык

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Колесникова Светлана Михайловна

Москва 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-16
ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕРРОГАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ	17-115
1.1. Понятие коммуникативной ситуации в научной литературе	17-35
1.2. Интеррогативная ситуация и ее основные составляющие	36-69
1.2.1. Общая характеристика интеррогативной ситуации	36-48
1.2.2. Целевая установка в интеррогативной ситуации	48-57
1.2.3. Тематическая обусловленность как фактор реализации интеррогативной ситуации	57-64
1.3. Реализация интеррогативной ситуации в диалоге	64-87
1.4. Адресант и адресат в интеррогативной ситуации	87-111
1.5. Классификация ответных реплик	111-114
Выводы по 1 главе	115-115
ГЛАВА 2. СЕМАНТИКА ИНТЕРРОГАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	116-320
2.1. Семантическая структура интеррогативного высказывания	116-165
2.2. Средства выражения семантики интеррогативности	165-341
2.2.1. Лексические средства выражения семантики интеррогативности	168-270
2.2.1.1. Местоименные средства выражения интеррогативной семантики	173-229
2.2.1.2. Роль вопросительных частиц в организации семантического пространства интеррогативного высказывания	230-248
2.2.1.3. Глагольные средства семантики интеррогативности	248-270
2.2.2. Синтаксические средства выражения	

семантики интеррогативности	270-319
Выводы по 2 главе	320-320
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	321-444
3.1. Системно-структурный статус функционально-семантического поля интеррогативности	321-348
3.2. Первичные и вторичные функции интеррогативного высказывания	349-444
3.2.1. Ядро ФСП интеррогативности	359-364
3.2.2. Ближняя периферия ФСП интеррогативности	364-401
3.2.2.1. Функционирование интеррогативного предложения в монологе	364-370
3.2.2.2. Функционирование интеррогативного предложения во внутренней речи	370-401
3.2.3. Дальняя периферия ФСП интеррогативности	401-444
Выводы по 3 главе	444-444
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	445-446
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	447-494
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА	495-500

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопросительного (интеррогативного) предложения на протяжении многих десятилетий является предметом особого внимания лингвистов. Один только перечень научной литературы составил бы многостраничный труд. Вопросительные предложения описаны с точки зрения структуры (В. Водовозов [1869], Ю.В. Ванников [1957], Н.Я. Лойфман [1958], И.П. Распопов [1958], П.А. Беренштейн [1959], Р.Я. Саакьян [1965], М.Е. Проселкова [1971], П. Рестан [1972], В.Е. Шевякова [1974], Г.В. Валимова [1975], О.А. Крылова [1976], И.П. Святогор [1976], Г.Е. Крейдлин [1982], Н.Н. Самсонова [1987], Е.В. Скворцова [1988], Е.Е. Карпушина [1992], Н.М. Платоненко [1993], В.И. Лысенко [1996], В.А. Мелькумянц [1997], И.А. Муравьева [1998], А.П. Долгова [1999], Е.И. Белая [2001], О.В. Клокова [2002], и др.);

семантики (В.И. Горелов [1966], Ю.И. Зуев [1966], Л.Ф. Бердник [1978], Г.В. Валимова [1978], О.Г. Почепцов [1979], А.А. Старченко [1980], И.А. Королькова [1980], В.А. Козьменко [1981], А.Н. Баранов [1983], Л.Л. Дроботова [1983], С.В. Андреева [1985], Е.Б. Степанова [1993], Г.Ф. Гаврилова [1997], Е.Н. Линдстрем [2003], В.В. Казаковская [2005], О.А. Малахова [2005], Л.А. Мостовая [2010] и др.);

стилистического употребления (М.Д. Мальцев [1949], С.А. Матвеева [1966], А. Стельмашук [1987], В.Е. Кучереносов [1988], Н.К. Рябцева [1989], В.И. Лагутин [1990], Э.О. Лассан [1997], И.Б. Британ [2005], Г.Р. Власян [2002], Н.М. Вахтель [2003], А.В. Канафьева [2011], Х.Г. Косогорова [2006], А.В. Логинов [2007], Н.Н. Белошицкая [2010], Т.А. Хазбулатова [2012] и др.),

роли в коммуникативном акте (В.Ф. Берков [1968], А.М. Сколкова [1972], Я. Фирбас [1972], А.М. Визгина [1973], Л.Ф. Бердник [1982], И.Г. Стаханова [1984], Г.В. Бырдина [1985], Р. Конрад [1985], М.Ж. Карашулакова [1986], И.М. Кобозева [1988], В.Г. Руделев [1992], Л.В. Цурикова [1992], Н.А. Печникова [1995], О.Д. Белецкая [1999],

С.А. Ремизова [2001], С.А. Рыжов [2003], Н.И. Голубева-Монаткина [2004], С.В. Невольникова [2004], Л.Б. Балашова [2006], Л.П. Бердникова [2006], Е.В. Рагозина [2008], И.Б. Сычева [2008], М.С. Арсланова [2011], И.В. Винантова [2011], Н.И. Гуляева [2013], Н.А. Пробст [2014] и др.).

Такая многоаспектность свидетельствует об их емкости, сложности и неоднозначности. Однако вопросительные конструкции существуют в языке и, прежде всего, в речи не сами по себе, а в определенном текстовом континууме, дискурсе, и требуют осмысления на более высоком – категориальном – уровне.

Чтобы утвердить за языковым явлением статус категории, необходимо учитывать, как минимум, три компонента: реализацию в коммуникативной ситуации, структурную организацию, семантику. Применительно к вопросительному предложению каждая из указанных составляющих характеризуется специфическими чертами, не позволяющими перепутать с составляющими других типов высказываний. Но самым важным является то, что их совокупные отношения формируют категорию интеррогативности.

Категория интеррогативности (КИ) понимается нами как неотрывная часть общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность. Структурообразующим и функционально-значимым компонентом категории интеррогативности выступает интеррогативное (вопросительное) высказывание (ИВ), выражающее потребность в информации о каком-либо «положении дел» или его уточнении. Употребление ИВ в диалогическом (прежде всего) пространстве направлено на то, «чтобы в процессе текстопорождения перейти от высказывания с неопределенной референцией к высказыванию, обозначающему определенную для участников диалога ситуацию» [Мишланов 1996: 53].

Занимая специфическое место на коммуникативной оси, ИВ в силу своей активизирующей адресованности является в функционально-

коммуникативном отношении наиболее сильным членом коммуникации. Всякий полноценный акт познания включает в себе вопрос, и именно вопросами выражается первое побуждение мысли, что проявляется в закономерностях их функционирования, которые находят отражение в типовых языковых вариантах, репрезентируемых в конкретных интеррогативных ситуациях.

В реализации системных значений той или иной функционально-семантической категории особая роль принадлежит элементам контекста и речевой ситуации. Контекст представлен элементами окружения данного объекта в высказывании, существенными для реализации определенного системного значения в каком-либо варианте.

Понятие речевой ситуации включает все то в обстановке речевого акта, отражаемой в сознании его участников, что взаимодействует со значением языковых средств, участвуя в формировании содержания высказывания, и интерпретируется с точки зрения адресанта и адресата.

Вслед за А.В. Бондарко, мы считаем, что «концептуальным основанием рассматриваемой модели грамматики является треугольник «семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация». Последняя в данной триаде составляющая понимается как «типовая содержательная структура», представляющая собой «один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации»; базирующаяся на «определенной семантической категории и соответствующем функционально-семантическом поле»; интерпретирующаяся как «родовое понятие, по отношению к которому аспектуальность, темпоральность и другие подобные ситуации являются понятиями видовыми» [Бондарко 2002: 319].

Разграничивают денотативные и сигнификативные ситуации. Сигнификативная ситуация «представляет собой отражение денотативной ситуации или определенного класса денотативных ситуаций в содержании высказывания. Таким образом, проводится различие между ситуацией как

элементом внеязыковой действительности (тем ее фрагментом, который отражается в сознании говорящего как денотативная основа содержания высказывания) и ситуацией как содержанием высказывания. Сигнификативная ситуация (как общая, так и категориальная) представляет собой понятийное содержание, воплощенное в содержании средств данного языка, т. е. заключающее в себе связанный с ними способ представления передаваемого мыслительного (понятийного, смыслового) содержания, его языковую семантическую интерпретацию» [Бондарко 2003: 194].

В сигнификативной ситуации выделяются категориальные ситуации, представляющие собой разные стороны общей сигнификативной ситуации, связанные с теми или иными функционально-семантическими полями. К числу категориальных относится интеррогативная ситуация.

Ситуативный подход, основываясь на исследовании актуализационных функций высказывания, позволяет определить, «каким образом соотносятся ситуации актуализационного типа с теми или иными элементами отражаемой в содержании высказывания денотативной ситуации, какие средства формального выражения участвуют в передаче того или иного понятия содержания, прошедшего сквозь призму языковой семантической интерпретации, как осуществляется акт предикации» [Бондарко 2003: 195].

Категория интеррогативности полностью соответствует обозначенной А.В. Бондарко формуле и реализуется в семантике, функциях и структурной организации ИВ. Как две полярные реализации данной категории, это, с одной стороны, собственно вопросительная конструкция, с другой – риторическая. В интервале между ними могут находиться логико-синтаксические организации с разной степенью интеррогативности (вопросительности).

Не вызывает сомнения тот факт, что вопросительность или псевдовопросительность зависит от конкретной речевой ситуации (экстралингвистического фактора), а также от тех формально-грамматических средств, которые участвуют в организации синтаксической

интеррогативной конструкции. Данные средства формируются в полевую иерархию с четко прослеживаемым ядром (центром) и периферией. Эту организацию, на наш взгляд, можно назвать функционально-семантической категорией интеррогативности (вопросительности).

Осмысление категории интеррогативности как важного межуровневого концепта обусловлено, прежде всего, влиянием человеческого фактора. Естественно, для создания вопросительной конструкции и выражения семантики интеррогативности используется не один элемент, а, как минимум, два или целый комплекс. В этом случае реализуется все многообразие парадигматических и синтагматических отношений и мыслительно-речевой деятельности. Но при всем этом главными остаются собственно вопросительные средства и интонация, обозначаемая на письме особым вопросительным знаком.

Все вышесказанное определило объект и предмет нашего исследования.

Объектом исследования послужила семантика интеррогативности, выражаемая в современном русском языке системой разноуровневых языковых средств.

Предмет исследования – механизм функционирования разноуровневых средств в системе языка и речевой деятельности, отражающий познавательную, интеллектуальную и эмоциональную сферы коммуникантов и сущность процесса познания средствами языка от неизвестности к запросу и от него к известности.

Актуальность исследования определяется характерной особенностью обращения современных лингвистических теорий к антропоцентрическому началу, позволяющему рассматривать проблему интеррогативности в русле взаимодействия семантики, прагматики, грамматики и обеспечивающего возможность комплексного анализа семантики интеррогативности в языковой и речевой деятельности. При всей многочисленности работ, посвященных различным аспектам теории вопросительного предложения, интерпретации и квалификации языковой семантики интеррогативности в лингвистических

исследованиях на русском языковом материале неоднозначны, что закономерно обуславливает поиски оснований для систематизации средств ее выражения в рамках теории функциональной грамматики.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен комплексный, многоаспектный анализ категории интеррогативности с учетом функционально-семантического, структурно-семантического, коммуникативного и прагматического подходов к изучению языковых единиц и представлена целостная концепция исследуемой категории; впервые доказано, что категория интеррогативности является функционально-семантической категорией, совмещающей признаки двух полевых организаций: модальности и коммуникативной перспективы высказывания, и в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа; выделена и обоснована специфика интеррогативного значения путем сопоставления с семантикой неизвестности и неопределенности; расширено языковое значение интеррогативности с учетом взаимодействия поля интеррогативности с другими полями: бытийности, побудительности, экспрессивности, эмоциональности, а также уточнены условия их проявления, связанные с нейтрализацией категориального значения интеррогативности в конкретных коммуникативно-прагматических ситуациях; с учетом функционально-семантических и прагматических факторов комплексно описаны ядерные и периферийные лексические и синтаксические средства организации функционально-семантической категории интеррогативности, при этом установлено, что в качестве грамматикализованного ядра интеррогативности выступает система разноуровневых средств: синтаксическая категория интеррогативности (вопросительные предложения), лексико-грамматическая категория (вопросительные местоимения, частицы, глаголы с семантикой запроса); уточнены и расширены особенности реализации интеррогативной ситуации во внутренней речи коммуникантов, установлены отличия от ее реализации в стандартном диалоге: имитация мыслительного процесса, раздвоение

персонажного голоса, использование особых синтаксических структур; показаны прагматические аспекты интеррогативной ситуации, влияющие на разграничение ядерной и периферийных зон категории: истинная и мнимая, односторонняя и двусторонняя интеррогативность; уточнены целевые установки коммуникантов и роль тематической обусловленности в реализации интеррогативной ситуации.

Цель исследования:

Разработать целостную концепцию категории интеррогативности, определив её статус в системе других категорий современного русского языка.

Задачи исследования:

1. Представить категорию интеррогативности как многоаспектную функционально-семантическую категорию, объединяющую разноуровневые языковые средства (прежде всего лексико-морфологические и синтаксические) и организованную по принципу поля.

2. Определить место функционально-семантической категории (ФСК) интеррогативности в системе других функционально-семантических категорий современного русского языка, обратив особое внимание на природу исследуемой категории и ее связи с ФСК модальности и коммуникативной перспективы высказывания.

3. Выделить и охарактеризовать ядерные и периферийные средства организации функционально-семантического поля интеррогативности с учетом их реализации в различных коммуникативно-прагматических условиях.

4. Выявить и описать дифференциальные признаки семантики интеррогативности, проведя анализ закономерностей проявления объективного и субъективного факторов при ее формировании в мышлении и языковой интерпретации.

5. Провести комплексный анализ языковых средств, участвующих в выражении интеррогативной семантики, с учетом их функционирования в синтаксических организациях различного структурного типа.

6. Представить интеррогативную коммуникативную ситуацию как

обязательное условие реализации вопросительного значения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория интеррогативности представляет собой функционально-семантическую категорию, образованную по принципу поля, ядерными компонентами которого являются структурно-семантические разновидности вопросительного предложения с эксплицитно выраженным категориальным семантическим компонентом «запрос информации» и реализованные в диалогическом типе речи.

2. Периферия функционально-семантического поля интеррогативности неоднородна по своему содержанию и представлена двумя уровнями.

Ближнюю периферию составляют интеррогативные высказывания с категориальным семантическим компонентом «запрос информации», реализованными в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в монологическом типе внешней речи и во внутренней речи адресанта.

Дальняя периферия формируется интеррогативными высказываниями, такими как риторический вопрос, вопрос-побуждение, вопрос-эмоция, в случае, когда категориальный семантический компонент «запрос информации» по причине определенных коммуникативных установок говорящего нейтрализуется, а на смену ему приходит категориальный семантический компонент другого функционального типа высказывания.

3. ФСП интеррогативности представляет собой монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа. Применение понятия «смешанный тип» возможно благодаря совмещению в исследуемом явлении признаков двух системных организаций: модальности и коммуникативной перспективы высказывания.

4. Категориальным семантическим компонентом интеррогативности является сема интеррогативности, выражающая запрос о неизвестном и реализующаяся в своих вариантах – прагмасемах.

5. Разноуровневая система выражения интеррогативной семантики

находится в динамическом взаимодействии. В качестве основной единицы, в полной мере реализующую ту или иную интеррогативную составляющую, выступает интеррогативное высказывание, базирующееся на определенном типе синтаксической конструкции – вопросительном предложении.

6. ФСК интеррогативности представляет собой динамическую систему, которая при взаимодействии с другими системными организациями языка (бытийность, побудительность, экспрессивность) имеет зоны пересечения и наложения.

7. Обязательным условием реализации функционально-семантических значений интеррогативности является наличие коммуникативной интеррогативной ситуации, проявляющейся в различных типах речи: классическом диалоге, монологе, внутренней речи.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в углублении теории интеррогативности, ее комплексной разработке и научном анализе, в расширении представлений о связях между лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языковой системы. Результаты, полученные в диссертации, способны стимулировать дальнейшие изыскания в сфере семантики интеррогативного высказывания. Проведенное исследование вносит определенный вклад в развитие теории функциональной грамматики, характеризующейся научно-методической установкой на системное рассмотрение парадигматики и синтагматики функционально-семантической категории интеррогативности, на установление специфических признаков вопросительности в общеязыковой картине мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения теоретических выводов, представленных в работе, в практике вузовского преподавания (при разработке и чтении основных курсов: современный русский литературный язык, русский язык и культура речи, стилистика, а также при разработке и чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров) и в школе.

Сведения, представленные в диссертации, могут быть использованы

также при обучении русскому языку как неродному, что весьма актуально в условиях современной языковой ситуации.

Теоретические положения могут быть взяты за основу создания учебников нового поколения, в которых будут учтены не только типичные, ядерные языковые явления, но и периферийные и синкретичные образования.

Результаты и методика исследования могут служить базой для дальнейшего анализа специфики категории интеррогативности и других грамматических категорий.

Материалом исследования послужили произведения русской литературы XIX-XX вв., которые отличает наиболее высокий уровень реализма и психологизма: среди них прежде всего произведения И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, Б. Пастернака, А.И. Солженицына, В. Войновича и др. Наша картотека насчитывает более 17000 примеров на употребление вопросительных конструкций.

Методология исследования

При изучении и анализе категории интеррогативности реализуется многоаспектный подход, необходимость которого вызвана не только сложностью и многоплановостью исследуемого явления, неоднозначной его интерпретацией в лингвистической литературе, но и тем, что подобная методология предполагает интегрированное представление исследуемой категории и привлечение сведений из различных областей науки: философии, логики, психологии, культурологи.

Однако такой подход таит в себе множество соблазнов, главный из которых – в качестве лингвистического доказательства привлечь факты из других отраслей научного познания мира, в первую очередь, из философии и психологии. Для нас многие положения из перечисленных наук лишь основа, база для собственно лингвистических выводов, и важно, при этом, различать философские или психологические основания языковой категории, с одной стороны, и лингвистические аспекты той или иной философской или

психологической теории, с другой.

Рассматривая устройство категории интеррогативности и закономерности функционирования ее единиц, нельзя не заметить ее тесной связи с деятельностью человеческого разума, в организации которого она играет важную, а может быть, и определяющую роль. Поэтому методологической основой нашего исследования является то, что оно проводится с опорой на достижения философии, психологии, логики в той их части, которая по предмету изучения является общей с лингвистикой.

Таким образом, проблематика интеррогативности и ее категоризация в языке неизбежно оказывается в зоне пересечения важнейших областей человеческого знания. Следовательно, интегрированный подход, заявленный в нашей работе в качестве ведущего, наиболее приемлем, так как он предполагает синтез не только разных направлений языкознания, но и других научных дисциплин.

При рассмотрении категориальной сущности интеррогативности мы использовали следующие **методы**:

1. Индуктивный метод: от анализа конкретных языковых фактов к установлению отношений между ними и далее к обобщению теоретических выводов.
2. Метод корреляционного семантического анализа: характеристика семантики языковых единиц, участвующих в формировании категории интеррогативности.
3. Метод структурно-семантического анализа: анализ полевой организации категории.
4. Метод моделирования.
5. Метод наблюдения за языковой единицей в контексте речевых ситуаций.

Апробация работы

Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и докторантском объединении Московского

педагогического государственного университета; на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Мичуринского государственного аграрного университета. Автор выступал с докладами на международном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2010.), международных научных и научно-практических конференциях: «Слово» (Тамбов, 1995), «Обучение иностранцев в России» (Тула, 1997), «Проблемы моделирования в развивающихся образовательных системах» (Мичуринск, 2004), «Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье» (Магнитогорск, МаГУ, 2008), «XI Невские чтения» (С.-Петербург, 2009), «XV Невские чтения» (С.-Петербург, 2013), «Русистика XXI века: традиции и тенденции» (Тамбов, 2008), «Славянский мир в прошлом и настоящем: языки, литература, образование» (Рязань, 2015); всероссийских научно-практических конференциях: «2007 год – год русского языка. Философия и филология русского классического текста» (Пенза, 2007), «Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века» (С.-Петербург, 2007), а также на межрегиональных и межвузовских научных конференциях.

Содержание диссертации отражено в 38 работах, среди которых 2 монографии, 15 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертационного исследования представлена Введением, 3 главами, посвященными раскрытию и конкретизации названных проблем, Заключением, Списком использованной научной литературы и Списком источников языкового материала.

Во Введении раскрывается актуальность темы исследования, определяется объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, характеризуются новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, содержатся сведения об апробации научного материала.

В главе 1 «Коммуникативная интеррогативная ситуация и ее основные параметры» описывается интеррогативная ситуация как одна из составляющих категории интеррогативности.

В главе 2 «Семантика интеррогативного высказывания и способы ее выражения в современном русском языке» рассматривается семантическая организация интеррогативного высказывания и система формирующих ее языковых средств.

В главе 3 «Функционально-семантическое поле как способ организации категории интеррогативности» анализируется системно-структурная организация функционально-семантического поля интеррогативности и парадигма функций интеррогативного высказывания.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕРРОГАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Одним из оснований для выделения той или иной понятийной категории в языке является наличие для нее специальной коммуникативной ситуации, служащей цели наиболее яркого отражения признаков, заложенных в функционально-семантическом значении категории. Такой ситуацией для категории интеррогативности является интеррогативная ситуация, представляющая собой самый яркий сегмент в общей структуре коммуникативной ситуации. Это объясняется тем, что вопросительное высказывание является самым ярким маркирующим компонентом адресации, выступая как основное средство организации ситуации речи. Вместе с тем интеррогативная ситуация подчиняется базовым коммуникативно-ситуативным признакам и постулатам, в своих частных проявлениях как бы накладывающихся на нее. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть само понятие «коммуникативная ситуация» в тех ее основаниях, которые способствуют осмыслению интеррогативной составляющей.

1.1. Понятие коммуникативной ситуации и принципы ее реализации

В центре внимания современной лингвистической теории лежит динамическое начало, т. е. «деятельность общения, осуществляемого человеком в определенных социальных и межличностных условиях, с определенными мотивациями и целями, с использованием специальных языковых средств» [Сусов 1984: 5].

Любая коммуникативная ситуация предполагает общение в той или иной социальной сфере активности человека, которая накладывает определенные ограничения в выборе тем, норм, конвенций, ритуалов, речевых стереотипов того или иного функционального типа, или, иначе говоря, «вступая в общение, человек всегда исходит из определенного набора вероятностных оценок возможного ответного поведения других людей.

Ожидания и вероятностные оценки, используемые каждым субъектом, в общих пределах задаются общественными установками и представляют собой их отражение в индивидуальном опыте человека» [Гусев, 1985: 77].

С развитием новых коммуникативных технологий (Интернет, сотовая связь), наше ежедневное общение большей частью состоит из непосредственного «диалогического взаимодействия «лицом к лицу» – так называемых разговоров» [Иссерс 1999: 207], ведь именно в них «реализуется воссоединение коммуникативных ролей говорящего и слушающего, которое легло в основу бахтинской теории «вечного диалога» [Винокур 2005: 84].

Любой обмен репликами, каким бы спонтанным он ни казался, подчинен множеству правил, с которыми люди вынуждены считаться во время общения. Именно это свойство речевой деятельности послужило причиной для возникновения игровой теории коммуникации (Витгенштейн). Языковая игра – некое «целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он связан» [Витгенштейн 1985: 82]. М.А. Кронгауз предлагает игровую коммуникативную модель, характеризующуюся наличием трех типов правил: 1) правил построения коммуникативных единиц; 2) правил связности игрового диалога; 3) правил стратегий, позволяющих участникам диалога-игры приближаться к достижению поставленной цели [Кронгауз 1992: 57].

Сферами деятельности субъекта принято считать производственно-институционную, обслуживания, семейно-бытовую, досуга, окказиональную (однократная встреча с другим человеком). Она представляет собой «стечение обстоятельств, которое побуждает человека к речевому действию» [Гойхман 1997: 10].

Речевое действие включает в себя несколько этапов, каждый из которых характеризуется своими особенностями.

На первом этапе осуществляется подготовка высказывания, проявляющаяся в том, что происходит «осознание мотивов, потребностей, целей, осуществляется вероятностное прогнозирование результатов

высказывания на основе прошлого опыта и на основе учета обстановки» [Гойхман 1997: 11], а также создается внутренний план высказывания.

Второй этап характеризуется структурированием высказывания во внутренней речи: отбирается необходимый языковой материал, происходит его синтагматическое конструирование. Причем этот процесс настолько быстротечен и «неуловим», что исследователи до конца не смогли установить его механизмы.

Третий этап – этап вербализации внутренней речи, определяющий результат речевого действия: «если переход от внутренней речи к внешней по каким-то причинам нарушен, ... то такая речь кажется неполной, бессвязной, труднопонимаемой. О результате речевого действия судят по его восприятию и по реакции на него, т.е. обратной связи» [Гойхман 1997: 11].

На четвертом этапе происходит восприятие речи адресатом: идет как бы обратная «прокрутка» механизма от реализации до порождения речевого отрезка, своеобразная дешифровка замысла говорящего, включающая несколько мыслительных операций:

- переход с акустического или графического кода на код внутренней речи;
- расшифровка синтаксических структур, грамматических форм;
- понимание общего плана высказывания;
- понимание замыслов и мотивов высказывания;
- оценка полученной информации;
- понимание выбора формы и языковых средств.

Восприятие речи предполагает ее понимание, осуществляющееся на языковом и содержательном уровнях.

Контрольным этапом речевого действия является обратная связь, проявляющаяся в какой-либо реакции (языковой или неязыковой) со стороны адресата [Гойхман 1997: 11-12].

Будучи «втянутым» в коммуникативное пространство (т. е. находясь в пределах коммуникативной оси), человек испытывает на себе комплексное

влияние на эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Выделяют три типа воздействия – на культурологическом, социальном и психологическом уровне.

Воздействие на культурологическом уровне осуществляется всем контекстом культуры, в котором находится человек, в том числе – системой значений слов в языке. Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия – авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой. Воздействие на психологическом уровне представляет собой личностное, индивидуальное влияние на человека и осуществляется как эмпатия и переход в область личностных смыслов. Нередко все типы воздействия проявляются в одном коммуникативном акте, что обусловлено, на наш взгляд, желанием сразу добиться максимального результата.

Прагматика коммуникативного акта в значительной мере определяется спецификой жанра: существуют жанровые каноны, допускающие ту или иную степень вариативности, тогда как выход за рамки таких канонов сводит общение на нет. «Некоторые люди, великолепно владеющие языком, чувствуют себя беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер» [Бахтин 1986: 273].

Владение речевым жанром – одна из статусных характеристик личности, представляющий собой ситуативный стандарт. Попадая в стандартные условия общения, отмечает М.М. Бахтин, «люди вырабатывают оптимальные для этих условий способы общения. В речевом жанре неизбежно отражается статус коммуникантов, и в этом смысле жанр зависит от людей, вовлеченных в ситуацию общения. Но вместе с тем участники общения непременно включаются в выработанные обществом каноны общения применительно к определенным ситуациям, и в этом смысле люди оказываются зависимыми от жанра» [Бахтин 1986: 273].

Наряду с речевыми жанрами в лингвистике выделяются языковые жанры, или ситуационно-тематические группы: диалог, монолог, полилог и некоторые другие, критериями выделения которых выступают цель коммуникации, количество партнеров и психологическая установка речи.

Общение регулируется определенными принципами и правилами, получившими название постулаты общения или максимы. Они представляют собой правила поведения, касающиеся речи, и могут быть универсальными и специфическими. Понятие «коммуникативные постулаты» ввел в научный оборот Г.П. Грайс, сформулировав их в виде основного принципа кооперации, или сотрудничества, и четырех правил (максим), вытекающих из этого принципа:

- 1) высказывание должно быть достаточно информативным (правило количества),
- 2) высказывание не должно быть заведомо ложным (правило качества),
- 3) высказывание должно быть по существу (правило отношения или релевантности),
- 4) высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорядоченным (правило способа выражения) [Грайс 1975: 45-47].

Эти правила дополняются и корректируются принципами вежливости, интереса, добродушной шутки. Принцип вежливости [Leech 1983] включает шесть симметричных постулатов:

- 1) постулат такта: причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому (тактичнее попросить не «в лоб», а окольными путями, т. е. с помощью косвенного речевого действия – Вы не могли бы...),
- 2) постулат великодушия: оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому (для осуществления великодушных намерений в косвенных высказываниях просьбы нередко содержится частица не (нет) как содержащая заготовку для партнера сказать нет: Ты не дашь мне ученик до завтра? Великодушие в вопросе-просьбе заключается и в том, что говорящий как бы не уверен (вопрос), что адресат выполнит его просьбу, т. е. дает

партнеру право выбора, а это, несомненно, вежливо),

3) постулат одобрения: своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других (одобрение как таковое всегда приятно партнеру, поскольку одобрить – это признать его поведение правильным, хорошим. Напротив, неодобрение нередко воспринимается как невежливость. Так, отрицательная оценка действий адресата с помощью сниженной лексики может явиться стимулом для отпора и корректировки, например: Куда ты словарь засунула? – Не засунула, а на полку поставила. Общение в таких случаях идет в ты-форма (друзья, родственники). В сфере вы-общения подобное приводит к конфликтам),

4) постулат скромности: минимально хвали себя, максимально порицай себя (скромный человек не хвастлив, он не навязывает своего мнения),

5) постулат согласия: своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другим (даже возражение хорошо бы начинать с согласия – Вы, возможно, правы, но позвольте возразить вам. Интенция согласия реализуется как ответная реакция на мнение собеседника и на его побуждение),

б) постулат симпатии: своди к минимуму антипатию между собой и другим, стремись к максимальной симпатии между собой и другим (этот постулат тесно связан с постулатом одобрения, т. к. последний создает атмосферу одобрения. К требованиям этого постулата относят и явление эмпатии, т. е. способность стать на точку зрения другого, вчувствоваться в мир его отношений и оценок и с этих позиций постараться его понять. Несомненно эмпатическими являются косвенные просьбы – вопросы о возможностях или трудностях адресата: Вы не можете подвинуться? Однако фигура как бы заинтересованности в состоянии адресата (Можете? не трудно?) служит выражению вежливости и содействует возникновению симпатии между партнерами. Этикетные вопросы-осведомления при встрече о жизни, о делах, здоровье: Как жизнь? преследуют именно эту цель.) [Leech 1983: 132].

Р. Лакофф корректирует их более общими исходными принципами

рациональности и блага: «исходи из того, что в общении участвуют разумные люди и что они не стремятся нанести друг другу вред» [Lakoff 1983: p. 308].

Принципы и постулаты общения носят разнородный характер, включают как этические нормы, так и модели языкового поведения: «старайся говорить идиоматично» [Searle 1975: 76], «придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра», «говори согласно норме и как принято», «избегай штампов» и др. [Шмелева 1983: 76].

В основе коммуникативных постулатов лежит здравый смысл. Дейл Карнеги в своей книге предлагает «шесть способов понравиться людям»:

- 1) проявляйте к людям искренний интерес,
- 2) улыбайтесь,
- 3) помните, что имя человека является для него лучшим словом из всего человеческого запаса,
- 4) умейте внимательно слушать и воодушевлять собеседника на разговор,
- 5) заводите разговор о том, что интересует вашего собеседника,
- б) старайтесь дать человеку почувствовать его превосходство и делайте это искренне.

Для того чтобы «заставить человека стать на вашу точку зрения», по мнению Д. Карнеги, необходимо придерживаться определенной речевой стратегии:

- 1) единственный способ одержать победу в споре – это избегать его,
- 2) никогда не говорите человеку прямо, что он неправ,
- 3) если вы неправы, признавайтесь в этом быстро и в категоричной форме,
- 4) начинайте с дружеского тона,
- 5) старайтесь получить от вашего собеседника утвердительный ответ в самом начале вашей беседы,
- б) дайте возможность другому человеку больше говорить, а сами старайтесь говорить меньше,

7) дайте человеку почувствовать, что идея, которую вы ему подали, принадлежит ему, а не вам,

8) старайтесь смотреть на вещи глазами другого человека,

9) относитесь с сочувствием к идеям и желаниям другого человека,

10) прибегайте к благородным мотивам,

11) используйте принцип наглядности для доказательства своей правоты,

12) если вы хотите заставить волевого человека встать на вашу точку зрения, бросьте ему вызов [Карнеги 1993].

Эти советы сводятся к стратегиям вежливости, и в плане статусных отношений могут быть обобщены как требования увеличивать статусный вес партнера и демонстрировать свое уважение к собеседнику.

В основе коммуникативного акта лежит интенция адресанта, которая может быть манифестируемая (проявляемая) и латентная (скрытая). Латентная интенция, как пишет О.Г. Почепцов, лингвистическому анализу не поддается, а манифестируемая интенция может быть заданной и выводимой [Почепцов 1986: 74, 82].

Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники сообщения всегда что-то домысливают. Однако мера явно выраженного и мера подразумеваемого смысла могут выходить за рамки ожиданий адресата. Многие зависят от жанра и условий общения. Повышенное использование в речи импликатур, выводимых смыслов, отмечает В.В. Богданов, повышает статус адресанта в глазах адресата и статус адресата в собственных глазах: адресант выглядит умным, разбирающимся в тонкостях речевого общения, и адресат понимает, что партнер по коммуникации доверяет его догадливости. «Общение на уровне импликатур – это более престижный вид вербальной коммуникации, поэтому он широко используется среди образованной части населения, поскольку для понимания многих импликатур адресат должен располагать соответствующим уровнем интеллектуального развития» [Богданов 1990: 21].

Античный ритор Деметрий высказывается по этому поводу следующим образом: «Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если все втолковывать слушателю, как дураку, то будет похоже, что вы плохого мнения о нем» [Деметрий 1978: 273].

Речевая стратегия намека не только повышает уровень общения, но и дает возможность адресанту сохранить лицо в случае просьбы, высказать просьбу и вроде бы не высказать ее. По наблюдениям Э. Вейцман, возможны три типовые реакции партнера на просьбу, сделанную в виде намека:

1) получатель речи не поймет намека, но по собственной инициативе сделает то, что входило в намерения отправителя речи,

2) получатель речи может сделать вид, что не понял намека,

3) получатель речи может показать, что он понял намек, но при этом он рискует, поскольку отправитель речи вправе сказать, что никакого второго смысла у высказывания не было [Weizman 1989: 93-94].

Стратегия вуалирования просьбы связана со статусной неуверенностью, с переживанием неопределенности и обостренным вниманием к соблюдению дистанции: просьба в виде намека сигнализирует о том, что адресант не хочет попасть в зависимость от адресата. Часто в таких случаях адресант боится и комментирует свое высказывание, замечая, что ни на что не намекает, что его слова не надо понимать как просьбу, и партнер должен так или иначе прореагировать на заранее дезавуируемую информацию. Адресат вынужден в такой ситуации продемонстрировать коммуникативную инициативу: предложить то, о чем собеседник вроде бы не собирался просить.

Коммуникативные постулаты присутствуют в сознании коммуникантов имплицитно и обнаруживаются в ситуациях их нарушения, что влечет за собой санкции языкового и экстралингвистического характера. «Языковые санкции проявляются в затруднении понимания высказывания, в ослаблении его прагматического воздействия. Экстралингвистические санкции

обнаруживаются в оценочных суждениях относительно «неуместности» употребления тех или иных языковых средств в данной ситуации общения» [Карпушина 1992: 12].

Нарушения коммуникативных постулатов делают общение невозможным. Но в некоторых случаях постулаты общения нарушаются намеренно. Это происходит, во-первых, в силу противоречивости самих постулатов, например, «будь вежлив» и «будь краток». Формулы вежливости в информативном отношении избыточны. Во-вторых, постулаты общения нарушаются так называемыми коммуникативными манипуляциями, т. е. ходами, цель которых – поставить партнера по общению в неудобное положение. Например:

В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный.

-Дядя, – весело кричал он, – дай десять копеек!

Молодой человек вынул из кармана нагретое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал:

-Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и отстал (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, I, V).

В приведенном фрагменте постулаты общения нарушены намеренно. Отвечающий (Остап Бендер) не церемонится с адресантом (беспризорником), давая понять в язвительной форме, что просьба неуместна, тем самым унижая своего собеседника. В качестве средства выражения такой формы выступает интеррогативное высказывание, функциональная нагрузка которого определяется уже не как запрос информации, а как эмоциональная отрицательная реакция. Вместе с тем, вопросительная форма ответной реплики призвана изменить коммуникативные роли с целью избежать требуемого действия: отсутствие у Остапа денег скрыто за его попыткой

задать вопрос о действии, осуществление которого нереально. О том, что такая тактика принесла желаемый для Бендера результат, свидетельствует дальнейшее развитие сюжета.

Подчас нежелание отвечать определяется несоответствием статуса адресата статусу адресанта, например:

Раскольников пошел прямо и вышел к тому углу на Сенной, где торговали мещанин и баба... Узнав место, он остановился, огляделся и оборотился к молодому парню в красной рубахе, зевавшему у входа в мучной лабаз.

- Это мещанин ведь торгует тут на углу, с бабой, с женой, а?

- Всякие торгуют, – отвечал парень, свысока обмеривая Раскольникова.

- Как его зовут?

- Как крестили, так и зовут.

- Уж и ты не зарайский ли? Которой губернии?

Парень снова посмотрел на Раскольникова.

- У нас, ваше сиятельство, не губерния, а уезд, а ездил-то брат, а я дома сидел, так и не знаю-с... Уж простите, ваше сиятельство, великодушно (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VI).

По мнению адресата (парня в красной рубахе), его статус выше, что подчеркивается как в авторских ремарках (*отвечал парень, свысока обмеривая*), так и в самой речи (ехидно-ироническое обращение «*ваше сиятельство*»). В свою очередь, адресант (Раскольников) не согласен с таким положением дел: он продолжает задавать вопросы, интуитивно осознавая, что тот, кто спрашивает, занимает более высокое положение в коммуникативном акте. В результате каждый остается при своем, так как нежелание «подчиниться» другому не способствует успешной реализации коммуникативного акта в целом и отдельных его компонентов в частности.

Нарушение постулатов общения преследует особые цели воздействия на адресата. На этом правиле построены стилистические приемы, а также приемы, выходящие за пределы стилистики и риторики. Так, в школах медитации по системе Дзен используются так называемые коаны, алогичные

предложения, содержащие какой-то намек: «Хлопок двух ладоней издает звук, а что такое звук одной ладони?» [Налимов 1979: 107]. Намеренное разрушение значений слов преследует цель выйти на интуитивный, нелогический уровень сознания, сломать сложившиеся стереотипы, в том числе – стереотипы статусных отношений.

Основные факторы общения в их наиболее общем виде были определены Р.О. Якобсоном: само сообщение, адресант и адресат сообщения (последний может либо непосредственно участвовать в общении, либо прогнозироваться как получатель сообщения), код, общий для коммуникантов [Якобсон 1964: 374].

В современной интерпретации модель коммуникативного акта включает отправителя (адресанта, источник сообщения), получателя (адресата, реципиента), собственно сообщение с его языковым кодом, канал связи (посредник), обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (шумы) [см.: Wood 2004].

В.Г. Гак выделяет шесть компонентов речевого акта: 1) говорящий, 2) адресат речи, 3) исходный материал высказывания (пресуппозиция), 4) цель сообщения, 5) развитие, внутренняя организация речевого акта, б) контекст и ситуация общения.

Каждый из компонентов имеет сложную природу. Специфическое положение адресанта обозначается следующими категориями: а) локализация по оси «Я – здесь – теперь», б) модальность объективная и субъективная, в) оценка, г) эмотивность, д) степень заинтересованности говорящего в сообщаемом, или дистантность.

На адресата сориентированы категории: а) информативность (тема и рема, средства выделения), б) экспрессивность, в) прозрачность или ясность, г) социальный аспект общения (вежливость, стиль и др.).

Пресуппозиции включают знания о мире, об обстоятельствах ситуации и о языке. Цель сообщения конкретизируется в виде коммуникативной установки (сообщение, вопрос, побуждение) и типа речевого акта, который

может быть констатирующим, перформативным, контактоустанавливающим и эмоционально-оценочным.

Течение речевого акта отражено в специальных словах, обозначающих начало, продолжение и прекращение, а также внутреннее членение речи.

Связь с другими высказываниями осуществляется при помощи различных анафорических и связующих средств (местоимения, артикли, союзы, частицы и др.) [Гак 1982: 12-13].

В. Барнет отмечает, что «компоненты коммуникативного акта выявляются в многогранности его значимой структуры, включающей замысел инициатора, смысл сообщения для инициатора, предметное содержание сообщения, смысл сообщения для реципиентов и эффект от него» [Барнет, 1985: 525].

Считается, что современная коммуникация характеризуется двумя противоположными тенденциями: во-первых, стремление к дифференциации отношений к различным коммуникативным партнерам и, во-вторых, стремление к нивелировке человеческой личности.

Первая тенденция связана со стратификацией общества, что в языковом плане находит отражение в стремлении коммуникантов передать дифференцированные отношения с помощью языковых форм, высказав в этих формах те нюансы взаимоотношений, которые кажутся важными для данного коммуникативного акта, и, в первую очередь, отразить определенными элементами высказывания личность адресата и отношение к нему адресанта.

Коммуникативная ситуация, являясь специфической формой координированной активности как минимум двух коммуникантов, реализуется в высказывании, в котором адресант сигнализирует адресату, что связывает с ним определенные надежды: во-первых, надеется, что адресат поймет его коммуникативную цель; во-вторых, надеется, что адресат, поняв коммуникативную цель адресанта, осуществит то, что «предписывалось» целью высказывания, или сделает что-то, что можно считать оправданием

или объяснением неосуществления цели адресатом.

В высказывании адресант не просто сообщает адресату определенное содержание, но и одновременно стремится проинтерпретировать его. Поэтому важно владеть не только правилами порождения грамматически правильных предложений, «необходимо адекватно задачам общения строить свое воздействие на собеседника и в соответствии с этим, т. е. уместно, употреблять речевые высказывания» [Общение 1989: 15]. Способность коммуникантов адекватно задачам общения организовать свое неречевое и речевое поведение и есть коммуникативная способность.

Е.В. Милосердова называет эту тенденцию психологически зависимой, гоноративной, т. е. обусловленной выражением вежливости, и не сомневается, что она связана с усложняющимся миром современного человека, с его стремлением к более полному самораскрытию, с теми рефлексиями, которые выступают как глубокое взаимоотражение внутреннего мира партнера по коммуникации, когда одновременно в нем отражается и внутренний мир первого «исследователя» [Милосердова 1991: 110].

Вторая тенденция характеризуется тем, что растет стремление к нивелировке человеческой личности, к подведению ее под определенный, усредненный стандарт, к стиранию «лица необщего выражения». Очень метко выразил это Р. Быков: «Я, как конкретный человек, с именем и фамилией, все больше и больше чувствую себя поставленным «за скобки». Наиболее значительную часть суток я не имею ни имени, ни фамилии, ни своих склонностей, ни своего лица. Я – всё что угодно, только не конкретный человек, я существую как понятие, не больше: квартиросъемщик, жилец, сосед, прохожий, проезжий, человек, сидящий напротив. Я посетитель, покупатель, сослуживец, член кассы взаимопомощи. Я клиент, абитуриент, пациент, потребитель, провожающий, отъезжающий...» [Юность. 1985. № 9. С. 97].

В отличие от первой, эта тенденция социально обусловлена. Но обе существуют параллельно, взаимодополняя, усиливая и оттеняя друг друга.

Коммуникативный акт протекает в обстоятельствах, определенных

физическими, социально-культурными и лингвистическими факторами. К физическим факторам относят специфику номинации, обусловленную приоритетами общества, к лингвистическим факторам – переключение языков в многоязычной среде, к социокультурным факторам – поддержание контакта между коммуникантами и установление того или иного типа социальных отношений между ними. Социокультурные параметры языкового поведения описываются в терминах а) вежливости и уважения, б) солидарности, в) престижа и порицания. Вежливость и уважение рассматриваются как аспекты социальной дистанции между адресантом и адресатом.

В процессе общения говорящий должен исходить из определенного набора вероятностных оценок возможного ответного поведения партнеров. Эти ожидания и вероятностные оценки, используемые каждым субъектом, «в общих пределах задаются общественными установками и представляют собой их отражение в индивидуальном опыте человека» [Гусев 1985: 77].

П. Вацлавик [Вацлавик 2000] и его коллеги обращают внимание на тот факт, что коммуницирующие субъекты нуждаются в определенном указании на то, как поступать с получаемой в процессе взаимодействия информацией – адресат всегда ориентирован на то, какую «опцию» включает адресант, т. е. что он преследует с помощью отправляемого сообщения. При этом не имеет никакого значения то, какими средствами данное сообщение было оформлено – вербальными или невербальными, ведь и отказ от участия в коммуникации, выраженный простым молчанием, информативен как в денотативном, так и , при соответствующей пропозиции, в коннотативном плане. Т. е. метакоммуникативным должно быть наше знание об отношении коммуниканта отправителя к содержанию сообщения – его интерактивной интенции.

При создании коммуникативной ситуации адресант отражает определенную область языкового и внутриязыкового содержания, которая обеспечивается его знаниями (и незнаниями) о реальной и / или воображаемой действительности. С.Д. Кацнельсон предполагает, что речевая ситуация предстает в виде события, составляющими которого являются

воспринимающий событие субъект, само событие, «составляющий центр, или фокус, события объект», другие участники речевой ситуации, фоновая ситуация наглядно-чувственного характера [Кацнельсон 2001: 382].

В социолингвистической модели В.И. Карасика в структуре коммуникативной ситуации на первый план выдвигаются фигуры участников коммуникативного акта (с их ролевыми и индивидуальными характеристиками) и условия общения, которые дифференцируются на внутренние (цели общения, средства общения) и внешние (время и место, наблюдатели) [Карасик 2002: 22-23]. Коммуникативный контекст, создаваемый в процессе общения, является основой реализации того или иного речевого акта. Тем самым речевой акт воспринимается как коммуникативно конкретизированная речевая ситуация в дискурсе.

Особенностью дискурсов является то, что они «не создаются и не воспринимаются в вакууме», а «являются неотъемлемой составляющей коммуникативных ситуаций». «Носители языка создают и модель той конкретной ситуации, участниками которой они являются по определению. В то время как ситуационные модели можно назвать семантическими, так называемые контекстные модели являются прагматическими и социальными. Они необходимы ... для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, а также обеспечить должное внимание общепризнанным или ситуативно обусловленным характеристикам участников коммуникации, таким как статус или социальная роль. Эти условия необходимы также для того, чтобы приписать дискурсу прагматическую интерпретацию, т. е. определить, какой речевой акт при этом осуществляется: угроза, утверждение или просьба» [Дейк 1989: 95].

В теории общения выделяет десять параметров коммуникации:

1) виды речи: естественная речь (спонтанная либо подготовленная) и «неестественная» речь (фиктивная, либо вымышленная, либо инсценированная),

2) ситуационные (пространственно-временные) характеристики речи:

контактная речь (беседа лицом к лицу) и дистантная речь (беседа по телефону),

3) количественные характеристики партнеров речи: межличностное общение в диаде и в группе (малой и большой группе),

4) степень открытости: приватное, относительно открытое и полностью открытое для других общение,

5) социальные отношения между партнерами общения: симметричные и асимметричные (неравенство обусловлено либо антропологическими, либо социокультурными, либо предметно-ситуативными факторами),

6) жанровые характеристики речи: директив, нарратив, дискурсив,

7) степень знакомства партнеров: близость, дружеское знакомство, поверхностное знакомство, отсутствие знакомства,

8) степень подготовленности партнеров к беседе: неподготовленная, незначительно подготовленная, специально подготовленная беседа,

9) степень определенности темы беседы: отсутствие определенной темы, общее направление темы, специализация темы,

10) отношение между общением и условиями общения: в большей и меньшей мере обусловленное обстоятельствами общения [см.: Henne, Rehbock 1982: 32-33].

Схема Х. Хенне и Х. Ребока уточняется в других исследованиях, в частности, выделяются такие параметры, как число речевых ходов, меняющих тему беседы (большее или меньшее), способ изменения темы (намеренное либо естественное, исходящее из содержания беседы изменение темы), соотношение между участниками и активными участниками общения (совпадение или несовпадение коммуникативной роли участника и говорящего) [см.: Cremer 1989].

Параметры коммуникации, по мнению Й. Крауса, отражены в трех типах стилеобразующих факторов – объективных, субъективных и внешних. Объективные стилеобразующие факторы связаны с компонентами речевой ситуации и проявляются в следующих показателях стиля:

1) речевая функция как цель общения (поэтический стиль –

эстетическая функция, разговорный стиль – фатическая функция, ораторский стиль – функция воздействия и т. д.),

2) форма речи (устная или письменная речь, чтение вслух или про себя и т.д.),

3) степень спонтанности и подготовленности речи,

4) показатели приватности или официальности общения,

5) число и взаиморасположение участников общения, действительных и потенциальных,

6) непрерывность и прерывность речевого акта (диалог или монолог, возможность смены коммуникативных ролей между участниками общения),

7) прямой контакт или опосредованное общение, например, с использованием телефона, микрофона и т. д.,

8) отражение обстановки общения в тексте (общение за круглым столом переговоров, на театральной сцене, с трибуны и т. д.).

Субъективные стилеобразующие факторы отражают персональные характеристики партнеров по коммуникации и проявляются в следующих показателях стиля:

1) социальный статус, роль, пол и возраст коммуникантов,

2) их жизненный опыт, образование,

3) их психологические характеристики, темперамент, способности, языковые и коммуникативные умения, вежливость,

4) авторские интенции и реализация этих интенций в интерпретации адресата,

5) отношение участников общения к теме разговора (серьезное, юмористическое, ироничное, презрительное и т. д.),

6) восприятие коммуникантами мира сквозь призму идеологии (реальный или ожидаемый мир).

Внешние стилеобразующие факторы включают, с одной стороны, культурный уровень общества, традицию жанровых форм, социальный, идеологический и культурный аспект общения и, с другой стороны,

технические возможности общения (частное письмо, массовая коммуникация, телевизионная передача) [см.: Kraus 1987: 86-87].

К.А. Долинин выделяет четыре группы признаков, с помощью которых можно охарактеризовать как содержание и структуру любого сообщения, так и основные параметры коммуникативной ситуации, определяющие его свойства:

1) признаки, связанные с адресантом: а) конкретное лицо / группа, б) личность / носитель роли;

2) признаки, связанные с адресатом и характером восприятия сообщения: а) определенная / неопределенная адресованность, б) установка на актуальное / долговременное использование сообщения, в) практическая направленность сообщения / отсутствие такой направленности, г) предписывающий / непредписывающий характер сообщения;

3) признаки, связанные с каналом связи и внешними условиями общения: а) устная / письменная форма реализации, б) диалогичность / монологичность, в) контактность / дистантность общения, г) многоканальность / одноканальность общения, д) одновременность / разновременность отправления и восприятия сообщения;

4) признаки, связанные с самим сообщением: а) конкретность / абстрактность содержания, б) представляющий / аргументативный характер сообщения, в) предметно-пространственный / событийно-темпоральный характер содержания, г) реальность / фиктивность референтного пространства, д) отсутствие / наличие фиксированной тематики и жесткой схемы построения, е) отсутствие / наличие внутренней содержательной структуры, ж) незаданность / заданность по объему, з) спонтанность / неспонтанность порождения, и) эмоциональность / неэмоциональность сообщения, к) фигуративность / нефигуративность сообщения [Долинин 1989: 25-26].

Т. о., коммуникативная ситуация определяется как многогранное явление, включающее в себя различные аспекты человеческой деятельности и отражающее их в речевой практике.

1.2. Интеррогативная ситуация и ее основные составляющие

1.2.1. Общая характеристика интеррогативной ситуации

Интеррогативная ситуация (ИС), являясь составной частью всеобщей коммуникативной ситуации, характеризуется тем, что адресант желает получить неизвестную информацию, подтвердить или уточнить известную у адресата при помощи специальных вопросительных средств. Как замечает Л. Теньер, мыслительную установку вопроса составляют «неопределенность выбора между двумя альтернативными решениями и испытываемая сознанием говорящего потребность выйти из этой неопределенности» [Теньер 1988: 206].

ИС предполагает взаимодействие прагматических, семантических и синтаксических компонентов при построении вопросительного высказывания, т. е. образуются определенные условия, или пресуппозиции (прагматические и семантические), для построения пропозиции вопросительного высказывания, функционирующего в ИС.

На прагматическом уровне задаются параметры ИС: набор тем, определенные личностные факторы или «фиксированные установки языковых личностей» [Сухих 1998] – участников ИС и социума, в котором происходит общение, осуществляются намерения коммуникантов, определяются типы социальных сфер, на основе которых на когнитивном уровне, т. е. на уровне понимания и порождения речи, в сознании участников общения идет выбор пресуппозиций, формирующихся при моделировании интенции говорящего и каждого из перечисленных прагматических параметров интеррогативной ситуации.

Прагматический уровень, главенствующий в иерархии уровней языковой личности, субъективен и поэтому наиболее подвержен индивидуализации. Это создает определенные трудности при систематизации. Единицами этого уровня являются деятельностно-коммуникативные потребности, а его отношениями – отношения на коммуникативной оси, т. е. в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Прагматический уровень включает в себе цели, мотивы, интересы, творческие потенции человека, его устремления, установки, оценки, проявляющиеся в речевой деятельности. Единицами прагматикона являются представления о цели и смысле жизни; мотивы; прецедентные феномены; разговорные интонации изложения; немотивированность переходов от внутренней речи персонажей к внешней и затем к авторскому тексту; приемы аргументации в дискурсе персонажей; формы ритуального обращения; различного рода языковые игры и т. д. [См.: Денисенко 2006: 7].

Для успешного осуществления речевого акта, по мнению Дж. Р. Сёрля [Сёрль 1986], необходимо соответствовать четырем основным условиям:

- 1) условие пропозиционального содержания;
- 2) предварительные условия;
- 3) условие искренности;
- 4) существенное условие, или условие назначения.

Высказывание, в котором не реализуется хотя бы одно условие, получило название косвенного речевого акта. Многие лингвисты отмечают широкую употребительность косвенных речевых актов, что обусловлено «целым рядом факторов и в первую очередь спецификой межличностных отношений и теми социальными ролями, в которых находятся коммуниканты» [Корнеева 1998: 103].

Р. Конрад, опирающийся на теорию, включающую язык в сферу человеческой деятельности вообще и рассматривающий речевое поведение в более широком, в том числе и неязыковом контексте, отмечает несколько принципиальных моментов, связанных с реализацией прямого или косвенного речевого акта:

«1. ...для каждого речевого акта существуют особые ситуативные условия успешности, которые должны считаться выполненными, если предложение употребляется как речевой акт в соответствии с некоторой своей основной функцией. Если это соблюдается, то возникает согласование между значением предложения и соответствующими ситуативными

условиями успешности. Применительно к вопросительному предложению это означает, что его основная функция... – выражение вопроса, или, в терминах теории речевых актов, осуществление эротетического речевого акта. Это – его стандартное значение, жестко закрепленное за ним в языковой системе и не допускающее на уровне языковой системы никаких замен на другие значения. Вопросительное предложение в том случае употребляется со своей функцией, если оно употребляется в ситуации вопроса...

2. Если при употреблении вопросительного предложения условия успешности для вопросительной ситуации выполнены не полностью или их действие блокируется ввиду наличия условия успешности для какого-то другого речевого акта (возможно, тесно связанного с вопросительной ситуацией), то возникает неинтеррогативная интерпретация предложения, так как в этом случае имеет место употребление предложения не в соответствии (или в неполном соответствии) с его основной функцией. При этом вид и степень рассогласованности между семантикой вопросительного предложения и ситуацией могут быть различными; они, однако, не являются полностью произвольными.

3. В случае косвенного употребления вопросительного предложения значение вопроса обязательно сохраняется, а осмысление предложения в качестве косвенного речевого акта происходит на другом уровне.

4. Решающим фактором косвенного осмысления вопросительного предложения является наличие типичных «схем поведения», очевидных и естественных для говорящего и слушающего в некоторой заранее заданной иерархии целей. За ситуацией, в которой произносится вопросительное предложение, обычно следует некоторая просьба, которая непосредственно связана с одним из возможных ожидаемых ответов на заданный вопрос. Эта связь, как правило, очевидна для обоих участников диалога, имеющих общую стратегию поведения (в том числе и речевого), и играет важную роль в процессе практического вывода, ведущего к косвенному осмыслению вопросительного предложения».

Т.о., источником косвенного употребления вопросительного предложения Р. Конрад считает «последовательность нескольких речевых ситуаций, предполагающую определенную заключительную реакцию» [Конрад 1985: 355-357].

Категориальную ситуацию интеррогации характеризует признак неоднородности: она не является монолитной, а дифференцируется в зависимости от «положения дел», от той информации, на которую рассчитывает адресант, от того, что представляет собой адресат, т. е. инвариантное значение категории интеррогативности «запрос неизвестной информации» репрезентировано своими вариантами в конкретной речевой ситуации. Интеррогативную составляющую высказывания способна усилить или ослабить формальная структура категории, реализующая свои средства самостоятельно или в сочетании с другими лингвистическими и паралингвистическими средствами.

Как две полярные ипостаси коммуникативного пространства интеррогативной ситуации выделяется абсолютная и мнимая интеррогативность. Абсолютная интеррогативность – это такая ситуация интеррогации, когда у адресата не возникает сомнения, что адресант реализует запрос о какой-либо информации, и ему (адресату) необходимо ответить на этот вопрос. В вопросительном высказывании реализуется только запрос об информации, а не побуждение к действию:

За столом обе стороны выдерживали характер: женщины не задавали вопросов, а он ждал, чтоб они были заданы.

-Быстро ехали? – сухо спросила жена.

-Не слишком.

-И стоила того поездка?

-Надеюсь.

-А что в сумке?

-Театральный реквизит.

-Пригодилось?

-Вполне.

-Хороший спектакль сыграли?

-Надеюсь (М. Веллер. О любви).

В этом немногословном диалоге, представляющем собой классическое вопросо-ответное единство, адресант владеет каким-то количеством информации об определенном положении дел, но ему хочется знать больше, поэтому он (в данном случае – жена) задает уточняющие вопросы, выраженные в большинстве своем неполными конструкциями, так как коммуникантам нет нужды в вербальном обозначении пропозиции. Так же кратки и ответные реплики, содержащие информацию, не выходящую за рамки объема поставленных вопросов. О том, что в интеррогативных высказываниях реализуется собственно вопросительная функция свидетельствует и тот факт, что адресат не пытается перехватить инициативу, а «добросовестно» отвечает на поставленные вопросы.

Так же как и абсолютная интеррогативность, мнимая интеррогативность является вариантом интеррогативной ситуации. Ее суть состоит в том, что высказывание, формально представленное вопросительным предложением, выполняет функцию не только и не столько запроса информации, а имеет еще какой-то смысл. Этот смысл и оказывается доминирующим, а интеррогативное высказывание лишь форма выражения этого дополнительного значения. И адресантом, и адресатом данное высказывание оценивается не как вопросительное, а как аффирмативное (утвердительное) (1), отрицательное (2), побудительное (3) и т. п.:

1) *Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (Л.Н. Толстой. Детство, XV).*

Сам по себе риторический вопрос имеет повествовательное значение, а наличие в его структуре отрицательной частицы придает высказыванию аффирмативное значение.

2) *-Ноблесс облиз, – заметил кот и налил Маргарите какой-то прозрачной жидкости в лафитный стакан.*

-Это водка? – слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

-Помилуйте, королева, – прохрипел он, – разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 24).

Вопросительное по форме предложение «*Помилуйте, королева, разве я позволил бы себе налить даме водки?*» по своему значению является отрицательным «*Я не позволяю себе наливать даме водку*» и ко всему прочему имеет ярко выраженную эмоциональную окраску.

3) *-Ах ты, господи, что за ребенок, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! – говорила нянька (И.А. Гончаров. Обломов, 1, IX).*

Предложение «*Да посидишь ли ты смирно, сударь?*» не относится к интеррогативному высказыванию, а выражает значение смягченного требования от адресата вести себя спокойно. Форма вопросительного высказывания своеобразный этикетный штамп, а не коим образом не собственно вопросительное высказывание, обозначающее желание узнать о физических возможностях ребенка.

Подобные случаи проявляют себя там, где речевая ситуация интеррогации не укладывается в узкие рамки запроса информации, а взаимодействует с другими типовыми смыслами: просьба, утверждение, оценка и т. д. Ситуация мнимой интеррогации наблюдается и тогда, когда человек обращается сам к себе: внутренняя речь (ВР), монологическая речь (подробно реализация интеррогативного значения в ВР и монологе, а также взаимодействие категории интеррогативности с другими языковыми категориями будут рассмотрены в 3 главе нашего исследования). Например:

Он (Пьер – А..Л.) каждый день говорил себе одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь? Нет, она не глупа; нет, она прекрасная девушка! –

говорил он сам себе иногда. – Никогда ни в чем она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупого. Она мало говорит, но то, что она скажет, всегда просто и ясно. Так она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Так она не дурная женщина!» (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, II).

Другим признаком, указывающим на неоднородность интеррогативной ситуации, является ее характеристика с точки зрения статичности / динамичности коммуникативных ролей участников речевого акта.

Статичность интеррогативной ситуации проявляется в ее односторонности, при которой адресант и адресат не меняют своих коммуникативных ролей, тогда как динамичность предполагает смену этих ролей, т. е. становится двусторонней. К односторонней интеррогативной ситуации относятся ситуации допроса и экзамена, а двустороннюю представляют бытовой диалог, полемика и т. п.).

В качестве типичного случая односторонней ИС рассмотрим ситуацию допроса, а для более объективного ее описания привлечем к анализу два текстовых фрагмента:

1) Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонка в пестрядинной рубахе и латаных портах...

-Денис Григорьев! – начинает следователь. – Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на сто сорок первой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

-Чаво?

-Так ли все это было, как объясняет Акинфов?

-Знамо, было.

-Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

-Чаво?

-Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты

отвинчивал гайку?

-Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, – хрипит Денис, косясь на потолок.

-Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

-Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

-Кто это – мы?

-Мы, народ... Климовские мужики то есть (А.П. Чехов. Злоумышленник).

2) Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

Прозвучал тусклый, больной голос:

-Имя?

-Моё? – торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность ответить толково, не вызывая более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

-Моё – мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

-Иешуа, – поспешно ответил арестант.

-Прозвище есть?

-Га-Ноцри.

-Откуда ты родом?

-Из города Гамалы, – ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

-Кто ты по крови?

-Я точно не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

-Где живешь постоянно?

-У меня нет постоянного жилища, – застенчиво ответил арестант, – я путешествую из города в город.

-Это можно выразить короче, одним словом – бродяга, – сказал прокуратор и спросил: – Родные есть?

-Нет никого. Я один в мире.

-Знаешь ли грамоту?

-Да... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

В обоих случаях ситуация допроса целиком и полностью подчинена коммуникативному намерению адресанта, т. е. допрашивающего. Это проявляется и в том, что только он задает вопросы, и в том, что всячески пресекает попытки со стороны допрашиваемого изменить коммуникативный статус, который заранее определен в соответствии с социальным (и юридическим) статусом в пределах конкретной внеязыковой ситуации. Эти попытки совершаются в начале допроса, демонстрируя вполне естественное желание адресата быть равноправным участником коммуникативного акта, что характерно для двусторонней ситуации интеррогации, и реализуются в обоих случаях в виде вопросов-уточнений: «*Чаво?*» и «*Моё?*». Неравноправность коммуникантов подчеркивается и их пространственным расположением: оба допрашиваемых стоят перед допрашивающими и не имеют права изменить это положение без особого на то разрешения.

Допрос может быть представлен не только собственно диалогической конструкцией с явной отнесенностью реплики определенному коммуниканту, но и передаваться каким-то третьим лицом, до этого бывшим только свидетелем допроса. Однако при этом сохраняется четкое деление на коммуникативные роли:

«...А ведите меня, говорит, в такую-то часть, во всем повинюсь». Ну его с надлежащими онерами и представили в такую-то часть, сюда то есть. Ну то, се, кто, как, сколько лет – «двадцать два» – и прочее, и прочее. Вопрос: «Как работали с Митреем, не видали ль кого по лестнице, вот в таком-то и таком-то часу?» Ответ: «Известно, проходили, может, люди какие, да нам не в примету». – «А не слыхал ли чего, шуму какого и прочего?» – «Ничего не слыхали такого особенного». – «А было ль известно тебе, Микола, в тот самый день, что такую-то вдову в такой-то день и час с сестрой ее убили и ограбили» – «Знать не знаю, ведать не

ведаю...» (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, IV).

Как видно из данного фрагмента, структура вопроса сохраняется полностью, однако в отличие от «первообразного» диалога, структура «производного» характеризуется некоторыми нюансами. В первую очередь, это относится к формальному определению реплик как вопроса или как ответа, что выражено в лексемах «вопрос» и «ответ». Другой особенностью является неупоминание некоторых конкретных фактов, которые в данном случае известны тем, для кого пересказывается содержание вопроса (*в тот самый день, такую-то вдову, в такой день и час*).

В случае ситуации экзамена адресант (экзаменатор) своей целью преследует выяснение уровня знания адресата (экзаменуемого), а не какой-то новой для себя информации: «задавая «учительский» вопрос, говорящий сам знает правильный ответ и хочет проверить, знает ли его адресат речи» [Булыгина, Шмелев 1997: 257]. Экзамен – это вид игры, где правила известны, роли распределены заранее в соответствии с мотивами участников, а экзаменационные вопросы воспринимаются как «нормальные» вопросы.

Т.о., если считать вопросы директивами, то становится в сущности не важно, зачем воспроизводящему нужна запрашиваемая им информация. Чаще всего она бывает нужна для пополнения своих знаний, но она может быть нужна и потому, что адресант хочет сверить знания адресата со своими (экзаменационные вопросы), уличить его во лжи (допрос), проверить состояние его психики (вопросы психиатра), услышать, как он говорит (вопрос диалектолога), или просто услышать его голос (вопрос фатический)» (Йокояма 2005: 159-160).

В.И. Карасик, анализируя прагматическую теорию вопроса Э. Гуди, отмечает, что «ось «уважение – контроль» выражает статусные отношения. Не случайно к полюсу контроля примыкают институциональные типы вопросов: вопросы на экзамене и в суде. Право задавать такие вопросы принадлежит лицам с закрепленным общественным статусом вышестоящего по отношению к нижестоящему (преподаватель – студент, судебный чиновник или

представитель власти – ответчик или пленный)» [Карасик 1992: 142].

Полемика представляет наиболее типичный случай двусторонней интеррогативной ситуации:

За обедом зашел разговор о женитьбе Пьера.

-Я очень удивился, когда услышал об этом, – сказал князь Андрей.

Пьер покраснел так же, как он краснел всегда при этом, и торопливо сказал:

-Я вам расскажу когда-нибудь, как это все случилось. Но вы знаете, что все это кончено, и навсегда.

-Навсегда? – сказал князь Андрей. – Навсегда ничего не бывает.

-Но вы знаете, как это все кончилось? Слышали про дуэль?

-Да, ты прошел и через это.

-Одно, за что я благодарю бога, это за то, что я не убил этого человека, – сказал Пьер.

-Отчего же? – сказал князь Андрей. – Убить злую собаку очень даже хорошо.

-Нет, убить человека нехорошо, несправедливо...

-Отчего же несправедливо? – повторил князь Андрей. – То, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям...

-Несправедливо то, что есть зло для другого человека, – сказал Пьер...

-А кто тебе сказал, что такое зло для другого человека? – спросил он.

-Зло? Зло? – сказал Пьер. – Мы все знаем, что такое зло для себя.

-Да, мы знаем, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сделать другому человеку...

-А любовь к ближнему, а самопожертвование? – заговорил Пьер. – Нет, я с вами не могу согласиться!..

Князь Андрей молча глядел на Пьера и насмешливо улыбался (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 2, XI).

Как видно из диалога, разговор Болконского и Безухова на личную тему «сворачивает» на достаточно острую социальную полемику, что

объясняется их мировоззрением. Эта острота подчеркивается последними словами Пьера. А двусторонность интеррогативной ситуации иллюстрируется постоянной сменой ролей коммуникантов: они попеременно выступают то в роли адресанта, то в роли адресата, и не последнюю роль в этом играют вопросительные предложения.

Некоторые исследователи считают, что область употребления вопросительного предложения должна быть определена следующими случаями:

1. Вопросительное высказывание должно участвовать в контексте речевого акта, который порождает определенное (чаще речевое) действие со стороны адресата.

2. Вопросительное высказывание используется в случае, когда без него невозможно было бы побудить адресата к выдаче необходимой информации.

3. Вопросительное высказывание следует произносить, если говорящий действительно хочет знать ответ.

4. Вопросительное высказывание произносится, если говорящий рассчитывает или подозревает о возможности получения ответа.

5. Вопросительное высказывание должно быть построено в форме предложения, на которое адресат способен дать ответ, т. е. не содержать большое количество неясных слов и словосочетаний [см.: Балашова 2006].

На наш взгляд, приведенные правила не совсем корректны и далеко не полны. За порогом их применения остаются такие значительные пласты речевой реализации вопросительных предложений, как монологическая и внутренняя речь. Между тем их доля как в сфере художественной литературы, так и в повседневной практике достаточно значительна.

С другой стороны, все условия правила должны, по крайней мере, не противоречить друг другу, т. е. представляется возможным применение всех условий к одному интеррогативному акту (например, условия 3-4).

Что касается выполнения условия 5, то, по нашему мнению, речевой интеррогативный акт в принципе не может состояться, если хотя бы одно

слово в вопросительном высказывании неизвестно или непонятно адресату. Если подобное слово все-таки было употреблено адресантом, то на полюсах коммуникативной оси он меняется своим местом с адресатом, и тот задает вопрос, необходимый для уточнения смысла того вопроса, который был ранее задан ему. И лишь когда семантика неизвестных компонентов вопросительной конструкции будет выявлена, адресат может ответить адресанту.

1.2.2. Целевая установка в интеррогативной ситуации

В создании и реализации коммуникативной ситуации, в первую очередь, интеррогативной, важную роль играет целевая установка коммуникантов.

В «Тезисах Пражского лингвистического кружка» находим: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-либо цели. Важным фактором для подразделения речевой деятельности служат взаимоотношения говорящих, находящихся в языковом контакте: степень их социальной, профессиональной, территориальной и родственной связи, их принадлежность к нескольким коллективам» [Пражский... 1967: 17].

А.Н. Леонтьев отмечает, что речевая деятельность представляет собой «процесс, направляемый и побуждаемый мотивом – тем, в чем «опредмечена» та или иная потребность. Потребность – это всегда потребность в чем-то. До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он должен быть обнаружен. Только после этого «предмет» приобретает свою побудительную силу, то есть становится

мотивом» [Леонтьев 1982: 71-81].

Категория цели является центральной категорией фиксации функциональных взаимосвязей. «Предпосылка целенаправленности коммуникативно-языкового действия и дифференцирующих социальных коммуникативных отношений прежде всего дает возможность с самого начала рассматривать ситуативность коммуникативно-языкового действия как существенный фактор, понимать эту ситуативность не как «преходящую помеху», как вторичный, выводимый факт...» [Общение 1989: 72].

Ситуативность отражается в конечных целях и целях взаимодействия коммуникантов, принимающих решение о способах и условиях реализации коммуникативных намерений.

Т. о., цель – это «мысленно усмотренное будущее состояние», «относительно конечная точка развития», однозначно выбранная и зафиксированная в поле объективных возможностей человека на основе решения, и достигаемая «в результате активной деятельности людей» [Общение 1989: 73]. При этом важно, что цели являются «а) антипацией будущих состояний; б) антипацией преднамеренных и желательных состояний; в) возникают в рамках закономерно детерминированных, объективных, коллективных запросов и их осуществления, из которых вытекают определенные объективные требования; подлежат (с этими запросами и требованиями) также изменению; г) возникают в результате творческой, но не произвольной активности, как результат вероятности выбора из множества реальных возможностей» [Общение 1989: 73-74].

Достижение цели есть результат воздействия в коммуникативной ситуации на сознание адресата и непосредственно связано с целевой установкой адресанта, субъекта речевого воздействия, который регулирует деятельность своего собеседника, т. е. побуждает его совершить какую-либо деятельность.

Целевые установки влияют на принятие адресатом решений или на его представления о мире и неодинаковы в своей иерархической системе,

строящейся на основе ролевых функций коммуникантов, которые составляют основное содержание социальной роли, т. е. неязыковой действительности. Цель этой деятельности подчиняет себе цель коммуникативного акта. Адресант, замысливая речевое действие, в первую очередь соотносит его с социальной ролью, с той целью, к которой он стремится, реализуя свою ролевую функцию. Эта цель определяет тактику и стратегию речевого взаимодействия в каждом конкретном речевом акте.

Г.Н. Бубнова представляет целевую структуру коммуникативного акта в виде трехуровневого построения, «в котором на высшем уровне иерархии располагается прагматическая цель (установка), непосредственно соотнесенная с деятельностью более высокого порядка по отношению к коммуникативным актам» [Бубнова 1991: 11]. Именно она предопределяет присущий коммуникативному акту соответствующий иерархический порядок функций, принимающих форму коммуникативных установок, которые, отражая индивидуальное «видение» субъектом речи предметной ситуации, его оценку характера речевого взаимодействия, обуславливают структуру сообщения в целом.

Т.В. Шмелева на основе коммуникативной цели выделяет следующие типы речевых жанров (или речевых актов):

1) Информативные (их цель – различные операции с информацией, ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение).

2) Императивные (их цель – вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-либо из участников общения).

3) Этикетные (их цель – осуществить особое событие, поступок в социальной сфере, предусмотренный этикетом данного социума).

4) Оценочные (их цель – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей) [Шмелева 1997: 91-92].

Являясь начальным компонентом, интеррогативное высказывание

структурирует информативный тип речевого акта, определяя направление поиска информации, её объем и семантику.

В интеррогативной ситуации реализуются различные качественные характеристики целей. С одной стороны, различают фундаментальные и инициальные цели, определяющиеся в результате формулировки вопроса «зачем?» к соответствующему коммуникативному процессу. Они не только начинают целые коммуникативные события, но и регулируют их протекание, детерминируют комплексные действия коммуникантов и в результате этого макроструктуру диалогов. «Такие фундаментальные (инициальные) цели обладают также институционно-ситуативными, т. е. зависимыми от условий компонентами, но не являются идентичными общим целям типа «потребовать», «сообщать», «призывать». Такими фундаментальными (инициальными) целями могли бы стать «уяснение научной проблемы» (но не просто «уяснение проблемы»), выяснение маршрута (но не просто «получение информации») и т. п.» [Общение 1989: 75].

Различные частичные цели проявляются в диалоге по причине разных оценок положения дел коммуникативными партнерами, считающими, что общая цель наилучшим образом может быть достигнута различными путями.

Любая коммуникативная ситуация преследует цели, которые достаточно условно можно представить в виде следующей классификации [Щепкина 2001: 125]:

- а) цель получить / подтвердить / уточнить информацию о:
 - ситуации в целом;
 - отдельной стороне положения дел: факте, деятеле, носителе состояния, признаке, обстоятельствах;
 - соответствии или несоответствии действительности;
- б) цель спровоцировать получение информации, основанной на возможности одного из коммуникантов высказаться;
- в) цель активизировать коммуникативного партнера;
- г) цель способствовать продолжению коммуникативного акта;

- д) цель выиграть время для обдумывания аргументов;
- е) цель управлять разговором: кто спрашивает, тот и ведет разговор;
- ж) цель заблокировать мыслительный поток оппонента и направить в другом направлении;
- з) цель более образно и доходчиво изложить мысли.

Данная классификация представлена двумя видами целей: целями, присущими только интеррогативному акту (интеррогативные цели), и целями, которые наблюдаемы в любом типе речевого акта (общекоммуникативные цели). К первому виду относятся цели **а** и **б**, так как только в этом случае реализуется не осложненная никакими другими значениями сема интеррогативности (вопросительности). Вполне естественно, что в коммуникативном акте реализуется сразу несколько интенций говорящего. Например, интеррогативный акт преследует не только цель запроса информации о ситуации, но и способствует активизации адресата, что ведет за собой продолжение речевого общения или реализации какого-то действия:

-Скоро ли вы? – послышался голос графини. – Уж десять сейчас.

-Сейчас, сейчас. А вы готовы, мама?

-Только току приколоть.

-Не делайте без меня, – крикнула Наташа, – вы не сумеете!

-Да уж десять.

На бале решено было быть в половине одиннадцатого, а надо было еще Наташе одеться и заехать к Таврическому саду (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XVI).

Вопрос графини Ростовой преследует цель не столько узнать о временном отрезке совершаемого действия, хотя и это в нем выражено, сколько активизировать объект речи. Активизирующая цель интеррогативного высказывания подчеркивается сопоставлением факта готовности персонажей (*Только току приколоть*), временем, в котором они находятся (*Уж десять сейчас*), и временем, в котором им необходимо будет

находиться (*На бале решено было быть в половине одиннадцатого*).

Более сложными для анализа случаями являются диалогические ситуации, когда нет возможности исходить из идентичности целей партнеров или же когда цели изменяются в результате сближения в конфликтном диалоге, подлежащем более точному анализу. В этом случае возникает другая категория целей – контрцели, не подчиненные фундаментальной цели в той же мере, как собственно частичные цели, или даже противостоят ей. В такой ситуации возникают более сложные взаимоотношения между процессами целеобразования, отражающимися в структурах текста. Процессы образования частичных целей протекают в зависимости от предпосылок воздействия, сложившихся у партнеров, при этом цели могут не демонстрироваться. В этом случае можно даже прийти к идентичности частичных целей диалога, сохраняя в основном противоположные интересы.

В дискурсе вопросо-ответной ситуации адресант и адресат стремятся реализовать различные цели, которые мотивируются многими факторами. Определяющим моментом является та внеязыковая действительность, положение дел, ситуация, на фоне которой протекает диалог и на которую ориентируется каждый из коммуникантов.

Примером такого случая может служить отрывок из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором приводится разговор в психиатрической клинике поэта Ивана Бездомного и врача клиники. При всей видимости вполне состоявшегося интеррогативного акта, каждый из коммуникантов преследует свои цели: Бездомный пытается доказать, что он не сумасшедший, а врач стремится определить степень заболевания поэта:

-Здравствуйте!

-Здорово, вредитель! – злобно и громко ответил Иван...

-Сколько вам лет?

-Подите вы все от меня к чертям, в самом деле! – грубо закричал Иван и отвернулся.

-Почему же вы сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь

неприятное?

-Мне двадцать три года, – возбужденно заговорил Иван, – и я подам жалобу на вас всех...

-А на что же вы хотите пожаловаться?

-На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом! – в гневе ответил Иван...

-А почему вас, собственно, доставили к нам? – спросил врач, внимательно выслушав обвинения Бездомного.

-Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!..

-Ага, – сказал врач, – почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?

-Консультанта я ловлю, – ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся.

-Какого консультанта?

-Вы Берлиоза знаете? – спросил Иван многозначительно.

-Это ... композитор?

Иван расстроился.

-Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор это однофамилец Миши Берлиоза!

Рюхину не хотелось ничего говорить, но пришлось объяснить.

-Секретарь МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших.

-Не ври ты, чего не знаешь! – рассердился на Рюхина Иван, – я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!

-Толкнул?

-Да причем здесь «толкнул»? – сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван, – такому и толкать не надо! Он заранее знал, что Берлиоз попадет под трамвай!

-А кто-нибудь, кроме вас, видел этого консультанта?

-То-то и беда, что только я и Берлиоз.

-Так. Какие же меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу? – тут врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидевшую за столом в сторонке. Та вынула лист и стала заполнять пустые места в графе.

-Меры вот такие. Взял я на кухне свечечку...

-Вот эту? – спросил врач...

-Эту самую, и ...

-А иконка зачем?

-Ну да, иконка... – Иван покраснел, – иконка-то больше всего и испугала, – он опять ткнул пальцем в сторону Рюхина, – но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается... и так его не поймаешь.

Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, б).

Поэт Бездомный с самого начала разговора возбужден и настроен агрессивно по отношению к своему собеседнику, так как видит в нем своего недоброжелателя. Его речь, изобилующая бранными словами (*вредитель; Подите вы все от меня к чертям; я подам жалобу на вас всех; Да черт их возьми, олухов*), подчеркивается авторскими ремарками (*злобно и громко ответил, грубо закричал, возбужденно заговорил, в гневе ответил*). Постепенно тональность разговора переходит в более спокойное русло. Врачу как более опытному коммуниканту, знающему, как добиться нужного результата, удается успокоить Ивана и «раскрыть» его. Об этом свидетельствует вторая половина диалога, когда агрессивно-возбужденное состояние Бездомного сменяется тревожным (*тревожно оглянулся*), и он рассказывает о случившемся и какое это произвело на него впечатление. Но если для Ивана случившееся – реальный факт, то для врача психиатрической больницы это же самое событие – из области мистики, поврежденного сознания коммуниканта, что свидетельствует, по мнению врачей, о достаточно серьезном психическом отклонении. Итог разговора – не в пользу

Ивана, он не сумел убедить своего визави в правдоподобности того положения дел, в котором оказался, и остается в больнице с диагнозом шизофрения.

Целевая установка, в плане ее реализации адресантом, может быть успешной или неуспешной. При успешном исходе адресат сигнализирует, что он понял коммуникативного партнера и готов заполнить его информационную лауну. Это, в первую очередь, проявляется в том, как он реагирует на интеррогативное высказывание: выдает необходимую информацию, отвечая на поставленный вопрос. Например:

-Доктор, – шепотом спросил потрясенный Рюхин, – он, значит, действительно болен?

-О да, – ответил врач.

-А что же это такое с ним? – робко спросил Рюхин.

Усталый врач поглядел на Рюхина и вяло ответил:

-Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации... случай, по-видимому, сложный... Шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...(М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 6).

В случае, когда адресат не желает играть по чужим правилам, цель не будет достигнута, а интеррогативная ситуация не найдет своего разрешения:

1) *-Вы кто такой будете, гражданин? – испуганно спросил Никанор Иванович.*

-Ба! Никанор Иванович, – заорал дребезжащим тенором неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием. Приветствие ничуть не обрадовало Никанора Ивановича.

-Я извиняюсь, – заговорил он подозрительно, – вы кто такой будете? Вы – лицо официальное?

-Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А

бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!

Рассуждение это ни в какой степени не удовлетворило председателя домоуправления (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 9).

2) -Хлеб да соль, – приветствовал Ларик и включил верхний свет, разом разрушив интим. – Валь, где ваза?

-У тебя что-то срочное? – нетерпеливо спросила она.

-А, вот она. – Снял с полки хрустальную вазу, сунул в нее букет и протянул Игорю: -Вы не были б так любезны налить воды? (М. Веллер. О любви).

В первом текстовом фрагменте адресант (председатель домоуправления) своим вопросом предпринимает попытку идентификации адресата, которой тот сопротивляется, переводя разговор в нужное для себя русло.

Во втором фрагменте оба персонажа пытаются играть роль адресанта. Это проявляется в том, что они задают вопросы, игнорируя вопросы другого. И если одному из них (Ларику) удастся достичь поставленной цели, то другой коммуникант (Валь) оказывается проигравшим в данной ситуации. Победа Ларика в интеррогативном поединке объясняется и тем фактором, что его коммуникативная и поведенческая позиции были тщательно отрепетированы заранее, тогда как для Вали такая ситуация оказалась спонтанной, и она не достигает своей цели, заявленной в интеррогативном высказывании.

Т.о., целевые установки в интеррогативном коммуникативном акте являются важнейшим стимулом реализации коммуникативных намерений. Иерархически неравноправные в общей структуре текстового пространства, они подчинены общей задаче и при реализации ее взаимодополняют друг друга.

1.2.3. Тематическая обусловленность как фактор реализации интеррогативной ситуации

Не менее важен для реализации интеррогативной ситуации фактор тематической обусловленности. Тема определяет круг языковых средств, которые в соответствии с коммуникативной ситуацией могут быть

употреблены в каждом конкретном случае в сокращенном или полном варианте. Именно знание обоими коммуникантами темы речевого контакта обеспечивает успешность коммуникации.

Зачастую тематическое развитие диалога не дано заранее, и адресант может вести разговор на любую возникшую у него по свободной ассоциации тему. Однако сделать это он может не в любой момент, а лишь подчиняясь определенным правилам. Эти правила не носят строго регламентированный характер, но их выполнение обеспечивает успешную смену темы. В частности, не принято вводить в каждом речевом ходе новую тему, оставляя прежнюю без обсуждения: «сменить тему говорящий может только после некоторого минимального обсуждения предшествующей... переходный момент наступает, когда реактивная иллокутивная сила непервого речевого хода, который обладает как инициативной, так и реактивной иллокутивными силами, начинает преобладать над его инициативной силой, или же та полностью отсутствует... Завершающий речевой ход, обладающий только реактивной силой, представляет собой оценку успешности завершенности всего речевого взаимодействия» [Микута 2000: 150-151].

Выбор темы в конкретном речевом акте достаточно ограничен. Это зависит от характера неречевой ситуации (эксплицитный или имплицитный контекст), социальной установки (достижение согласия / несогласия), ролевых отношений (равноправие / неравноправие коммуникантов). Тема формирует высказывание каждого участника интеррогативной ситуации в соответствии с их интенцией. Адресант «подбирает конфигурации определенных смыслов на основе вышеприведенных факторов ее ограничения, и, в качестве конечной фазы образования вопросительного высказывания, производит выбор синтаксической конструкции с определенными маркерами вопросительного значения» [Щепкина 2001: 124] (например, с вопросительными местоимениями, частицами или без таковых).

Являясь важными переменными в системе речевого общения, темы по степени своей релевантности бывают [см.: Сухих 1998(а): 11]:

-Нейтральные (о погоде, о событиях в культурной жизни и др.):

-*Пиво есть?* – *сиплым голосом осведомился Бездомный.*

-*Пиво привезут к вечеру,* – *ответила женщина.*

-*А что есть?* – *спросил Берлиоз.*

-*Абрикосовая, только теплая,* – *сказала женщина.*

-*Ну, давайте, давайте, давайте!* (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, I, I).

-Предметно-профессиональные, связанные с предметной компетенцией:

Звуков никаких не было слышно, но я почувствовал, что я здесь не один.

-*Есть ли здесь кто-нибудь?* – *спросил я негромко.*

-*Да,* – *ответил тихий голос, который показался мне знакомым.* – *Здесь есть я.*

-*Кто вы?*

-*Гениалиссимус,* – *просто ответил голос...*

-*Слушайте,* – *спросил я,* – *а вы случайно не буйный?*

-*Что вы имеете в виду?*

-*Я имею в виду, что, если у вас хоть капля разума сохранилась, не вздумайте на меня нападать. Я в совершенстве владею приемами карате, и любая попытка применить силу может очень дорого вам обойтись...*

Человек в темноте помолчал, обдумывая мои слова, а потом спросил:

-*Витя, это ты?*

Теперь помолчал я. А затем спросил:

-*Значит, ты утверждаешь, что ты – Гениалиссимус?*

-*Ну да,* – *сказал он,* – *Гениалиссимус. Или бывший Гениалиссимус.*

Я еще подумал и сказал:

-*Здравствуй, Леша. По-моему, нас с тобой совершенно справедливо упрятали в этот сумасшедший дом.*

-*Почему?* – *услышал я вопрос.*

-*Потому что то, что сейчас происходит в нашем воображении, в действительности случиться никак не могло.*

-*Почему?* – *спросил он опять.*

-Потому что сам твой вопрос говорит о твоей болезни... (В. Войнович. Москва 2042).

-Личностные, затрагивающие эмоциональные, рациональные, соматически, социальные сферы личности:

-Как вы полагаете? – с тонкой улыбкой говорила Вера. – Вы, князь, так пронизательны и так понимаете сразу характеры людей. Что вы думаете о Натали, может ли она быть постоянна в своих привязанностях, может ли она так, как другие женщины (Вера разумела себя), один раз полюбить человека и навсегда остаться ему верною? Это я считаю настоящей любовью. Как вы думаете, князь?

-Я слишком мало знаю вашу сестру, – отвечал князь Андрей с насмешливой улыбкой, под которой он хотел скрыть свое смущение, – чтоб мне решить такой тонкий вопрос; и потом я замечал, что чем менее нравится женщина, тем она бывает постояннее, – прибавил он и посмотрел на Пьера, подошедшего в это время к ним (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XXI).

Случаем неуспешности реализации интеррогативной ситуации является неожиданный сбой в теме высказывания, который нарушает целостность текста и свидетельствует либо об особой стратегии отправителя речи, актуализации подтекстовой информации:

1) *-Вы знаете ли, я ни разу не был у графа. Он меня не звал... Мне его жалко, как человека... Но что же делать?*

-И вы думаете, что Наполеон успеет переправить армию? – спросил Борис улыбаясь.

Пьер понял, что Борис хотел переменить разговор, и, соглашаясь с ним, начал излагать выгоды и невыгоды Булонского предприятия (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, XIII);

либо указывает на отсутствие стратегии:

2) *-Здравствуй, земляк, – отрывисто сказал Тарантьев, протягивая мохнатую руку к Обломову. – Что ты это лежишь по сю пору как колода?*

-Не подходи, не подходи: ты с холода! – говорил Обломов,

прикрываясь одеялом (И.А. Гончаров. Обломов, I, IV).

В примере (1) Борису «невыгодно» отвечать на вопрос Пьера, так как для него Безухов является конкурентом, и он переводит с одной темы разговора на другую. Л.Н. Толстой прямо указывает на то, что Пьеру понятна стратегия его визави и что он соглашается с правилами ведения диалога, установленными Борисом.

В примере (2) Обломов не знает, что сказать своему гостю, поэтому прикрывается не только одеялом, но и словами, свидетельствующими о затруднительности ситуации и невозможности правдиво ответить.

Как отмечает В.И. Карасик, пределом неконтролируемого речевого потока является разорванная речь, которая может включать «соскальзывания», не имеющие отношения к теме беседы, неадекватные фразы в ответах. На более тяжелой стадии заболевания переходит в так называемый «монолог» – не останавливаемый поток слов и выражений, в котором нельзя установить логическое содержание, и, наконец, приобретает форму шизофазии – стереотипного нанизывания слов, когда высказывания не облекаются в форму предложений. Разумеется, не всякое нарушение логики в тексте носит клинический характер» [Карасик 1992: 50]. Интеррогативная ситуация, претендующая на положительное осуществление коммуникативной установки, вынуждена не только учитывать определенные правила коммуникативного сотрудничества, но и подчиняться им в полной мере [об этом см. параграф 1.1.].

Как правило, неожиданное изменение темы диалога содержит имплицитную информацию. Например: «Что сегодня по телевизору?» – «У меня неприятности на работе». Ответ может быть истолкован следующим образом: то, что я говорю, важнее чем то, что говоришь ты.

Нередки случаи, когда адресант не представляет, к каким последствиям для него самого и собеседника может привести вполне безобидный вопрос. Примером такой ситуации может служить диалог между Зосей и Остапом Бендером из «Золотого тельца». Несмотря на достаточную протяженность,

приведем его полностью:

Остап сидел с Зосей на ступеньках музея древностей...

-Почему вы меня полюбили? – спросила Зося, трогая Остапа за руку.

-Вы нежная и удивительная, – ответил командор, – вы лучше всех на свете.

Долго и молча сидели они в черной тени музейных колонн, думая о своем маленьком счастье. Было тепло и темно, как между ладонями.

-Помните, я рассказывала вам о Корейко? – сказала вдруг Зося. – О том, который делал мне предложение.

-Да, – сказал Остап рассеянно.

*-Он очень забавный человек, – продолжала Зося. – **Помните, я вам рассказывала, как неожиданно он уехал?***

-Да, – сказал Остап более внимательно, – он очень забавный.

-Представьте себе, сегодня я получила от него письмо, очень забавное...

-Что? – воскликнул влюбленный, поднимаясь с места.

*-**Вы ревнуете?** – лукаво спросила Зося.*

-М-м, немножко. Что же вам пишет этот пошляк?

-Он вовсе не пошляк. Он просто очень несчастный и бедный человек. Садитесь, Остап. Почему вы встали? Серьезно, я его совсем не люблю. Он просит меня приехать к нему.

-Куда, куда приехать? – закричал Остап. – Где он?

-Нет, я вам не скажу. Вы ревнивец. Вы его еще убьете.

-Ну что вы, Зося! – осторожно сказал командор. – Просто любопытно узнать, где это люди устраиваются.

-О, он очень далеко! Пишет, что нашел очень выгодную службу, здесь ему мало платили. Он теперь на постройке Восточной Магистрالی.

-В каком месте?

-Честное слово, вы слишком любопытны! Нельзя быть таким Отелло!

-Ей-богу, Зося, вы меня смешите. Разве я похож на старого глупого мавра? Просто хотелось бы узнать, в какой части Восточной Магистрالی устраиваются люди.

-Я скажу, если вы хотите. Он работает табельщиком в Северном укладочном городке, – кротко сказала девушка, – но он только так называется – городок. На самом деле это поезд. Мне Александр Иванович очень интересно описал. Этот поезд укладывает рельсы. Понимаете? И по ним же движется. А навстречу ему, с юга, идет другой такой же городок. Скоро они встретятся. Тогда будет торжественная смычка. Все это в пустыне, он пишет, верблюды... Правда, интересно?

-Необыкновенно интересно, – сказал великий комбинатор, бегая под колоннами. – Знаете что, Зося, надо идти. Уже поздно. И холодно. И вообще идемте!

Он поднял Зосю со ступенек, вывел на площадь и здесь замялся.

-Вы разве меня не проводите домой? – тревожно спросила девушка.

-Что? – сказал Остап. – Ах, домой? Видите, я...

-Хорошо, – сухо молвила Зося, – до свиданья. И не приходите больше ко мне. Слышите?

Но великий комбинатор уже ничего не слышал. Только пробежав квартал, он остановился.

-Нежная и удивительная! – пробормотал он. Остап повернул назад, вслед за любимой. Минуты две он неся под черными деревьями. Потом снова остановился, снял капитанскую фуражку и затоптался на месте.

-Нет, это не Рио-де-Жанейро, – сказал он наконец.

Он сделал еще два колеблющихся шага, опять остановился, нахлобучил фуражку и, уже не рассуждая, помчался на постоянный двор.

В ту же ночь из ворот постоянного двора, бледно светя фарами, выехала «Антилопа»...

-Карнавал окончился! – крикнул командор, когда «Антилопа» со стуком проезжала под железнодорожным мостом. – Начинаются суровые будни.

А в комнате старого ребусника у букета засохших роз плакала нежная и удивительная (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, 2, XXIV).

В ходе диалога каждый из участников проходит несколько стадий

смены реакций (своего рода метаморфозы). Сначала Бендер думает о своем чувстве к девушке, поэтому и несколько рассеянно ведет себя, однако «тема всей его жизни» производит разительную метаморфозу: Остап из пассивного отвечающего становится активным спрашивающим: сначала *«сказал рассеянно»*, затем – *«сказал более внимательно»*, а после того, как понял, что может напасть на след Корейко – вовсе *«воскликнул, поднимаясь с места»*, *«закричал»*, *«сказал, бегая под колоннами»*. Его больше ничего не интересует, поэтому все вопросы, не связанные с Корейко, «проходят мимо него»: *«великий комбинатор уже ничего не слышал»*.

Меняется и коммуникативная роль Зоси. Выступая инициатором диалога, она задает вопрос с целью проверить чувства Бендера. Парадигма ее реплик как бы асимметрична парадигме реплик Бендера: *«сказала»* – *«лукаво спросила»* – *«тревожно спросила»* – *«сухо молвила»*.

Таким образом, тематическая составляющая прагматического аспекта интеррогативной ситуации определяет «канву» диалогического процесса. В то же время, тема не есть строго закрепленный компонент, она меняется в зависимости от складывающейся ситуации общения, т. к. на «игровом поле» диалога находятся участники, каждый из которых реализует свою тему.

1.3. Реализация интеррогативной ситуации в диалоге

Основной формой реализации интеррогативной ситуации является диалог, служащий передаче знаний, убеждению, обучению и побуждению людей к действию. Диалог пронизывает всю нашу жизнь, в нем и с его помощью мы реализуем важные и не очень социальные контакты, одной из разновидностей которого является речевой контакт, понимаемый как процесс непосредственного вербального взаимодействия, а диалог – как обобщенный продукт этого взаимодействия. И даже с развитием новых коммуниктивных технологий наше повседневное общение в большинстве своем состоит из «диалогического взаимодействия «лицом к лицу» – так называемых разговоров» [Иссерс 1999: 207].

Интеррогативность является одним из основных признаков диалогизма не только как феномена общения двух коммуникантов, но и как явления познания, культуры, бытия человека в мире текстов и коммуникаций. Трудно представить диалог, не несущий в себе хотя бы одной вопросительной реплики, т. к. от наличия в структуре диалога вопросов зависит его успех, само его осуществление. Вопросы выявляют проблемные ситуации, являющиеся таковыми не только для адресанта, но и для адресата. Это обуславливает наличие в вопросе предложений, основанных на некоторых исходных данных (известного, неизвестного, искомого и указаний на направленность мыслительного процесса).

Диалогическая коммуникация интеррогативного типа характеризуется «инкорпорированностью (вплетенностью) в структуру конкретного интерактивного пространства и подчиненностью структуре типового интерактивного пространства, обладая способностью определенным образом репрезентировать ее общую арматуру, ее составляющие и отношения между ними» [Рыжов 2003: 5].

Для осуществления диалога как первичной, естественной формы языкового общения и речевого взаимодействия необходимо соблюдение, как минимум, трех условий:

- наличие не менее двух участников общения – адресата и адресанта, которые в процессе речевого контакта обмениваются репликами, т.е. меняются ролями и каждый исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего;

- наличие у собеседников общей «апперцепционной базы / апперцирующей масс» (Р. Якубинский) и интенции или повода (темы) для общения;

- знание правил общения, принятых на данном языковом пространстве, владение репертуаром языковых и речевых средств, оформляющих конкретное высказывание [см.: Чаплыгина 2001: 96].

Однако даже соблюдение всех этих условий изначально не гарантирует

успешного общения. Ярким примером такого случая может служить разговор Пьера Безухова и Андрея Болконского (Л.Н. Толстой. Война и мир, т. 2, ч. 2, гл. XI), растянувшийся на несколько страниц. Коммуниканты принадлежат к одной социальной группе – дворянскому обществу, поэтому владеют всеми внешними атрибутами общения, а также находятся в достаточно дружеских отношениях. Но, как пишет Л.Н. Толстой, «при свидании после долгой разлуки, как это всегда бывает, разговор долго не мог установиться», и лишь «понемногу» стал налаживаться.

Как справедливо замечено, «общение не становится игрой в «испорченный телефон» именно потому, что на каждом шаге диалога его участники не только воздействуют на личностные смыслы друг друга, изменяя их, но и изменяют собственные субъективные оценки и ожидания, взаимно корректируя их в соответствии с получаемыми результатами и реакциями собеседника» [Гусев 1985: 78].

Наибольшее значение в диалогическом тексте приобретает его коммуникативная направленность, адресованность, т. е. «предназначенность высказывания конкретного говорящего конкретному слушающему (или слушающим) в конкретных обстоятельствах» [Ильенко 2003: 26].

Адресованность достигается целой системой специализированных средств. К таким средствам, в первую очередь, относятся вопросительные предложения, которым, с точки зрения обобщенного коммуникативного задания, С.Г. Ильенко приписывает сильную степень коммуникативной значимости на том основании, что они обладают «не только открытой направленностью на собеседника», но и провоцируют «участие собеседника в коммуникации: вопрос (Я) требует ответа (ТЫ)» [Ильенко 2003: 27].

Интеррогативное высказывание как средство адресованности выполняет следующие функции:

- 1) моделирует ситуацию диалога, аналога речевой коммуникации;
- 2) эксплицирует различные уровни и направления адресованности;
- 3) характеризует типы отношений, устанавливаемых между

коммуникантами;

4) характеризует предполагаемого адресата по объему его апперцептивной базы [см.: Бударagina 2006].

Отводя высказыванию, содержащему вопрос о неизвестном или известном факте действительности, ведущую роль в организации адресованного сообщения, следует помнить о том, что в структуре вопросительного предложения заметную роль играют специальные средства оформления интеррогативного значения (интонация, вопросительные частицы и вопросительные слова), приобретающие в таких высказываниях сему адресованности и выполняющие в вопросительных предложениях функцию адресатотивов.

Вопросительные предложения имеют разную степень выраженности категории адресованности: в зависимости от структуры и языковых средств реализации интеррогативности в речевом общении высказывания актуализируют утвердительные, императивные, оценочные значения. Но очевидно одно: все они имеют адресованный характер, и эта коммуникативная установка свидетельствует об их предназначенности для реализации значения адресованности.

Наибольшая степень адресованности реализуется в собственно вопросительных предложениях, в структуре которых присутствуют местоимения или глаголы 2 лица либо обращения, причем в большинстве случаев наблюдается употребление, как минимум, двух возможностей выражения этой адресованности:

1) *-Здоровы ли **вы**? – спросил Волков.*

-Какое здоровье? – зевая, сказал Обломов. – Плохо! Приливы замучили.

А вы как поживаете?

-Я? Ничего: здорово и весело, – очень весело! – с чувством прибавил молодой человек.

*-Откуда **вы** так рано? – спросил Обломов.*

*-От портного. **Посмотрите**, хорош фрак? – говорил он, ворочаясь*

перед Обломовым.

-Отличный! (И.А. Гончаров. Обломов, 1, II).

2) -Ну, что же это за!.. – начал было администратор и вдруг услышал за собою голос, мурлыкнувший:

-Это вы, Иван Савельевич?

Варенуха вздрогнул, обернулся и увидел за собою какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией.

-Ну я, – неприятно ответил Варенуха (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 10).

Высшая степень адресованности в данных текстовых фрагментах подчеркивается и всем положением дел: коммуниканты находятся в непосредственном вербальном контакте, причем нет факторов, в первую очередь, других коммуникантов, которые смогли бы затруднить понимание обращенности высказывания.

Средняя степень адресованности выражена в интеррогативных конструкциях, коммуникативное содержание которых определяется доминирующей ролью семы побудительности:

*-Погода к вечеру стала получше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдем? **Не поехать ли нам куда-нибудь?***

Она ничего не ответила (А.П. Чехов. Дама с собачкой).

Некоторая «ослабленность» адресованности объясняется тем, что она как бы распределяется на всех участников речевого действия, в том числе и на говорящего. Однако сам факт вопроса свидетельствует о том, что возможность осуществления действия состоится только тогда, когда будет получен ответ от адресата.

В риторическом вопросе значение адресации представлено в наименьшей степени, так как по своей коммуникативной функции он приближен к повествовательной конструкции, сама структура которой не несет в себе выражение эксплицитной направленности на собеседника. В диалоге риторический вопрос чаще всего выступает как реакция на

собственно вопрос, т. е. как обратная адресация:

Не выдержав, я ухватил одного из школьников за шкирку.

-Ты что, – сказал я, – негодяй, бегаешь тут с веником и пылицу поднимаешь?

-А чего ж мне делать? – пытаюсь вырваться, заорал он плаксиво. – Я в предкомод тороплюсь, а до занятий осталось десять минут.

-Ну и беги себе, занимайся, – сказал я (В. Войнович. Москва 2042).

Как видно из примера, в котором присутствуют собственно вопрос и риторический вопрос, сильная степень адресованности первого не вызывает сомнения. С этой целью в интеррогативной конструкции задействованы три компонента, маркирующих коммуникативную направленность вопросительного высказывания: личное местоимение 2 лица («ты»), которое в первую очередь определяет наличие адресата, форма 2 лица глаголов («бегаешь» и «поднимаешь») и обращение («негодяй»). Вступая в синтагматические отношения, они еще в большей степени усиливают адресованность высказывания. То, что каждый из них «адресует» высказывание, подтверждает и тот факт, что «изымение» из структуры вопросительного предложения какого-либо составляющего не ослабляет его коммуникативной направленности: «*Что бегаешь тут и пылицу поднимаешь?*», или «*Ты что тут с веником?*», или «*Что, негодяй, бегаешь тут с веником и пылицу поднимаешь?*». Кроме того, языковые средства адресации подкреплены неязыковым – жестами, направленными в сторону адресата. В данном случае таким невербальным средством выступает ухватывание адресата за шкирку.

Структура вопроса, открывающего реплику школьника, не несет в себе ни один маркирующий компонент, да и сам он в данной коммуникативной ситуации близок к повествовательному высказыванию «*Мне больше делать нечего*». Лишь введение в него обращения может как-то маркировать адресат: «*Дяденька, а чего ж мне делать?*».

Обращения относятся к числу средств организации коммуникативной

связи между адресантом и адресатом. Ими обозначается собеседник как субъект требуемого ответа. В данной функции используются имена собственные, термины родства, названия по роду занятия или какому-либо другому признаку, а также сказочные имена:

*-**Катя**, простишь ты меня когда-нибудь?*

*-Ты была права, **Даша**. Так лучше, как вышло.*

-Ничего я не была права!.. (А.Н. Толстой. Хожделение по мукам, I, 8).

Обращения выполняют апеллятивную и контактоустанавливающую функции [Пронищев 1971: 3], так как они называют адресата и используются в речи с целью установления контакта с субъектом требуемого действия. Обращения могут использоваться и в иных функциях. В некоторых высказываниях они выступают в качестве средства выражения отношения говорящего к собеседнику. Например:

*1) Феклуша. **Милая девушка**, все-то ты за работой! Что ты делаешь, **милая**?*

Глаша. Хозяина в дорогу собираю (А.Н. Островский. Гроза. II, 1).

*2) Атуева. Что ты, **дружок**? Что ты? Что с тобой? (Нелькину) Это вы, **батюшка**? Что вы тут плетете? Чего нанесли? Опять сплетни да рассказы (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, III, 5).*

3) Варравин. Ну!.. Что там?

*Тарелкин. Где там, **ваше превосходительство**?*

Варравин. Ну том, – у Муромских?

Тарелкин. Там?.. Да ничего нет (А. Сухово-Кобылин. Дело, V, 10).

В данных примерах обращениям свойственна не столько контактоустанавливающая функция, сколько характеризующая, экспрессивно-оценочная функция. В первом фрагменте повторяющееся обращение (*милая девушка, милая*) сигнализирует о расположенности адресанта к адресату речи, о равноправии коммуникантов, что подчеркивается и употреблением местоимения *ты*.

В другом примере один и тот же адресант обращается к разным

адресатам. В первом случае, обращение *дружок* и последующие эмоциональные повторяющиеся вопросы о состоянии адресата говорят о том, что тот близок адресанту и для него небезразлично состояние собеседника, в другом – используется уважительное слово *батюшка*. Но эта уважительность перечеркивается последующими высказываниями, в которых отражается истинное отношение одного персонажа к другому. В этом случае интеррогативные высказывания *Что вы тут плетете? Чего нанесли?* воспринимаются не как вопросы, а как эмоциональная реакция на предыдущие действия адресанта.

В последнем фрагменте приводится пример нейтрального по значению обращения, обычного в XIX веке к вышестоящему на социальной лестнице, используемого адресантом с целью подчеркнуть свое зависимое положение, а не с целью осуществить контактоустанавливающую функцию.

Обращения нередко выполняют не одну, а несколько функций одновременно. Они могут выделять адресата из числа других субъектов (контактоустанавливающая функция), содержать оценку адресата адресантом (экспрессивно-оценочная функция) или способствовать разграничению модальных ситуаций с точки зрения интенсивности побуждения (модальная функция).

По сравнению с другими типами организации речи, диалог в большей степени подчинен цели воздействия на адресата. Коммуникативная направленность диалога позволяет адресанту ориентироваться не на абстрактного адресата, а на вполне конкретного партнера по коммуникации, что облегчает планирование и построение реплик диалога в зависимости от особенностей восприятия и ответной реакции реципиента.

Обычный диалог представляет собой равноправие коммуникантов, проявляющееся в том, что адресант и адресат «олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи» [Винокур 2005: 85], что предполагает симметричное распределение ответственности за успех

коммуникации. Например:

...гость осведомился:

-Профессия?

-Поэт, – почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

-Ох, как мне не везет! – воскликнул он, но тут же спохватился, извинился и спросил: – А как ваша фамилия?

-Бездомный.

-Эх, эх, – сказал гость, морщась.

-А вам, что ж, мои стихи не нравятся? – с любопытством спросил Иван.

-Ужасно не нравятся.

-А вы какие читали?

-Никаких я ваших стихов не читал! – нервно воскликнул посетитель.

-А как же вы говорите?

-Ну, что ж тут такого, – ответил гость, – как будто я других не читал? Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

-Чудовищны! – вдруг смело и откровенно произнес Иван.

-Не пишите больше! – попросил пришедший умоляюще.

-Обещаю и клянусь! – торжественно произнес Иван (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 13).

Диалог начинается с того, что представляется актуальным одному или обоим коммуникантам, а завершается тогда, когда партнеры по коммуникации исчерпали темы для обсуждения, а также при исчезновении ситуации, которая представляет адресанту и адресату возможность осуществлять коммуникацию.

Примечателен рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий». Встреча двух приятелей, давно не видевших друг друга, создала предпосылки для возникновения коммуникативной ситуации, которую желали бы осуществить

оба персонажа:

-Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

-Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Прятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены

Диалог успешно развивается до того, как выясняется социальное положение коммуникантов:

-Ну, как живешь, друг? – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – Служишь где? Дослужился?

-Служу, милый мой! Коллежским асессором уже второй год и Станислав имею... Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

-Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

С этого момента тонкому не представляется возможным вести разговор в том ключе, в котором он до этого его вел, в силу статусного неравенства. Введенный Петром 1 «Табель о рангах», просуществовавший до конца 1917 года, предусматривал иерархию чинов в армии, на флоте и в государственном аппарате. В этой иерархии тонкому присвоен 8 класс, тогда как толстому – третий (в воинской службе это капитан и генерал-лейтенант соответственно).

Толстый, как вышестоящий на социальной лестнице, еще пытается как-то не взирать на выявившееся положение дел, но, в конце концов, поведение тонкого вынуждает его прервать акт коммуникации:

-Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможы-с! Хи-хи-с.

-Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновничество!

-Помилуйте... Что вы-с ...– захихикал тонкий, еще более съеживаясь...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Неслучайно и изменение в обращении тонкого к толстому: с «Миша», «милый мой» на «ваше превосходительство», что также соответствует установленным общим титулам того времени.

Диалог восходит к устно-разговорной форме общения, характерной особенностью которой является принцип смены ролей коммуникантов и принцип экономии языковых средств выражения. Обмен репликами-высказываниями, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирует роль адресата, переводит его в статус соучастника речевого контакта, так как образ адресата, его реакции на обращенную к нему речь и ожидаемая ответная реакция во многом определяют стратегию и тактику адресанта:

-А о делах своих я вам не говорил? – живо спросил Обломов.

-О каких делах? Не знаю, – сказал Алексеев, глядя на его во все глаза.

-Отчего я не встаю-то так долго? Ведь я вот тут лежал все да думал, как мне выпутаться из беды.

-Что такое? – спросил Алексеев, стараясь сделать испуганное лицо.

-Два несчастья! Не знаю, как и быть.

-Какие же? С квартиры гонят... (И.А. Гончаров. Обломов, I, II).

Приведенный диалог достаточно пространен. Обломов выливает на своего визави целый поток информации, видя в нем благодарного и сочувствующего собеседника.

В тех случаях, когда адресант не испытывает интереса к сообщаемому или заявленной теме, диалог, как правило, краток. Примером могут служить попытки Обломова поделиться своими бедами с другими персонажами романа:

-Погодите, – удерживал Обломов, – я было хотел поговорить с вами о делах.

Pardon, некогда, – торопился Волков, – в другой раз. А не хотите ли со мной есть устриц? Тогда и расскажите (И.А. Гончаров. Обломов, I, II).

Для диалога типична содержательная и конструктивная связь реплик. Содержательная связана с композицией диалогической речи и обусловлена ситуативно и тематически: вопрос – ответ, добавление – пояснение, сокращение – распространение и другие формулы речевого этикета. Конструктивная связь преимущественно соседних реплик обязательна. В противном случае происходит нарушение логики общения и возникает эффект, нередко используемый для создания комической (1) или сатирической ситуации (2). Например:

1) *Большов. Стряпчий был?*

Фоминшина. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминшина. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, II, 9).

2) *Чичиков и Манилов подошли к первому столу, где сидели два чиновника еще юных лет, и спросили:*

-Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?

-А что вам нужно? – сказали оба чиновника, оборотившись.

-А мне нужно подать просьбу.

-А вы что купили такое?

-Я бы хотел прежде знать, где крепостной стол, здесь или в другом месте?

-Да скажите прежде, что купили и в какую цену, так мы вам и скажем где, а так нельзя знать.

Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны... (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 7).

Макроструктура диалога включает в себя фазы, частичные фазы, секвенции. В основе фазовой структуры лежит функциональный, деятельностный подход. Каждая фаза характеризуется комплексной частичной

целью, находящейся в четких отношениях к фундаментальной цели:

Частичная цель начальной фазы диалога – создать предпосылки для достижения одной или нескольких фундаментальных целей.

Частичная цель середины диалога – достигнуть фундаментальную цель коммуникативного события.

Частичная цель заключительной фазы – завершение, гарантирующее развитие отношений.

На примере следующего текстового фрагмента мы можем четко выделить все эти фазы с соответствующими им целями:

-Послушай, любезный! Сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

-Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою, наподобие щитка.

-Да, признаюсь, я и сам так думал, – подхватил Манилов, – именно, очень многие умирали! – Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще:

-Точно, очень многие.

-А как, например, числом? – спросил Чичиков.

-Да, сколько числом? – подхватил Манилов.

-Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умерло, их никто не считал.

-Да, именно, – сказал Манилов, обратясь к Чичикову, – я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

-Ты, пожалуйста, их перечти, – сказал Чичиков, – и сделай подробный реестрик всех поименно.

-Да, всех поименно, – сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» – и ушел.

-А для каких причин вам это нужно? – спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение, от которого он совсем покраснел, –

напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слышали человеческие уши.

-Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот такие: я хотел бы купить крестьян... – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

-Но позвольте спросить вас, – сказал Манилов, – как желаете вы купить крестьян: с землею или просто на вывод, то есть без земли?

-Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мертвых...

-Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...

-Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, – сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут...

-Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить или как вам заблагорассудится лучше?

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

-Мне кажется, вы затрудняетесь?.. – заметил Чичиков.

-Я?.. Нет, я не то что, – сказал Манилов, – но не могу постичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

-Нет – подхватил Чичиков, – нет, я разумею предмет таков как есть, то есть те души, которые, точно, уже умерли.

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос – черт его знает...

-Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости, -- сказал Чичиков.

-Как, на мертвые души купчую?

-А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живы, так, как действительно в ревизской сказке...

...-Теперь остается условиться в цене.

-Как в цене? – сказал опять Манилов и остановился. – Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? Если уж пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я передаю их вам безынтересно и купчую беру на себя... (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Фундаментальная цель диалога основана на желании Чичикова приобрести у Манилова мертвые души. Этому подчинена вся целевая структура коммуникативного отрезка, и этим определяются частичные цели каждой фазы диалога.

Начальная фаза включает в себя разговор Манилова и Чичикова с приказчиком. Инициированный Чичиковым разговор должен выявить наличие мертвых душ. Пока цель заключается только в этом. Во второй фазе диалога Чичикова с Маниловым определяется фундаментальная цель: возможность приобретения мертвых душ. По своей структурной организации данная фаза наиболее протяженная, так как в свою очередь она включает в себя микрофазы, имеющие свои микротемы, такие как выяснение отношения Манилова к предложению Чичикова и принципиальный договор о передаче мертвых душ Чичикову. Вопрос цены и оформления сделки как бы подводит итог всего диалога и поэтому может рассматриваться как его заключительная фаза, свидетельствующая об успешности коммуникативного намерения Чичикова. Вполне естественно, что границы некоторых фаз достаточно четко маркированы (например, начальной и серединной), а границы других расплывчаты (в нашем примере – серединной и заключительной).

Для интеррогативной ситуации типической является устная речь, в которой она представлена в своем первообразном, а не смоделированном виде. Это проявляется в самом контексте, в выборе необходимых

синтаксических структур, в наличии невербальных средств коммуникации, уточняющих и усиливающих речевое воздействие (мимика, жесты), в выражении модальной окраски, в подготовленности или спонтанности коммуникативного процесса, в особой вопросительной ритмомелодике.

В естественном диалоге автор интеррогативной реплики исходит из того, что его высказывание понятно собеседнику и адресат владеет тем же арсеналом речевых единиц, имеет один с ним семиотический код. Такое представление часто приводит к тому, что адресант сознательно имплицитно и редуцирует свою речь. Адресат, в этом случае, вынужден вербализировать и эксплицитно выразить недостающие компоненты смысла, исходя из собственного понимания положения дел, пользуясь своим языком, применяя свой семиотический код. Поэтому для интеррогативной ситуации характерна некоторая эллиптичность, незамкнутость синтаксических компонентов как вопросной, так и ответной части. В.В. Виноградов, подчеркивая роль контекста, ситуации и паралингвистических средств в возникновении неполного предложения, пишет: «В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных средств, при большой экспрессивной силе интонации формируются такие структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-либо отдельных членов, ясных из контекста и ситуации» [Виноградов 1954: 29].

Внеязыковой контекст сам определяет участников речевого акта, сам помещает их в языковую ситуацию, сам создает пропозициональные условия. Адресанту и адресату остается только отобрать необходимые языковые и неязыковые средства и реализовать их. Например, в следующих текстовых фрагментах участники коммуникативных ситуаций осведомлены о событии в общем, но им хочется узнать детали, отсюда и выбор синтаксических конструкций (неполных и односоставных предложений):

1) Вдруг все встрепенулись, посмотрели на Луку Савича и разразились хохотом.

-Как это ты, Лука Савич? Ну-ка, ну, расскажи! – говорит Илья Иванович и помирает со смеху. (И.А. Гончаров. Обломов, 1, 9).

2) -Леонид Борисович? – Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. – Вам снимок? Или помещение?

-Или. Ненадолго. Как твой радикулит?

-Он сам по себе, я сам по себе – мирное существование...

-Ключи? – спросил Звягин, располагаясь в креслице, явно скучающем по родимой свалке.

-Бросьте в почтовый ящик рядом с дверью, как обычно (М. Веллер. О любви).

Как отмечает А.Д. Швейцер, «в любом естественном языке проявляется противоборство двух тенденций – тенденции к экспликации, т. е. к открытому, явному выражению того или иного смысла, и тенденция к импликации, т. е. к подразумеванию». Предполагается, что степень экспликации или импликации варьируется в зависимости от объема «фоновых знаний», которыми владеют участники речевого акта, а также от того, какой формой он представлен: «разговорная речь, будучи связанной с ситуативным контекстом, носит в значительной мере эллиптический характер, поскольку многие элементы коммуникации, данные в ситуации, не получают вербального выражения» [Швейцер 1976: 47].

Принцип экономии формальных средств вопросительности действует и в стереотипных ситуациях запроса информации (справки в справочном бюро, в аптеке, наличие корреспонденции до востребования): -Иванов (=Есть корреспонденция для Иванова?) –Нет. В данном случае адресат воспринял высказывание как вопросительное и коммуникативный акт состоялся. что объясняется тем, что коммуниканты понимают свои социальные роли в конкретных обстоятельствах.

Интеррогативные предложения обращены к собеседнику с целью получения ответа, поэтому далеко не всегда должны быть развернутыми. В вопросе как бы концентрируется та часть ситуации, которая неясна, на которую сильнее всего нацелен интерес человека, в этой ситуации

пребывающего. Суть неизвестного лучше всего схватывается именно в вопросе. По задаваемым вопросам лучше всего видны цели адресанта, его понимание ситуации и отношение к ней. Распространенность предложения, его метафорический состав свидетельствуют об утрате вопросительной формой своей первичной функции вопроса (Подобный случай мы можем встретить в интервью, когда адресант, по сути, в своем вопросе определяет ответную реакцию).

Особая роль в интеррогативной ситуации отводится паралингвистическим средствам общения: мимике, жестам и т. п. В основе взаимодействия вербальных и невербальных средств выражения вопросительности лежат два принципа:

1. Вербальные и невербальные средства взаимоакцентируют друг друга, усиливая вопросительное значение, что может быть объяснено традицией совместного употребления вербальных и невербальных средств в условиях непринужденного общения:

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула ее назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

-Ты плакал сегодня? (Л.Н. Толстой. Детство, 2).

Или:

-Ты знаешь ли, что я послал за Пьером и что граф, прямо указывая на его портрет, требовал его к себе?

Князь Василий вопросительно посмотрел на княжну, но не мог понять, соображала ли она то, что он ей сказал, или просто смотрела на него (Л.Н. Толстой. Война и мир, 1, 1, XVIII).

2. Вербальные и невербальные средства взаимокompенсируют друг друга, т. е. ослабление речевых усилий компенсируется жестомимическими средствами и наоборот:

Он перелистывал книгу Горация и развернул мне ее на таком месте, которое, как мне казалось, никто никогда не мог бы перевести.

-Я этого не готовил, – сказал я.

-А вы хотите отвечать то, что выучили наизусть, – хорошо! Нет, вот это переведите.

*Кое-как я стал добираться до смысла, но **профессор на каждый мой вопросительный взгляд качал головой** и, вздыхая, отвечал только «нет» (Л.Н. Толстой. Юность, XII).*

Или:

Азазелло наклонился к ней и шепнул многозначительно:

-Ну, интерес-то очень большой... Вы воспользуйтесь случаем...

-Что? – воскликнула Маргарита и глаза ее округлились, – если я вас правильно понимаю, вы намекаете на то, что я там могу узнать о нем?

Азазелло молча кивнул головой.

-Еду! – с силой воскликнула Маргарита и ухватила Азазелло за руку, – еду, куда угодно! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Последний пример характеризуется недоговоренностью, незаконченностью реплик, но эта недоговоренность не мешает коммуникантам понимать друг друга, что объясняется их знанием конситуации. Вербальная часть сообщения реализуется в контексте индивидуального и социального опыта речевых партнеров, накладываясь «на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [Горелов 1980: 81].

Г.В. Колшанский считает, что «паралингвистические средства участвуют в восполнении вербального эллипса, опосредованного системой тех или иных знаков, смысл которых легко расшифровывает любой участник коммуникации на основе конвенциональных значений, зафиксированных в социуме за этим знаком. Систему конвенциональных знаков, употребляемых в процессе коммуникации в качестве вспомогательного средства для вербального языка, можно назвать параязыком. В этом плане все паралингвистические средства необходимо рассматривать как способ компенсации элиминированных элементов языковой структуры» [Колшанский 2005: 214]. Однако в использовании паралингвистических

средств нужно исходить из принципа функциональной сообразности, оправданности и использовать лишь те, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации. Это отчетливо видно в следующих примерах:

Морща лицо, он, в свою очередь, спросил у Стравинского:

-Вы – профессор?

На это Стравинский предупредительно-вежливо наклонил голову.

-И вы – здесь главный? – продолжал Иван.

Стравинский и на это поклонился (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 8).

Или:

Ноздрев был так оттолкнут с своим безе, что чуть не полетел на землю: от него все отступились и не слушали больше; но все же слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождаемы таким громким смехом, что привлекли внимание даже тех, которые находились в самых дальних углах комнаты. Эта новость так показалась странною, что все остановились с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением (Н.В. Гоголь. *Мертвые души*, 1, 8).

По мнению Г.Е. Крейдлина, «невербальная референция всегда конкретная: она имеет дело с конкретными объектами и ситуациями, с актуальными пространственными категориями и в гораздо меньшей степени, например, с временными категориями [Крейдлин 2002: 51].

В коммуникативной интеррогативной ситуации даже молчание является коммуникативно значимым элементом. Молчание, по В.В. Богданову, бывает коммуникативно значимым и незначимым:

«1 тип коммуникативно значимого молчания обусловлен универсальным законом речевого общения, заключается в том, что в диалоге роли говорящего и адресата выполняются обоими коммуникантами попеременно. Эта смена коммуникативных ролей рассматривается как важнейшая операция в механизме речевого общения. Смена ролей означает,

что в некоторый отрезок времени правом слова располагает один коммуникант, в то время как другой ожидает своей очереди и соответствующего сигнала. Этому периоду ожидания обычно соответствует молчание. Оно не является пассивным...

2 тип – молчание говорящего (молчание вместо говорения). В данном случае молчит тот, кому надлежит говорить по правилу смены ролей. Такое молчание расценивается адресатом как нулевой заместитель вербальной реакции и интерпретируется в зависимости от конкретной ситуации и конкретного смысла предшествующего высказывания. Оно может означать согласие адресата со словами говорящего, его нежелание сообщать необходимую информацию, нерешительность и др.» [Богданов 1990: 7].

И далее: «показателем статусной индикации выступают две основные функции коммуникативно значимого молчания: молчание для говорения и молчание вместо говорения» [Богданов 1990: 8]. Первая функция вытекает из чередования речи и восприятия, заложенного в самом фундаментальном принципе диалога. Цель доминирующего коммуниканта – перебить оппонента, стремясь все время быть говорящим, тогда как «рецессивный» этого сделать не может, и таким образом молчание становится знаком нижестоящего.

Молчание во второй функции многозначно, оно обозначает, «согласие с репликой, нежелание говорить, нерешительность, соблюдение принципа вежливости и др. Нежелание говорить может быть показателем нежелания контактировать с представителем более низкой статусной группы. В таком случае молчание становится знаком вышестоящего» [Богданов 1990: 50]:

-Ну что, у вас все постреливают? – спросил Мартынов.

***Иван Ильич не ответил, пожал плечами** (А.Н. Толстой. Хожделение по мукам, 1, 15).*

Или:

-Да, в каких грустных обстоятельствах пришлось нам свидеться, князь... Ну, что наш дорогой больной? – сказала она, как будто не замечая

холодного, оскорбительного, устремленного на нее взгляда.

Князь Василий вопросительно, до недоумения, посмотрел на нее, потом на Бориса. Борис учтиво поклонился. Князь Василий, не отвечая на поклон, отвернулся к Анне Михайловне и на ее вопрос отвечал движением головы и губ, которое означало самую плохую надежду для больного (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, XII).

Называя молчание нулевым речевым актом, В.В. Богданов объясняет его коммуникативную значимость несколькими обстоятельствами:

«1) вербальной невыразимостью некоторого содержания (хотя есть мнение, что невыразимость есть индивидуальная неспособность выразить идею), 2) наличием большого общего коммуникативного тезауруса у коммуникантов, 3) наличием ситуации, однозначно определяющей тему и тональность общения, 4) этикетными причинами, 5) индивидуальными особенностями коммуникантов» [Богданов 1986: 14-15]:

-К губернатору, что ли, написать! – в раздумье говорил Илья Ильич.

-А кто у вас губернатор? – спросил Алексеев.

Илья Ильич не отвечал и задумался. Алексеев замолчал и тоже о чем-то размышлял (И.А. Гончаров. Обломов, I, II).

Или:

-Что вас не видать давно? – спросила она (Ольга – А.Л.).

Он (Обломов – А.Л.) молчал. Ему хотелось бы опять как-нибудь стороной дать ей понять, что тайная прелесть их отношений исчезла, что его тяготит эта сосредоточенность, которую она окружила себя как облаком, будто ушла в себя, и он не знает, как ему быть, как держать себя с ней (И.А. Гончаров. Обломов, 2, VIII).

В процессе коммуникации сама ситуация общения определяет значения тех или иных языковых средств, уточняя их смысл, но это не есть показатель того, что «языковые выражения сами по себе являются несовершенной реализацией мысли. Ведь экспликации принадлежит то, что не входит в общую для собеседников сумму исходных знаний, и то, что не восполняется

ситуацией» [Швейцер 1976: 47].

Несколько по другому обстоит дело с реализацией ИС в книжном типе речи, особенно в художественной его разновидности, от начала до конца смоделированной и реализованной одним автором и являющейся своеобразной проекцией разговорной речи. Ей принадлежит особая эстетическая функция, стилевой подоплекой которой, по определению М.Н. Кожиной, является «комплексная художественно-образная конкретизация», понимаемая как «такое явление художественной речи, такой способ конкретизации, когда совокупность, вернее система разноуровневых средств выполняет одну и ту же стилистическую функцию: служит созданию и выражению какой-то одной образной черты или одного образа (микрообраза), оказывая через этот комплексный акцент (скрыто или явно) активизирующее воздействие на воображение читателя» [Кожина 1989: 138-139].

Г.Н. Акимова выделяет три ступени вхождения разговорных конструкций в литературный язык. Для нас интересна вторая ступень, когда конструкции разговорной речи попадают в авторскую речь художественного повествования. «Именно здесь... и появляются экспрессивные синтаксические конструкции. Сущность появления экспрессии состоит в том, что конструкции становятся нарочно подчеркнутым синтаксическим элементом художественной речи, специальным приемом, который имеет целью не только имитировать устную речь, сколько воздействовать на читателя» [Акимова 1990: 117].

Являясь отражением естественной формы речи и предопределяя тем самым основные свойства разговорной стихии, диалог в своем преобразованном виде становится весьма значимым средством в реализации эстетической функции в художественном произведении. Эстетическая обработанность диалога способствует возрастанию его прагматической силы и усилению адресованности, составляющей семантическую сущность диалогичности.

Но не только это делает диалогические построения столь важными в

создании интеррогативной ситуации, а то, что эта форма речи наилучшим образом обслуживает межличностный характер общения, «позволяет расширить и самый круг общающихся, а следовательно увеличивать количество личностных речемыслительных центров, что делает информацию более объемной» [Стельмашук 1993: 29].

1.4. Адресант и адресат в интеррогативной ситуации

К числу важнейших составляющих интеррогативной ситуации относятся категории участников общения: адресант и адресат. От стабильности, прочности и надежности отношений на коммуникативном пространстве зависит степень уверенности адресанта при формировании предположения о множестве активированных знаний адресата и при показе того, «какие участники повествуемого события занимают его больше всего» [Йокояма 2005: 188].

Речевые посылы говорящего всегда направлены на кого-то и могут быть вполне поняты и по преимуществу однозначно восприняты только адресатом, поскольку только он в той или иной мере ориентируется в установках адресанта (это касается и ситуации во внутренней речи, об этом в параграфе 3.2.2.2.). «Речевые акты понимаются слушающим (или читающим) не полностью до тех пор, пока они не будут знать, какие пропозиции выражаются и какова их коммуникативная функция. Понять это – значит понять тот коммуникативный эффект, которого стремится достигнуть говорящий. Как правило, говорящий также будет надеяться на достижение интеракционального эффекта, т. е. на то, что слушающий примет речевой акт или определенным образом отреагирует на него» [Еемерен 1992: 29].

Как замечает А.В. Полонский, коммуникативный акт любой формы и содержания является по своей сущности интерперсональным, т. е. «стабильно реализуется во взаимодействии говорящего с адресатом в минимальной коммуникативной единице языка – диалоге, представляющем собой единство воздействия и ответной реакции» [Полонский 1999: 30].

Т.Г. Винокур при определении коммуникативных ролей участников речевого общения предлагает учитывать три признаковые группы:

1. Социальные «образы» говорящего и слушающего: а) сходство и различие, б) вид пересечения в данном речевом акте.

2. Форма связи в данном речевом акте.

3. «Количественный» облик собеседников [Винокур 2005: 84].

Типология участников общения строится по различным признакам.

Во-первых, коммуниканты противопоставляются по степени активности (наиболее активная роль – у говорящего): говорящий адресант – косвенный адресат или молчаливый участник, третье лицо. Это противопоставление отражено в грамматике как дифференциация первого, второго и третьего лица. С учетом включенности любого общения в систему социальных норм предлагается также считать «третьим собеседником» в диалоге «стандартные для данного сообщества установки, регулятивы и эталоны» [Гусев 1990: 77], т. е. общественное мнение.

Во-вторых, косвенные адресаты могут быть выделены по степени включения, т. е. могут быть актуальными (изначально включенными в круг общения) и случайными; случайные участники общения подразделяются на «зевак» и «подслушивающих» [Clark 1987].

В-третьих, адресат выделяется по степени известности адресанту. Чем менее известен адресат, тем более вероятно общение в строгих статусно определенных рамках представительства.

В-четвертых, адресат выделяется по признаку речевого жанра. В рамках художественного текста противопоставляются адресат-критик и адресат-эмпатик (различие состоит в способности и готовности эмоционально воспринимать мир автора, быть сторонним наблюдателем либо вживаться в авторское «Я» [см.: Мышкина 1991]).

Типология адресата художественного текста строится на основе коммуникативно-текстовых, социально-типологических и индивидуально-личностных параметров [см.: Воробьева 1989].

В-пятых, адресат выделяется по величине или числу (общение один на один, в маленькой или большой группе, массовая коммуникация).

В-шестых, адресат выделяется по признаку опосредованности, т. н. адресат-ретранслятор, который может относиться к одному из двух типов: ретранслятор, выражающий волю и мнение вышестоящих, и ретранслятор, выступающий в качестве представителя нижестоящих. Считается, что служители культа объединяют в себе оба статусных вектора.

В-седьмых, адресат выделяется по признаку рефлексивности (разговор с самим собой или как бы с самим собой). Типичным примером служит внутренняя речь, в которой адресантом и адресатом является одно и то же лицо. Сюда же, на наш взгляд, относятся случаи контролируемой «утечки информации».

В-восьмых, реальным адресатам могут быть противопоставлены вымышленные и олицетворенные адресаты, а также удвоенные адресаты (например, актеры, играющие ту или иную роль на сцене).

Рассматривая адресанта и адресата вопроса в качестве партнеров по общению с логической точки зрения, Ф.С. Лимантов предлагает учитывать два случая: «когда вопрос обращен к некоторому лицу или группе лиц, которые являются возможным адресатом с точки зрения отправителя, и тот случай, когда индивидуум или группа признает себя участником вопросо-ответной процедуры и приступает к выполнению функции адресата». Признавая в этом больше психологического, чем лингвистического, исследователь считает, что «вступление в диалог, само согласие с ролью адресата равносильно согласию с суждением, составляющим утвердительную часть вопросительного высказывания... Вступая в общение с отправителем вопроса, адресат и выражает согласие с этим суждением. Признавая некоторое суждение истинным, он как бы расплачивается за получение места в вопросо-ответной процедуре... Если такого согласия нет, то человек, к которому обращен вопрос, должен вместо ответа высказать суждение, оценивающий сам вопрос. Такие ответы, получившие название

несобственных, по сути дела ответами не являются, а их высказывание равносильно отказу от роли адресата [Лимантов 1975: 79].

В случае целенаправленного воздействия учитываются типы адресатов по признаку их общественного веса. В массовой коммуникации выделяются три группы слушателей или зрителей:

1) «неграмотные», умеющие читать и писать, но не принимающие активного участия в общественной жизни, некритические, настроенные на развлечение, обычно относящиеся к менее состоятельным слоям населения,

2) «прагматики», наиболее активная часть населения, участвующая в общественной жизни. Эти люди работают в общественных организациях, активно читают, смотрят телевидение, слушают радио, характеризуются честолюбием, относятся к среднему классу, для них очень важен социальный статус, именно к ним в первую очередь обращена реклама; «прагматики» сближаются с «неграмотными» в том, что и тех, и других не очень интересуют абстрактные идеи,

3) «интеллектуалы», которых интересуют в первую очередь философские, эстетические, научные проблемы. Это представители интеллектуальной элиты, не очень общительные, весьма критично настроенные люди, антидемократичные (презирающие массу) по своей базисной ориентации, хотя они в этом и не признаются; к средствам массовой информации относятся с пренебрежением [см.: Davison 1965].

О.Г. Почепцов выделяет свои типы адресатов: 1) собственно адресат, которому предназначено высказывание, 2) квазиадресат (предмет или воображаемое лицо, к которому обращена речь), 3) адресат-ретранслятор, который должен передать информацию действительному адресату, 4) косвенный адресат, слушатель, присутствующий при акте коммуникации [Почепцов 1986: 11-15].

Из анализа различных классификаций типов адресата видно, что присутствие другого человека на коммуникативной оси еще не является признаком того, что он занимает активную позицию как участник диалога. Если

принимать во внимание только коммуникативные факторы, то в интеррогативной ситуации имеется «три типа слушающих:

-те, которые выступают случайными слушающими независимо от того, является ли их непризнанное участие неумышленным и получило ли оно поощрение;

-те, которые являются признанными участниками, но (в случае, если в разговоре участвуют более двух человек) к которым говорящий не обращается непосредственно;

-те, которые являются признанными участниками и к которым говорящий обращается, то есть ведет себя по отношению к ним таким образом, который заставляет предположить, что его слова предназначены специально для них и поэтому ответ ожидается в большей степени от них, чем от других признанных участников» [Кларк 1986: 295].

Именно последние признаются истинными участниками интеррогативного акта.

Т.Г. Винокур отмечает, что «между коммуникативными ролями отправителя речи и ее реципиента возникает двойная взаимосвязь, с одной стороны, параллельная условиям производства и восприятия речи, а с другой – параллельная мене субъектов речи. По отношению к собственной речи говорящий выступает как реципиент в фазе «реакция», которая одновременно является следствием воздействия на него пассивной роли коммуникативного ожидания слушателя. По отношению к чужой речи слушатель, проходя все стадии рецепции, одновременно выступает как интенция, воздействующая на активную роль коммуникативного действия говорящего» [Винокур 2005: 90].

Большинство лингвистов сходится во мнении, что адресат находится в более жестких рамках в процессе коммуникации, так как «более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса. Ограничения спрашивающего обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые формируют личную

сферу говорящего (вещную личную сферу, личное пространство и личное время говорящего). Отвечающему же, кроме существующих ограничений его собственной личной сферы, навязываются возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего» [Голубева-Монаткина 2004: 36].

Структура диалога, по мнению Н.Ю. Шведовой, «редко строится путем чередования прямых «лобовых» вопросов и ответов» [Шведова 1960: 285]. Конечно же, в современном мире нередки случаи, когда диалог строится по принципу вопрос – ответ, причем роль адресанта и роль адресата остается строго закрепленной. К таким случаям, как отмечалось выше, можно отнести ситуации допроса, экзамена, некоторых бытовых случаев (например, вопрос о том, как пройти в определенное место, который час и т.п.):

Выговорившийся Ларик примолк, отрезвел, успокоился.

-И чего ты дергаешься, собственно говоря? – подытожил Звягин.

-Как что?

Так. Что, собственно, страшного произошло? Она вышла замуж?

-Нет... пока.

-У нее есть ребенок?

-Что?! Нет, откуда...

-Может быть она смертельно больна?

-Вы о чем...

-Тожже нет? Ну тогда, возможно, она совершила преступление и твой гражданский долг – посадить ее за решетку?

-Не надо издевок, – тихо попросил Ларик.

-А может, ты инвалид? Отвечать!

-Нет...

-Урод?

-Не блещу, как видите..(М. Веллер. О любви).

Но подобные примеры лишь подтверждение того, что такие ситуации не являются «интересными» для обоих коммуникантов, тем более что

адресат не стремится вступать в диалогические отношения. Это подтверждается еще и тем, что само положение дел не предполагает смены коммуникативных ролей. Например:

Наконец она повернулась ко мне и спросила:

-Вы не знаете, что там происходит?

-Простите, не знаю, – сказал я как можно суше (Д. Хармс. Старуха).

Постановка людей в положение адресата без их согласия вызывает подчас негативную реакцию по той причине, что расценивается ими как агрессия со стороны адресанта.

Валя вышла в прихожую с досадой и неловкостью.

-Извини, я не одна. Я же просила тебя больше не приходить.

-Ничего, один раз можно, – напористо подавал он заготовленные фразы, как снаряды из погребов. – Я разденусь, ты не возражаешь?

И раньше, чем она успела ответить, скинул куртку.

-Говори, что ты хотел, и уходи, – зло велела Валя.

-Ты не пригласишь старого друга в комнату?

-Я сейчас не могу, – повторила она, но Ларик уже ловко обогнул ее и двинулся в квартиру, не заботясь оставляемыми на паркете следами сапожек (М. Веллер. О любви).

Вместе с тем, адресат – это не пассивное «что-то», продуцирующее ответные сигналы, а «слушатель как отвечающий», «равноправный субъект совместной деятельности, оценивающий текущий процесс со своих собственных позиций, решающим образом определяющий его дальнейший ход» [Общение 1989: 72]. Адресат является не только активным, но и активизирующим участником общения, который не только ответственен за вектор развития сюжета диалога, но сам является этим вектором. Для успешного развития ИС важно не только желание адресанта знать о каком-то положении дел, но и его уверенность в том, что адресат знает по данному вопросу больше, чем он, или вообще что-то знает по теме запроса.

Изначально стимулом развития интеррогативной ситуации является

предполагаемое знание адресата о чем-то, которое репрезентирует вербальную реакцию адресанта на это знание в виде вопроса, а уж затем реализуется вербальная реакция адресата в виде ответа. То есть, определяющим моментом развития ИС является не только желание адресанта знать, но и само знание, которым располагает адресат, а также его желание поделиться этим знанием.

С одной стороны, коммуникант, претендующий на роль адресанта в интеррогативном акте, должен правильно оценить два момента: во-первых, состояние и содержание когнитивного множества адресата и, во-вторых, будет ли полученное после ответа знание достаточным для него самого.

С другой стороны, адресат принимает на себя главное обстоятельство: всячески помогать партнеру в достижении коммуникативной цели. Это обстоятельство связано с оценкой адресантом состояний знаний и данной дискурсивной ситуации.

По мнению О. Йокоямы, если адресант допускает просчет, который становится препятствием на пути к реализации коммуникативной цели, то адресат, чтобы помочь адресанту исправить ошибку, должен начать с ним метаинформационный обмен.

Если такого не происходит, то адресат должен подтвердить факт получения им информации от адресанта и ее регистрации. «Суждения по поводу релевантности данного высказывания опираются, главным образом, на факторы, не имеющие никакого отношения к реальному ходу процесса передачи знаний; если в самом начале дискурса говорящий делает неверное заключение о релевантности, то обычно в ответ на его высказывание следует невербальная реакция адресата, свидетельствующая об отказе адресата участвовать в трансакции» [Йокояма 2005: 188].

О. Йокояма приходит к выводу, что для создания коммуникативной ситуации и реализации в ней поставленных целей, кроме владения правилами порождения грамматически правильных предложений, адресанту необходимо, учитывая задачи коммуникации, строить свое воздействие на

адресата и в соответствии с этим, т. е. уместно, употреблять речевые высказывания, т. к. «каждое высказывание создается говорящим на основе его субъективной оценки данной дискурсивной ситуации» [Йокояма 2005: 191].

Эта способность коммуникантов получила название коммуникативной способности, основная задача которой – привести к успеху, к решению коммуникативной установки говорящего. Однако само понятие «успех» предполагает наличие антагониста – понятие «неуспех», поэтому коммуниканты, ориентированные на успех общения, для реализации своих установок не только отбирают и структурируют языковые знаки, но и демонстрируют стратегические и тактические способности.

Коммуникативная стратегия трактуется как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов» [Клюев 2002: 48], тогда как коммуникативная тактика определяется как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, т. е. коммуникативная тактика – более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений [см.: Кашкин 2000].

По мнению О.С. Иссерс, «если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего («глобального намерения», по Ван Дейку), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2003: 109].

Как считает исследователь, успешность коммуникативного акта, а вместе с этим и правильность выбранной стратегии, определяется тем, что адресант еще до начала речевого контакта отбирает и учитывает информацию о взаимосвязях между его будущими речевыми действиями и ситуацией: «еще до коммуникативного акта говорящий располагает тремя видами данных: 1) информацией о предстоящем речевом событии,

2) информацией о когнитивных пресуппозициях, 3) информацией о ситуации или контексте» [Иссерс 2003: 94].

Коммуникативная стратегия адресанта складывается из многих факторов и включает в себя такие параметры, как: «1) выбор глобального речевого намерения (задать вопрос); 2) отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; 3) определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т.д.; 4) соотношенность квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии; 5) определение порядка следования коммуникативных составляющих; 6) настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический), стиль (разговорный) и жанр (стихи, анекдот)» [Янко 2001: 38].

О.С. Иссерс приходит к выводу, что коммуникативная цель достигается в случае постоянного контроля адресантом интеллектуальных и эмоциональных процессов адресата, что способствует нужному решению или действию. Методы, используемые говорящим при «обработке» партнера, представляют либо непосредственные стимулы действий, либо выступают как условия и являются конституентами речевых тактик – коммуникативными ходами, формирующими части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки коммуникативного акта, а их эффективность «определяется результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым» [Иссерс 2003: 60].

Для интеррогативного диалога характерен коммуникативный сбой на тактическом уровне, что нарушает целостность текста и свидетельствует либо об особой стратегии адресанта, актуализации подтекста, либо указывает на отсутствие стратегии.

В случаях, когда наблюдается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т. е. неосуществление или неполное

осуществление коммуникативного намерения говорящего», а также «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [Земская 2004: 602], говорят о коммуникативной неудаче или коммуникативном рассогласовании, об отсутствии речевого контакта между коммуникантами, которое обусловлено несовпадением их коммуникативных интенций и / или использованием индивидуальных семиотических кодов, когда означаемое и означающее в речи партнеров по коммуникации не совпадают:

Телефонная трубка заиндевела. Он разбудил Валю звонком:

-Я все знаю!..

-Что – все?

-Все. Сейчас к тебе приеду.

-Что случилось? Уже ночь, родители спят. Что случилось?

-А – а, спят...

Ненависть, одиночество, жжение одуроченности мешали находить слова, и так ускользающие.

-Пошла ты... (М. Веллер. О любви).

Причины коммуникативной неудачи (коммуникативного рассогласования) могут быть следующими:

1. Различия в картинах мира, сформированных разными национальными культурами коммуникантов.
2. Несовпадение оценок положения дел.
3. Нарушение речевого поведения, в том числе правил вежливости и этикетных стереотипов.
4. Нарушения канала связи.
5. Неправильное понимание речевой интенции.
6. Природа единиц языка (многозначность слова и т. д.).
7. Неточное указание на денотат.
8. Употребление окказионализмов, диалектизмов, жаргонизмов и т. п.

[Словарь методических терминов 1999].

В следующем фрагменте коммуникативная неудача (хотя коммуниканты уверены в обратном) обусловлена, в первую очередь, незнанием языка своего собеседника. Универсальный язык жестов не работает, так как очевидны различия в менталитете:

На аэродром Чонкин обычно ездил по дороге, шедшей вдоль берега... Иной раз поездка его совпала с передвижением на той стороне, тоже на двух лошадях, американского солдата, которого на нашем аэродроме все знали и говорили: «Вон американский Чонкин поехал!» Американец был бы и правда очень похож на Чонкина, если бы не был черным. Что, впрочем, нашему Чонкину, лишенному расистских предвзятостей, не мешало радостно приветствовать своего коллегу взмахами руки и выкриками: «Эй, Джон, здорово!» На что предполагаемый Джон вопил ответно: «Хай, Иван! Хау ар ю?» И показывал, какие у него белые зубы. Чонкин думал, что Джон действительно знает его по имени, но тот так к нему обращался потому, что всех русских звал Иванами. И Чонкин, в свою очередь, называл того Джоном, не зная других американских имен. И попадал в точку, потому что того черного Чонкина звали и правда Джоном. Когда их пути совпадали на достаточном расстоянии, переключки Ивана и Джона не ограничивались одиночными фразами. Они комментировали состояние погоды, проявляли интерес к личной жизни друг друга, говорили – каждый – на своем языке, и каждый был уверен, что понимает своего собеседника.

Так и сейчас. Чонкин сказал, что погода сегодня отличная, и если бы у него была возможность позагорать, он очень скоро стал бы таким же черным, как Джон. Джон спросил Чонкина, чем он кормит своих лошадей, овсом или сеном? Чонкин показал ему пятилитровый алюминиевый чайник и сказал, что едет за гидросмесью. Джон ответил, что его лошади чай не пьют, но зато он каждый день угощает их шоколадом. Чонкин сообщил, что гидросмесь ему нужна для соблазнения немецких девушек, к которым он сегодня пойдет, а Джон возразил, что в штате Южная Каролина природа гораздо живописнее здешней. Так поговорив, они свернули, Иван – налево, а

Джон – направо... (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга III. Перемещенное лицо, 2, 4.)

Предпочтительное употребление термина «коммуникативное рассогласование» объясняется тем, что:

1. В языке художественного произведения каждый элемент эстетически значим, поэтому данный термин имеет негативный модусный смысл.

2. Адресат и адресант равноправны в процессе коммуникации, тем более что адресат «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или пойти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [Арутюнова 1999: 661].

3. Любая языковая форма выражения (высказывание) неадекватна его содержанию (замыслу), так как для языковой системы определяющим является противоречие между бесконечностью смысла (значения) и конечностью формы его выражения. Следовательно, адресат никогда в полной мере не способен воплотить свой замысел, и «коммуникативная удача», скорее, редкое исключение, чем правило.

В постоянном диалектическом взаимодействии адресанта и адресата различают два компонента, связанные с участниками коммуникативного акта. Первый компонент определяется ориентированностью речи на адресата, прогнозированием его реакции, предвосхищением этой реакции, поддержанием внимания адресата и обозначается термином «экстравертированное речевое действие». Второй компонент – автокомментированием, ситуативным комментированием, выделением важного / неважного, подчеркиванием, уточнением и т. п., которые являются проекцией адресанта в порождаемом речевом произведении, и называется «интравертированным речевым действием» [Бубнова 1991: 88-89].

Анализируя интеррогативный речевой акт с последующей ответной реализацией, представляется необходимым рассмотреть соотношение концепта определенного понятия с точки зрения адресанта и концепта этого

же понятия с точки зрения адресата (В лингвистической науке концепт понимается как «оперативная единица памяти ментального лексикона, квант знания» [Кубрякова 2004: 90], «идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия» [Степанов 1995: 41-42], «сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе» [Колесов 2004: 19-20], «представление о фрагменте мира» [Пименова 2011: 8], «дискретное ментальное образование, ... представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношениями общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 175]):

1. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае интеррогативный акт может состояться.

Для осуществления дискурса между адресантом и адресатом, «перед моментом произнесения первого, или инициального, высказывания, должно существовать некоторое знание», являющееся общим для всех участников коммуникации [Йокояма 2005: 28]. Например:

-Как вам показался наш город? – примолвила Манилова. – Приятно ли провели там время?

-Очень хороший город, прекрасный город, – отвечал Чичиков, – и время провел очень приятно: общество самое обходительное.

-А как вы нашли нашего губернатора? – сказала Манилова.

-Не правда ли, что препотеннейший и прелюбезнейший человек? – прибавил Манилов.

-Совершенно правда, – сказал Чичиков, – препотеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей...

-А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек? – сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

-Очень, очень достойный человек, – отвечал Чичиков... (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Однако наличие этого признака еще не свидетельствует о том, что коммуникативный акт обязательно состоится. Кроме этого должно быть «наличие общего языкового кода», «способность к адекватной оценке дискурсивной ситуации», «осознанное желание и стремление людей вступить в языковой контакт» [Йокояма 2005: 29]:

-Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича, – сказал наконец Чичиков, видя, что никто не располагается начать разговор, – в прошедший четверг. Очень приятно провели там время.

-Да, я не был тогда у председателя, – отвечал Собакевич.

-А прекрасный человек!

-Кто такой? – сказал Собакевич, глядя на угол печи.

-Председатель.

-Ну, может быть, это вам так показалось: он только масон, а такой дурак, какого свет не производил.

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом, поправившись, продолжал:

-Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек!

-Губернатор превосходный человек?

-Да, не правда ли?

-Первый разбойник в мире!

-Как, губернатор разбойник? – сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники...

-Впрочем, что до меня, – сказал он, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосердечное.

-Мошенник! – сказал Собакевич очень хладнокровно, – продаст, обманет, еще и пообедает с вами!

...После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий, Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо отзываться (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 5).

Приведенные текстовые фрагменты из «Мертвых душ» показывают ситуацию обсуждения одних и тех же объектов, но насколько разная эта оценка в зависимости от внеязыковой ситуации, которая, в первую очередь, определяется личностным отношением субъектов речи к теме разговора.

2. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом не совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае реализация интеррогативного акта невозможна по определению, и вследствие отсутствия речевого контакта наблюдается факт коммуникативного несогласования:

Тарелкин. Мавруша!! Разбойница – Мавруша, – где ты?

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет – никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... (А. Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина, 1, 2).

Или:

Игорь расположился за столиком в позе следователя из дурацкого фильма.

-Приятный молодой человек. – Предъявил фотографию. – Да?

Она уставилась в недоумении. Подняла глаза:

-Что это значит?

(Неестественная интонация. Точно неестественная.) (А как же ей быть естественной, если человек ничего не понимает впрямь?)

-Это значит, – он изобразил жесткую усмешку, – что твой бывший

кавалер рыцарски уступил тебя мне. И даже угостил ужином в ресторане в знак своего расположения.

-Не понимаю...(М. Веллер. О любви).

Коммуникативная ситуация всегда основывается на презумпции обоюдной понятности реплик. Неясная в своем прямом смысле реплика неожиданна. Поэтому каждая встреча с непонятной репликой сопровождается удивлением:

-Думаете, сегодня чего-то будет? – услышал я рядом с собой молодой голос.

Удивленный, что со мной хоть кто-то заговорил, я оглянулся и увидел рядом щуплого комсора, который, слегка отвернув козырек кепки, тоже пялился в небо.

-Что будет? – спросил я его.

-Как это, что будет? – Оторвавшись от созерцания облачного покрова, комсор перевел взгляд на меня, и я немедленно узнал в нем подкомписа Охламонова из Безбумлита. К сожалению, он меня тоже узнал. – Ах, это вы! – сказал он растерянно и вдруг повернулся и стал быстро от меня удаляться (В. Войнович. Москва 2042).

Выделяют действительное и мнимое непонимание, чье функциональное сходство в интеррогативной ситуации проявляется в том, что они стимулируют «развитие еще целого спектра экспрессивно окрашенных, в том числе и эмоциональных, реакций, таких, как обида, позиция оскорбленной невинности, несогласие, возражение, наконец, отпор» [Человеческий фактор 1992: 73].

Однако на этом их сходство закачивается, т. к. «при действительном непонимании удивление или иная экспрессивная реакция вторичны; при мнимом непонимании первична эмоциональная реакция, для которой непонимание не более чем коммуникативная логика» [Человеческий фактор 1992: 73]. Приведенный выше пример из В. Войновича иллюстрирует случай действительного непонимания, когда главный герой романа оказывается в незнакомой ему до этого ситуации, а вынужден быть «ответчиком» за эту

ситуацию.

В большинстве случаев факт непонимания, удивления маркируется при помощи специальных слов и синтаксических конструкций:

Я видел, что Дзержин смущен. Когда мы опять оказались в зале, он схватил меня за руку и поволок куда-то в угол.

-Вы с ума сошли, дорогуша! – зашептал он, боязливо оглядываясь. – Что же это вы такое со мной делаете? Разве можно такие слова говорить?

-А что я такого сказал? – спросил я.

-Неужели вы даже не понимаете, что сказали? Вы демонстративно отказались сотрудничать с органами и даже произнесли какое-то слово «стукач» (В. Войнович. Москва 2042).

Удивление, высказанное адресатом, показывает, что сообщение было неправильно понято или истолковано. Непонимание, в свою очередь, часто ведет к проявлению обиды, возмущению, растерянности, нежеланию выполнять предъявляемое требование, протесту:

-Какой ты ядовитый человек, Захар! – прибавил Обломов с чувством.

Захар обиделся.

-Вот, – сказал он, – что я за ядовитый? Я никого не убил.

-Как же не ядовитый! – повторил Илья Ильич, – ты отравляешь мне жизнь (И.А. Гончаров. Обломов, I, VIII).

3. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом частично совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае успешность или неуспешность интеррогативного акта будет зависеть от ряда дополнительных условий:

1) Желания / нежелания адресанта и адресата вступать в коммуникативные отношения. Если оба коммуниканта заинтересованы в обмене информацией, то, с одной стороны, адресант либо уточнит свой вопрос, дав более полную интерпретацию предмета речи-мысли:

-Скажите, – заговорила Маргарита, и голос ее стал глух, – среди них

нет критика Латунского?

-Как же его может не быть? – ответил рыжий, – вон он с краю в четвертом ряду.

-Это блондин-то? – щурясь, спросила Маргарита.

-Пепельного цвета... Видите, он глаза вознес к небу.

-На патера похож?

-Во – во!

Больше Маргарита ничего не спросила, всматриваясь в Латунского (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19);

либо осуществит запрос о коммуникативном восприятии (понятности / непонятности) адресатом:

-Чудные вы, большевики, люди, – сказал я. – Сами писателя травите, сами изгоняете, потом сами же его книги возите контрабандой. Разве это не идиотизм?

-Идиотизм, – согласился охотно Букашев. – Идиотизм чистой воды. Но ничего сделать нельзя. Система, понимаешь ли, идиотская.

Я посмотрел на него недоуменно.

-Значит, ты тоже, – спросил я, – понимаешь, что система идиотская?

-А что? – сказал он. – Что тебя удивляет? Система идиотская, и я ей служу, но сам я не обязан быть идиотом (В. Войнович. Москва 2042).

С другой стороны, адресат задает встречный вопрос с целью уточнения некоторых смысловых параметров предмета речи:

-Скажи мне, ну что там нового? – спросил Иван Дмитриевич. – Что там?

-Вы про город желаете знать или вообще?

-Ну, сначала расскажи мне про город, а потом вообще.

-Что ж? В городе очень скучно... (А.П. Чехов. Палата №6, X).

В случае, когда адресат негативно относится к адресанту, или когда не желает говорить правду / ложь, или в случае плохого самочувствия, или по

какой-то другой причине, он все сделает для того, чтобы коммуникативный акт не состоялся:

А ведь в этой комнате умерла татап? – сказал Володя.

Я не отвечал ему и притворился спящим (Л.Н. Толстой. Юность, XXIII).

Или:

-Погода к вечеру стала получше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдем? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила (А.П. Чехов. Дама с собачкой).

2) Расположенности адресанта и адресата на шкале социальной градации. В этом случае говорят о степени официальной дистанции. Если оба коммуниканта стоят на одной ступени социальной лестницы или хотя бы на рядом расположенных ступенях, то возможность успешного коммуникативного акта повышается. Если социальное дистанцирование значительно, то вероятность успешного коммуникативного акта сводится к минимуму. Исключение могут составить случаи пресс-конференций или выхода власти в народ. Различие в социальном положении потенциальных коммуникантов определяет и коммуникативную дистанцию между ними.

В условиях современного общества формализация общения между представителями различных социальных слоев носит особенно выраженный характер. При всем этом социальная дистанция динамична, однако нивелирование дистанцирования, как правило, является прерогативой вышестоящего участника коммуникации. Очень точно, на наш взгляд, это выразил В. Войнович:

Со старшиной подполковник разговаривал совсем не так, как час назад с командиром полка. Но и разговор старшины с Чонкиным был мало похож на его разговор с подполковником. Что касается Чонкина, то он мог в таком духе разговаривать разве что с лошадей, потому что она по своему положению была еще ниже его. А уж ниже лошади никого не было (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 5).

М.И. Веллер подобную ситуацию общения передает со свойственной ему ироничной меткостью:

...маршал вцепился тяжелым давящим взглядом и спросил грубым низким голосом, отшибающим саму возможность думать:

-Кто – ты – такой?!

Вопрос был задан с такой непререкаемой и угрожающей властью за пределом хамства, что из Ольховского автоматически вылетело:

-Командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский!

Помимо всякого сознательного усилия ноги его сдвинулись, плечи расправились, подбородок задрался. За спиной стукнули каблуки матросов (М. Веллер. Гонец из Пизы, IV, 10).

Фрагмент построен таким образом, что в диалоге коммуникативно значимыми являются не реплики персонажей, а контекстное окружение, контекстная рамка, демонстрирующая всю статичную иерархичность ситуации.

Чем формальнее общение и больше дистанция между коммуникативными партнерами, тем более вероятно, что адресант прибегнет к двум основным приемам этикетизации:

а) повышение статуса партнера и понижение собственного статуса;

б) выбор косвенных способов оформления речи (косвенные формы обращения, косвенные речевые акты, косвенное упоминание об определенных темах, эвфемизация, косвенное выражение несогласия и т. д.).

Речь нижестоящего в статусно-маркированном диалоге характеризуется относительно большей сложностью и длиной. Солидарность трактуется как сигнал внутригрупповой идентичности, как противопоставление «нас» «им» и в таком понимании является фактором языковой дифференциации. Престиж и порицание связаны с определенными языковыми формами, принятыми либо осуждаемыми в определенных референтных группах [см.: Dik 1986: 21-28], что подчеркивается контекстным окружением. Например:

Аракчеев поворотил к нему голову, не глядя на него.

-Вы чего просите? – спросил Аракчеев.

-Я ничего не... прошу, ваше сиятельство, – тихо проговорил князь Андрей. Глаза Аракчеева обратились на него.

-Садитесь, – сказал Аракчеев, – князь Болконский.

-Я ничего не прошу, а государь император изволил переслать к вашему сиятельству поданную мной записку...

-Извольте видеть, мой любезнейший, записку я вашу читал, – перебил Аракчеев, только первые слова сказав ласково, опять не глядя ему в лицо и впадая все более в ворчливо-презрительный тон. – Новые законы предлагаете? Законов много, исполнять некому старых. Нынче все законы пишут, писать легче, чем делать.

-Я приехал по воле государя императора узнать у вашего сиятельства, какой ход вы полагаете дать поданной записке? – сказал учтиво князь Андрей.

-На записку вашу мной положена резолюция и переслана в комитет. Я не одобряю (Л.Н. Толстой. Война и мир, 2, 3, V).

3) Темпоральной синхронизации / рассинхронизации адресанта и адресата. Темпоральная рассинхронизация наблюдается в случаях, когда в качестве адресанта выступает автор какого-либо письменного речевого произведения (художественного, научного, публицистического), в качестве адресата – читатель, а в качестве речевого сегмента – конкретное произведение. Запоздалые ответы теряют всякий коммуникативный смысл, они находятся «за пределами общения, они не могут выполнить коммуникативной функции» [Лимантов 1975: 78].

За тот или иной отрезок времени (с момента опубликования до прочтения пройдет какой угодно срок, иногда это века) может произойти переосмысление ценностей, истин, проблем, путей решения кризисных ситуаций в обществе. И реакция, на которую изначально рассчитывал автор, окажется совсем иной. Немаловажным при этом является факт отсутствия непосредственного контакта с аудиторией (читателем), когда наряду с вербальными средствами воздействия на собеседника используются

невербальные.

4) Эмоциональным состоянием коммуникантов, что может привести к тому, что адресант не вполне последовательно и логично изложит свои мысли, из-за чего семантическая и формально-грамматическая структура предложения оказывается нарушенной:

Не без боязни вошел я на парадное крыльцо, у которого стоял швейцар с булавой.

Я спросил его – дома ли?

-Кого вам надо? Генеральский сын дома, – сказал мне швейцар.

-А сам генерал? – спросил я храбро.

-Надо доложить. Как прикажете? – сказал швейцар и позвонил (Л.Н. Толстой. Юность, XX).

Считается, что всякое понимание складывается из объективного и субъективного, «никто не понимает слово в точности так, как другой», «непонимание и несогласие проявляются в той мере, в какой «каждый человек обладает своим языком» [Гумбольдт 1984: 143]. «Понимание как тождество мысли в говорящем – иллюзия» [Потебня 1976: 277]. По этой причине любое высказывание может иметь множество интерпретаций, и «любое речевое произведение в этом смысле – свернутая (виртуальная) конфликтогенная ситуация» [Голев 2004: 114].

Каждая коммуникативная ситуация использует свои стратегии, т. е. осознание ситуации в целом, определение направления в развитии и организации воздействия в интересах достижения цели общения. В ИС, где стратегической целью является получение максимума информации, применяется тактика перевоплощения [Гойхман 1997: 210], заключающаяся в том, что говорящий как бы искусственно устанавливает разрыв в знаниях, превращаясь при этом в «незнайку», «дилетанта».

В связи с этим уместным считаем привести выдержки той части работы Т.Г. Винокур, где она касается речевого поведения (РП) коммуникантов.

1) РП, варьируясь в разных условиях речи и в зависимости от того,

какие возможности проявления социально-психологических связей эти условия предоставляют, стремится соответственно своему категориальному назначению обеспечить взаимопонимание говорящего / слушающего.

2) Инвариантом РП говорящих и слушающих в разных условиях речи, в разных коммуникативных и содержательно-тематических сферах является, таким образом, поиск общего языка, получающий удовлетворительное решение благодаря ряду вариантов (стилевых приемов), основанных на специфике отношений (коммуникативных функций) между участниками речевого общения.

3) Все те варианты коммуникативной функции слушающего, которые содействуют формированию равных / неравных, конкретных / дистантных, официальных / неофициальных отношений между участниками речевого акта и, следовательно, определяют их РП, можно условно разделить на конфликтное и бесконфликтное текстовое взаимодействие, имеющую двустороннюю классификацию: а) содержательно-тематические подтипы – согласие / несогласие, утверждение / возражение, принятие / непринятие и б) коммуникативно-стилистические подтипы – нейтрализация или обострение стиливых контрастов, гомогенность или гетерогенность стиля отдельного высказывания в восприятии говорящего и слушающего.

4) В определенных случаях мы являемся свидетелями «антиномии говорящего и слушающего», которая часто приводит к конфликту в информативно-коммуникативном и в стилистическом отношении... Однако прежде всего участникам общения свойственно стремление к сотрудничеству, и это выражается в готовности приспособиться к чужому речевому опыту в той же мере, как желание реализовать свой собственный» [Винокур 2005: 82-83].

Таким образом, успешность реализации диалога зависит не только от желания адресанта узнать о чем-то ему необходимом, но и от желания адресата дать ответ на поставленный вопрос, а также от конкретной коммуникативной ситуации, обусловленной такими экстралингвистическими

факторами, как социальное положение коммуникантов, характер их отношения друг к другу, уровень развития, особенности национального менталитета, место и время коммуникативного акта.

1.5. Классификация ответных реплик

Интеррогативная ситуация предполагает не только постановку вопроса, но и реализацию в ней ответного речевого хода, представляющего собой деятельность адресата, реагирующего на запрос информации. Оба эти компонента ИС с самого начала своего зарождения неравноправны в коммуникативном акте. Вопрос и ответ в диалогической речи изначально находятся в неравном соотношении: ответная реплика зависит от вопроса. Эта зависимость имеет «функционально-синтаксический характер и определяется иллокутивным замыслом говорящего и его реакцией на обращенный к нему вопрос» [Невольникова 2004: 13].

Как отмечает Н.И. Голубева-Монаткина, «в вопросе представлено два или несколько возможных миров, мыслимых «положений дел», которые эпистемологически понимаются как другие варианты видения реального мира... Спрашивающий соотносит эти возможные миры не с действительностью, реальным миром, а один возможный мир с другим, или с целым рядом возможных миров...» [Голубева-Монаткина 2004: 34], тогда как адресат «более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса. Ограничения спрашивающего обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые формируют личную сферу говорящего (вещную личную сферу, личное пространство и личное время говорящего). Отвечающему же, кроме существующих ограничений его собственной личной сферы, навязываются возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего» [Голубева-Монаткина 2004: 36].

Интенции и установки адресанта, межличностные отношения и обстоятельства коммуникации, общая коммуникативная стратегия являются

предпосылками возможности выбора адресатом нескольких альтернатив, обусловленных языковыми предписаниями, комплексом взаимосвязей межличностных значений и социальными конвенциями.

Как правило, они представлены двумя большими группами: высказыванием, являющимся ответом на вопрос, и высказыванием, которое ответом на вопрос не является. В качестве подобного разграничения выступает коммуникативно-прагматический критерий, опирающийся на реализованность / нереализованность исходной постакторечевой интенции адресанта. Реплики-реакции, в той или иной мере заполняющие информационную лакуну вопроса и удовлетворяющие ожидание инициатора общения, являются ответом на вопрос.

Отказом от ответа принято считать реплику-реакцию, не заполняющую информационную лакуну вопроса, не реализующую постакторечевую интенцию адресанта и обладающую низкой кооперативностью:

Ипполит Матвеевич опешил.

-Батюшка! – воскликнул он, в удивлении снимая руки со стула.

Отец Востриков полиловел и разжал наконец пальцы. Стул, никем не поддерживаемый, свалился на битый кирпич.

-Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? – с наивозможной язвительностью спросила духовная особа.

-А ваши локоны где? У вас ведь были локоны?

*Невыносимое презрение слышалось в словах Ипполита Матвеевича.
(И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, IX).*

В основе классификации ответных реплик лежит функционально-семантический подход, учитывающий соответствие / несоответствие сообщаемой респондентом информации характеру запроса. Способ представления информации служит критерием разграничения прямых и косвенных ответов. По характеру выдаваемой на запрос информации ответы делятся на полные, неполные и полные дополняющие ответы.

Г.В. Валимова разделяет ответные реплики на два вида: те, структура которых не зависит от предшествующего вопросительного предложения, и

те, структура которых, «напротив, определяется главным образом типом последнего». При этом, «чаще всего ответное предложение связано непосредственно с вопросом, к которому оно относится, т. к. обычно составляет с ним парное единство и вне последнего не функционирует» [Валимова 1967].

Характер зависимости ответных предложений может быть трех видов:

1. Лексическая зависимость проявляется в том случае, когда по требованию вопроса в ответном предложении употребляются определенные слова или слова определенного семантического ряда, которые становятся структурной основой ответного предложения, ибо без этих слов оно не может сформироваться:

*-А это впереди, кажется, **наш** лес? – спросил Аркадий.*

*-Да, **наш**. Только я его продал. В нынешнем году его сводить будут (И.С. Тургенев. Отцы и дети, III).*

2. При лексико-грамматической зависимости структурной основой ответных предложений также является слово, логически выделяемое в вопросе. Но ответное предложение этого слова обычно не повторяет, а состоит лишь из членов предложения, распространяющих его. В результате отсутствия в ответе повторяющегося слова вопросительного предложения, т. е. того слова, к которому относятся распространяющие его члены предложения, последние связываются с аналогичными словами вопросительного предложения:

*-Неужто вы **пьете** это теперь? – указал Вельчанинов на шампанское.*

-Остатки-с... – сконфузился Павел Павлович (Ф.М. Достоевский. Вечный муж, V).

3. При грамматической зависимости структурной основой ответного предложения является тот член предложения, который служит ответом на поставленный вопрос. Грамматическая зависимость ответного предложения определяется тем, что тот или иной член этого предложения употребляется в результате связи с определенным вопросительным предложением. В

ответном предложении имеется тот же член предложения, который в вопросительном предложении выражает смысл вопроса:

-Что это?

-Записка.

-Кому?

-Вам.

Есть ответы, которые вербально не выражены:

-Есть у тебя платок? – спросил папа.

Я вынул из кармана и показал ему (Л.Н. Толстой. Детство, VII).

Или:

-Но неужели совершенно все кончено? – сказал Пьер.

Княжна Марья с удивлением посмотрела на него. Она не понимала даже, как можно было об этом спрашивать (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 5, XXI).

Т. о., одним из основных компонентов диалога является вопросо-ответное единство, представляющее собой трансакцию диалогического комплекса и состоящее из речевых действий участников коммуникации – действий адресанта и действий адресата. Адресант, собственно инициатор ИС, производит речевое действие согласно выбранной им цели, в котором кодирует информацию для адресата в виде вопросительного высказывания, а адресат воспринимает это вопросительное высказывание и реагирует на него в виде ответного высказывания с учетом прагматических параметров (тема, личностные факторы участников, сфера общения), определяющих конкретную интеррогативную ситуацию.

Собственные интенции и установки каждого из коммуникантов должны быть сообразованы друг с другом. При этом в своей совокупности реплики партнеров должны приводить к выполнению взаимных обязательств путем выбора из набора альтернатив, обусловленных языковыми предписаниями, комплексом взаимосвязей межличностных значений и социальными конвенциями.

Выводы по 1 главе

1. Коммуникативная ситуация есть такое положение дел, которое воспринимается говорящим, осознается и оценивается им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения высказывания.

2. Интеррогативная ситуация имеет явную прагматическую установку и предназначена для устранения информационной лакуны.

3. Наиболее ярко интеррогативная ситуация проявляется в диалогическом типе речи, предполагающем такие составляющие, как наличие адресанта и адресата, условия реализации коммуникативного контакта, тематическую определенность.

4. Интеррогативная ситуация неоднородна по своему содержанию и варьируется в диапазоне «истинная – мнимая», что определяется конкретными коммуникативными условиями.

5. Основной категорией интеррогативной ситуации выступает категория «коммуниканты», представленная понятиями адресант и адресат.

6. На коммуникативной интеррогативной оси адресант и адресат проявляют себя как равноправные участники, партнеры по созданию коммуникативных условий, что непосредственно проявляется в системе «вопрос-ответ».

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

2.1. Семантическая структура интеррогативного высказывания

Языковой мир человека отражает «положение дел» с помощью семантических категорий в их взаимосвязи. Содержание семантической категории, с одной стороны, объединяет в себе сходные значения языковых единиц и форм, с другой, – само воплощается в системе разноуровневых средств языка, объединенных определенной семантической доминантой. Каждая семантическая (понятийная) категория «находит свое языковое выражение в установлении лексической, морфологической или синтаксической системы» [Мещанинов 1978: 237].

Отсюда понятен возросший интерес к изучению семантики языковых единиц, в первую очередь, к высказываниям различного типа, получившего название антропоцентрического. Как считает С.Г. Ильенко, «обращение к семантике предложения требует последовательного разведения двух ее начал: 1) семантики грамматической структуры – результат соотнесенности морфологии главных членов и структурной схемы и 2) семантической структуры предложения, представляющей собой итог сложнейшего взаимодействия синтаксических компонентов структуры предложения и их лексического наполнения. ...факторы второго рода необходимо привлекать для проникновения в те подлинные сокровища языка, которые составляют главное его богатство. Языковое богатство складывается не просто из обилия слов и грамматических форм, а есть итог их сложнейшего взаимодействия» [Ильенко 2003: 86].

Любое высказывание, с одной стороны, представляет собой единый знак ситуации, а с другой – характеризуется семантической делимитацией и интегрированностью сторон действительности, отражением которой является. Т. е., в семантике высказывания представлены как объективные свойства реального положения дел, так и его субъективное восприятие

говорящим. Это объясняется способностью человека актуализировать ситуацию, выбирать из нее соответствующие его состоянию и конкретным условиям коммуникации компоненты, ведь «язык говорит о предметах именно в зависимости от их осознания, в зависимости от того, что именно сознание намерено из них выбрать для передачи другому сознанию» [Лосев 1983: 181-182].

Двусторонность высказывания отмечает и Т.В. Шмелева, подчеркивая, что «высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоит в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной – идущей от говорящего и момента общения» [Шмелева 1994: 6].

По мнению Е.В. Милосердовой, расчлененность ситуации на семантическом уровне, предполагающая определенную свободу выбора говорящим той или иной формы, подкрепляется расчлененностью на синтаксическом уровне, где свобода выбора оказывается уже значительно более ограниченной, а в ряде случаев полностью отсутствует, т. е. «на синтаксическом уровне выбор форм диктуется не свободной волей говорящего, а жесткими правилами сочетаемости языковых знаков, в большинстве строго регламентированными отношениями между ними. ...Семантический уровень в этом смысле занимает промежуточное положение, находясь между синтактикой с ее резко ограниченными возможностями выбора и прагматикой, предоставляющей говорящему относительно полную (абсолютной быть и не может!) свободу» [Милосердова 1991: 59-60].

Семантическая структура высказывания представляет собой смысловое единство как результат сложного взаимодействия семантических компонентов на основе иерархических отношений в пределах определенной коммуникативной ситуации. Любое высказывание, независимо от коммуникативной направленности, в своей семантической основе имеет тождественный набор сем. Различаются лишь «доли» этих сем, их процентное содержание. Для семантики конкретного высказывания самым значимым

представляется интегральный компонент, в связи с чем определяется инвариант, конституирующий смысл, т. е. смысл, общий для всех высказываний данной категории. Этот признак формирует семантическое поле, в состав которого входят все единицы, обладающие данным смыслом в той или иной мере. Кроме того, в высказывании реализуются дифференциальные смыслы, которые присущи лишь этой единице и с помощью которых оно может быть выделено из системы ему подобных. Интегральный и дифференциальные смыслы в семантике высказывания соответственно определяются как категориальный компонент и некатегориальный компонент.

Категориальный семантический компонент высказывания (КСК) – тот базовый компонент понятийного значения синтаксической структуры, который позволяет отличить один коммуникативный тип высказывания от другого в конкретной ситуации общения, тогда как некатегориальный семантический компонент (НКС) – компонент, который не влияет на отнесение конкретного высказывания к определенному коммуникативному типу, но который, тем не менее, присутствует в глубинной семантической структуре, несколько расширяя пропозицию.

Коммуникативная ситуация на семантическом уровне предлагает говорящему довольно большой набор тех элементов, которые могут привести к реализации его коммуникативной цели, что объясняется сочетанием инвариантности и вариативности, связанной прежде всего с тем, что в каждом высказывании присутствует элемент субъективности, затрудняющий чисто семантическое описание языковых форм. Применим этот постулат и к интеррогативной ситуации, структурирующим элементом которой выступает вопросительное (интеррогативное) высказывание, в семантическом отношении представляющее собой чрезвычайно сложное явление. Вероятно поэтому, описывая структурные особенности вопросительного высказывания, представляя различные классификации, традиционная грамматика уделяла мало внимания семантической стороне.

Первые замечания по поводу семантики вопросительного предложения были высказаны Ш. Балли. По его мнению, сама языковая форма приказания (просьбы) или вопроса имплицитно адресата, поскольку именно от него говорящий ожидает определенного ответного действия. Он отметил и тот факт, что в сообщении в целях конкретизации адресата могут быть употреблены эксплицитные средства: «звательный падеж, междометия, аналогичные по функции со звательным падежом; многочисленные приемы, соответствующие русским «слушай, скажи» и др. [Балли 1955: 60-61].

Чаще всего при описании семантики вопроса под влиянием логики дискутировались проблемы о том, содержит ли вопросительное предложение суждение, насколько правомерно говорить об истинности вопроса и т. п. Например, Я. Хинтикка определяет вопрос как «требование информации, как комбинацию логики знания с логикой требования» [Хинтикка 1974: 304]. Эта же мысль о семантической сложности вопросительного предложения содержится и в работах отечественных авторов. Так, А.А. Старченко и М.В. Волченко отмечают, что вопрос «содержит двоякую информацию: 1) исходную информацию о мире и 2) указание на ее недостаточность и необходимость дальнейшего восполнения» [Старченко 1980: 266].

Интеррогативная семантика представляет собой сложную комплексную организацию, формируемую семантическими категориями адресанта, адресата, характером запроса, основанием запроса и т. п., а ее семантические компоненты («имплицитный или эксплицитный элемент смысловой структуры предложения, возникающий в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики и отражающий определенное явление внеязыковой действительности, представленное как обобщенный тип множества аналогичных явлений» [Арват 1984: 22]) объединяются единой смысловой доминантой «известное – неизвестное».

Если в повествовательном бытийном высказывании информация о положении дел исчерпывается его семантическим содержанием, представляющим результат мыслительного процесса адресанта, то в

интеррогативе содержащаяся информация составляет лишь отправную точку, исходное начало мысли, второй конец которой находится в руках у адресата. Не случайно Н.И. Жинкин называет вопрос двусторонней передачей мысли [Жинкин 1970: 26], а Ф.С. Лимантов, рассуждая о роли вопросительного предложения в познавательном процессе, характеризует его как «исходное звено» по той причине, что «всякий полноценный акт познания заключает в себе вопрос, и именно вопросами выражается первое побуждение мысли» [Лимантов 1968: 5].

Неоднозначность понимания, что и в каком объеме формирует семантику вопросительного предложения, естественным образом породила разные точки зрения на решение данной проблемы.

По мнению А. Стельмашук, опирающуюся на принципиальную необходимость последовательного разграничения семантики грамматической единицы и ее функции, «семантика вопросительного предложения связана с тем, на какой объем получения информации рассчитывает говорящий, обращаясь к своему собеседнику» [Стельмашук 1987: 6]. Поэтому вопросительное предложение должно квалифицироваться со структурно-семантической и собственно функциональной точек зрения.

Структурно-семантическая классификация представлена тремя подгруппами:

а) ВП, выражающие общевопросительность, т. е. требующие сведений о всей ситуации в целом:

-Вы любите драться? – спросил он рассеянно.

-Нет, не весьма, – спокойно отвечал Свидригайлов (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 4, I).

б) ВП, выражающие частновопросительность, т. е. требующие сведений о каком-либо аспекте ситуации:

-Который час? – спросил Раскольников, тревожно озираясь.

-Да лихо, брат поспал: вечер на дворе, часов шесть будет. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, III).

в) ВП альтернативные, т. е. предполагающие выбор одной из нескольких возможностей:

-Помилуйте, – отвечал я ему, – ведь, право, неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом?
(Ф.М. Достоевский. Игрок, IV).

Или:

-Мужчины мы или говнюки? – решительно спрашивал общество хозяин-трактирщик, возвышаясь во весь свой немалый рост над длинным дубовым столом (В. Быков. Камень).

Как считает Г.Г. Почепцов, «семантическая структура вопросительного предложения содержит вопрос компетентности адресата, т. е. общий вопрос относительно наличия у адресата информации о данной составляющей ситуации или ситуации в целом, интересующей спрашивающего» [Почепцов 1979: 7].

Значение запроса информации – это лишь часть семантической структуры вопросительного предложения. Л.Ф. Бердник полагает, что в вопросительной конструкции выделяются семы сообщения, вопроса, побуждения [Бердник 1982: 63].

Некоторые исследователи утверждают, что семантика вопроса сводится к иллокутивной функции запроса информации, а не только и не столько к его пропозициональному содержанию, т. к. хотя оно и лежит в основе вопроса, но не является его смыслом.

И.М. Кобозева в семантике вопроса выделяет следующие компоненты:

Главный компонент, состоящий из показателя (иллокутивной функции) ИФ, определяемый как разновидность побуждения – побуждение слушающего к сообщению нужной говорящему информации, и пропозициональной части, которая «задает множество альтернатив, выбор одной из которых ведет к ответу на вопрос... альтернативы либо явным образом задаются в вопросе, либо описываются путем отсылки к ... матрице, где под последней имеется в виду предложение, в котором на местах имен стоят переменные».

По мнению И.М. Кобозевой, именно различие способов задания альтернатив приводит к разбиению вопросов на два класса: альтернативные, разновидностью которых являются общие вопросы (ОВ), и специальные (частные).

Тематический компонент вводится в семантическое представление вопроса для отражения актуального членения ОВ на тему (логический субъект) и рему (логический предикат).

Характеризуя показатель темы, исследователь вслед за А. Вежбицкой использует особый семантический предикат «думая о» для экспликации темы высказывания. Субъектом этого предиката является говорящий, объектом – содержание темы.

Содержание темы. В случае ОВ содержанием темы является некоторое мыслимое положение вещей, которое является неопределенным в том или ином отношении, и именно эту неопределенность говорящий стремится устранить, задавая вопрос. В ОВ, произносимых без контрастного ударения, мыслимое положение вещей неопределенно только в плане его соответствия действительности (истинность vs ложность). В этом случае содержанием темы является пропозиция вопроса Р со снятой утвердительностью: «думая о том, Р ли». В ОВ с контрастным ударением мыслимая ситуация неопределенна в том смысле, что один из ее актантов не конкретизирован, а именно: имеется некоторое ограниченное множество объектов, каждый из которых в принципе мог бы претендовать на данную роль».

Пресуппозиционный компонент, в который «входит та часть информации, которая сохраняет любой допустимый ответ на этот вопрос (в том числе и отрицательный). Это те содержащиеся в вопросе суждения, которые адресат, по мнению говорящего, должен считать истинными. Пресуппозициональный компонент представляет собой набор пресуппозиций, каждая из которых состоит из показателя пресуппозиционности «полагая, что ты знаешь» и пропозиции. Например, в пресуппозициональный компонент вопроса «Закончил ли он реферат?» входит пресуппозиция «полагая, что ты

знаешь, что он пишет реферат».

Установочный компонент представляет собой «ожидания говорящего, на фоне которых он задает свой вопрос и которые ... проявляются в выборе формы ОВ. ... Критерий отграничения установки от пресуппозиции состоит в том, что первая, в отличие от последней, сохраняется только при положительном (подтверждающем) ответе на вопрос и отвергается при отрицательном. Установка отражает субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию вопроса».

Установочный компонент ОВ в общем случае представляет собой набор установок, каждая из которых состоит из субъективно-модального показателя и пропозиции [Кобозева 2000: 294-297].

Подобной точки зрения придерживается В.В. Казаковская, которая достаточно подробно характеризует тема-рематический компонент центра семантического поля общего вопроса [см.: Казаковская 2005: 376-422].

В описании семантической структуры интеррогативного высказывания мы исходим из того факта, что основными коммуникативными типами предложения являются повествовательное, побудительное и вопросительное, разграничение которых зависит от их категориальной семантики, определяющим компонентом которой соответственно будет сема бытийности (ассертивности), сема императивности (директивности) или сема интеррогативности.

Разведение типов высказывания по линии «повествовательность – вопросительность – побудительность» связано с пониманием оппозиции. Известно, что оппозиция это не только противопоставление какого-либо признака, в нашем случае – оппозиция указанных коммуникативных типов, но и общие семантические компоненты, позволяющие составить эту оппозицию. Н.С. Трубецкой писал: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две

вещи, не имеющие основания для сравнения или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком, ... никак не могут быть противопоставлены друг другу» [Трубецкой 1960: 75].

Если принять во внимание, что в речевом акте представлено, в первую очередь, противопоставление реализаций коммуникативных типов высказываний, то каждый из них репрезентирован несколькими оппозициями, или «сюжетными линиями». Они обусловлены самими принципами построения и содержания речевого акта: наличием внеязыковой ситуации, составом участников, темой и целью коммуникативного контакта, другими параметрами.

Кроме того, внутри каждого члена оппозиции выделяются промежуточные коммуникативно-синтаксические модели, обладающие смешанными коммуникативно-установочными свойствами, приобретенными в результате переноса определенных черт с одного коммуникативного типа предложения на другой. Применительно к интеррогативному предложению М.Я. Блох выделяет: 1) собственно вопрос; 2) вопросительно-повествовательное (риторический вопрос); 3) повествовательно-вопросительное (косвенный вопрос); 4) побудительно-вопросительный; 5) вопросительно-побудительный [Блох 1976: 14-20]. Такая градация позволяет представить в системе языковых знаков вопросительную по форме конструкцию не как «монолит», а как мобильную организацию, приспособляющуюся к нуждам речевой ситуации. И в этом едва ли не ведущую роль играет соотношение в высказывании семантических компонентов.

Наша речь всегда направлена на кого-то, поэтому первая оппозиция реализуется на уровне коммуникантов: адресант – адресат. Проблема взаимосвязи человека, произносящего слово, и человека, его воспринимающего в конкретном творческом акте создания слова-текста, его понимания и интерпретации, имеет давнюю традицию.

М. Монтень еще в XVI в. обратил внимание не только на важнейшую роль слова как зеркала, в котором отражается лик говорящего, но и на роль

слушателя в «создании» самого слова, поскольку личностное начало говорящего (по М. Монтеню, «лицо», «я-для-себя»), динамичное по своей природе, не только обнаруживается через отношение к собеседнику («маска», «личина», «я-для-другого»), но и обретает свою форму исключительно в контакте с ним. Таким образом, «маска» является результатом этой зависимости (одобрение или неодобрение окружающих), что отражается и в слове, которое, как утверждал М. Монтень, «принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает» [Монтень 1991: 342-345].

Речевые акты адресанта могут быть вполне поняты и по преимуществу однозначно восприняты только адресатом, так как только он в той или иной мере ориентируется в установках говорящего. «Речевые акты понимаются слушающим (или читающим) не полностью до тех пор, пока они не будут знать, какие пропозиции выражаются и какова их коммунал функция. Понять это – значит понять тот коммуникативный эффект, которого стремится достигнуть говорящий. Как правило, говорящий также будет надеяться на достижение интеракционального эффекта, т. е. на то, что слушающий примет речевой акт или определенным образомотреагирует на него [Еемерен 1992: 29].

Как отмечает А.В. Полонский, «коммуникативно-речевой акт любой формы и содержания является по своей сущности интерперсональным (интерсубъектным), то есть стабильно реализуется во взаимодействии говорящего с адресатом в минимальной коммуникативной единице языка – диалоге, представляющем собой единство воздействия и ответной реакции» [Полонский 1999: 30]. В связи с этим, семантический компонент, связанный с адресантом и ее адресатом, «концентрируется в средствах, эксплицирующих и имплицитных субъектов речи или ориентированных на сферу их взаимодействия, выявляется в способах авторизации и адресации» [Полонский 1999: 30].

Оппозиция «адресант – адресат» характерна для внешних речевых актов, как интеррогативных (1), так и неинтеррогативных (2), где количество участников больше одного, и соотносится с таким фундаментальным видом

организации речи, как диалог. Например:

1) *-Поступай к нам в политехникум...*

*-Я уже окончил один гуманитарный вуз, – торопливо молвил **великий комбинатор**.*

*-А что ты теперь делаешь? – спросил **Паровицкий**.*

-Да так, по финансовой линии.

-Служишь в банке?

Остап внезапно сатирически посмотрел на студентов и внезапно сказал:

-Нет, не служу. Я миллионер...

*-Сколько у вас миллионов? – спросила **девушка** в гимнастических туфлях, подбивая его на веселый ответ.*

-Один, – сказал Остап, бледнея от гордости.

*-Что-то мало, – заявил **усатый** (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, 3, XXXIV).*

2) *Кораблева, Хорошавка, Федосья и Маслова сидели в своем углу и, все красные и оживленные, выпив уже водки, которая теперь не переводилась у Масловой и которую она щедро угощала товарок, пили чай и говорили о том же.*

*-Разве он буянил или что, – говорила **Кораблева** про Васильева, откусывая крошечные куски сахара всеми своими крепкими зубами. – Он только за товарища стал. Потому нынче драться не велят.*

*-Малый, говорят, хорош, – прибавила **Федосья**...*

*-Вот бы ему сказать, Михайловна, – обратилась **сторожиха** к Масловой, подразумевая под «ним» Нехлюдова.*

*-Я скажу. Он для меня все сделает, – улыбаясь и встряхивая головой, отвечала **Маслова** (Л.Н. Толстой. Воскресение, XLVI).*

Или:

*Помолчали. Потом **Чонкин** посмотрел на ясное небо и сказал:*

-Сегодня, видать по всему, будет вёдро.

*-Будет вёдро, если не будет дождя, – сказал **Леша**.*

-Без туч дождя не бывает, – заметил Чонкин.

-Без туч не бывает.

-А бывает и так, что и тучи есть, а дождя все равно нету.

-бывает и так, – согласился Леша.

На этом они расстались. Жаров поехал догонять стадо, а Чонкин вернулся в избу (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 16).

Нарушение этой оппозиции предполагает изменение самой сущности интеррогативной композиции. Так, во внутренней речи достаточно условно проявляются оппозиции на уровне коммуникантов (при всей видимости раздвоения персонажного голоса адресант и адресат «восходят» к одному лицу) и на семантическом уровне (адресант, задавая вопрос самому себе, или уже знает на него ответ, или знает, что ответа он не получит в необходимом для него объеме):

Райский сердито шел домой. «Где же она, эта красавица, теперь? – думал он злобно, – вероятно на любимой скамье зевает по сторонам – пойти посмотреть!» (И.А. Гончаров. Обрыв, II, XXI).

Оппозиция «адресант (я) – адресат (ты)» возникает на основе корреляции субъективности, т. е. выраженности говорящего как субъекта тех или иных отношений. «Я от ты отличает прежде всего то, что я является внутренним по отношению к высказыванию и внешним по отношению к ты... Можно, таким образом, определить ты как лицо несубъективное по отношению к лицу субъективному, которое представлено в я, и эти оба «лица», субъективное и несубъективное, вместе противопоставляются форме «не-лица» (=он)» [Бенвенист 1974: 266].

В коммуникативной корреляции «я – ты» представлены не просто адресант и адресат как участники коммуникативно-речевого акта, но как функционально равные, равнозначные субъекты речи, в которых «таится одинаковая сущность, лишь раздвоенная на индивидуальное при сохранении взаимной соразмерности этих частей» [Гумбольдт 1984: 79], хотя при этом они и

выполняют содержательно различные функции: «я – протоголист, первый главный персонаж повествования, в моделирующем речевом акте преодолевающий «сопротивление» своего партнера; ты – девтерагонист – второй главный персонаж, в интерпретативном речевом акте действующий в согласии с протагонистом или вопреки ему, преодолевая в слове, как знаке другой идеологии «сопротивление» своего ролевого партнера» [Полонский 1999: 37].

Функциональное равенство субъектов речи основано на понимании самой коммуникативной корреляции не только как взаимосоответствия и приспособленности структур, но и как согласованности в их функционировании.

Как уже отмечалось, интеррогативное высказывание представляет собой высказывание, направленное на определенного адресата (Подробно об этом говорится в той части нашей работы, в которой рассматривается интеррогативная ситуация). В связи с этим рядом исследователей предлагается выделить в семантической структуре вопросительного высказывания сему адресатности. Мы согласны с этим. Вопрос только в том, является ли данная сема отличительным признаком вопросительных высказываний или данное значение присуще всем без исключения высказываниям? Мы исходим из того, что любое высказывание представляет собой речь не для себя, а для другого (учитывая основную функцию языка), т. е. значение адресатности уже «заложено» в семантической структуре коммуникативной единицы, в которой в то же время «заложено» и значение адресантности, т. к. любое высказывание принадлежит какому-то говорящему и с этой стороны формирует его модальную окраску, но не определяет коммуникативный тип. Поэтому сему адресатности и сему адресантности необходимо квалифицировать как некатегориальные.

Вторая оппозиция проявляется на семантическом уровне и представляет собой дихотомию «незнание – знание». Говорящий, как правило, определяет тематическую направленность речевого отрезка и

некоторым образом заявляет о своих прагматических намерениях, которые сводятся к устранению «незнания». Незнание может проявляться не только в интеррогативных высказываниях (1) (хотя в первую очередь именно в них), но и в некоторых других типах, например, в повествовательных (2):

1) *Она вышла на площадку, под лунный свет, и стала так, чтобы видели ее всю в новом великолепном платье и в шляпке.*

-Зачем мы здесь стоим? – спросила она.

-Здесь разъезд, – ответили ей, – ожидают почтового поезда (А.П. Чехов. Анна на шее).

2) *Я не знаю, как распорядился бы остатком, но ничто бы на свете меня тогда бы во второй класс не перевело и никаких следов на ресторанной скатерти оставить не склонило (Б. Пастернак. Охранная грамота, 1, 8).*

В вопросительной конструкции всегда отражено не просто неизвестное, а подлежащее выяснению, вопрос имеет смысл только тогда, когда существует необходимость и возможность получения ответа на него, тогда как для невопросительного высказывания такие требования факультативны. Это определяется тем, что незнание в вопросительной конструкции выражено явно, собственно языковыми средствами – самой структурой высказывания (присутствие вопросительных слов разного типа), требующей устранения этого незнания, и реализующейся в диалоге, тогда как в других функциональных типах это незнание структурно не выражено: адресант хотя и говорит о своем незнании какого-то факта, но у него нет потребности по той или иной причине устранить информационную лакуну здесь и сейчас. Как правило, незнание в повествовательной конструкции выражено сложноподчиненным предложением: главная часть представляет собой вводную часть, указывающую на факт незнания, а придаточная сигнализирует о конкретных сторонах незнания:

*Он (читатель – А. Л.) любит фабулы и страхи и смотрит на историю как на рассказ с непрекращающимся продолжением. **Неизвестно, желает ли он ей разумного конца** (Б. Пастернак. Охранная грамота, 1, 2).*

Или:

Летчик смутился и покраснел, потому что не знал, как на это все реагировать (В. Войнович. *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*, 1, 1, 1).

Как справедливо отмечает О.Б. Акимова, «неизвестным в той или иной ситуации для человека может оказаться все что угодно, предугадать все «неизвестное» представляется достаточно трудным, поскольку многое в восприятии окружающей действительности зависит от конкретного человека, уровня его опыта и образования, его личных интересов и пристрастий» [Акимова 1999: 25].

Исследователь считает, что в ситуации неизвестности могут оказаться:

а) только говорящий, который не знает того или иного факта, а осведомленные собеседники либо делятся известной информацией, либо нет, в зависимости от их конкретной целевой установки и субъективных намерений;

б) только собеседник / собеседники (непосредственные и – реже – опосредованные), говорящий ведет себя так же, как коммуниканты в ситуации (а) – либо информирует своих собеседников о фактах действительности, делится с ними информацией, либо нет, соблюдая при этом собственные интересы;

в) в ситуации неизвестности могут оказаться все участники акта коммуникации (и сам говорящий, и его непосредственные собеседники одновременно, возможно при спонтанных, неожиданных событиях, фактах, действиях стихийной силы, поворотах судьбы) [см.: Акимова 1999: 25-26].

Для интеррогативной ситуации наиболее типичной является первый случай, но нельзя отрицать и два других. Незнание, отсутствие необходимой для общения и жизни информации, возникающие вследствие этого сомнения, проблемы, появление неточного знания побуждают человека к постановке вопросов, направленных на устранение незнания, которое может быть самого различного характера и объема. Отсюда и варианты семантики

интеррогативности: запрос о всем положении дел или запрос о каком-либо отдельном факте положения дел.

Запрос о всем положении дел свидетельствует о практически полном отсутствии информации у адресанта по интересующему факту и о желании узнать о нем целиком, пока что без каких-то детальных подробностей. Говоря о практически полном отсутствии знаний, мы имеем в виду, что спрашивающий все-таки владеет какой-то, пусть даже самой мизерной, информацией о предмете запроса, т. к. иначе он не смог бы в принципе сформулировать вопрос: ведь прежде, чем спросить, нужно знать, о чем спрашивать.

Если же задается вопрос об отдельной стороне факта, то это свидетельствует о намерении глубже проникнуть в положение дел, углубить свое знание об интересующем явлении. Показателен в этом отношении следующий пример интеррогативного акта:

-Что вы хотели?

-Средство для волос.

-Для ращения, уничтожения, окраски?

-Какое там ращение! – сказал Ипполит Матвеевич. – Для окраски (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, IV).

Продавец предполагает, что покупатель (Воробьянинов) с какой-то целью зашел к нему в магазин, но точно не знает, в чем состоит это намерение. Он задает вопросы, помогающие ему определиться с выбором услуги, а так как ответ на первый вопрос вначале оказывается недостаточным, то семантика следующего интеррогатива идет по пути конкретизации, причем уже в самом вопросе заложен вариант ответа. Тем самым адресант очерчивает необходимый круг денотатов, который и будет определять его дальнейшие действия.

Запрос об информации зависит в некоторых случаях от субъективно прагматического намерения адресанта: что именно хочет в этой ситуации он узнать, какой объем информации представляется ему достаточным:

-Ты кому продал стул? – спросил Остап позванивающим шепотом.

Здесь Паша Эмильевич, обладавший сверхъестественным чутьем, понял, что сейчас его будут бить, может быть даже ногами.

-Перекупицику, – ответил он.

-Адрес?

-Я его в первый раз видел.

-Первый раз в жизни?

-Ей-богу.

...-Ну ты, жертва аборта, – высокомерно сказал Остап, – отдай концы, не отчаливай. Перекупицик что, блондин, брюнет?

Паша Эмильевич стал подробно объяснять (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, VIII).

О.Б. Акимова выделяет три фазы познания человеком неизвестного факта, события и т. д. К первой фазе она относит полную неизвестность, называя ее исходной позицией, «точкой отсчета», с которой начинается процесс познания. На этой ступени человек вообще ничего не знает о предмете речи, не слышал, не имеет даже приблизительной информации, обладает «нулем» информации, вследствие чего у него возникает потребность в приобретении необходимой информации, порой жизненно важных сведений.

Во второй фазе осуществляется «путь познания человека от первой фазы (полной неизвестности) к частичной (неполной) неизвестности или даже к полной известности, когда человек узнает о некоторых или всех свойствах предмета речи (частичная или полная утрата неизвестности, приобретение известности)», тогда как в третьей фазе происходит обобщенность (генерализация) полученных знаний [Акимова 1999: 29].

Как нам представляется, интеррогативная составляющая проявляется в большей степени и в наиболее явном виде во второй фазе познания. Это связано с тем, что у адресанта сложилось какое-то представление о предмете запроса и определился тот набор вопросов, которые помогут ему перейти на новую ступень знания. В этом случае в качестве стимулирующих знание компонентов выступают вопросительные высказывания, представляющие

собой попытку аннулировать неопределенность в знаниях, т. к. «неопределенность – это то, о чем слышал, имеет поверхностное представление, но точно не знает говорящий (собеседник), а неизвестность – это то, о чем говорящий вообще не знает» [Акимова 1999: 30].

Нарушение оппозиции «незнание – знание» превращает интеррогативный по форме диалог в иную коммуникативную ситуацию:

Из толпы выделился в оборванной одежде и смятой шляпе, в опорках на босу ногу человек с красными полосами во все лицо и направился к тюрьме.

-Ты куда лезешь? – крикнул на него солдат с ружьем.

-А ты чего орешь? – нисколько не смущаясь окриком часового, ответил оборванец и вернулся назад (Л.Н. Толстой. Воскресение, XLI).

Окрик солдата – это не желание узнать о направленности действия другого лица, а попытка остановить само действие. Оба участника ситуации понимают, что за фразой «Ты куда лезешь?» скрывается приказание «Туда идти нельзя». В этом случае ответный вопрос – лишь эмоциональная реакция на приказ («Не ори!»), а не выражение незнания причины крика охранника.

Нарушением оппозиции «незнание – знание» будут и случаи, когда оба участника «знают» (1), когда оба участника «не знают» (2), когда спрашивающий «знает», а спрашиваемый «не знает» (3).

Типичными случаями первой и третьей ситуации является экзаменационный диалог. Адресант (экзаменатор) в обеих ситуациях «знает», и его вопрос несет в себе не запрос о каком-то положении дел, а сему выяснения уровня знаний спрашиваемого, «запрос компетентности адресата» [Почепцов 1979: 34], тогда как адресат (экзаменуемый) может «знать», а может и «не знать» нужный ответ. Однако он знает, что спрашивающий «знает», и это обстоятельство накладывает на него определенные ограничения при ответе: или выдать правильную информацию, или признать свое «незнание».

Примером первого случая может служить и допрос, когда адресант (допрашивающий) владеет определенной информацией и требуется лишь

формальное её подтверждение:

...Доброжелательный следователь вот уже час водил отупевшего Толика по кругу одних и тех же вопросов, от которых свербило в желудке и раскалывалась голова...

-Скажите, а кому принадлежит идея выпустить самиздатовский журнал «За проволокой»?..

-Вы обещали задавать такие вопросы, на которые я мог бы ответить односложно — «да» или «нет»!..

-Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Инициатором этого издания был Евпатий Воронцов?

-Не знаю....

-Глупо. Вы не можете не знать. Вы же были одним из авторов журнала. Итак, Евпатий Воронцов?..

-Ну, допустим...

-Такой ответ может иметь широкое толкование. Давайте конкретнее. Да или нет?..

-Ну, да...

-Значит, Евпатий Воронцов. А кто еще входил в состав редколлегии?..

-Я же предупредил, развернутых показаний я давать не буду!..

-... Итак, вы не желаете назвать имена членов редколлегии?..

-Не желаю!..

-Тогда я сам назову. А вы только засвидетельствуете – ошибаюсь я или нет. Аглая Воронцова?..

-Н-нет...

-Подумайте как следует. Ложные показания могут обернуться против вас. Я же веду протокол. Итак, Аглая Воронцова?..

-Ну, предположим...

-Ваши предположения меня не интересуют. Мне нужен исчерпывающий ответ. Принимала ли Аглая Воронцова участие в создании журнала?..

-Ну, да... (Л. Филатов. Свобода или смерть).

Допрос построен таким образом, что допрашивающий (адресант), демонстрируя определенный набор знаний, не оставляет выбора допрашиваемому (адресату), кроме как подтвердить правильность гипотезы. Несмотря на попытки «уйти от прямого ответа», адресат вынужден отвечать, так как конкретные «узкие» вопросы свидетельствуют о знаниях адресанта и о бессмысленности опровергать какой-либо факт.

Второй случай встречается в любой сфере общения, особенно в бытовом диалоге:

*-А я вас вот о чем хотел спросить, – сказал Кривцов, роясь на столе и доставая из кипеы бумаг какую-то пожелтевшую записочку. – **Вы не знаете, что такое пау-пе-ри-зация?***

*-**Нет**... не слышал даже, – признался Ленька (Л. Пантелеев. Ленька Пантелеев).*

Третья оппозиция характеризуется как оппозиция категориальных (КСК) и некатегориальных семантических компонентов (НСК) высказывания. Так, например, в интеррогативном высказывании КСК интеррогативности (запрос информации) противопоставлен НСК ассертивности и императивности, в повествовательном КСК ассертивности – НСК интеррогативности и императивности, в побудительном КСК императивности – НСК ассертивности и интеррогативности.

Категориальный семантический компонент интеррогативности реализуется в высказывании в своих вариантах, частных семах, выражающих запрос по определенному положению дел. В каждом конкретном интеррогативном акте они строго индивидуальны и входят в семантическое «объединение» только данного высказывания. Реализация таких сем будет определяться уже не сколько лингвистическими факторами, а прагматическими. Поэтому применительно к данному типу мы считаем возможным употребить термин прагмасама интеррогативности

(вопросительности). В зависимости от характера запрашиваемой информации прагмасемы могут быть представлены в виде следующей классификации:

1. Прагмасемы в речевых актах запроса предметной, фактической информации. Они представляют, с одной стороны, самый яркий тип выражения интеррогативности, поскольку «напрямую» отражают желание адресанта узнать о каком-либо конкретном положении дел, т. е. свидетельствуют об интересах коммуниканта «здесь и сейчас» устранить информационную лакуну, а с другой стороны, отличаются широтой охвата «семантической тематики». Именно такие прагмасемы представлены в «истинных» вопросах и формируют центр семантики интеррогативности.

1.1. Прагмасемы выяснение информации:

1.1.1. Прагмасема события, ситуации:

-Что со мной будет?! А – а – ах! Что я наделал?! – говорил я вслух, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета (Л.Н. Толстой. Отрочество, XII).

Или:

-Скажите мне, ну что там нового? – спросил Иван Дмитриевич. –

Что там?

-Вы про город желаете знать или вообще?

-Ну, сначала расскажите мне про город, а потом вообще.

-Что ж? В городе очень скучно... (А.П. Чехов. Палата №6).

1.1.2. Прагмасема наличия. Она может реализовываться как в альтернативном вопросе:

-Ну, покажи же, Николенька, что у тебя – коробочка или рисование? – сказал мне папа.

...Я не мог прийти в себя от мысли, что вместо ожидаемого рисунка при всех прочтут мои никуда не годные стихи и слова...(Л.Н. Толстой. Детство. XVI),

так и в безальтернативном вопросе:

-Ведь вот ты, – прибавил он (Базаров), обращаясь к сидевшему на козлах мужику, – ты, умница, есть у тебя жена?

Мужик показал обоим приятелям свое плоское и подслеповатое лицо.

-Жена-то? Есть. Как не быть жене (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIX).

Значение запроса наличия определяется базовой лексемой (есть, располагаете) и ее широкими синтагматическими возможностями.

1.1.3. Прагмасема уточнения информации (общий вопрос, требующий уточнения):

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?.. Ну – государево жалование тоже получают (А. Сухово-Кобылин. Дело, I, 8).

Или:

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да. Что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю (А.Н. Островский. Гроза, II, 2).

1.1.4. Прагмасемы специальной (обстоятельственной и определительной) характеристики реализуются в вопросах по поводу какой-то одной стороны положения дел. В этом случае предполагается, что об остальных аспектах внеязыковой ситуации спрашивающий или знает в достаточной мере, или они ему неинтересны:

1.1.4.1. Прагмасема времени.

В качестве базовых в вопросе используются такие лексемы, как *когда, долго, надолго, сколько времени* и тому подобные:

-Однако это, должно быть, правда, – сказала она (княгиня). – А что, вы долго здесь пробудите, Nikolai? Вы не обидитесь, что я зову вас без monsieur? Когда вы едете? (Л.Н. Толстой. Юность, XXIII).

Или:

Павел Петрович начал, не торопясь, намазывать масло на хлеб. –

Долго он у нас прогостит?

-Как придется. Он заехал сюда по дороге к отцу (И.С. Тургенев. Отцы и дети, V).

Или:

София. Который час?

Лизанька. Седьмой, осьмой, девятый (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 1, 1).

Или:

София. Вы вечером к нам будете?

Скалозуб. Как рано?

София. Пораньше... (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 2, 10).

1.1.4.2. Прагмасема направления определяется лексемами *куда, откуда* и некоторыми другими (в том числе и сочетаниями типа *в какую сторону* и конкретными указаниями на направление (*вправо, вверх* и т.п.)):

-Ольга Сергеевна! – сказал он, трясясь как осиновый лист.

-Илья Ильич! – отвечала она робко, и оба остановились.

-Здравствуйте, – сказал он.

-Здравствуйте, – говорила она.

-Вы куда идете? – спросил он.

-Так... – сказала она, не поднимая глаз (И.А. Гончаров. Обломов, 2, VI).

Или:

-А мне не будет скучно с тобой? – вдруг спросила Низа и остановилась. Тут мысли Иуды совсем смешались.

-Ну, хорошо, – смягчилась наконец Низа, – пойдём.

-А куда, куда?

-Погоди... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 26).

1.1.4.3. Прагмасема места реализуется местоименным наречием *где*, а также любыми лексемами, в семантической структуре которых «заложено» указание на место:

*-Прекрасно! – сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. – **Вы где учились музыке?** – спросил он у Екатерины Ивановны. – **В***

консерватории?

-Нет, в консерваторию я еще только собираюсь, а пока училась здесь, у мадам Заславской (А.П. Чехов. Ионыч).

Или:

Открыв глаза, я увидел склоненное надо мной лицо Держжина Гавриловича. Увидев, что я пришел в себя, он наклонился еще ближе и быстро прошептал:

-Только один вопрос: где ключ от сейфа? (В. Войнович. Москва 2042).

1.1.4.4. Прагмасема причины определяется введением в вопросительное высказывание слов *почему, отчего, по какой причине* и т.п.:

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, II, 5).

Или:

Анна Алексеевна выходила ко мне с озабоченным лицом и всякий раз спрашивала:

-Почему вас так долго не было? Случилось что-нибудь? (А.П. Чехов. О любви).

1.1.4.5. Прагмасема цели прежде всего «узнается» по универсальной лексеме *зачем*:

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не все равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать (А.Н. Островский. Гроза, II, 2).

Или:

Когда Абогин поднес к глазам карточку молодой женщины с красивым,

но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выразить ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

-Зачем вы все это говорите мне? (А.П. Чехов. Враги).

1.1.4.6. Прагмасема условия выражена сочетанием *при каком условии*, а также синтагматически:

-Как же начальник узнает о моих способностях?

-Мигом узнает: он мастер узнавать. (И.А. Гончаров. Обыкновенная история, 1, II).

Или:

-Бенеш уже согласился на пан-Европу, но знаете, *при каком условии?*

Пикейные жилеты собрались поближе и вытянули куриные шеи.

-При условии, что Черноморск будет объявлен вольным городом (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, 2, XIV).

1.1.4.7. Прагмасема взаимообусловленности:

На чем же держится и от чего зависит прямая разница таких отношений у нас и за границей? (Н.С. Лесков. Русские общественные заметки).

1.1.4.8. Прагмасема способа действия чаще всего выражена местоименными словами *как, на чем, каким образом* и т. п.:

-Сегодня я уеду.

-На чем? На палочке верхом? (А.П. Чехов. Попрыгунья).

Или:

-Страшные словеса ваши! А что, великий и блаженный отче, – осмеливался все больше и больше монашек, – правда ли, про вас слава идет, даже до отдаленных земель, будто со святым духом непрерывное общение имеете?

-Слетает. Бывает.

-Как же слетает? В каком же виде?

-Птицею (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, II, 4, 1).

Или:

Шамраев. Гм... Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты. А на каких лошадях, позвольте вас спросить?

Аркадина. На каких? Почему я знаю – на каких! (А.П. Чехов. Чайка, 2).

1.1.4.9. Прагмасема меры и степени выражается чаще всего синтагматически: сочетанием наречия *очень (не очень)* с конкретной лексемой, а также сочетаниями *в какой мере, в какой степени*:

-Что ж, ты рад? – спрашивала Наташа. – Я же теперь спокойна, счастлива.

*-Очень рад, – отвечал Николай. – Он отличный человек. **Что ж, ты очень влюблена?***

-Как тебе сказать, – отвечала Наташа... (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 4, I).

1.1.4.10. Прагмасема количественной характеристики весьма многообразна и реализуется в запросах о явлениях, поддающихся какому-либо исчислению:

Запрос о весе:

-Извините, если я помешал, – начал Павел Петрович, не глядя на нее. – Мне хотелось только попросить вас ... сегодня, кажется, в город посылают... велите купить для меня зеленого чая.

*-Слушаю-с, – отвечала Фенечка. – **Сколько прикажете купить?***

-Да полфунта довольно будет, я полагаю (И.С. Тургенев. Отцы и дети, VIII).

Запрос о расстоянии:

*-**Сколько километров до Ялты?** – спросил Римский.*

Варенуха прекратил свою беготню и заорал:

-Думал! Уже думал! До Севастополя по железной дороге около полутора тысяч километров. Да до Ялты еще накинь восемьсот километров. Но по воздуху, конечно, меньше (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 10).

Или:

-Да гак – километров десять.

-**Сколько?** – Женщина затосковала (В. Шукшин. Живет такой парень).

-Запрос о возрасте:

-Год! а! давно бы так сказал! – перебил Петр Иванович, - это она предложила? Какая же он умница! **Сколько ей лет?**

-Восемнадцать (И.А. Гончаров. Обыкновенная история, I, III).

Или:

-Очень хорошо. **А лет сколько?**

-Тридцать один (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы).

-Запрос о росте:

И у всех – и у больных и у проходящих – он спрашивал, **какого роста их жены** (Л.Н. Андреев. Жили-были).

Или:

Вместо того чтобы поддержать Мишку в справедливом негодовании, он начал расспрашивать, какие у собаки уши, да какого она цвета, **да какого роста** (А.В. Драбкина. Волшебные яблоки).

-Запрос о количестве человек:

-Где же вы были? – спросила она (Наденька – А.Л.) потом.

-Ведь я же сказал...-Ах, да! у дядюшки. **Много было гостей?..**

-Да нет, не у дядюшки! – в отчаянии перебил Александр...

(И.А. Гончаров. Обыкновенная история, I, IV).

Или:

-**Ваши произведения сколько человек писали?**

-Как это сколько? – удивился я (В. Войнович. Москва 2042)

-Запрос о количестве предметов:

-А пушек? **Пушек сколько?**

-Вероятно, около шестидесяти-семидесяти (Б. Васильев. Были и небыли. Кн. 2).

Или:

Вот тут-то и появилась перед ней баба Дуня. И попросила продать ей пятьдесят кусков мыла.

-Сколько? – оторопела Рауса.

-Пятьдесят (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, кн. 1, 2, 7).

-Запрос о количестве денег:

Он повернул к себе ее лицо и спросил: -Сколько?

-Ты-тысяча (В. Распутин. Деньги для Марии).

Или:

Один раз пять рублей под расписку, а другой раз – так.

-А так – это сколько?

-Да рублей двадцать, не больше (А. Яшин. Вологодская свадьба).

1.1.4.11. Прагмасема качественной характеристики базируется на прилагательных, в семной структуре которых определяющей является качественная оценка:

-Деньги нужны: осенью женюсь, – прибавил Судьбинский.

-Что ты! В самом деле? На ком? – с участием сказал Обломов.

-Не шутя, на Мурашиной. Помнишь, подле меня на даче жили? Ты пил чай у меня и, кажется, видел ее.

-Нет, не помню! Хорошенькая? – спросил Обломов.

-Да, мила. Поедем, если хочешь, к нам обедать...(И.А. Гончаров. Обломов, I, II).

Или:

-Мама! какое пирожное будет? – еще решительнее, не срываясь, прозвучал голосок Наташи.

Графиня хотела хмуриться, но не могла. Марья Дмитриевна погрозила толстым пальцем (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, I, XVI).

1.1.5. Прагмасемы идентификации реализуются в интеррогативных высказываниях с целью определить лицо или предмет по какому-то отличительному признаку.

1.1.5.1. Прагмасема лица:

*По мере нашего приближения к аэровокзалу я все пристальнее вглядывался в висевшее на фронтоне портреты и спросил Смерчева, **кто этот человек, похожий на Иисуса Христа.***

-Как кто? – удивился Смерчев. – Это и есть Иисус Христос. (В. Войнович. Москва 2042).

Или:

*-**Кто сей?** – спросил Павел Петрович.*

-Притель Аркаши, очень, по его словам, умный человек (И.С. Тургенев. Отцы и дети, IV).

1.1.5.2. Прагмасема предмета / персоны:

*-**Так что же, по-вашему, самолюбие?** – сказал Нехлюдов, улыбаясь несколько презрительно, как мне показалось.*

-Самолюбие, – сказал я, – есть убеждение в том, что я лучше и умнее всех людей (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVI).

Или:

*-**Позвольте, что же это такое?** – спросил он (Беликов – А. Л.). – Или, быть может, меня обманывает зрение? Разве преподавателям гимназии и женищинам прилично ездить на велосипеде?*

-Что же тут неприличного? – сказал я. – И пусть катаются себе на здоровье (А.П. Чехов. Человек в футляре).

Или:

*Павел Петрович повел усами. – **Ну, а сам господин Базаров, собственно, что такое?** – спросил он с расстановкой...*

-Он нигилист (И.С. Тургенев. Отцы и дети, V).

1.1.5.3. Прагмасема принадлежности:

*Великатов. **Курочки-то это ваши?***

*Домна Пантелеевна. **Которые?** (А.Н. Островский. Таланты и поклонники, I, 7).*

Или:

Неужто я была таким хорошеньким ребенком? Неужто это мое лицо? Она встала и с портретом в руках посмотрелась в зеркало. (Ф.М. Достоевский. Бесы. 3, VII).

1.1.5.4. Прагмасема признака / названия:

На Наташу Николай долго удивлялся и смеялся, глядя на нее.

-Совсем не та, – говорил он.

-Что ж, подурнела?

*-Напротив, но важность какая-то. **Княгиня?** – сказал он ей шепотом.*

-Да, да, да, – радостно говорила Наташа (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 4, I).

Или:

***-Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор?** – спросил Берлиоз.*

-Да, консультантом...

***-А у вас какая специальность?** – осведомился Берлиоз.*

-Я – специалист по черной магии (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, I).

Или:

Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:

-Итак, ты врач?

-Нет, нет, – живо ответил арестант, – поверь мне, я не врач (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 2).

1.1.5.5. Прагмасема объекта:

-Да им совсем не нужно понимать нашу беседу, – промолвил Базаров.

***-О ком вы говорите?** – вмешалась Евдокия .*

-О хорошеньких женищинах (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIII).

Или:

***-О ком это?** – Юлия Михайловна с выражением ужаса на лице прикрыла ладонью рот (Ю. Трифонов. Дом на набережной).*

Или:

-Ты о ком? – спросила Людмила Николаевна, читавшая в постели книгу (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 2).

1.1.5.6. Прагмасема адресата:

-Так через час я тебя жду в машине. На углу, как договорились. Ты как?

-Замечательно! (М. Веллер. О любви).

Или:

Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.

-Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

-Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XVI).

2. Прагмасемы выяснения интеллектуальных отношений направлены на определение реактивных возможностей собеседника:

2.1. Прагмасема выяснения согласия / несогласия:

-Слушай, хочешь замуж? Даша отвечала вопросительным длинным взглядом, не слишком, впрочем, удивленным.

-Ты ведь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно. (Ф.М. Достоевский. Бесы, 2, VI).

Или:

*-Короче! – вскричал Коровьев, совсем коротко: **вы не откажитесь принять на себя эту обязанность?***

-Не откажусь, – твердо ответила Маргарита (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 22).

2.2. Прагмасема осведомленности:

-Знаешь, Николенька, что она написала? – сказала Катенька, разобиженная названием иностранки. (Л.Н. Толстой. Юность, V).

Или:

Из классной слышен был разговор в комнате дядьки.

-Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? – сказал Карл Иваныч, входя в комнату.

-Как же-с, слышал. (Л.Н. Толстой. Детство, IV).

Или:

-Вы до сих пор не знаете, где цель вашей жизни? – спросила она, остановясь. – Я не верю: вы клеветецте на себя, иначе бы вы не стоили жизни...

-Я уж прошел то место, где она должна быть, и впереди больше ничего нет (И.А. Гончаров. Обломов, 2, VIII).

2.3. Прагмасема памяти направлена на выяснение того, о чем помнит собеседник, и выражается лексемами *забыть, помнить*:

-Вы не сердитесь? Забыли? – говорил Обломов, наклоняясь к ней.

-Да что такое?! О чем вы просите? – с волнением, почти с досадой отвечала она, отворачиваясь от него. – Я все забыла... я такая беспамятная...

-Точно ли все забыли?- спросил он тихо.

-Забыла, все забыла! – скоро проговорила она, торопясь идти домой (И.А. Гончаров. Обломов, 2, VI).

Или:

-Вы меня помните? – спокойно, с приятной улыбкой сказал Борис. – Я с матушкой приехал к графу, но он, кажется, не совсем здоров (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, XIII).

2.4. Прагмасема степени вероятности, выражена вопросительным предложением, в составе которого находится вводное слово со значением вероятности, предположения:

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? (А.Н. Островский. Лес, 1, 4).

Или:

-Нам нужно найти убитого. Здесь он, вероятно?

-Какого убитого? (М.А. Булгаков. Белая гвардия)

Или:

-Бог, товарищи, первый революционер!

-Вы москвичка, вероятно? У нас на юге таких типов нет!

(М.И. Цветаева. Октябрь в вагоне).

2.5. Прагмасема степени неопределенности маркируется модальными неопределенными частицами:

*Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно, встал и потрогал себя за нос: **целы ли очки?** (А.П. Чехов. Человек в футляре).*

Или:

*-А вы уцелели? **Прятались, что ли?***

-Да где там спрячешься? (В. Астафьев. Пролетный гусь).

Или:

*Вернуться, взять заявление назад? **Но отдадут ли?** Наверное, прапорщик-дежурный уже регистрирует его в какой-нибудь толстой книге. (В. Быков. Бедные люди).*

2.6. Прагмасема долженствования:

-А ведь ехать надо? – сказал Николай. – Приди-ка ко мне с Уваркой.

-Как прикажете! (Л.Н. Толстой. Война и мир, 2, 4, III).

Или:

*-Это да. **Когда нужно?***

-Вчера, как всегда (В. Пелевин. Generation «П»).

2.7. Прагмасема необходимости:

*Да и нужна ли нам резвость? **необходимо ли топтать отечественные поля?** Право, это еще вопрос, и притом вопрос очень серьезный и очень сомнительный (М.Е. Салтыков-Щедрин. Легковесные).*

Или:

*-Вы, кажется, тоже хотели ехать, татап? **Карета нужна?** – сказал он, с улыбкой обращаясь к матери.*

-Да, поди, поди, вели приготовить, – сказала она улыбаясь (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, VIII).

Или:

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?

Треплев. Да (А.П. Чехов Чайка, 1).

Или:

-Она в прошлом году курсы окончила, у нас учительницей. А тебе её повидать надо?

-Сынок ваш просил непременно ей передать поклон (А.Н. Толстой. Русский характер).

2.8. Прагмасема разрешения основывается на базовом компоненте можно или нельзя ли:

-А можно ему у вас побыть нынче денек? – сказал старик с такой робкой улыбкой, как будто он очень боялся меня... (Л.Н. Толстой. Юность, XVII).

Или:

-Интересно, – сказал я, – что за глупые правила. У вас что же, в Москорепе вашем вообще ничего нельзя фотографировать?

Таможенник недоуменно посмотрел на Смерчева и опять на меня.

-Извините, не понял, – сказал он. – У нас в Москорепе можно фотографировать что угодно, где угодно и кого угодно. Но только без пленки (В. Войнович. Москва 2042).

Или:

-Как здоровье графа? Могу я видеть его? – спросил Пьер неловко, как всегда, но не смущаясь.

-Граф страдает и физически и нравственно, и, кажется, вы позаботились о том, чтобы причинить ему побольше нравственных страданий.

-Могу я видеть графа? – повторил Пьер (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, XIII).

2.9. Прагмасема способности / неспособности:

-Вот в этом колене не то делает, – вдруг с энергическим жестом сказал дядюшка. – Тут рассыпать надо – чистое дело марш – рассыпать.

-А вы разве умеете? – спросила Наташа. Дядюшка, не отвечая,

улыбнулся (Л.Н. Толстой. *Война и мир*, 2, 4, VII).

Или:

-А вы читаете по-английски?

-С трудом, но читаю... (И.А. Гончаров. *Обломов*, 2, VIII).

Или:

-Ты можешь прыгнуть с моста?

-Прыгнуть могу. Удачно приземлиться на лед – не уверен (М. Веллер. *О любви*).

2.10. Прагмасема мнения:

-Теперь другие времена, – продолжала она, вздохнув и подняв немного брови, – гораздо все хуже стало, и мы хуже стали, **не правда ли, Nikolas?** (Л.Н. Толстой. *Юность*, XVIII).

Или:

Одинцова обратилась к Аркадию:

-А ваше какое мнение, Аркадий Николаевич?

-Я согласен с Евгением, – отвечал он (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, XVI).

Или:

-Довольны вы мной сегодня? – вдруг спросила Ольга, перестав петь.

-Спросите Обломова, что он скажет! – сказал Штольц (И.А. Гончаров. *Обломов*, 2, V).

2.11. Прагмасема выяснения желания / потребности выражена лексемами *хотеть, желать, есть*:

-Впрочем, – добавил он тут же, – если это вас смущает, давайте попробуем обойтись без перевода. Но в случае затруднений Искрина Романовна к вашим услугам. **У вас есть еще какие-нибудь вопросы?**

-Скажите, пожалуйста, – сказал я, ужасно волнуясь, – а какой политический строй существует сейчас в вашем государстве? (В. Войнович. *Москва 2042*).

Или:

-Хочешь сигарку? – закричал опять Базаров.

-Давай, – отвечал Аркадий (И.С. Тургенев. Отцы и дети, III).

Или:

Базаров встал и подошел к окну.

-И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы знать, что во мне происходит?

-Да, – повторила Одинцова с каким-то, ей еще непонятным, испугом (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XVIII).

2.12. Прагмасема выяснения намерения:

-Ну, и как же ты думаешь? То есть как, когда ты воображаешь, что выйдет... или вы с ней говорите о том, что будет и чем кончится ваша любовь или дружба? – спросил я, желая отвлечь его от неприятного воспоминания.

-Ты спрашиваешь, думаю ли я жениться на ней? – спросил он меня... (Л.Н. Толстой. Юность, XXII).

Или:

-Так как же, Аркадий, – заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, – сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

-Дома отдохнем, папаша; вели закладывать (И.С. Тургенев. Отцы и дети, II).

2.13. Прагмасема предпочтения предназначена для выяснения, что является главным для адресата. Чаще всего запрос о предпочтении выражен конструкцией, в составе которой подлежащее и сказуемое представляют по сути фразеологическое сочетание (*вы верите, вы придерживаетесь, вы думаете*):

-Так-с, так-с. Вот как вы изволите шутить. Это вы все, стало быть, отвергаете? Положим. Значит, вы верите в одну науку?

-Я уже доложил вам, что ни во что не верю; и что такое наука – наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, звания; а наука вообще не существует вовсе.

-Очень хорошо-с. Ну, а на счет других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?

-Что это, допрос? – спросил Базаров.

Павел Петрович слегка побледнел... (И.С. Тургенев. Отцы и дети, VI).

3. Прагмасемы выяснения эмоционального отношения. Они позволяют спрашивающему определить не только характер эмоций, но и выработать стратегию своего дальнейшего поведения.

3.1. Прагмасема выяснения эмоции:

-Чего я хочу, – повторила Одинцова и вздохнула. – Я очень устала, я стара; мне кажется, я очень давно живу... Воспоминаний много, а вспомнить нечего, и впереди передо мною – длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти.

-Вы так разочарованы? – спросил Базаров.

-Нет, – промолвила с расстановкой Одинцова, – но я не удовлетворена (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XVII).

Или:

*-Ну, смотри же, хозяйюшка, хлопочи, не осрамись. А вас, господа, прошу за мной пожаловать. Вот и Тимофеич явился к тебе на поклон, Евгений. И он, чай, обрадовался, старый барбос. Что? **Ведь обрадовался, старый барбос?..** Милости просим за мной.*

И Василий Иванович суетливо пошел вперед, шаркая и шлепая стоптанными туфлями (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XX).

Или:

-Отчего вы не веселы? – спросила она.

-Не знаю, Ольга Сергеевна. Да отчего мне веселиться? И как? (И.А. Гончаров. Обломов, 2, V).

3.2. Прагмасема выяснения положительного / отрицательного отношения. Конструкции с такой семантикой в своей структуре имеют вводные слова

(*правда, может быть*) и частицы (*не, ли*), причем нередки их комбинации:

Екатерина Дмитриевна удивленно подняла брови.

-Правда, не нравится? *Какая досада. А в нем так удобно.*

-Что удобно, Катя?

-Может быть, тебе кружева не нравятся? *Можно положить другие. Как все-таки странно – почему не нравится? (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, I, 8).*

Или:

-Не правда ли, что нынче очень весело? – *сказал я тихим, дрожащим голосом и прибавил шагу, испугавшись не столько того, что сказал, сколько того, что намерен был сказать.*

-Да, очень! – отвечала она... (Л.Н. Толстой. Детство, XXIII).

Или:

И, вообразите, внезапно заговорила она:

-Нравятся ли вам мои цветы?

...Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

-Нет (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 13).

3.3. Прагмасема выяснения интереса / отсутствия интереса:

-Какая же разница? Чувствуете ли вы что-нибудь особенное? – *добивался он.*

-А вам хочется знать? – *спросила она лукаво.*

-Да, да, да! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, IX).

Или:

-Интересно, – спросил Игорь, дойдет ли эмансипация до такого уровня, чтоб мужчина мог заехать женщине в рыло?

-Уже дошла. И заехать могут куда угодно, – бестрепетно согласилась Лариса (М. Веллер. О любви).

3.4. Прагмасема выяснения удивления:

Дон Пабло. Вас удивили мои слова? Но мне не должно претворяться: я решил высказать все, что так давно ношу в сердце... (И.С. Тургенев.

Неосторожность).

Или:

-Мы очень, очень – крест на сердце – удивили друг друга, да? -
(И. Ефимов. Суд да дело).

3.5. Прагмасема выяснения беспокойства, страха использует для своего выражения лексемы *страх, ужас, беспокойство, бояться* и др.:

*-Ну что, Грап, – сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола, –
набрались страха?*

-Посмотрим, как вы, – сказал Иленька (Л.Н. Толстой. Юность, XL).

Или:

*-Так ты не боишься со мной играть? – повторил Долохов, и, как
будто для того, чтобы рассказать веселую историю, он положил карты,
опрокинулся на спинку стула ...*

-Ну, мечи же! – сказал Ростов (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, I, XIII).

3.6. Прагмасема выяснения одобрения / неодобрения чаще всего выражена сочетанием личного местоимения 2 лица и кратким прилагательным (*не*) *рад*:

-Ах, какая ты странная с этими усами и бровями, Наташа! Ты рада?

*-Я так рада, так рада! Я уж сердилась на тебя (Л.Н. Толстой. Война
и мир, I, 4, XII).*

Или:

-Что ж ты супругу свою любимую не встречаешь? Аль не рад?

*-Да ну, – смутившись, пробормотал Мякишев и потупился
(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, I).*

Или:

*Передо мною стояла большая фигура очень высокого человека в
фетровой шляпе, и я услышал слова, сказанные знакомым голосом –
баритональным басом, который как бы мягко сходил на низы:*

-Вы рады?

Он мог этого не спрашивать (В.П. Катаев. Трава забвенья).

4. Прагмасемы речевого этикета. Они определяются культуроповеденческими правилами социума и представлены клишированными интеррогативными структурами.

4.1. Прагмасема привлечения внимания:

У Ани еще блестели слезы на глазах, но она уже не помнила ни о матери, ни о деньгах, ни о своей свадьбе, а пожимала руки знакомым гимназистам и офицерам, весело смеялась и говорила быстро:

-Здравствуйте! Как поживаете?

Она вышла на площадку, под лунный свет, и стала так, чтобы видели ее всю в новом великолепном платье и в шляпке (А.П. Чехов. Анна на шее).

4.2. Прагмасема знакомства представлена фразеологизированными, клишированными конструкциями:

Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста, в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную, красную руку, которую тот не сразу ему подал.

*-Душевно рад, – начал он, – и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь ... **позвольте узнать ваше имя и отчество?***

-Евгений Васильев, – отвечал Базаров... (И.С. Тургенев. Отцы и дети, II).

Или:

*-... **Тебя как звать-то?***

-Чонкин я, Ваня.

*-**А по отчеству?***

-Васильевич, – охотно сообщил Чонкин (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 14).

Или:

Аркадий оглянулся и увидел женщину высокого роста, в черном платье, остановившуюся в дверях залы. Она поразила его достоинством своей осанки...

-Вы с нею знакомы? – спросил Аркадий Ситникова.

*-**Коротко. Хотите, я вас представлю?***

-Пожалуй... после этой кадрили (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIV).

Структурирующим компонентом таких интеррогативных высказываний выступают местоимения Ты или Вы, выбор которых в речи определяется не только социальными статусами коммуникатов, но и той атмосферой, которая устанавливается при этом. Кроме того, вопрос знакомства может быть «опосредованным» или «в лоб»: в первом случае, он как бы завуалировано предлагает сообщить свое имя (*позвольте узнать ваше имя и отчество?*), а в другом – открыто запрашивает информацию (*Тебя как звать-то?*). В обоих случаях они, в большинстве своем, представляют фразеологизированные структуры.

5. Прагмасемы структурирования речи. Их основная задача – выражение способа оформления речевого акта, в первую очередь, различных его фаз. Известно, что употребление вопросительных высказываний связано с началом речевого акта или его основной части, тогда как в завершающей части диалога практически не встречаются интеррогативы, а если таковые имеются, то прагмасема таких высказываний будет относиться к какому-то другому типу.

5.1. Прагмасема начала речевого акта реализуется в инициальных этикетных вопросах. Их основная цель – установление речевого контакта, а семантика ограничена передачей значения инициальности. В рамках интеррогативной ситуации они однозначно передают указанное значение, образуя этикетный зачин, и не допускают двойственного толкования. Прагматические особенности ситуации и контекста ограничивают сферу их функционирования абсолютным началом диалогического текста.

Инициальные реплики могут выполнять функцию установления речевого контакта только при наличии определенных условий и ситуации, при вынесении за пределы которой указанное значение ими утрачивается. Сюда относятся и инициальные вопросы (*Что случилось?*) и инициальные побуждения (*Вспомни, где мы это видели*).

-Здравствуй, Илья. Как я рад тебя видеть! Ну что, как ты

поживаешь? Здоров ли? – спросил Штольц.

-Ох, нет, плохо, брат Андрей, – вздохнув, сказал Обломов, – какое здоровье! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, II).

Можно заметить, что разные прагмасы реализуются в синтаксических структурах, обладающих тождеством лексического состава. Однако их определение должно базироваться на той прагматической установке, какую выбрал для себя автор высказывания., т. е. в конкретной коммуникативной ситуации (например, 5.1 и 4.1).

Вслед за ним вышел папа и вошел в гостиную.

-Знаешь, что я сейчас решил? – сказал он веселым голосом, положив руку на плечо татап.

-Что, мой друг?

-Я беру Карла Ивановича с детьми (Л.Н. Толстой. Детство, XI).

5.2. Прагмаса побуждения к речи чаще всего задействует формы глагола в повелительном наклонении:

Иконин открыл рот и снова замолчал.

-Ведь вы не одни; извольте отвечать или нет? – сказала молодой профессор, но Иконин даже не взглянул на него (Л.Н. Толстой. Юность, X).

Или:

-Что вы не скажете ничего, молчите? – спросила она. – Можно подумать, что вам скучно.

-Ах! – произнес он, как будто приходя в себя от обморока. – Как я люблю вас! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, IX).

Интеррогатив с такой прагмасемой используется в случаях, когда в коммуникативном акте возникает по той или иной причине «перерыв в звучании». Побуждение к продолжению может варьироваться от побуждения-просьбы до категорического приказа и зависит от социального статуса коммуникантов, личностных отношений между ними, психологических факторов и т.п.

5.3. Прагмаса показателя внимания к речи собеседника:

Крепко сжав его задрожавшие пальцы, она (Даша – А. Л.) спросила (Телегина – А. Л.) после молчания:

-Что вы мне сказали тогда, на дороге?.. Она сморщила лоб. Какая война? С кем?

-С немцами.

-Ну, а вы?

-Уезжаю завтра (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, 1, 15).

5.4. Прагмасема прерывания собеседника, беседы:

-Так вот как, наконец ты кандидат и домой приехал, – говорил Николай Петрович, потрогивая Аркадия то по плечу, то колену. – Наконец!

-А что дядя? Здоров? – спросил Аркадий, которому, несмотря на искреннюю, почти детскую радость, его наполнявшую, хотелось перевести разговор с настроения взволнованного на обыденное (И.С. Тургенев. Отцы и дети, III).

Или:

-Да что квартира? Главное, спокойствие-то какое у тебя будет: все равно как у родной сестры. Двое ребятишек, холостой брат, я всякий день буду заходить...

-Ну, хорошо, хорошо, – перебил Обломов, – ты вот теперь скажи, что мне со старостой делать? (И.А. Гончаров. Обломов, 1, IV).

Или:

-Вам незачем будет сюда приходить, – быстро добавил он, – с вами будет встречаться наш человек примерно раз в месяц, и вы ему будете рассказывать...

-Что? – прервал я его (Ф. Искандер. Летним днем).

Возникновение «вопросов-прерывателей» мотивировано необходимостью одного из собеседников изменить вектор беседы. Решиться на подобный шаг может только тот собеседник, который в своем социальном статусе или в условиях коммуникативной ситуации занимает положение не ниже своего визави. Как правило, в функции «прерывателя» может быть

реализован интеррогатив с любой прагмасемой, а его истинное предназначение (прерывание собеседника) угадывается в общей канве речевого процесса и подчеркивается дополнительными лексическими средствами (перевести разговор, перебить, прервать).

В некоторых случаях значение интеррогативности в одном высказывании формируется наложением друг на друга двух или более прагмасем в зависимости от того, какая прагматическая установка преобладает, является определяющей в формировании вопросительного высказывания.

Наиболее очевидно это проявляется в вопросах, обслуживающих сферу речевого этикета и структурирования речи. Так, например, прагмасема начала речевого акта несет в себе и этикетную прагмасему, и прагмасему запроса о событии, состоянии:

-Здравствуй, Илья. Как я рад тебя видеть! Ну что, как ты поживаешь? Здоров ли? – спросил Штольц.

-Ох, нет, плохо, брат Андрей, -- вздохнув, сказал Обломов, -- какое здоровье! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, II).

Прагмасемы 3, 4 и 5 типа характеризуются определенной однонаправленностью, так как выполняя регулятивную функцию (термин Р. Якобсона), связаны с общественным поведением людей и помогают осуществлять согласованное взаимодействие партнеров в процессе коммуникации. Их можно расположить на периферии семантики интеррогативности.

Представленная классификация не является конечной и может быть углублена за счет выделения нюансов того или иного варианта запроса информации. Кроме того, некоторые прагмасемы являются переходными случаями семантики интеррогативности: это, прежде всего, касается некоторых прагмасем структурирования речи.

Рассмотрим конкретное вопросительное высказывание и опишем его

семантическую структуру с точки зрения соотношения КСК и НСК:

Павел Петрович начал, не торопясь, намазывать масло на хлеб. -Долго он у нас прогостит?

-Как придется. Он заехал сюда по дороге к отцу (И.С. Тургенев. Отцы и дети, V).

Собственно категориальная сема данного вопросительного высказывания реализуется в желании адресанта владеть информацией о каком-то положении дел, что обусловлено знанием Павлом Петровичем того, что Базаров останется у них на некоторое время (сема ассертивности (бытийности)). Удовлетворить это желание может только Аркадий, поэтому вопрос адресован ему (сема адресатности) и преследует цель побудить адресата к ответу (сема императивности (директивности)). Прагмасама времени определена конкретной ситуацией: Кирсанов-старший знает, что у них гости и кто гостит, но не знает, как долго это продлится. В другой ситуации, например, в случае, когда неизвестно, кто гостит, КСК интеррогативности и НСК императивности не изменятся, а НСК бытийности и прагмасама будут другими.

Из этого, однако, не следует, что сема императивности будет категориальной семой интеррогативного высказывания, хотя и является обязательной характеристикой истинного вопросительного предложения, так как предполагает ответный ход коммуникативного партнера. Сначала у говорящего возникает желание знать, а лишь затем возникает потребность определить того, кто удовлетворит это желание. К тому же не всегда интеррогативные высказывания выражают побуждение.

Права в этом отношении А. Вежбицка, отмечавшая, что «главный компонент вопроса выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам типа “Интересно, что случилось?”» [Вежбицка 1985: 261].

К некатегориальным компонентам интеррогативного высказывания можно отнести и сему отрицательности (негативности), выделяемой в сопоставлении с семой утвердительности (аффирмативности). В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о влиянии категории аффирмативности / негативности на семантику вопросительной структуры. Если в структуре повествовательного предложения категория аффирмативности / негативности является альтернативной, а утверждение и отрицание представляют два противоположных полюса, т. к. реализуют различные понимания положения дел (предложение не может утверждать что-то и одновременно это же отрицать), то в семантике интеррогативного высказывания эти значения уже не воспринимаются как взаимоисключающие, т. е. вопросы отрицательной формы не содержат в себе отрицательного смысла.

По мнению Т.Е. Милевской, негативность связана с субъективными представлениями адресанта, ожидающего ответ на свой вопрос, т.к. оно не столько служит отражением семантической стороны коммуникации, сколько несет на себе отпечаток ее прагматической основы, в частности, взаимоотношений говорящего и слушающего [см.: Милевская 1978].

В структуре общевопросительного предложения под вопросом находится вся пропозиция, для говорящего все положение дел является проблематичным. Поэтому в таких формах отрицание частично, а иногда и полностью теряет свое основное семантическое значение, оно становится, по выражению А.М. Пешковского, «слабым отрицанием» [Пешковский 1956: 389], т. е. выступая в несобственной функции, придает всему высказыванию менее категоричный характер. «Негативным» вопросом адресант допускает для адресата проблему выбора: положительную и отрицательную возможность. В результате создается представление о рефлексии говорящего, который сомневается, колеблется, не уверен, например:

Старец, раскрыв утомленные очи и пристально глянув на Алешу, вдруг спросил его:

-Ждут ли тебя твои, сынок?

Алеша замялся.

-Не имеют ли нужды в тебе? Обещал ли кому вчера на сегодня бытии?

-Обещался... отцу... братьям... другим тоже... (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, II, 4, 1).

Ц. Саранцацрал отмечает, что отрицательное вопросительное предложение часто используется и как косвенный способ выражения просьбы в общении с незнакомыми и малознакомыми людьми, а также с лицами более высокого социального статуса, при этом «отличительной чертой является значение подчеркнутой вежливости (Вы не могли бы...). Такие высказывания имплицитно содержат тот смысл, который эксплицитно выражен в этикетных высказываниях «Извините за беспокойство» [Саранцацрал 1993: 17].

Четвертая оппозиция реализуется на уровне структурирования речи-мысли: инициальная реплика – реактивная реплика. В интеррогативном высказывании это проявляется в виде реплики-вопроса и реплики-ответа. В вопросительной инициальной реплике всегда отражено не просто неизвестное, а подлежащее выяснению, ведь «вопрос имеет смысл только тогда, когда существует необходимость и возможность получения ответа на него» [Лимантов 1968: 10].

Дж. Ф. Аллен и Р. Перро считают, что «хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ (response), содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе. Однако она не должна выдавать слишком много информации или предлагать такие сведения, в которых не нуждается спрашивающий [Аллен 1986: 322].

Образуемое диалогическое единство (вопросо-ответный комплекс) представляет собой маркирующий элемент любого интеррогативного акта:

Он (Нехлюдов – А.Л.) стал искать глазами начальство и, увидев

невысокого худого человека с усами, в офицерских пагонах, ходившего позади народа, обратился к нему.

-Не можете ли вы, милостивый государь, мне сказать, – сказал он с особенно напряженной вежливостью, – где содержатся женщины и где свидания с ними разрешаются?

-Вам разве в женскую надо?

*-Да, я бы желал видеть одну женщину из заключенных, – с тою же напряженной вежливостью отвечал **Нехлюдов**.*

-Так вы бы так говорили, когда в сборной были. Вам кого же нужно видеть?

-Мне нужно видеть Екатерину Маслову.

*-Она политическая? – спросил **помощник смотрителя**.*

-Нет, она просто...

-Она что же, приговоренная?

*-Да, третьего дня была приговорена, – покорно отвечал **Нехлюдов**, боясь как-нибудь попортить настроение смотрителя, как будто принявшего в нем участие.*

*-Коли в женскую, так сюда пожалуйста, – сказал **смотритель** (Л.Н. Толстой. Воскресение, XLII).*

В приведенном текстовом фрагменте сочетание всех оппозиций будет представлять собой полноценный (в первую очередь, семантически) интеррогативный речевой акт. В коммуникативной ситуации «задействованы» три коммуниканта, каждый из которых обладает элементами знания и незнания пропозиции. Нехлюдов знает, что Маслова в тюрьме, но не знает, где конкретно она содержится. Также он знает, что помочь ему может тюремный смотритель и этим смотрителем является офицер, который, в свою очередь, не знает статуса Масловой и вместе со своим помощником выясняют это у Нехлюдова. Именно знание каждым из них необходимой информации, а также знание того, какой вопрос нужно задать, делает данный интеррогативный акт успешным, т. к. «чтобы получить

ответ, спрашивающий предварительно сам должен задать определенные параметры будущего высказывания (имеется в виду ответных), вкратце описать ситуацию» [Кучереносов 1988: 13].

Ф.С. Лимантов, отмечая, что грамматическая форма предложения не всегда определяет, выражен в предложении вопрос или нет, подчеркивает, что «именно требование ответа является самой фундаментальной особенностью вопросительного высказывания. Вопрос имеет смысл лишь в качестве элемента системы «вопрос – ответ». Вопрос – это высказывание, требующее ответа, предполагающее ответ» [Лимантов 1968: 9].

Оппозиция «вопрос – ответ» наиболее явно представлена на коммуникативной оси, представляющей две полярные ипостаси: на одном полюсе находится спрашивающий (адресант) с его желанием узнать что-то от кого-то, на другом – отвечающий (адресат) с его возможностью ответить или не ответить на заданный вопрос.

Нарушение оппозиции со стороны адресата сводит на нет все попытки адресанта реализовать свои прагматические установки. В этом случае говорят о коммуникативной неудаче, которая определяется как «нарушения процесса обмена информацией между коммуникантами в силу объективных экстралингвистических и /или лингвистических факторов, влекущих за собой неверную передачу или восприятие коммуникативной установки коммуниканта, выраженной через интенцию высказывания, и ведущего к полному или частичному неосуществлению намерения говорящего и /или к появлению незапланированных эмоциональных реакций со стороны реципиента» [Смирнова 2002: 75].

Таким образом, для успешной реализации интеррогативного акта необходимо соблюдение таких условий, как наличие адресанта, у которого наблюдается информативный провал и который особым образом структурирует в связи с этим свое высказывание, и адресата, который, по мнению адресанта, имеет возможность этот провал устранить в виде ответной реплики.

В качестве основных признаков интеррогативной семантики назовем следующие:

1. Субъективный интерпретационный характер, обусловленный тесной связью с представлением позиций коммуникантов на коммуникативной оси интеррогативного акта.

2. Для интеррогативной ситуации важной является оппозиция «вопрос» – «ответ», проявляющаяся в градации «незнание» – «знание», между контрарными значениями которой находятся частные смысловые интеррогативные разновидности.

3. Интеррогативное значение приобретает максимальную степень в общевопросительных конструкциях. В частновопросительных предложениях адресанту известно что-то, а в альтернативных ему известно о различных сторонах положения дел, только он сомневается в истинности этих знаний.

4. Интеррогативная семантика характеризуется как набор определенным образом организованных сем, по сути своей представляющие семантическое поле. В ядерной части находится общекатегориальная сема интеррогативности, реализующаяся в речевом акте своими частными разновидностями – прагмасемами. На ближней периферии располагаются семы побудительности и адресатности-адресантности, тогда как на дальнем уровне семантического наполнения интеррогативного высказывания располагается сема бытийности, которая «сигнализирует» не о количестве знания, а о количестве незнания. В этом нам представляется и состоит принципиальное различие семантики бытийности в двух наиболее полярных коммуникативных типов высказываний: вопросительного и повествовательного.

2. 2. Средства выражения семантики интеррогативности

Категория интеррогативности, являясь одной из основных понятийных категорий языка, представлена богатой системой разноуровневых средств: от фонетических до синтаксических.

На фонетическом уровне средством создания интеррогативности выступает интонация, чьи смысловозначительные возможности «наиболее ярко проявляются при сравнении высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но с одинаковым звуковым составом словоформ» [РГ-80 (1): 97].

Не относясь к формализованным средствам языка, она распространяется на всю категорию, играя разную роль в организации вопросительной семантики. Степень выраженности вопросительной интонации (от единственного показателя до сопроводительного средства) определяется наличием / отсутствием такого сегментного показателя вопросительности, как вопросительная грамматическая структура. Эта особенность средств выражения смысла на материале интеррогативного высказывания является частным проявлением общего закона взаимокомпенсации сегментных и суперсегментных средств.

В тех случаях, когда участвуют эксплицитные компоненты выражения интеррогативности (вопросительные местоимения, вопросительные частицы), интонация выполняет сопутствующую функцию (1), тогда же, когда задействованы периферийные или имплицитные средства (например, ситуация контекста), на нее ложится основная структурообразующая нагрузка (2):

1) *-Как вы узнали? – удивился я. – Я ведь об этом никому не рассказывал.*

-Не беспокойтесь, я тоже не расскажу никому (В. Войнович. Москва 2042).

2) *Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.*

-Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

-Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XVI).

Интонационный рисунок вопросительных высказываний

дифференцируется в зависимости от типа предложения, но есть общие признаки, которые позволяют отличить вопрос от других коммуникативных типов (Общеизвестна типология интонационных конструкций, описанная в «Русской грамматике»-80: из семи выделяемых в русском языке типов интонационных конструкций четыре типа (2, 3, 4, 6) характеризуются вопросительной интонацией).

Некоторые исследователи (например, Балашова Л.Б.) отказывают интонации в статусе универсального средства выражения интеррогативности и видят в ней «всего лишь мелодическое сопровождение вопросительного значения, внешний атрибут высказывания». По ее мнению, «не стоит преувеличивать ее значения. Для того чтобы высказывание изменило коммуникативную направленность и стало из побудительного вопросительным, недостаточно только смены интонации. Для этого потребуются более масштабные преобразования всего акта коммуникации. К тому же подобные утверждения кажутся нам по меньшей мере некорректными по отношению ко всему строю языка. Вопросительное и, к примеру, повествовательное высказывание разнятся не только просодически, сколько интенционально» [Балашова 2006: 32].

Однако при потенциальной многозначности сегментного ряда коммуникативный тип по цели высказывания маркируется только интонационно. В этом случае смыслоразличительная интонация особая – наряду со смысловыми различиями возникают функциональные.

Способность интонации играть коммуникативно-дифференцирующую роль обеспечивает, с одной стороны, дифференциацию вопросительного предложения и противопоставление его другим коммуникативным типам, а с другой, разграничение разновидностей вопросов в рамках интеррогативного высказывания (как уточнение (1), как переспрос (2), как эмоциональная реакция (3)).

- 1) -... *Что, Марфа Борисовна дома, или ты сам только что пришел?*
-О нет, – отвечал Коля (Ф.М. Достоевский. *Идиот*, 1, XII).

2) *София. Ах! Чацкий, я вам очень рада.*

Чацкий. Вы рады? в добрый час (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 1, 7).

Или:

Чацкий. На съездах, на больших, по праздникам приходским

Господствует еще смешенье языков:

Французского с нижегородским?

София. Смесь языков? (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 1, 7).

3) *Лиза. Что встанет, доложусь,*

Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусов. Чего будить? Сама часы заводилась,

На весь квартал симфонию гремишь (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 1, 1).

Естественно, интонационные потенции речевого акта реализуются в устной, звучащей речи. В письменном тексте мы можем только догадываться о том или ином типе интонационного оформления. И здесь на помощь приходят другие средства языкового выражения семантики интеррогативности, а также то, что в современной лингвистике называют «положением дел».

2. 2. 1. Лексические средства выражения семантики интеррогативности

На лексико-семантическом уровне интеррогативное значение формируется в виде полевой структуры, характеризующейся тем, что ее единицы покрывают различные понятийные сегменты, которые при этом частично накладываются и перекрываются и «находятся друг с другом преимущественно в отношении коммуникации (дополнительной дистрибуции)» [Полевые структуры ... 1989: 30].

При характеристике того или иного семантического поля учитывается прежде всего то, что его элементы объединены «общностью внеязыковых связей и отношений», а идентификатор поля «находится всегда вне поля и, как правило, представляет собой не слово, а словосочетание (словообразование),

обозначающее родовое понятие, по отношению к которому все члены поля являются видовыми понятиями» [Левицкий 1988: 69-70].

Характеристика поля зависит от центральной лексемы или совокупности лексем, лежащих в основе организации лексико-семантического поля (ЛСП), детерминирующей семантические и словообразовательные деривации конститuentов поля. Такие лексические компоненты напрямую влияют на направление формирования поля, называются детерминантами и организуют ядерную часть поля.

Ядерная лексема выражает смысл, общий для всех входящих в поле лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Этот категориальный семантический компонент (КСК), инвариантное значение, присутствует в семантике всех ЛСВ слов поля, является семантически более простым и нейтральным в стилистическом отношении. Это слово широкой семантики, характеризующееся высокой частотностью употребления, обладающее свойством группировать вокруг себя лексический материал, а также наименее зависимое от контекста, т. е. находящееся в позиции минимальной обусловленности от окружения, имеющее простой морфологический состав и обладающее психологической важностью.

Вокруг центра поля располагается его ядерная зона. Считается, что ядро включает в себя языковые средства, во-первых, специализированные для выражения определенных категориальных значений, во-вторых, в плане содержания максимально воплощающие эти значения, в-третьих, являющиеся наиболее употребительными. Связи между конститuentами ядра наиболее тесны и ослабляются по направлению к периферии. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удаленных от ядра.

К периферии относятся слова / ЛСВ, представляющие наименования, которые по основному, первичному значению принадлежат к смежным семантическим полям. Согласно закону асимметрии знака и значения С.О. Карцевского, слова, относящиеся к смежным ЛСП, способны выступать

в своих вторичных семантических функциях так же, как лексические единицы данного поля, что говорит о тесной взаимосвязи полей. Значения периферийных элементов поля обладают большим, по сравнению с ядерным, количеством компонентов, семантика их оказывается более сложной. Часто единицы периферии стилистически ограничены в употреблении, многие из них характеризуются меньшей частотностью, менее широкой сочетаемостью, сложным морфологическим составом, экспрессивностью. Семемы располагаясь на периферии, распределяются по разным ЛСГ, образуя микрополя внутри большого поля и структурируясь по тем же принципам, «выступая как синтагматические, т. е. контекстуальные распространители выражаемого ядром понятия» [Караулов 1976: 240].

Периферия поля включает в свой состав периферийные конститuentы других ЛСП. По словам Н.И. Толстого, именно через периферийную зону «может быть установлена связь разных полей, которые в общем не примыкают, а перекрещиваются и входят друг в друга, что придает лексико-семантической системе языка не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость» [Толстой 1968: 52].

Возможность пересечения отдельных полей осуществляется благодаря наличию некоторых семем, специфика которых состоит в том, что они находятся на стыке разных групп, полей; они выражают «разные ступени человеческого познания, разные градации в выражении явлений объективной действительности» [Соколовская 1990: 120].

Смысловая структура таких семем включает дифференциальные признаки нескольких соседних групп или полей. В структуре семантической системы эти единицы располагаются «между», «на грани». Межполевые связи, обеспечиваемые такими семемами, могут быть трех типов: парадигматическими, синтагматическими и деривационными. Основным и главным источником парадигматических межполевых связей является многозначность членов поля. Многозначные слова входят в состав любого ЛСП не всеми своими ЛСВ, а только теми, которые имеют общую сему с именем поля. Те же значения

полисемного слова, которые не вошли в поле, обеспечивают межполевые связи, т. е., многозначные слова – точки связи полей.

Существование деривационных межполевых связей обусловлено тем, что у единиц поля могут быть однокоренные дериваты, не попавшие в поле по критерию семантической связи, например, аффикс меняет семантику слов так, что они из одного поля попадают в другое. Классическим случаем может служить корневая морфема **-прос-** в различных своих вариантах. В сочетании с префиксом **с-** и суффиксом **-и-** она образует слово, категориальной семой которого является сема «запрос информации». В этом случае лексема **спросить** будет располагаться в поле интеррогативности, мало того, формирует его ядерную часть:

Афраний вынул из-под хламиды заскорюзлый от крови кошель, запечатанный двумя печатями.

-Вот этот мешок с деньгами подбросили убийцы в дом первосвященника. Кровь на этом мешке – кровь Иуды из Кириафа.

-Сколько том, интересно? – спросил Пилат, наклоняясь к мешку.

-Тридцать тетрадрахм (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 26).

В сочетании с префиксом **по-** этот же корень образует лексему, категориальная сема которой понимается как «побуждение к действию», а само слово является компонентом поля побудительности:

*Чичиков **попросил** ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 3).*

Синтагматические межполевые связи, выделенные на основе анализа позиций членов поля, объясняются тем, что реализация того или иного ЛСВ происходит в сочетании с некоторым набором слов, который, представляя собой какую-либо ЛСГ, дает одну из синтагматических межполевых связей, а все возможные наборы (для реализации всех ЛСВ слова) позволяют составить полную картину межполевых связей, обеспечиваемых данным элементом поля.

Лексико-семантическая организация категории интеррогативности в полной мере соответствует всем вышеперечисленным признакам и поэтому с полным правом может считаться организованной по принципу поля.

Ядро и периферию категории интеррогативности составляют лексемы со значением познания, которое осуществляется в три этапа: от незнания через узнавание к знанию.

К ядерным компонентам будут относиться те лексические единицы, в которых сема интеррогативности («узнавание») выражена эксплицитно.

Структура ядра, представленная разнородными компонентами, несет в себе различные стороны лексико-грамматической репрезентации категории интеррогативности. Отсюда и дифференциация роли лексических единиц в структурировании интеррогативного высказывания. В организации ядра участвуют такие составляющие, как вопросительные местоимения и наречия, вопросительные частицы, глаголы и идиоматические сочетания, обозначающие активные познавательные процессы, отдельные группы существительных, наречий и слов категории состояния, т. е. лексемы, в семантике которых уже «заложено» интеррогативное значение – сема «запрос информации».

Ядро ЛСК интеррогативности неоднородно по своей сути, поскольку состоит из сегментов, каждый из которых формируется по своим собственным правилам. Но объединяющим моментом выступает прагматическая установка на выяснение неизвестного, на преодоление препятствий на пути получения знания. Представляется следующая организация ядерной составляющей категории интеррогативности.

Первый сегмент представлен вопросительными местоимениями и наречиями:

-Кто тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведенное мною в симметрии разнообразных украшений его столика. – А где флакончик? Непременно ты... (Л.Н. Толстой. Отрочество, V).

Второй – вопросительными частицами:

-Нет, я про себя первого скажу, что я встречал людей, которых признавал умнее себя, – сказал Нехлюдов.

-Не может быть, – отвечал я с убеждением.

*-**Неужели** вы в самом деле так думаете? – сказал Нехлюдов, пристально взглядываясь в меня.*

-Серьезно, – отвечал я (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVI).

Третий – глаголами и глагольными идиоматическими сочетаниями:

*Я подошел к Дубкову и **спросил** его, много ли он протанцевал вальсов с ней (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXXIX).*

Способы представления интеррогативного понятия различаются между собой внутриязыковой семантикой, категориальным смыслом, но по денотативной же семантике глаголы, местоимения, наречия и частицы со значением интеррогативности равнозначны.

Денотативный семантический компонент «интеррогативность» может быть выражен в любой части речи русского языка, что объясняется тем, что любое (каждое) явление объективной (и не только) действительности может быть подвергнуто процессу узнавания. Рассмотрим более подробно каждый из обозначенных компонентов ядра поля.

2.2.1.1. Местоименные средства выражения интеррогативной семантики

Проблема местоименных слов традиционно привлекает внимание исследователей (И.П. Распопов [1958], К.Е. Майтинская [1969], Е.Н. Сидоренко [1971], Е.М. Вольф [1974], Н.А. Янко-Триницкая [1976], А.Н. Барулин [1980], В.А. Козьменко [1981], Л.Ф. Бердник [1982, 1994], Г.Е. Крейдлин [1984], М.А. Шелякин [1986], О.Н. Селиверстова [1988], О.В. Петрова [1989], Н.Ю. Шведова [1995, 1998], И.Е. Шувалова [1995], Р.Д. Урунова [2007], В.В. Панкова [2007], О.Д. Третьякова [2009], Г.А. Бондарева [2010], М.Г. Аханова [2010], Д.Г. Демидов [2011], Ю.И. Матвейкина [2011], М.Н. Мешков [2011], А.Ф. Гайнутдинова [2012],

Д.М. Мамаева [2013] и др.), выявляющих все новые и новые аспекты осмысления данной части речи.

Во многом это объясняется тем, что «системой местоимений охватываются самые общие понятия, которые далее получают разнообразные, иерархически организованные именованья в лексике, формализуются в грамматике и морфемике, обозначаются словами связующими и квалифицирующими», а также тем, что «по уровню абстракции эта система стоит над всеми другими классами слов: она осмысляет их устройство и их взаимные связи. Класс местоимений – это арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом; этим определяется роль местоимений в системе других классов слов» [Шведова 1998: 8].

Рассматривая некоторые из определений, данных в грамматике Холла и Зонненштейна, О. Есперсен писал: «Существительные называют. Местоимения отождествляют без названия. Я сомневаюсь, что who в предложении Who killed Cock Robin? – Кто убил Кока Робина? действительно что-нибудь отождествляет; оно скорее просит отождествить кого-то другого» [Есперсен 1958: 63], тем самым отказывая местоимениям в их дейктивности.

А.М. Пешковский, продолжая традиции А.А. Шахматова, отрицал наличие вещественного значения у местоимений. «Обобщая все эти значения, – писал он, – мы и получаем значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит, т. е. значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение – формальное и добавочное – формальное» [Пешковский 1956: 155].

Абстрактность, обобщенность местоименного значения тесно связаны с категорией неопределенности, поскольку «обнаруживая для слушателя наличие предмета, признака или обстоятельства (конкретизация которого говорящему может быть известна), говорящий тем не менее как бы «пренебрегает» подобной конкретизацией в своем высказывании, намечая

наличие в предметах признака, обстоятельства, но не раскрывая их» [Ильенко 1976: 20].

Однако основное свойство семантики неопределенности заключается в ее относительности и зависимости от «центра координат». В качестве подобного центра в художественном тексте для вопросительного местоименного слова выступает своеобразная творческая триада: автор – читатель – персонаж. Одна и та же информация может быть определенной для одних субъектов и неопределенной для других.

Характеризуя систему местоимений как «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом», Н.Ю. Шведова отводит им роль обобщающих понятий, получающих свою реализацию на различных уровнях языка (лексическом, морфемном, грамматическом) и стоящих над всеми другими классами слов, так как эта система «осмысляет их устройство и их взаимные связи» [Шведова 1998: 8].

Не избежали этой «участи» и собственно вопросительные слова местоименного типа (местоименные существительные, прилагательные, наречия, числительные), представляющие актуальное множество обобщенно, целостно, а не как состоящее из отдельных, равных друг другу элементов.

К.Е. Майтинская отмечает, что «этому разряду свойственна указательная «негативная» функция, иными словами, вопросительные местоимения указывают на лица и предметы не положительно, а в виде вопроса» [Майтинская 1968: 205].

Под вопросительными мы понимаем такой класс местоимений, который предполагает наличие предмета или признака с некоторыми, неизвестными в определенной ситуации, свойствами и который в высказывании сигнализирует о том, что адресант, не обладая возможностью идентифицировать или охарактеризовать искомое положение дел, просит адресата помочь ему в этом, например:

*-По какому случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.
– Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал? (А.П. Чехов. Хамелеон).*

Отрывок из рассказа А.П. Чехова как нельзя лучше иллюстрирует семантическую и прагматическую емкость, присущую местоименному классу слов, опровергая положение об ущербности их семантики. В лице адресанта автор совершенно спокойно обходится без использования в своих высказываниях предикативных форм, акцентируя внимание адресантов на сущностной стороне вопросов, цепочка которых «делает» коммуникативную ситуацию более динамичной, а грамматическая семантика местоименных слов способствует актуализации той сферы знаний, в которой адресат будет искать информацию для ответа.

Вопросительные местоимения «предполагают существование объекта с некоторыми свойствами и сигнализируют о том, что говорящий, не будучи в состоянии идентифицировать или охарактеризовать искомый объект, побуждает адресата помочь ему в этом» [Крылов 1989: 11].

Как лексико-грамматическое средство выражения интеррогативного значения вопросительное местоименное слово является основным маркером структурной схемы вопросительного предложения, точнее, коммуникативного типа, определяющего его информативное содержание. Поэтому считается, что в местоименном вопросительном предложении интонация выполняет «сопроводительную функцию, потому что вопросительный смысл понятен и без нее» [Бердник 1994: 28], а возможность передачи интеррогативного значения данным классом местоимений обусловлена, прежде всего, присутствием в их семантической структуре семы неизвестного: т. е. они «специально служат для указания на неизвестное» [Распопов 1958: 35]. При этом неизвестной информация является для говорящего, адресат же, по мнению адресанта, имеет сведения о запрашиваемом положении дел.

Вопросительные местоимения интенциональны по своему характеру: они указывают, что актуальное множество формируется с опорой на признак, который позволит адресату идентифицировать искомый объект. Закрепленная за вопросительным местоимением (впрочем, как и любым

другим словом в «вопросительной позиции») релативная составляющая определяется наличием неизвестного компонента, который всегда воспринимается как новое. Именно поэтому в интеррогативном высказывании логическое ударение падает на вопросительное местоимение, принуждая выступать как характеризующее слово, что в принципе вообще не свойственно местоимениям. В этой позиции, неся на себе логическое ударение, местоимение обычно функционирует в переносном значении. Однако у вопросительного местоимения «вопросительное» значение приходится рассматривать как основное [см.: Николаева 1985].

По мнению Л.Ф. Бердник, вопросительное значение местоименных слов «заложено в самой форме и не обусловлено контекстом, поэтому оно обнаруживается в самом широком и разнообразном контексте; и в минимальном, и без него. Основное значение вопросительной формы не только функционирует в речи, но и входит в язык как систему» [Бердник 1982: 30].

Этой же точки зрения придерживается О.В. Петрова, считающая, что при реализации местоимений в разных речевых ситуациях меняется лишь референция знака, а постоянное системное значение остается неизменным, и эта независимость значения вопросительных местоимений от контекста объясняется тем, что они «всегда запрашивают информацию о предмете или признаке, одновременно характеризуют их в соответствии с существующими в данном языке морфологическими категориями» [Петрова 1989: 48]. По ее мнению, полнозначительные части речи способны изменять свое значение под воздействием контекста, тогда как «контекстуального изменения значений у местоимений не наблюдается» [Петрова 1989: 47].

Е.И. Сидоренко отмечает, что в структуре значения местоимений одновременно с семой запроса информации содержатся компоненты, определяющие характер запрашиваемой информации, намечающие контуры грамматической семантики ответа. Поэтому семантическая структура представляет собой фокус «совмещения двух составляющих: 1) частного категориального значения, отражающего денотативную основу данного

местоименного ряда, и 2) разрядового значения» [Сидоренко 1990: 12] Для вопросительных местоимений разрядовым значением является вопрос, а категориальный компонент определяет грамматическую семантику недостающего для завершения коммуникации ответа. Однако при оформлении вопросительного предложения как коммуникативной единицы, противопоставленной невопросительным (повествовательным и побудительным) синтаксическим конструкциям, категориальный компонент значения представляется несущественным. В данном случае становится важным то, что в семантической структуре вопросительных местоимений и наречий содержится сема вопроса.

Вопросительные слова предполагают наличие особой интонации. Поэтому в местоименных вопросах создается комплекс вопросительных средств, одно из которых является главным, другие – дополнительными. Поскольку вопросительное местоимение признается ярким маркирующим средством интеррогативного значения, то роль интонации при его выражении становится менее значительной. Интонация данных предложений приближается к повествовательной, хотя и отличается от нее. Нисходящая интонация интеррогативного высказывания «начинается таким высоким тоном, какого не может быть при повествовании, почему понижение сказывается здесь гораздо резче» [Распопов 1958: 34].

Такая интонация реализуется в тех случаях, когда вопросительные слова находятся в начале предложения и являются его интонационным центром. Как отмечает И.П. Святогор, «при перемещении местоименных элементов внутрь предложения роль интонации возрастает, так как вопросительность местоименных слов ослабевает, а порой исчезает совсем» [Святогор 1974: 70].

Усиливается значимость интонации и в конструкциях, являющихся вопросительными лишь по форме – риторических вопросах. При этом интонация принимает повествовательно-восклицательный характер:

-Ты не понимаешь?! – шепчет отец Григорий, в изумлении делая шаг

назад и всплескивая руками. – Что же у тебя на плечах: голова или другой какой предмет? Подаешь записку к жертвеннику, а пишешь на ней слово, какое даже на улице произносить непристойно! Что глаза пучишь? Нешто не знаешь, какой смысл имеет это слово? (А.П. Чехов. Панихида).

Функциональная нагрузка вопросительного местоимения предполагает его реализацию в определенной коммуникативной ситуации – ситуации неизвестности / известности, которая, как отмечает О.Б. Акимова, предполагает несколько компонентов: а) наличие в действительности факта, предмета, действия; б) наличие участников акта коммуникации; в) наличие / отсутствие информации о предмете речи у одного или всех участников общения; г) степень информированности коммуникантов о предмете речи; д) коммуникативное намерение общающихся, которое зависит от определенных объективных и субъективных причин [Акимова 1999: 26-27].

Значение неизвестности в той или иной мере присутствует во всех местоимениях, и функционально определяющим будет не столько семантическая составляющая и ее формальное выражение, сколько та реальная коммуникативно-прагматическая установка, в которой данный класс слов находит свое применение. Безусловно прав был А.А. Реформатский, писавший, что значение местоимений всецело определяется ситуацией общения: «Местоимения – это слова-указания, они не значат, а указывают на значимое... слова ситуационные, т.е. их значение определяется знанием ситуации речи; если собеседник знает, кто говорит, кому говорит, где говорит и когда говорит (а также то, что было до этого разговора и в результате чего этот разговор возник), то он сможет реально понять предложение «Я тебе сейчас это говорю» [Реформатский 1987: 59-60].

Для нас важной является точка зрения, что, при всем строгом распределении местоименных исходов, «они связаны друг с другом, во-первых, возможными дотекстовыми и внутритекстовыми смысловыми контаминациями, во-вторых, обращенностью к единому и общему началу – к тексту, высказыванию, где отношения как между самими исходами, так и

между их расчленениями оказываются весьма сложными» [Шведова 1998: 11].

Об этом наглядно и недвусмысленно свидетельствуют факты функционирования одного и того же местоимения в разных коммуникативных типах русского высказывания:

1) *-Хорошо ты придумал, Павлуша! – говорила она. – Хохол очень милый! И барышня, – ах, какая умница! Кто такая?*

-Учительница! – кратко ответил Павел, расхаживая по комнате (М. Горький. Мать, I, VI).

2) *Однажды вечером в кухню, когда там Пелагея и нянька что-то усердно кроили, вошла мамаша и сказала:*

-Выходить за него ты, конечно, можешь, твое это дело, но, Пелагея, знай, что он не может здесь жить... Ты знаешь, я не люблю, если кто в кухне сидит (А.П. Чехов. Кухарка женится).

Реализация вопросительного значения местоимения **кто** в первом примере создается ситуациями, с одной стороны, неизвестности о предмете запроса для адресанта и желанием узнать об этом предмете и, с другой стороны, предполагаемой известности и возможности устранить этот информационный «провал» для адресата. Возникает два типа соотношений: знание – незнание, желание знать – возможность ответить, где репрезентатором первого члена ряда выступает адресант, а второго – адресат. Только учитывая соотношение этих составляющих, можно, на наш взгляд, с достаточной степенью уверенности говорить о реализации вопросительного значения местоимения.

Во втором случае местоимение **кто** теряет свою вопросительность и приобретает определительность (а скорее всего – неопределенность, неконкретность в сочетании с обобщенностью), т. к. и для адресанта, и для адресата вполне понятно, что за ним скрывается любой человек, не входящий в круг прислуги. Иными словами, не возникает того соотношения членов ряда, которое мы наблюдали в первом случае. Схема в этом случае будет выглядеть следующим образом: знание – знание, отсутствие желания знать –

отсутствие возможности ответить. Или:

*Часто теперь я спрашиваю себя: **когда** я был лучше и правее – тогда ли, **когда** верил во всемогущество ума человеческого, или теперь, **когда**, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа (Л.Н. Толстой. Юность, IX).*

В высказывании столкнулись два концептуальных значения одной лексемы: вопросительное и невопросительное (ближе к определительному). Первая форма **когда** предполагает запрос определенной информации, пусть даже обращенный к самому себе (внутренняя речь), что подчеркивается синтаксической моделью – сложным предложением, представляющим собой конструкцию с несобственно-прямой речью, в вводящей части которой доминантную роль играет предикат, представленный глаголом с семантикой запроса информации – спрашиваю.

Вторая форма выступает как соотносительное местоименное наречие, реализующее только обобщенное значение неопределенности. Об утрате вопросительности в этом случае свидетельствует и факт выполнения **когда** связующей функции между предикативными частями.

В таких случаях говорят об особом подклассе вопросительных местоимений: так называемых вопросительно-относительных местоимениях, употребляющихся в составе придаточных предложений косвенного вопроса. В этом случае апелляция к адресату отсутствует, а неспособность идентификации или характеристики объекта приписывается уже не адресанту, а субъекту пропозициональной установки, вводящей этот косвенный вопрос (мы знаем, что нынче лежит на весах и что совершается ныне) [см.: Селиверстова 1988].

В «Русском семантическом словаре» отмечается, что значение вопросительных местоимений в силу характера их сопоставимости с различными частями речи достаточно многообразно и могут указывать на:

1. Неопределенное или точно не называемое лицо, живое существо, либо такое, о котором требуется или предоставляется информация: **кто**

(указывает на лицо или живое существо).

2. Неизвестное, отрицаемое лицо: **кто** (в риторическом вопросе это уже не вопросительное местоимение, а определительное, обозначает отрицательную оценку, а также вообще отрицание).

3. Неопределенный или точно не называемый предмет, либо такой, о котором требуется или представляется информация: **что** (указывает на предмет, явление, ситуацию), в риторическом вопросе или в отрицательной реплике обозначает отрицательную оценку, а также собственно отрицание.

4. Неопределенный, неизвестный, точно не называемый признак, либо такой, о котором требуется или предоставляется информация: **чей** (указывает на принадлежность, присущность кому-нибудь).

5. Признак, о котором требуется или предоставляется информация: **каков** (указывает на присущий признак, свойство, состояние), **какой** (указывает на качество, свойство, признак), **кой** (=который), **который** (указывает на порядок следования или на выбор из нескольких считаемых, из множества), **чей** (указывает на непосредственное отношение, отнесенность к кому или чему-нибудь).

6. Признак количественный: известный, неопределенный, такой, о котором требуется или предоставляется информация, неизвестный либо оцениваемый: **сколько** (указывает на количество).

7. Признак по времени, пределу во времени: **доколе**, **доколь**, **докуда** (указывает на предел во времени), **когда** (указывает на время).

8. Признак по месту, исхождению, направлению, пределу в пространстве: **где** (указывает на место, или указывает на место как на источник чего-нибудь), **доколе**, **доколь**, **докуда**, **докудова** (указывает на предел в пространстве), **куда**, **куды** (прост.) (указывает направление: в какое место, в какую сторону), **отколе**, **отколь**, **откуда**, **откудова** (указывает на место: на направление извне, с одного места на другое, на источник получения, исхождения чего-нибудь).

9. Признак причины, цели, условия, следствия, связи: **зачем** (указывает

на цель, предназначение, для чего), **куда** (указывает на причину: зачем, для чего), **отчего** (указывает на причину, на то, чем порождается какое-нибудь следствие, почему), **почему** (указывает на причину, на то, чем порождается какое-нибудь следствие), **чего** (+ что), **что** (=почему).

10. Признак по способу и характеру, образу действия, на обстоятельство, ситуацию, состояние: **как** (указывает на способ, образ действия, на обстоятельства, на ситуацию), **каково** (указывает на качественное состояние), **что** (в каком положении, каков, каково Что больной?).

11. Признак по мере и степени, количеству, а также на интенсивность проявления признака, его оценку: **как** (в какой степени, насколько), **насколько** (указ на меру, степень: в какой мере, в какой степени), **почем** (по какой цене), **сколь** (= насколько), **сколько** (как много, каково количество) [Русский семантический словарь 1998].

Как видно из этой классификации, одно и то же местоимение активизирует в зависимости от конкретной речевой и неречевой ситуации тот или иной компонент смысла из своего семного набора. Рассмотрим основные вопросительные местоимения в плане реализации собственно интеррогативного значения.

Местоимение кто

Местоимение **кто** занимает несомненное доминирующее положение в системе вопросительных местоимений. Такое понимание иерархии местоимений объясняется тем, что «оно означает не просто одно из глобальных понятий бытия, но существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир и установившиеся в нем связи, отношения и зависимости» [Шведова 1998: 53].

Несмотря на то, что семантика **кто** и всех его форм ограничена значением одушевленности, оно вовлекает в свою орбиту разноуровневые языковые средства: лексические (все наименования человека и живого

существа вообще), ономазиологические (личные имена), грамматические (формы лица и рода), синтаксические конструкции (вопросительные предложения), специфические средства построения развернутого текста (диалогические единства).

Возможность **кто** выражать собственно запрос информации о лице обусловлена коммуникативной ситуацией, когда адресант на самом деле не знает об идентифицирующих признаках предмета запроса и искренне пытается узнать их. В остальных случаях наблюдается «отход от генеральной линии» интеррогативности, на нее накладываются дополнительные ситуации, которые не имеют прямого отношения к собственно запросу информации.

(В связи с этим семная организация вопросительного местоимения **кто**, в свою очередь, может быть представлена в виде поля, ядром которого будет собственно интеррогативная сема, выражающая запрос о неизвестном лице, а все остальные значения будут составлять ее периферию, которая неоднородна по своей сущности.

На ближней периферии располагаются те функционально-прагматические установки значения, которые в той или иной степени требуют новой информации о запрашиваемом лице.

К дальней периферии семной структуризации отнесем те компоненты значения, которые лишь формально соотносятся с вопросительным местоимением **кто**, а по существу уже перешли в разряд других местоимений.)

По мнению Н.Ю. Шведовой [Шведова 1998], семантика местоимения **кто** в зависимости от конкретной интеррогативной ситуации реализуется следующим образом:

1. Означаемый неизвестен адресанту, но известен кому-то другому: его конкретное, определенное обозначение ищется и может быть найдено, открыто самим участником речи:

В сенях был слышен осторожный шорох. Павел подошел к двери и, толкнув ее рукой, спросил:

-Кто там?

В дверь странно быстро вернулась высокая, серая фигура, за ней другая, двое жандармов оттеснили Павла, встали по бокам у него, и прозвучал высокий, насмешливый голос:

-Не те, кого вы ждали, а? (М. Горький. Мать, I, X).

Это **кто**, способное открыться, отвлечено от реально существующего в данной единичной ситуации, от того, кто эту ситуацию конструирует или непосредственно в ней участвует.

2. Означаемый известен как носитель отрицательных качеств, как тот, чье поведение, поступки, образ жизни безусловно осуждается, о ком известно, кто он таков, или его качества неожиданно открываются:

*Чацкий. А судьи **кто**? – За древностию лет*

К свободной жизни их вражда непримирима... (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 2, 5).

Или:

*Чацкий. А вы! о боже мой! **кого** себе избрали?*

*Когда подумаю, **кого** вы предпочли! (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 4, 14).*

Известность объекта высказывания подчеркивается употреблением местоимения **кого** в разных по функции предложениях: вопросительного и повествовательного.

3. Существование того, кто означается, сомнительно; может быть, он вообще не существует. Эта функция **кто** обнаруживается:

а) В риторическом вопросе:

А Павел, выбросив из груди слово, в которое он привык вкладывать глубокий и важный смысл, почувствовал, что горло ему сжала спазма боевой радости; охватило желание бросить людям свое сердце, зажженное огнем мечты о правде.

-Мы всегда и везде – первые в работе и на последнем месте в жизни.

Кто заботиться о нас? **Кто** хочет нам добра? **Кто** считает нас людьми? **Никто!** (М. Горький. Мать, I, VI).

«Отрицательность» **кто** подкрепляется присутствием в тексте имплицитной формы отрицательного местоимения никто, что свидетельствует о недвусмысленном характере всей коммуникативной единицы (в нашем случае – выступление Павла Власова на митинге перед рабочими по поводу «болотной копейки»).

Напуганный происходящим заплакал и Геракл. Афродита подхватила его на руки и завывала громче прежнего:

*-...Кормилец ты наш и поилец, куда же ты от нас уходишь! По миру пойдем побираться, Христа ради будем просить! А **кто** нам поможет, **кому** мы нужны? Ай – я – я – яй... (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 20).*

Или:

*-**Кто** вознаградит вас за все? – спросила мать. И, вздохнув, ответила сама себе:*

-Никто, кроме господ!.. (М. Горький. Мать, 1, XV).

б) В устойчивых сочетаниях с **бы**:

***Кто бы** мог подумать, чем кончится его сочувствие к заведующему клубом? (Д. Гранин. Зубр).*

Или:

*В директоре Чеботареве пробудился старый лагерный нарядчик. А **ведь кто бы** мог подумать?.. Зелёная фетровая шляпа, китайский мантель, туго набитый портфель... (С. Довлатов. Наши).*

Или:

*Странную беседу вы затеяли, – сказал Мостовской. – Мне начинает казаться, что от людей ничего здесь не остаётся, одна бдительность. **Кто бы** мог предугадать!*

Гудзь прислушался, как бронхит скрипит и булькает в его груди... (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 1).

Во всех подобных случаях **кто** приближается к **никто**: под сомнение ставится само существование означаемого.

4. Означаемого не существует: отрицается сама возможность действия

и, соответственно, его субъекта; это имеет место в устойчивых сочетаниях *кто сказал / придумал, что.., кто видел / слышал, что...* Это **кто** заведомого несуществования, отрицания самой возможности существования означаемого:

-Кто тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведенное мною в симметрии разнообразных украшений его столика. – А где флакончик? Непременно ты... (Л.Н. Толстой. Отрочество, V).

Или:

На нарах народ заворочался, кто-то спросил, что происходит.

-Чонкина уводят, – сказал Штык с некоторым удивлением.

-А для чего столько народу?

-А кто его знает? (В Войнович. Претендент на престол, 2, 1).

Вопросительное предложение по своей сути является уже не вопросительным, а повествовательно-отрицательным, а само местоимение **кто** синонимично отрицательному местоимению **никто**. Создавшееся положение дел реализовано интеррогативной по форме конструкцией, так как она более мягко выражает недовольство адресанта, которому ясно, кто произвел беспорядок в его комнате, и ему остается только одно – выразить к этому свое отношение.

5. **Кто** означает искомую сущность, поиск некоего содержательного наполнения, сути лица; это – функция наивысшего отвлечения от «указательности», от собственно местоименности **кто**: *Кто я? Кем вырастет этот ребенок? Кто он, чтобы считать себя умней других?*

Местоимения **кто** нередко выступает в сочетании **кто такой**, подчеркивая, что недостаточно назвать одушевленный предмет, но необходимо определить его, т.е. указать существенные признаки, каким-то образом классифицировать [Шведова 1998: 63-64]:

Вероятно, я должен кое-что объяснить. Кто такой литературный агент? Чем он вообще занимается? (С. Довлатов. Переводные картинки).

Или:

-Почему не освобождаете квартиру, в которую самовольно вселились?

-А вы кто такой? – спросил я.

- Я сказал, кто я (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Или:

-...Дочь Дюпона, – начал он что-то рассказывать, но остановился, вспомнив об уровне аудитории. – Дюпон кто такой, знаете? (Ф. Искандер. Летним днем).

Семантическая многозначность **кто** определяет и функциональную многозначность. Одушевленный предмет (лицо) может быть активным субъектом, объектом, испытывающим на себе действие активного субъекта или предцируемым компонентом высказывания. В связи с этим, в предложении **кто** выполняет функцию:

1) Подлежащего:

*-**Кто** первый сказал об этом? – догнав, спросил его Обломов.*

-Катя сказала Семену, Семен Никите, – шептал Захар, – Никита Василисе...(И.А. Гончаров. Обломов, 3, IV).

2) Именной части сказуемого:

Только что я занес ногу за высокий порог калитки, вдруг чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

*-**Кто** сей? – взревел чей-то голос, – друг или недруг? Кайся!*

-Это наш, наш! – завизжал подле голосок Липутина... (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 3, IX).

3) Дополнения (употребляясь в форме косвенных падежей):

Около клироса стоит маленькая старушонка с озабоченным лицом и с котомкой на спине. Она задумалась.

*-Дальше **кого?** – спрашивает дьячок, лениво почесывая за ухом (А.П. Чехов. Канитель).*

Или:

*-Вам бы вступить за Павла-то! – воскликнула мать, вставая. –
Ведь он ради всех пошел.*

*-**Кому** вступить? – спросил Рыбин.*

*-**Всем!** (М. Горький. Мать, I, XIII).*

А.В. Канафьева считает, что местоимение **кто**, имеющее в языке общую функцию указания на лицо, в эротеме «означает искомую сущность, поиск некоего содержательного наполнения, сути лица; это – функция наивысшего отвлечения от «указательности». Благодаря этому создается представление о некоем мистическом, выходящем за рамки реального лице, формируется экспрессия нежелательности, невозможности, недопущения для говорящего его действий» [Канафьева 2006: 139]:

И вдруг

Затихли

Лир бряцанья

И самопишущие перья.

*«**Ты кто?***

Не Дух ли Отрицанья? (Л. Мартынов. «И вдруг Затихли Лир бряцанья...»)

Или:

Кому хулить, а прочим наслаждаться –

Удой возрос, любое поле тучно,

Хоть каждый знает – в королевстве Датском

По-прежнему не всё благополучно.

*То приписать **кому?** Земле? (И.Г.Эренбург. В Копенгагене)*

С помощью местоимения **кто** в риторическом высказывании может создаваться экспрессивно окрашенное отрицание:

Фоминишна. ...И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна?

*Аграфена Кондратьевна. А **кто** ее дразнит? Сама привередничает*

(А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, I, VI).

Или:

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто его знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет (А.Н. Островский. Бесприданница, 3, 5)

Или:

Аркадина. ...Вы обязаны поступить на сцену.

Нина. О, это моя мечта! (Вздыхнув.) Но она никогда не осуществится.

Аркадина. Кто знает? (А.П. Чехов. Чайка, 2).

Местоимение **что**

Местоимение **что** находится в противопоставлении к местоимению **кто** и означает любую сущность, данность, не являющуюся одушевленным предметом в самом широком смысле этого понятия. Как отмечает Н.Ю. Шведова, «спектр сущностей, означаемых местоимением **что**, весьма широк: это может быть все, что непосредственно воспринимается физически или осмысливается умственно либо духовно, – все, что оказывается в поле зрения человека как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего: собственно предмет, вещь или совокупность предметов, понятие, состояние, свойство, чувство, мысль, сообщение, явление, поступок, событие, ситуация как целое «бытийное пространство», срез жизни, бытия, отрезок действительности» [Шведова 1998: 67].

Значение местоимения **что** обладает наибольшей степенью обобщенности и семантической валентностью, вбирая в себя значения всех местоимений: конкретный предмет, действие предмета, состояние, отвлеченное понятие, представление о целом явлении (совокупности предметов в связях и отношениях; предмет в его действии и т. д.), что подтверждается возможностью замены им всей ситуации в целом, тогда как остальные местоимения могут заменять лишь компонентов ситуации, т. е. являться частью денотативного значения местоимения **что**.

Что может иметь несколько значений, реализуемых в вопросительной конструкции [Шведова 1998: 70-71]:

1. Запрос о предмете, вещи, единичной материальной реалии, а также о совокупности предметов или предметов и лиц:

Но Андрей взял с полки книгу и, указывая концом ножа на букву на обложке, спросил:

-Это что?

-Рцы! – смеясь ответила она.

-А это?

-Аз (М. Горький. Мать, 1, XVII).

В данном случае на вопрос ответом является не слово «буква», а конкретное название этой буквы, что в принципе противоречит общему вопросу. Или:

-Ну, покажи же, Николенька, что у тебя – коробочка или рисованье? – сказал мне папа.

...Я не мог прийти в себя от мысли, что вместо ожидаемого рисунка при всех прочтут мои никуда не годные стихи и слова...(Л.Н. Толстой. Детство, XVI).

То, что это запрос о конкретном предмете, подчеркивается дополнительно в конкретных словах (коробочка или рисование), причем в данной ситуации спрашивающий предполагает предмет запроса и не важно, прав он или не прав в своих ожиданиях. Это важно адресату, который боится разочаровать своего отца, что и выражается в его реакции.

2. Запрос о свойстве, состоянии, чувстве, непосредственном восприятии, мысли, речи:

Весь день Павел ходил сумрачный, усталый, странно обеспокоенный, глаза у него горели и точно искали чего-то. Мать, заметив это, осторожно спросила:

-Ты что, Паша, а?

-Голова болит, – задумчиво сказал он (М. Горький. Мать, 1, XVIII).

3. Запрос о поступке или событии, случае:

-Позвольте, что же это такое? – спросил он (Беликов – А.Л.). – Или,

быть может, меня обманывает зрение? Разве преподавателям гимназии и жесницам прилично ездить на велосипеде?

-Что же тут неприличного? – сказал я. – И пусть катаются себе на здоровье (А.П. Чехов. Человек в футляре).

Или:

В это время один из мальчишек, крутившихся тут же под ногами у взрослых, изловчился и шарахнул по крылу палкой, от чего крыло загудело, как барабан.

*-Ты **что** делаешь? – заорал на мальчишку летчик.*

Мальчишка испуганно юркнул в толпу, но потом снова вылез. Палку, однако, выбросил (В. Войнович. Лицо неприкосновенное, 1, 1).

4. Косвенное указание на одушевленное существо через ступень ситуации, в которой это существо присутствует как неопределенное и возможное, ее представляющее:

-Мужики, идите скорей. Скорее.

*-**Что** там такое?*

-Мать...

Пока они подоспели, старуха уже опять впала в беспамятство... (В. Распутин. Последний срок).

Или:

*-Там кто? **Что** там такое, на дворе?*

-Это я тут, – отозвался Андрей, подходя к яме (М. Бубеннов. Белая береза).

5. Значение целостной ситуации, некоего положения дел:

Никита ходил, щупал ногами и кнутом, но дороги нигде не было.

*-Ну **что**? – сказал Василий Андреич, когда Никита подошел опять к саням.*

-С этой стороны нету дороги. Надо в ту сторону пойти походить (Л.Н. Толстой. Хозяин и работник).

Или:

*-А потом **что**? – спросил Сисой в соседней комнате.*

-А потом чай пили... – ответила Марья Тимофеевна (А.П. Чехов. Архиерей, II).

6. Значение среза бытия, некоего положения дел, «бытийного пространства», не прикрепленного к какого-нибудь определенному времени. Это ни предмет, ни реалья, ни определенная ситуация, ни событие: это означение сложившегося, относимого к жизни вообще, к ее условиям, к тому, что существует и, как данное, существовало или будет существовать:

Сизов говорил матери:

*-Пора нам, старикам, на погост, Ниловна! Начинается новый народ. **Что** мы жили? На коленках ползали и все в землю кланялись. А теперь люди, - не то опамятовались, не то – еще хуже ошибаются, ну не похожи на нас... (М. Горький. Мать, I, XIII).*

Местоимение **что** способно выражать как предметный, так и пропозитивный смысл. Оно употребляется для указания на неизвестное явление (событие, качество), т. к. не требует конкретизации класса явлений:

-А еще тоже моду взяли вчера с огнем сидеть. Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи. У меня записано-с!

*-**Что** у вас записано?*

*-**Кто** с огнем сидит (А.П. Чехов. Унтер Пришибеев).*

Спрашивающий не предполагает, о чем идет речь, поэтому выбирает наиболее универсальную местоименную форму – **что**. В ответной части адресат не только отвечает на вопрос, но и выбирает такой тип ответа, чтобы у собеседника не возник уточняющий вопрос – идет прямое указание на одушевленного производителя действия – **кто**.

При употреблении вне прямой связи с предикатом (в позиции детерминанта) местоимение **что**, подобно местоимениям **это** и **то**, выражает абстрактную семантику причины, цели и т. п.:

*-**Чего же** ты плачешь? В карете ездить будешь...*

-В карете... Карета... Людей пугать я каретой буду, что ли? Я не

духовное лицо! (А.П. Чехов. Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало).

Или:

-**Чем же** Корнева так хороша? – спрашивала Аглаида Васильевна. –
Учится хорошо?

-Что ж учится? Я и не знаю, как она учится (Н.Г. Гарин-
Михайловский. Гимназисты, III).

Широта семантики **что** подтверждается и синтаксическими потенциями: в предложении может выступать практически любым членом предложения:

1) Подлежащим:

К утру у Варвары Петровны созрел проект разом покончить по крайней мере хоть с одним недоумением – проект замечательный по своей неожиданности. **Что** было в сердце ее, когда она создала его? – трудно решить, да и не возьмусь я растолковывать заранее все противоречия, из которых он состоял (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 2, VI).

2) Дополнением:

Хохол тяжело возил ноги по полу, и снова в комнате дрожал его тихий свист. Потом он спросил:

-А если я скажу ей...

-**Что?**

-Что вот я... – тихо начал хохол (М. Горький. Мать, 1, VIII).

Или:

-Бутылка шампанского будет? – спросил Базаров.

-Три! – воскликнул Ситников. – За это я ручаюсь!

Чем?

-Собственной головою (И.С. Тургенев. Отцы и дети, 1, XII).

3) Определением:

-Да, забыла, – уселась она опять, слушайте, **что** такое Шатов?

-Шатов? Это брат Дарьи Павловны...

*-Знаю, что брат, какой вы, право! – перебила она в нетерпении. – Я хочу знать, **что** он такое, какой человек? (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 3, VII).*

4) Именной частью сказуемого:

*-Вы **что**, мамаша? – спросил Павел, хмуря брови.*

-Я? – Она оглянулась и видя, что все смотрят на нее, смущенно объяснила: – Я так, про себя, – поглядите, мол! (М. Горький. Мать, 1, VI).

Или:

*Начальников с большими звёздами, какие в плен попадали, выкупили за деньги, за оружие выменяли, чтоб этим оружием наших убивать. А солдат – **что**? Кому он нужен? (Г. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном)*

5) Обстоятельством цели:

*-Выдумывай еще! – окрысилась на Пелагею из другой комнаты нянька. – Сорока годов еще не исполнилось. Да **на что** тебе молодой? С лица, дура, воды не пить... Выходи, вот и все! (А.П. Чехов. Кухарка женится).*

б) Обстоятельством причины:

Мать посмотрела на сына – он стоял у двери в комнату и улыбался.

*-Ты **что** смеешься? – смущенно спросила она.*

-Так, – весело! (М. Горький. Мать, 1, VI).

Или:

Вдруг лошадь остановилась, и Никита чуть не упал, клюнув вперед носом.

-А ведь мы опять неладно едем, – сказал Василий Андреич.

*-А **что**?*

-Да вешек не видать. Должно, опять сбились с дороги (Л.Н. Толстой. Хозяин и работник).

Местоимение **что**, употребленное в значении **почему**, придает высказыванию оттенок мотивированности, развернутого обоснования поступка, состояния субъекта, раскрывающегося нередко в следующем за вопросом ответе.

В другом примере собственно причинное значение отступает на второй

план, а его место занимает значение приглашения к действию. То, что в вопросе выражено именно приглашение, а не запрос о причине бездействия адресата, подчеркивается следующим за ним повествовательным высказыванием, в котором также, хотя и имплицитно, выражено значение приглашения:

Он собрал свою бороду в руку, посмотрел на нее и, отходя, сказал:

-Что не зайдешь ко мне? Чай, скучно одной-то... (М. Горький. Мать, I, XVII).

Примерами перехода значения местоимения **что** в значения других вопросительных местоимений могут служить следующие случаи:

Местоимение **что** в значении **какой**:

Платон Михайлович. ...На флейте я твержу дуэт А-мольный...

Чацкий. Что твердил назад тому пять лет? (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 6).

(Ср.: Какой твердил назад тому пять лет?)

Местоимение **что** в значении **зачем**:

Графиня внучка. Мсье Чацкий! вы в Москве! как были, все такие?

Чацкий. На что меняться мне? (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 8).

(Ср.: Зачем меняться мне?)

Как видно из примеров, вопросительное местоимение **что** в силу универсальности своей морфологической потенции (возможности замещать слова разных частей речи) может функционировать в качестве любого члена предложения.

Широкая семантическая валентность местоимения **что** способствует созданию фразеологизированных конструкций:

Председателя несколько смутило, что представитель Высшей Инспекции такой молодой и в таком скромном чине, но он виду не подал и сказал:

-Очень приятно. Чем могу служить?

-Да я и сам не знаю, – сказал летчик (В. Войнович. Лицо неприкосновенное, I, I).

Местоимение **что**, выступая в сочетании **что такое**, указывает на необходимость определить объект как элемент классификации:

Снежана сидела в углу и учила к школьному празднику стихотворение Есенина «Гой ты, Русь моя святая...».

*-**Что такое «гой»?** – спросила Снежана.*

-Значит «эй», – объяснила Ирина (В. Токарева. Своя правда).

Или:

Поздним вечером, перед уходом, я спросил:

*-**Что такое обертон**, Наталья Дмитриевна?*

Она не глядя, через плечо, сунула руку в стеллаж, вынула из толщи книг том энциклопедии с отгоревшим золотом на корочке и корешке, полистала и прочла: «Обертон – ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона, придающих звуку особый оттенок или тембр...» (В. Астафьев. Обертон).

Сочетание **что такое** может выступать и в качестве устойчивого сочетания как реакция на ситуацию:

В спальню вошел отец Сисой со свечой.

-Эва, – удивился он, – вы уже спите, преосвященнейший?

*-**Что такое?***

-Да ведь еще рано... (А.П. Чехов. Архиерей, II).

Сочетание **что за**, наоборот, требует указать денотативную отнесенность упомянутого предмета (что он представляет собой конкретно), для этого достаточно указать класс, к которому относится объект.

Базаров также обратил внимание на Одинцову:

*-**Это что за фигура?** – проговорил он. – На остальных баб не похожа (И.С. Тургенев. Отцы и дети, I, XIV).*

Или:

*-**Что за Тимофеев?** – спросил нарком. – Не тот ли это молодец-тать, что с дубинкой напал на меня? (Д. Гранин. Зубр).*

В этом случае сочетание **что за** выступает синонимом местоимению **кто**.

В другом случае сочетание **что за** оформляет риторическое восклицание:

-Славный малый этот Оленин, – сказал один из провожавших. – Но что за охота ехать на Кавказ и юнкером? Я бы полтинника не взял (Л.Н. Толстой. Казаки, I).

Или:

Узнав, что у Жени родился сын и отец собирается в связи с этим ехать в Москву, он встревожился:

-Что за развлечения в твоём возрасте! Пошли ей лучше денег! (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]).

Или:

-Что за чушь! – возмущился он. – У вас мания логизации! (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать).

Местоимение **что** в личных и безличных конструкциях употребляется для создания и выражения экспрессивного значения, оттенки которого в зависимости от внеязыковой ситуации могут варьироваться от грустного раздумья до радостного восклицания. При этом чаще всего образуется вопросительное риторическое высказывание:

-У тебя все принято, не принято, – горячо говорил он сестре, – точно мир от этого развалится, а все это ерунда, ерунда... яйца выеденного не стоит. Корнева ни о чем этом не думает, а дай бог, чтоб все такие были.

-О-о-о! Мама! Что он говорит?! – всплескивала руками Зина (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, III).

Или:

Глебов спросил:

-За что?

-Как за что? (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Или:

-А то выберешь старую, у неё действительно вот такое вымя... Толку-то что? Корова должна быть... стройная (В. Шукшин. Калина красная).

Местоимение **какой**

Вопросительное местоимение **какой** запрашивает о качестве, свойстве определяемого явления: лица, совокупности лиц или предметов, состояния, свойства, понятия, ситуации, события, собственно бытия, и акцентирует внимание адресата на качественных характеристиках объекта. В случае, когда содержание предложения требует идентификации объекта, фиксации его в определенной области пространства, местоимение **какой** интерпретирует это как необходимость охарактеризовать объект через его местонахождение или отношение к другому, известному объекту.

«Качественность» его семантики наиболее полно проявляется в позиции предиката. В этом случае интеррогативное высказывание может состоять только из одного вопросительного местоимения:

-Вы ко мне? – спросил прокурор приветливо.

-К вам, – сказала Нюра так тихо, что сама слов своих не услышала.

-И по какому делу?

-Я беременная, – сказала Нюра...

*-Не понял. **Какая?***

Беременная, – пролепетала Нюра, смутившись еще больше (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 1).

Местоимение **какой** характеризуется тем, что интеррогативные высказывания с его участием устроены принципиально иначе, чем все другие частные интеррогативные конструкции. Это проявляется в том, что «в вопросах со словами где, куда, сколько, когда и др. ответы жестко связаны с одной (для каждого вопроса своей) семантической валентностью имени в сфере действия вопросительного слова. В ответах на вопрос где заполняется валентность места, а на вопрос с когда – валентность времени и т. д. Между тем вопросы с **какой** отличает необычная свобода выбора. Отвечающий на вопрос **Какой** ХР? Имеет возможность заполнить, вообще говоря, любую из семантических валентностей Х-а» [Крейдлин, Рахилина 1984: 464-465].

Местоимение **какой** означает:

1. Признак непосредственно воспринимаемый, открываемый или приписываемый (градулируемый):

Карташов...встал и решительным, взволнованным голосом обратился к учителю:

-Митрофан Семенович! Для меня непонятно одно обстоятельство в жизни Антония и Феодосия.

*-**Какое-с?** – сухо насторожился учитель.*

-Я боюсь спросить вас, так оно несообразно.

-Говорите-с! (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, IV).

2. Признак, исходящий от самой материи предмета (неградулируемый и имманентно самовывяляющийся):

-В обществе, по крайней мере, принято, что раз ты бываешь, то и у тебя должны бывать.

*-**Какое ж** мы общество?*

-Да уж раз вам дело до Писарева, значит, вы взрослые (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, III).

3. Признак, обнаруживающий себя как протекающий во времени и непосредственно связанный с процессом, порождаемый процессом:

Из задней двери вышла некрасивая с добрым лицом женщина и, став за прилавком, спросила, что нужно.

-Рамочку хорошую, мадам.

*-**На какую цену?** – спросила дама... (Л.Н. Толстой. Фальшивый купон).*

Какой в предложении выполняет следующие функции:

1. Определения:

Павел громко захлопнул книгу. Был слышен его вопрос:

*-**А какого толка ты ждешь?***

Оба долго молчали (М. Горький. Мать, I, VIII).

Или:

Советница. За что, сударь, хотите вы его так изувечить?

Бригадир. За то, что, может быть, без него я давно бы тебе сказал

мой секрет и взял бы от тебя ответ.

*Советница. **Какой секрет? Какой ответ?** (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 3, яв. IV.).*

2. Сказуемого:

Анютка (вбегает; к Никите шепотом). Микита, иди скорей, тябя человек один спрашивает однова дыхнуть.

*Никита. **Какой человек?***

Анютка. Маринка с чугунок. За углом стоит (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 1, 17).

Или:

*Сын. **И какая ему тут была нужда?***

Советница. Вот такая: он говорит, жизнь моя, что будто муж и жена составляют одного человека (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 5, яв. II.)

В зависимости от речевой ситуации местоимение **какой** может употребляться в риторическом высказывании и в этом случае теряет свой вопросительный характер, приобретая значение отрицательной частицы. Достаточно часто в этом случае сочетается со словом **право**:

*-**Какое** вы имеете **право** кричать? – сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начинал сам сердиться (Л.Н. Толстой. Юность, XVI).*

*(Ср.: **Вы не** имеете права кричать!)*

Или:

Иван Миронов отдал половому и велел принести сдачи, но половой не принес сдачу, а пришел лысый, с глянцевым лицом приказчик с купоном в пухлой руке.

-Деньги ваши не годятся, – сказал он, показывая купон, но не отдавая его.

-Деньги хорошие, мне барин дал.

-То-то что не хорошие, а поддельные.

-А поддельные, так давай их сюда.

-Нет, брат, вашего брата учить надо. Ты с мошенниками подделал.

*-Давай деньги, **какую ты имеешь полную праву?** (Л.Н. Толстой.*

Фальшивый купон).

Риторичность высказывания проявляется и в случае употребления местоимения **какой** со словом **образом**:

Вожжеватов. ...А я вчера простудился немного.

*Кнуров. **Каким образом?** Такое тепло стоит (А.Н. Островский. *Бесприданница*, I, 2).*

Возможность проявления риторической функции возникает в случае столкновения двух несовместимых ситуаций: считается абсурдным простудиться в теплую погоду.

Подобные предложения, имея фразеологизированное значение и структуру, однозначно понимаются всеми коммуникантами не как интеррогативное высказывание, а как акт выражения возмущения, недовольства или удивления:

***-Каким образом всё это может втиснуться в московскую квартиру?** (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 2).*

Или:

Мои восклицания сдерживали ее, отвлекали от горестных мыслей. Поэтому я громко и чересчур торжественно пообещал:

-Найду их! Не верите? Разыщу всех троих!

***-Каким образом?** – Она вновь прикрыла глаза и медленно вытянулась под одеялом – Школы, в которой они учились, уже давно нет... Ее снесли (А. Алексин. *Сигнальщики и горнисты*).*

Местоимение **каков**

В отличие от местоимения **какой**, вопросительное местоимение **каков** запрашивает о градуируемом признаке, представляя его как стабильный, как сущностное, неотъемлемое свойство или качество:

*Рисположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы нет: **каков человек у вас приказчик?***

*Большов. **Который?** Лазарь, что ли?*

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 1, 10).

Этот признак, заключенный в ком-нибудь или в чем-нибудь, выступает как основная характеристика – внутренняя или внешняя, находя отражение в синтаксической позиции: в интеррогативном предложении **каков** закреплен в предикате, т. е. функционирует в качестве:

1) Сказуемого:

Наполняя маленькую кухню хриплыми звуками, он медленно стаскивал тяжелое пальто и, не оглядываясь говорил:

*-...Недурно? Животик-то у меня **каков**? (М. Горький. Мать, 1, XV).*

Или:

*Сын. Да знаешь ли ты, **каковы** наши французские учителя? (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 5, яв. II).*

2) Обстоятельства:

*Бригадирша. Чтой-то мне с тобою будет, Иванушка? Да **по-каковски** ты со мной говорить можешь?*

Сын. Виноват. Я забыл, что мне надобно говорить с вами по-русски (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 5, яв. I).

Местоимение **каково**

В местоимении **каково** запрашивается информация о состоянии субъекта или ситуации, а также контаминация этих смыслов. **Каково** отличается от других местоимений отношением состояния ко времени, «которое в нем изначально заложено, что сближает его с местоимением **каков**» [Шведова 1998: 158]:

*Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, **каково** попрыгиваешь?*

Подхалюзин. Что нам делается-с (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 2, 7).

Или:

Аркадий Павлыч удовлетворил его желание.

*-Ну, что, брат Софрон, **каково** у тебя дела идут? – спросил он ласковым голосом.*

-Ах вы, отцы наши, – воскликнул Софрон, – да как же им худо идти, делам-то! (И.С. Тургенев. Записки охотника. Бурмистр).

В разговорной речи современных носителей языка **каково** практически не употребляется и является приметой книжного стиля.

Местоимение **чей**

Местоимение **чей** запрашивает о двух типах принадлежности: «во-первых, собственно принадлежности как владении и, во-вторых, как отнесенность, исхождение от кого- чего-нибудь или обращенность к кому-чему-нибудь. При этом смысл принадлежности обязательно предполагает владельца и предмет владения» [Шведова 1998: 74].

Функционирование местоимения **чей** в тексте определяется двумя моментами:

1. Выражает прямой или косвенный вопрос о принадлежности или отнесенности; при этом обычна «поддержка» местоимением это:

Один жандарм нагнулся и, искоса глядя на Весовщикова, стал подбирать с пола растрепанные книги...

*-А **чьи** все эти книги?*

-Мои! – ответил Павел (М. Горький. Мать, I, X).

2. Оформляет так называемое относительное подчинение:

*Андрей хотел было спросить, **чьему именно замыслу надо подчиниться** и какому из замыслов, но подумал, что в ответ на этот вопрос собеседник обязательно всучит ему какую-нибудь брошюру, и промолчал (В. Пелевин. Желтая стрела).*

Или:

*Она очень стихи любила, говорят, вот эти, правда, их там нет, но мне здешний один читал: «Лёгкой жизни просим мы у Бога, лёгкой смерти надо бы просить». Не знаете, **чьи это**? Она, говорят, их повторяла всю ночь*

(Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 2).

В предложении **чей** выступает в качестве:

1. Определения:

Укутанная баба, вся засыпанная снегом, не шевелясь, сидела, нахохлившись, в задке саней.

*-**Чьи** будете? – закричал Василий Андреич.*

-А-а-а... ские! – только слышно было.

-Чьи, говорю?

-А-а-а... ские! – изо всех сил закричал один из мужиков, но все-таки нельзя было расслышать, какие (Л.Н. Толстой. Хозяин и работник).

Или:

*Вот сквозь пар идет намыленный человек включить над собой душ и стал в недоумении: где его кран, где **чей**? (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды).*

Или:

-Ведь это, знаете, сбывшаяся мечта Томаса Мора.

*-**Чья?** Мне стыдно бывает, я многого не знаю (А. Солженицын. В круге первом, 1, 42).*

2. Именной части сказуемого:

Повернулся он к Петьке, когда у выхода уже никого не осталось.

*-Ты **чей**?*

В этот момент со двора его позвала тетка Наталья, и одноногий тут же забыл про чумазого, прижавшегося к печке пацана (А. Геласимов. Степные боги).

Или:

*Он подумал и спросил: «А ты **чей**? (В. Войнович. Замысел).*

Местоимение **который**

Вопросительное местоимение **который** запрашивает информацию о признаке предмета, включающего в себя собственно качественной признак,

наименование, порядок следования, или, по словам Н.Ю. Шведовой, означает «вычленение из считаемого множества или изымание единичного из множества подобных и установление его порядкового места при счете. За ним стоит идея числа, считаемого множества и изымания единичного из этого множества, причем изымания, обязательно со счетом» [Шведова 1998: 135]:

-Ну вот... Какая это церковь? – вдруг спросила она у лодочника, указывая вдаль.

***Которая?** Вон эта-то? – переспросил лодочник.*

-Смольный! – нетерпеливо сказал Обломов (И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

Вопрос **который** встречается редко, в основном в значении «какой по счету», причем в некодифицированной речи. В значении «кто (что, какой) из» в современном языке **который** практически не встречается:

... спросила Гута.

-Которая?

-Ну, с которой вы заходили тогда... (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине).

Или:

-И то заневестилась...

***-За которого?** За рыжего Боровка или за Косую Сажень? (Е. Пермяк. Бабушкины кружева).*

Который в предложении выполняет функции:

1. Определения:

*Бригадир. ...Он хотя и мой сын, однако таить нечего: где он был? в каких походах? на **которой** акции? (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 3, яв. IV).*

Или:

*Тут Лежандр принял вид любопытного и любознательного и, не переставая пригонять шов на ступне, в том месте, где она должна была соединиться с бабкой, спросил, в **котором** же это веке жил столь знаменитый император?*

***-В котором?** В пятом веке, – спокойно ответил мастер*

(Ю.Н. Тынянов. Восковая персона).

2. Именной части сказуемого:

-Гаврилов Лука **который** у вас? – проговорил сотник. Лукашка снял шапку и подошел (Л.Н. Толстой. Казаки, XXI).

Или:

Прошла к столу подле моего ложа, поставила котелок с деревянной обгрызенной ложкой, достала новую свечу, вздула ее и заменила ею сгоревшую.

-**Час который?** – спросил я у фигуры этой (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

3. Дополнения:

Советник. Ты должен будешь заколоть одну из этих девчонок.

Бородач. **Которую?**

Советник. Пленницу (Е.Л. Шварц. Снежная королева).

Местоимение где

Вопросительное местоимение **где** запрашивает информацию о месте нахождения предмета или лица; в нем заключен смысл локализации лица, предмета, ситуации или события:

-А не могли бы вы мне указать, **где** здесь всего ближе стоят извозчики? – прокричал он мне опять.

Скверный крик; скверный голос!

-Извозчики? извозчики всего ближе отсюда... у собора стоят, там всегда стоят... (Ф.М. Достоевский. Бесы, I, 3, III).

Где в предложении выполняет функции:

1. Обстоятельство места:

-**Где** же человек? – приставал Обломов.

-Домой пошел, – едва отвечала она, взглядываясь в здания противоположного берега (И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

2. Предиката в безглагольных предложениях:

Никита. А мать где?

Анютка. Она в сенцах стоит, плачет (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 3, 14).

В определенных коммуникативных условиях местоимение **где** может терять свое локализованное значение, т. е. в нем уже проявляется не запрос о нахождении предмета или лица, а значение отрицания какого-либо действия, связанного с восприятием другого человека, т. е. образуется риторическая конструкция. Такая трансформация наблюдается как во внутренней речи (1), так и во внешней (2):

1) *Тут вмешалась мать. Когда сын говорил о боге и обо всем, что она связывала с верой в него, что было дорого и свято для нее, она всегда искала встретить его глаза; ей хотелось молча попросить сына, чтобы он не царапал ей сердце острыми и резкими словами неверия. Но за неверием его ей чувствовалась вера, и это успокаивало ее.*

«Где мне понять мысли его?» – думала она (М. Горький. Мать, 1, XI).

2) *-Ты этого Данилу раньше видала? – спросила барыня Пелагею.*

-Где мне его видеть? Первый раз сегодня вижу, Аксинья откуда-то привела... Черта окаянного... И откуда он взялся на мою голову! (А.П. Чехов. Кухарка женится).

Риторическое значение местоименного предложения предполагает сочетание **где мне** и нередко подчеркивается особой восклицательной интонацией, обозначаемой на письме восклицательным знаком:

***Но где мне было состязаться с другим матерым волком, опасным и беспощадным снайпером!** (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

Или:

-Значит, найдете человека.

***-Где мне!** Я некрасивая, я конопатая и скучная, наверное (В. Тендряков. Ухабы).*

Или:

*-Нет, что ты. **Где мне с тобой тягаться...** Слушай, ты чем сейчас*

занимаешься? (А. Вампилов. Утиная охота).

Местоимение **куда**

Местоимение **куда** означает запрос о направлении внутрь: в какое-нибудь или к какому-нибудь месту [Шведова 1998: 104]:

Легким порывом ветра задуло спичку. Прокурор достал вторую, чиркнул и увидел, что незнакомец быстро удаляется от него.

*-Да **куда** же ты? – растерялся Павел Трофимович. – На, прикури. Слышь, друг! Братишка! Остановись! (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 10).*

Или:

Гладышев перестал вопить, снял очки и сказал тихо:

-Вызывают меня, Афродита.

*-**Куда?** – не могла взять в толк Афродита.*

-Куда-куда, – рассердился Гладыше. – Сама знаешь куда. Я про мерина написал в газету. Видать, за это (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 20).

С этим местоимением связано значение ориентации движения к какому-нибудь пункту, цели в пространстве:

Кто-то тронул его за локоть. Он посмотрел и увидел перед собой синее в ночном полусвете лицо Плечевого.

-Пошли, – тихо сказал Плечевой и протянул Чонкину руку.

*-**Куда?** – удивился Чонкин.*

-Куда надо, последовал ответ.

Не хотелось Чонкину подниматься и переть на ночь глядя неизвестно куда и зачем, но, когда ему говорили «надо», он отказываться не умел (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 14).

Куда в предложении выполняет функцию обстоятельства направления или места:

Захар стоял минуты две, неблагоприятно, немного стороной поглядывая на барина, и, наконец, пошел к дверям.

-Куда же ты? – вдруг спросил Обломов.

-Вы ничего не говорите, так что ж тут стоять даром? – захрипел Захар за неимением другого голоса... (И.А. Гончаров. Обломов, 1, 1).

Или:

Он стоял в полуоборот среди комнаты и глядел все стороной на Обломова.

*-А у тебя разве ноги отсохли, что ты не можешь постоять... Сыщи письмо, что я вчера от старосты получил. **Куда** ты его дел?*

-Какое письмо? Я никакого письма не видал, – сказал Захар (И.А. Гончаров. Обломов, 1, 1).

Ответное слово предполагает употребление с предлогами **к, в, на, за**:

София. Просите, надобно идти мне поскорей.

*Чацкий. **Куда?***

*София. **К парикмахеру** (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 2).*

Или:

-Нет, я в городе-то бывал, а так далеко не бывал – первый раз.

-А куда?

*-**К Чёрному морю** (В. Шукшин. Печки-лавочки).*

Или:

Свое он уже отводил, и думал, что теперь должны повести его.

-А куда?

*-Туда, **в соснячок**, – жалко передёрнув обожжёнными губами, сказал Тумаши (В. Быков. Болото).*

Или:

-Нет, – сказал он, – я только что приехал с учений и сегодня же уезжаю.

-Куда?

*-**В Ленинград**, – сказал он и сам с любопытством заглянул мне в глаза.*

– А разве она тебе не говорила? (Ф. Искандер. Письмо).

Или:

-Надолго ли? И куда?

-На родину, в Смоленск (И. Грекова. Перелом).

Или:

-Уехала она.

-Куда?

-На север куда-то (В Шукшин. Калина красная).

Или:

-Нету! – кричала трубка, – уехал.

-А куда?

-За город кататься на машине (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1);

а также беспредлоговое употребление:

Лёва окликнул и меня: – Ивановский, а ты куда?

-Туда же, – ответил я (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Или:

-Стой! Куда?

-Да – сюда, – растерялась учительница, уже поняв, кто ее остановил (В. Быков. На болотной стежке).

Местоимение **куда** в сочетании с местоимениями **мне, ему, нам** и др. может организовывать не собственно вопросительную конструкцию, а эмоциональный риторический вопрос, выражающий негативную оценку самого говорящего:

Он с восторгом прислушивался, когда Корнев, считая его своим уже, дружески хлопал его по плечу и говорил за него на упрёк его матери:

-Куда нам с суконным рылом! (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, III).

Местоимение **откуда**

Местоимение **откуда** несет в себе запрос о направлении, источнике какого-либо действия, направленного извне и выступает как антоним местоимению **куда**:

Соседом оказался негр в замшевых туфлях и малиновом клубном

пиджаке.

-Вы откуда? – спросил Краснопёров.

-Из Южной Родезии, – ответил чернокожий, доставая портсигар (С. Довлатов. Иная жизнь).

Или:

-Ты, потай, приезжий?

-А вы откуда? – просветлел я. И я узнал, что не всё вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром – деревня... (А. Солженицын. Матренин двор).

Откуда в предложении функционирует как обстоятельство:

-Так и есть!

-Откуда?

-От княгини Лиговской, – сказал он очень важно (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Ответное слово предполагает обязательное употребление с предлогами **из, от, с**:

-Откуда же ты? – торопливо спросил он (Обломов – А.Л.).

-Из магазина, – отвечала она (Ольга – А.Л.) (И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

Местоимение **откуда** может функционировать в качестве единственного члена в предложении:

Кнуров. А! Василий Данилыч! (Подает руку.) Откуда?

Вожеватов. С пристани (А.Н. Островский. Бесприданница, I, 2).

В разговорной речи местоимение может употребляться в значении «где взял»:

-А балалайка откуда у тебя? – спросил Оленин и продолжал писать.

-За рекой был, отец мой, балалайку достал, – сказал он также тихо (А.Н. Толстой, Казаки, XXVIII).

Риторический характер предложения с местоименной связкой **откуда мне** (нам, тебе и под.) реализуется в том случае, когда оно репрезентировано в ответной части диалога:

Улучив момент, я за рукав втянул уже изрядно подвыпившего Кортаева в кабинет и спросил, как стихотворение у Коли, пишется ли?

-Да откуда мне знать? Он же их в уме слагает и, как потом он говорит, записывает столбиком (В. Астафьев. Затеси).

Или:

-Но я вовсе не так посмотрел, – прервал я Костика.

-Откуда мне знать, как ты посмотрел? – возразил Костик (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

Или:

-Так я тебе и сказал.

-Конечно, не скажешь: откуда тебе знать? (А. Рыбаков. Бронзовая птица).

Или:

-Ну, какой ты стратег? Посуди сам, откуда тебе быть-то им? Чапаев нервно дергался, и злыми огоньками блестели его волчьи серо-синие глаза (Д.А. Фурманов. Чапаев).

Сочетание **откуда тебе** функционирует и как собственно вопрос в тех случаях, когда интеррогативное высказывание имеет только значение «запрос информации», не «отягощенное» эмоциональной оценкой:

Он из хорошего семейства и богатый.

-Откуда тебе это известно?

-Он говорил (А.П. Чехов. Скучная история).

Местоимение **как**

Н.Ю. Шведова считает, что местоимение **как** едва ли не самое сложное «по своему смысловому строению и обусловленному этим строением кругом функций» [Шведова 1998: 139]:

Николай Всеволодович усмехнулся.

-Кланяйся и благодари, да скажи своему барину от меня, Агафья, что он самый умный человек во всем городе.

-А они против этого приказали вам отвечать-с, – еще бойчее подхватила Агафья, – что они и без вас про то знают и вам того же желают.

-Вот! да как он мог узнать про то, что я тебе скажу?

-Уж я не знаю, каким это манером узнали-с... (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 2, II).

Как занимает особое место: «Семантически оно наиболее «расположено» к тому, чтобы его первоначальное значение (конкретно-наречное «каким образом») преобразовалось в обобщенное «феноменологическое» значение, т. е. значение проявления процесса (состояния) вовне. Если известен факт какого-либо события, но нет сведений о его «протекании», о внешних признаках, уместен вопрос Как это произошло (случилось, было)?, но не Что случилось?, где К-местоимение обозначает не какой-то конкретный признак действия, а нерасчлененную совокупность его внешних проявлений» (Мишланов 1996: 164).

Местоимение **как** несет запрос:

1) О т. н. «образе действия»: обстоятельстве, при котором что-либо происходит, осуществляется; сопутствующей обстановке, ситуативной характеристике действия или состояния, устанавливаемую через сходство, подобие, близость к чему-нибудь или через качественную идентификацию с чем-нибудь:

-каким образом, при каких обстоятельствах:

-Как вы узнали? – удивился я. – Я ведь об этом никому не рассказывал.

-Не беспокойтесь, я тоже не расскажу никому (В. Войнович. Москва 2042).

-сходство с кем-нибудь или чем-нибудь, подобно кому-нибудь или чему-нибудь, таким образом как кто- (что-)нибудь, так, как когда-нибудь:

-Знаешь, как он говорит? «Волона кличит кал!» Смешно? (И. Грекова. На испытаниях).

Или:

-Хотелось мне осведомиться, как он говорит по-французски (П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя).

-используя какое-нибудь средство, посредством чего-нибудь, при помощи чего-нибудь:

Старшой. Заслужил! Сначала как лисицы, потом как волки, а теперь как свиньи сделались. Ну, уж питье! Скажи ж, как ты такое питье сделал? Должно, ты туда лисьей, волчьей и свиной крови пустил.

Работник. Нет, я только хлеба лишнего зародил (Л.Н. Толстой. Первый винокур или Как чертенок краюшку заслужил).

2) О сущностном признаке кого- (чего-)нибудь, его неотъемлемом статусе. При этом как контаминируется со смыслом местоимения **каково**, **как** означает:

-сущность данного, стабильного, установленного, не поддающегося случайным изменениям, лишнего случайностей:

Мерзлым дробным стуком отдавались шаги торопливых прохожих.

-Как тебя зовут?

-Ларион (М. Веллер. О любви).

-сущность нестабильного, изменчивого, полного нюансов и разнообразных возможностей. Здесь присутствует соотношение «как- так- как-то- никак»:

-Я... я люблю вас! – проговорил он (Володя – А.Л.).

Нюта удивленно подняла брови и засмеялась.

-Что слышу я?! – запела она, как поют оперные певцы, когда слышат что-нибудь ужасное. – Как? Что вы сказали? Повторите, повторите... (А.П. Чехов. Володя).

Местоимение **как** в определенных речевых ситуациях выступает «заменителем» других вопросительных местоимений:

Сколько:

«Ладно, мол, Иван Елистратыч. А как цена?»

«А вот как, – отец отвечает, – по семи гривен» (В.Г. Короленко.

Павловские очерки).

Или:

-Сколько потребуется, – на это у Степиньки своя цена стоит – значит, по такцыйи.

-А как цена?

-С вашей милости, сударик мой, недорого-с: по копейке за пяток (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5).

Где:

Слушайте! – в отчаянии восклицал он. – На днях советский агент Коваль получит важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине...

-Как? Какой авеню? – удивился атташе и задумался. – А откуда я знаю, что вы говорить правду? (А. Солженицын. В круге первом, I, 1).

Куда:

Ваня с зятем и сыном поехали корову продавать, – в глазах Марии Александровны появилась грусть.

-Мы ведь уезжаем...

-Как? Куда?

-Возвращаемся на Украину (В. Бурлак. Хранители древних тайн).

Откуда, зачем:

Империи – больше не было! Как? Откуда? (А. Солженицын. В круге первом, I, 20).

Почему:

-Мы решили не поступать.

-Как?

-А вот так (В. Аксенов. Звездный билет).

Или:

-В гроб вгоняет.

-Как? – не поняла Катерина. – Почему?.. (Б. Екимов. Пиночет).

Каким:

Г.Н. Вы в размышление.

София. Об Чацком.

Г.Н. Как его нашли по возвращеньи?

София. Он не в своем уме (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 14).

Когда:

-Я вышла замуж за доктора Чагина.

-Как? Когда? (И. Грекова. Перелом).

Местоимение **как** образует фразеологические конструкции в сочетании с глаголом **быть**, выражая растерянность или поиск решения говорящим (1), и местоимением **так**, передавая значение удивления или переспрос (2):

1) *Матрена. Теперь сморгаешь, ищи тогда на орле – на правом крыле. Сестра придет – и прощайся.*

Анисья. И то придет, отдаст ей. Как быть-то? О, головушка! (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 2, 16).

2) *Подхалюзин. Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.*

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитяtko, да как же это давеча так? А? Ей-богу! Что же это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя! (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 3, 6).

Или:

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 3, 8).

Как в предложении выполняет функции:

1. Главного члена (когда соотносится с категорией состояния):

Она прижалась к нему, теребила его рукава.

-Да успокойся, мама, что с тобой, нельзя же так. Сядем куда-нибудь.

Скажи, как у тебя все? Как ты поживаешь?.. (В. Набоков. Звонок).

2. Обстоятельства образа действия:

-Как ты это одна попала сюда? – твердил тревожно Обломов.

-Сказать, как? – лукаво дразнила она, когда они выехали на середину

реки (И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

Или:

-Одного только я не понимаю: **как** она могла тебя укунить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты вон какой здоровила! (Чехов. Хамелеон).

3. Обстоятельства качества действия:

-**Как** вы всегда говорите, Андрюша! – воскликнула мать.

Стоя на коленях около самовара, он усердно дул в трубу, но тут поднял свое лицо, красное от напряжения, и, обеими руками расправляя усы, спросил:

-А **как** я говорю?

-Да будто вас никто никогда не обижал... (М. Горький. Мать, 1, IX).

В текстовом фрагменте сталкиваются две реализации местоимения **как**: одна определительная, другая вопросительная, и эти реализации обусловлены ситуацией конкретного высказывания: восклицательного и интеррогативного. В первом случае коммуникант (мать) выражает свое восхищение манерой говорить другого персонажа (Андрея Находки), который, в свою очередь, пытается уточнить степень этого восхищения, то есть качество действия.

4. Обстоятельство причины:

Нелькин. Ну полноте – что это все хандрите?

Атуева. **Как не хандрить?!**

Нелькин. Да что у вас тут?

Атуева. Ох, – нехорошо (А. Сухово-Кобылин. Дело, 1, I).

Или:

Тут послышался голос Манюни:

-Раз за одним столько народу прислали, значит, на расстрел.

-**Как же на расстрел?** – сказал Штык. – Ведь суда-то не было (В. Войнович. Претендент на престол, 2, 1).

Или:

И, однако, как же это случилось? Как могло это случиться? Замечательно именно то обстоятельство, что никто у нас, в целом городе, не приписал этого дикого поступка сумасшествию (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 2, II).

Местоимение **когда**

Местоимение **когда** означает время, являющееся одним из центральных понятий, «отражающих осознание того, что все сущее находится в некоем невидимом движении от начала своего существования к концу, от какой-то точки бытия к другой такой точке, от одного отрезка существования к другому, иными словами, понятие «когда» означает осознание того, что существование как материи, так и духа протекает во времени и что само это протекание может быть осмыслено как имеющее фазы, способные разграничиваться или плавно переходить одна в другую» [Шведова 1998: 90]:

Они медленно пошли плечо в плечо в кухню и, не глядя друг на друга, перекидывались краткими словами.

-Ну, прощай!

*-Прощай. **Когда** расчет берешь?..*

-Взял.

*-А **когда** уходишь?*

-Завтра. Рано утром. Прощай (М. Горький. Мать, 1, XVIII).

На первый вопрос следует не ответ о времени совершении действия, а констатация самого действия по причине того, что действие уже совершилось во времени как факт. Подобное объясняется и грамматическим употреблением формы глагола настоящего (в значении будущего) времени, которая предполагает ответ с семантикой будущего, например, завтра. Но так как действие уже совершено, адресат выбирает не наречную ответную форму, а глагольную как синтагматически многовалентную и ситуативно многозначную. Это проявляется в том, что форма прошедшего времени

указывает не только на конкретное действие, но и на то, что действие уже совершилось, т. е. на временную фазу (можно говорить о законе экономии языковых средств).

В ответе на второй вопрос наречная форма употреблена как единственно возможная (не считая лексем с конкретным указанием на время – числительных и существительных), т. к. совершение действия ожидается в ближайшем будущем, а глагольная форма невозможна в ответе по нескольким причинам: во-первых, форма ушел, предполагающая отсутствие адресата, неприемлема в конкретной ситуации, а во-вторых, адресанту интересен не факт ухода адресата, а точное время этого ухода.

В предложении местоимение **когда** выполняет функции:

1. Обстоятельства времени:

-Ну не сердись, неженка. Сказано – первый сорт. Надо будет поехать к ней.

-Когда?

-Да хоть послезавтра. Что нам здесь делать-то! (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XV).

2. Обстоятельства условия:

*-Понял, – отвечает лейтенант Филиппов. – А ждать вас **когда** же?*

-А ждать нас не нужно. Таких Чонкиных по области вагон и маленькая тележка, а тройка у нас одна. Когда очередь дойдет, тогда и приедем (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 15).

Местоимение **зачем**

Местоимение **зачем** запрашивает о цели совершаемого действия, поступка или ситуации:

Однажды мать сказала сыну:

-Давай возьмем хохла себе в нахлебники? Лучше будет обоим вам – не бегать друг к другу.

*-**Зачем** вам стеснять себя? – спросил Павел, пожимая плечами.*

-Ну, вот еще! Всю жизнь стеснялась, не зная ля чего, – для хорошего человека можно! (М. Горький. Мать, 1, VII).

Местоимение **зачем** выполняет в вопросительном предложении функцию обстоятельства цели:

*-Слышишь, Захар? **Зачем** ты позволяешь себе не только думать, даже говорить?...*

-Позвольте, Илья Ильич, я лучше Анисью позову... – отвечал Захар и шагнул было к двери (И.А. Гончаров. Обломов, 3, IV).

Или:

За день до объявленного заседания бюро райкома Голубев приехал в Долгов и пробился к Борису.

*-А **зачем** ты нас баранами называл? – поинтересовался Борисов.*

-Да кто же вы есть, как не бараны? – горячился Голубев.

-Ну вот видишь. – Борисов развел руками, изображая обиду (В. Войнович. Претендент на престол, 1, 25).

Местоимение **зачем** может функционировать как синоним местоимения **почему**:

Молчалин. Не смею моего сужденья произнести.

*Чацкий. **Зачем** же так секретно?*

Молчалин. В мои лета не должно сметь

Свое суждение иметь.

Чацкий. Помилуйте, мы с вами не ребята;

***Зачем** же мнения чужие только святы?*

Молчалин. Ведь надобно ж зависеть от других.

*Чацкий. **Зачем** же надобно?*

Молчалин. В чинах мы небольших (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 3).

(Ср.: Почему мнения чужие только святы? Почему же надобно?)

Как синоним местоимения **зачем** в определенных стилистических условиях функционирует местоимение **к чему**, при этом синтаксическая функция обстоятельства цели остается неизменной:

Обломов побледнел.

-Что ты? – спросила она.

-Погоди, Ольга: к чему так торопиться?.. – поспешно прибавил он
(И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

(Ср.: Зачем так торопиться?)

Местоимения **почему**, **отчего**

Местоимения **почему**, **отчего** запрашивают о причине, основании или поводе какого-либо действия, поступка, ситуации:

Анна Алексеевна выходила ко мне с озабоченным лицом и всякий раз спрашивала:

-Почему вас так долго не было? Случилось что-нибудь? (А.П. Чехов. О любви).

Или:

-А отчего ж ты мне не скажешь, – сказал он, – что я гадко поступил? Ведь ты об этом думал?

-Да, – отвечал я, хотя и думал о другом... (Л.Н. Толстой. Юность, XXII).

Или:

-Вы, верно, знаете, отчего я ушел? – сказал я.

-Может быть, – ответил он (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVII).

В предложении и местоимение **почему** (1), и местоимение **отчего** (2) выполняют функцию обстоятельства причины.

1) *Толпа расступилась, давая дорогу высокому человеку с острой бородкой и длинным лицом...*

-Это – что за сборище? Почему бросили работу?

Несколько секунд было тихо... (М. Горький. Мать, 1, XII).

Или:

-...Базаров, сядьте возле меня на диван. Вы, может быть, не знаете, я ужасно вас боюсь.

-Это почему? Позвольте полюбопытствовать.

-Вы опасный господин, вы такой критик (И.С. Тургенев. Отцы и дети, 1, XII).

2) -Так завтра! – сказала она, когда они были у того магазина, где ждал ее человек.

-Нет, лучше послезавтра ... или нет, в пятницу или субботу, – отвечал он.

-Отчего ж?

-Да... видишь, Ольга... я все думаю, не подоспеет ли письмо? (И.А. Гончаров. Обломов, 3, V).

Или:

Наташа сперва не хотела танцевать.

-Отчего же? – иронически убеждал ее Корнев. – Вам это необходимо... года через три начнете выезжать, там... ну, как все это водится.

-Я не люблю танцев, – отвечала Наташа, – и никогда выезжать не буду (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, III).

В сочетании с отрицательной частицей **не** и инфинитивом чаще всего употребляется в функции риторического вопроса:

*Мужик (присаживаясь на порог). **Отчего же доброму человеку не дать?***

Работник. Дать-то – дашь, да назад не возьмешь. Долги давать – под гору кидать, а собирать – на гору вытягивать. Так-то старики говорят (Л.Н. Толстой. Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил, 3, 5).

Или:

Розовый. Ну, встретились мы. Она меня звала к себе.

Дружнин. Ты, разумеется, поехал?

*Розовый. Известно, поехал. **Отчего же не поехать?** (А.Н. Островский. Неожиданный случай, I, II).*

Местоимение **сколько**

Семантика местоимения **сколько** определяется в зависимости от соотнесения с какой-либо частью речи и означает одну из основных

сущностей материи и то «понятие, которое сложилось как результат осмысления этой сущности – количество» [Шведова 1998: 120]. В зависимости от интеррогативной ситуации реализует свои частные значения:

1) Запрос о количестве живых существ (кого):

-Чай, у вашей барыни дворни много?

-Нет, не то чтобы много...

-Однако сколько?

-Человек, пожалуй что, полтора ста набезжит (И.С. Тургенев. Записки охотника. Контора).

Или:

-У него скотины до полна.

-Сколько?

-Весной пять-десять голов (Б. Екимов. Пиночет).

2) Запрос о количестве неодушевленных предметов (чего):

-Потому что! Простите за пошлый вопрос: сколько у вас есть денег?

-Каких денег?

-Всяких. Включая серебро и медь.

-Тридцать пять рублей (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, I, XIV).

Или:

-Джин энд тоник.

-Сколько?

-Четыре двойных?! (С. Довлатов. Переводные картинки).

Или:

-А вы сколько в день выручаете, Данило Семеныч?

-Какой день. В иной день на зелененькую выездишь, а в другой раз так и без гроша ко двору поедешь (А.П. Чехов. Кухарка женится).

Местоименное числительное, осуществляющее запрос о количестве денег в предложении синтагматически подкрепляется предикатом **выручаете**, синонимичному глаголу **зарабатываете**.

3) Запрос о количестве раз (о действиях, поступках, процессуальных

состояниях):

-**Сколько раз** ты видел это в кино? (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

Или:

-Димка, выйдешь? – Дмитрий, **сколько раз** тебя нужно звать? – Димка, выйдешь?(В. Аксенов. Звездный билет).

Или:

-По пять разбираться, головы бараньи, **сколько раз** вам говорить?! (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Или:

-**Сколько раз** ты оставался дома, когда рукавиц не было? (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы).

4) Запрос о времени:

-**А сколько время?** – спросил Чонкин, тыча и не попадая рукою в рукав. Ему не ответили (В. Войнович. Претендент на престол, 2, 1).

Или:

-До развода **сколько?** до обеда? до отбоя? (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Или:

-Кем посажен? **На сколько?** За что? (А.И. Куприн. Гранатовый браслет).

Запрос о количестве лет кому или чему:

-До пятнадцати лет живут, – ответил Кямал.

-**А сейчас ему сколько?**

-Пять (В. Токарева. Своя правда).

Или:

-Вот теперь, Кира Петровна, я в точности знаю, сколько вам лет.

-**А вы думали сколько?** Ждала, что скажет – меньше, а сказал: больше (И. Грекова. Перелом).

Или:

-Очень хорошо. **А лет сколько?**

-Тридцать один (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы).

б) Запрос о расстоянии:

-Сколько километров до Ялты? – спросил Римский.

Варенуха прекратил свою беготню и заорал:

-Думал! Уже думал! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 10).

Или:

-Двенадцать верст составляют треть тридцати шести, а до Липец сорок одна, следовательно мы проехали одну треть и сколько? (Л.Н. Толстой. Отрочество).

Местоимение **насколько**

Местоимение **насколько** запрашивает о степени, мере, количестве признака или свойства какого-либо предмета, явления, ситуации по сравнению со сходным признаком или свойством другого предмета, явления, ситуации. В синтаксической конструкции обычно употребляется с компаративом: *насколько больше / насколько меньше*:

Кто эти «убиенные»? Правы они или виноваты и насколько? Каким образом они очутились в звании «убиенных»? (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Или:

-А все-таки тебе меньше попало, – видишь, насколько? (М. Горький. Детство).

Даже если формально компаратив не выражен, он предполагается и восстанавливается по смыслу.

Местоимение **почем**

Местоимение **почем** появилось в речи в результате стремления к экономии языковых средств. Оно не относится к кодифицированным средствам и употребляется в разговорной речи. Чаще всего в художественном типе речи выполняет стилистическую функцию:

Захар принес Обломову письмо с городской почты.

-От Ильинской барышни, – сказал Захар.

*-Ты **почем** знаешь? – сердито спросил Обломов. – Врешь!*

-На даче все такие письма от нее носили, твердил свое Захар
(И.А. Гончаров. *Обломов*, 3, V).

Или:

-Случается что?

-Полюбить.

*-А вы **почем это знаете?***

*-Понаслышке, – сердито отвечал Базаров (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, 1, XVII).*

Приведенный перечень вопросительных местоимений и рассмотренные их семантические возможности свидетельствуют о том, что данный тип местоименных слов играет в языке одну из главных ролей. Это доказывается не только их значительным количественным употреблением в речи (при небольшом, по сравнению с другими знаменательными словами, составом), но и важнейшей функциональной нагрузкой.

Н.Ю. Шведова отмечает, что «функции местоименных исходов строго распределены, однако они связаны друг с другом, во-первых, возможными дотекстовыми и внутритекстовыми смысловыми контаминациями, во-вторых, обращенностью к единому и общему началу – к тексту, высказыванию, где отношения как между самими исходами, так и между их расчленениями оказываются весьма сложными» [Шведова 1998: 11].

Это означает, что в зависимости от коммуникативной ситуации вопросительную окраску могут приобретать местоимения других семантических разрядов. В этом случае они находятся на периферии поля интеррогативности.

Показательно в этом отношении употребление личных местоимений. Как правило, их интеррогативная семантика проявляется во встречных вопросах или переспросах, которые уже сами по себе лежат на периферии синтаксического поля интеррогативности и не претендуют на выражение

собственно вопросительного значения:

1 лицо:

-Что ты надумал? – спросила мать, снова охваченная сомнением.

-Я? – Рыбин взглянул на нее, помолчал и повторил: – От господ надо дальше. Вот (М. Горький. Мать, 1, XVIII).

Или:

-Все вы из «недосиженных», – шутливо замечал он (Степан Трофимович) Виргинскому, – все подобные вам...

-А я? – спрашивал Липутин.

-А вы просто золотая середина, которая везде уживается... по-своему.

Липутин обижался (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 1, VIII).

2 лицо:

От этих самых слов меня даже в жар бросило. Урядник, ведь ты это сказывал? – обращается унтер к уряднику Жигину.

-Сказывал (А.П. Чехов. Унтер Пришибеев).

Или:

-А вы занимаетесь химией? Это моя страсть. Я даже сама выдумала одну мастику.

*-Мастику? **Вы?***

-Да, я... (И.С. Тургенев. Отцы и дети, 1, XIII).

Или:

-Вы?

-Я. Вас это как будто удивляет. Почему?

-Потому что, сколько я могу судить, у вас нрав спокойный и холодный; а для спора нужно увлечение (И.С. Тургенев. Отцы и дети, 1, XVI).

Или:

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

*Дарья. **Вы-то?** Красавица-раскрасавца (А.Н. Островский. Бедная невеста, 1, 4).*

3 лицо:

-Что значат ваши пятьдесят три года! Пятьдесят лет не конец, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, как она вас уважает. Умри я, что с ней будет? А за вами она спокойна, и я спокойна...

-Но ... она? Вы ей говорили?

-О ней не беспокойтесь, да и нечего вам любопытствовать (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 2, VII).

Или:

Так ведь если она придет к старику, разве я могу тогда жениться на ней? Понимаешь теперь, зачем, значит, я здесь на секрете сижу и что именно сторожу?

-Её?

-Её (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, 1, 3, V).

Т. о., вопросительное местоименное слово является объективным показателем интеррогативного значения коммуникативного пространства, так как «уже в самом словаре они снабжены коммуникативным маркером, дающим им статус коммуникативной единицы и предполагающим определенный тип интонации при их произнесении» [Петрова 1989: 60].

Охватывая самые общие понятия, приближаясь к наивысшей точке степени абстракции, вопросительные местоимения как нельзя лучше приспособлены в языке к запросу о любом явлении действительности, положении дел. Выступая типичными представителями категории неопределенности и неизвестности, они позволяют снять эту неопределенность и определить неизвестное как вполне осознаваемое.

Одновременно вопросительное местоимение и самый сильный компонент структуры предложения. Независимо от выполняемой функции оно всегда несет на себе логическое ударение и находится в центре внимания адресанта и адресата, что вполне объяснимо прагматическими задачами высказывания.

2.2.1.2. Роль вопросительных частиц в организации семантического пространства интеррогативного высказывания

Ф.Ф. Фортунатов и А.М. Пешковский выделили группу вопросительных слов **ли, разве, неужели** в отдельную группу частичных слов. В.В. Виноградов определил вопросительные частицы как подгруппу модальных частиц [Виноградов 1972: 529], а А.Н. Гвоздев добавил к ним **как, что, что ли**. В «Русской грамматике» список вопросительных частиц значительно расширен: в него включены частицы **а, или** [Грамматика 1980: т. 2, 386], **разве, что за, что же, что если, не...ли** и др. Эти частицы выполняют синтаксические функции оформления вопросительного предложения и «совмещают значение вопросительности с более или менее отчетливо выраженной модальной окрашенностью» [Грамматика 1980 (1): 726].

Вопросительные частицы выступают своеобразным маркером диалогического текста. Практически ни одна интеррогативная ситуация не обходится без их присутствия. Подчас в одном небольшом текстовом фрагменте мы можем наблюдать употребление различных вопросительных частиц:

Степан Аркадьевич задумался.

*-**Не** изменить **ли** план, Левин? – сказал он, остановив палец на карте. И лицо его выражало серьезное недоумение. – Хороши **ли** устрицы? Ты смотри!*

-Фленбургские, ваше сиятельство, остендских нет.

*-Фленбургские-то, фленбургские, да свежи **ли**?*

-Вчера получены-с.

*-Так что ж, **не** начать **ли** с устриц, а потом уж и весь план изменит? А?*

-Мне все равно (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, I, X).

Вопросительные частицы как класс выделяются на основании следующих признаков [см.: Стародумова 1997]:

1. Инвариантное значение – запрос информации.
2. Отношение к модальным значениям, передающим как различную степень уверенности адресанта в реальности ситуации, так и полную

неосведомленность о происходящем.

3. Неупотребляемость в своем инвариантном значении в повествовательных предложениях.

4. В случае употребления в неинтеррогативных высказываниях приобретают модальные значения, отличные от инвариантных.

5. Функционируют в структуре неместоименного интеррогативного высказывания и невозможны в интеррогативе с вопросительным словом.

Е.А. Стародумова разделяет функции частиц в диалоге на коммуникативно-прагматические и коммуникативно-синтаксические. Первые определяются позицией субъекта речи в репликах разного типа. В репликах-стимулах, отражающих позицию адресанта, роль частиц предопределена главной иллокутивной целью этих реплик – побуждением (к ответному речевому акту или действию). В связи с этим устанавливаются две реализации иллокутивной функции частиц: а) участие в формировании вопроса или невопросительного, но побуждающего к ответному речевому акту высказывания (вопросительные частицы, выражения типа не так ли, не правда ли, случайно не, часом не, невопросительные, но стимулирующие ответ частицы да...то, и...же, ну-ка и др.), б) участие в формировании собственно побуждения (к действию) [Стародумова 1997: 11].

Коммуникативно-синтаксические функции вторичны по отношению к коммуникативно-прагматическим и сводятся к следующим: 1) оформление высказывания соответствующего коммуникативного типа (вопросительного), 2) функция актуализатора, специфически проявляющаяся в диалоге как в непосредственной форме общения, 3) релятивная функция – установление связей между репликами и внутри реплик, 4) функция отдельного высказывания (частицы-реплики) [Стародумова 1997: 13].

Рассмотрим основные вопросительные частицы русского языка.

Вопросительная частица **ли**

Частица **ли** является самой распространенной вопросительной

частицей. Это объясняется её широкой синтагматической валентностью, проявляющейся в способности сочетаться с практически любой полнознаменательной частью речи:

-Много ли придачи дал? – спрашивает Оленин.

-Да не считал, – улыбаясь отвечал Лукашка. – От кунака достался
(Л.Н. Толстой. Казаки, XXVII).

Позитивные **ли**-вопросы (собственно-вопросительные) употребляются тогда, когда адресант не считает какую-либо из альтернатив более вероятной, чем другая, которая не содержит сведений, дающих возможность построить предположение, или тогда, когда он не хочет оказывать давления на адресата:

Жив ли старый смотритель? – никто не мог дать мне
удовлетворительный ответ (А.С. Пушкин. Станционный смотритель).

В стилистически нейтральной письменной речи в интеррогативном предложении с частицей **ли** слово, за которым непосредственно располагается эта частица, выносится в начало предложения и становится центром запроса информации:

-Пойдете ли вы на концерт?

-Да, пойду.

Или:

-Вы ли пойдете на концерт?

-Да, я.

В структурно-композиционном плане частица **ли** занимает фиксированную позицию: всегда постпозитивна по отношению к тому слову, к которому она относится, и не может стоять в высказывании на первом месте. Если знаменательное слово меняет свою позицию в структуре предложения, то вместе с ним меняет свою позицию и **ли**. Обычно это постпозиция по отношению к логически выделяемому предикату, начинающего вопросительное предложение:

-Давно ли вы здесь? – спросила она (Кити – А.Л.), подавая ему руку...

-Я? я недавно, я вчера... нынче то есть... приехал, – отвечал Левин

(Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, IX).

Выделяя сказуемое, частица **ли** обычно стоит после глагола в спрягаемой форме:

Лицо первосвященника покрылось пятнами, глаза горели. Он, подобно прокуратору, улыбнулся, скалясь, и ответил:

-Веришь ли ты, прокуратор, сам тому, что сейчас говоришь? Нет, не веришь! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Неопределенно-вопросительное предложение с **ли** выражает предположение, сомнение, неуверенность говорящего в том, что спрашивается:

И вообразите, внезапно заговорила она:

-Нравятся ли вам мои цветы?

...Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

-Нет (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 13).

Интеррогативные предложения с **ли** могут выступать и в своих вторичных, неинтеррогативных, функциях: быть направленными на передачу информации. В вопросах, передающих экспрессивно окрашенное отрицание, положительная форма выражает отрицательный смысл:

Подтягин с усилием усмехнулся, потрепал Ганина по рукаву:

-А вот – будущий спаситель России. Расскажите что-нибудь, Левушка. Где шатались, как воевали?

-Нужно ли? – добродушно поморщился Ганин (В. Набоков. Машенька, XIV).

Вопросы-уяснения с **ли** повторяют состав предшествующей реплики и могут передавать удивление, беспокойство, затруднение говорящего:

Вы хотите знать, нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится.

Эмоциональный вопрос с **ли** передает эмоциональную реакцию говорящего: оценку, его отношение, констатацию факта:

Огудалова. ... Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала?.. (А.Н. Островский. Бесприданница, 2, 5).

Вопросительная частица **не ... ли**

Частица **не ... ли** включена в состав вопросительных в Русской грамматике-80. Внося оттенок непринужденности, она подчеркивает вопросительность:

-Как вы думаете, Афанасий Иванович, – наскоро успел шепнуть ему генерал, – не сошла ли она с ума? То есть без аллегии, а настоящим медицинским манером, а?

-Я вам говорил, сто она всегда к этому наклонна была, – лукаво отшепнулся Афанасий Иванович (Ф.М. Достоевский. Идиот, I, XV).

Не ... ли является составной частицей, участвующей в выражении смягченности, некатегоричности вопроса, неуверенности. **Не** в таких вопросах не выражает отрицания, а в составе частицы **не ... ли** передает разнообразные модальные значения, в частности, запрос о согласии с говорящим:

-Ну идите, идите кататься. А хорошо стала кататься наша Кити, не правда ли? (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, I, IX).

Она может оформлять косвенные вопросы:

-...А не думаете ли вы, Лев Глебович, что есть нечто символическое в нашей встрече? (В. Набоков. Машенька).

В своих структурно-композиционных потенциях **не ... ли** приближается к **ли** с тем отличием, что она обрамляет слово (**не + X + ли**), обозначающее то, о чем спрашивают: может относиться к любому знаменательному слову и менять свою позицию в предложении и употребляться в вопросительных предложениях разных функционально-семантических типов. Словоформа, оформленная частицей **не ... ли**, в стилистически нейтральной письменной речи обычно располагается в начале предложения:

*-Это – Том, – сказала Марта, – Том получил приз на выставке. **Не правда ли, Том?** (В. Набоков. Король, дама, валет, II).*

Специфику неопределенно-вопросительного предложения с **не ... ли** составляет «выдвижение положительной альтернативы в качестве возможной при подчеркиваемом осознании не меньшей отрицательной альтернативы» (Баранов, Кобозева 1983: 272):

-Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? – спросил, очень оживившись, развязанный.

-Ну, хотя бы жизнью твоею, – ответил прокуратор, – ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

*-**Не думаешь ли ты, что ты ее повесил, игемон?** – спросил арестант, – если это так, ты очень ошибаешься (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).*

В своих неинтеррогативных функциях вопрос-побуждение с **не ... ли** выражает вежливое побуждение к совершению или к прекращению действия, может передавать совет, просьбу:

*-Бросьте, Лев Глебович; **не сыграть ли** нам лучше в какое-нибудь птижсо? Я знаю удивительные, сам их сочиняю. Задумайте, например, какое-нибудь двузначное число. Готово?*

-Увольте, – сказал Ганин и бухнул раза два кулаком в стенку (В. Набоков. Машенька).

В отличие от риторических вопросов с частицей **ли**, передающих экспрессивно-окрашенное сообщение, риторические вопросы с **не ... ли** выражают уверенное экспрессивно-окрашенное утверждение:

*Дарьялов. **А не жирно ли это будет!** (А.Ф. Писемский. Просвещенное время).*

Нейтрализации вопросительного значения в риторическом вопросе с частицей **не ... ли** способствует распространенность конструкции и образность словоупотребления.

Вопросительные частицы **разве** и **неужели**

Вопросительные частицы **разве** и **неужели** занимают второе место по частотности после частицы **ли**. Они могут выступать в качестве самостоятельного высказывания: как ответная реплика, в которой заключено сомнение или недоумение по отношению к предшествующему высказыванию, или как реплика-заинтересованность. Семантические функции частиц реализуются обычно в диалогических контекстах.

Разве является частицей в следующих случаях:

-в вопросительных предложениях в значении «неужели, правда ли, что»:

-Иностранный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении, а также и москвичами, – тут Бенгальский дважды улыбнулся, сперва партнеру, а потом галерее.

Воланд, Фагот и кот повернули голову в сторону конференсье.

-Разве я выразил восхищение? – спросил маг у Фагота.

-Никак нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – ответил тот (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 12);

-в вопросах, выражающих сомнение перед предстоящим действием, в значении «может быть»:

Разве сделать ее больше несчастной, а себя больше виновным, прервав согласие двух супругов? (М.В. Сушков. Российский Вертер).

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что частицы **разве** и **неужели** «маркируют вопрос-реакцию. Это значит, что вопрос с этими частицами не может задаваться «ни с того ни с сего», просто потому, что у говорящего возникла соответствующая информационная потребность. Высказывания с частицами **разве** и **неужели** уместны лишь в тех случаях, когда в поле зрения говорящего попала ситуация, не соответствующая его ожиданиям, и посредством вопроса с одной из этих частиц говорящий реагирует на возникновение такой ситуации» [Булыгина, Шмелев 1997: 270].

Различная роль вопросительных предложений с **разве** и **неужели** в

построении диалога связана с различным отношением пропозиционального содержания высказывания (P) и «обсуждаемой ситуации» (S) для этих высказываний. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1997] предложили условия их употребления.

Высказывание с **разве** употребляется тогда, когда обсуждаемая ситуация имеет место среди своих необходимых условий такое, относительно которого говорящий считал до момента речи, что оно не выполняется; высказывание с **неужели** – тогда, когда говорящий склонен делать предположение, что обсуждаемая ситуация не должна бы иметь место. Это естественным образом объясняет различные диалогические функции соответствующих высказываний.

Высказывание с **разве** в ответ на сообщение обычно касается одной из презумпций сообщения и (поскольку нормально «обсуждаемая ситуация» соответствует содержанию сообщения) замедляет ход коммуникации.

Высказывание с **неужели** в ответ на сообщение нормально касается именно содержания сообщения (которому обычно соответствует «обсуждаемая ситуация»), а если вопрос с **неужели** оказывается направленным на какую-либо из презумпций сообщения, что бывает крайне редко, то это меняет тему диалога: именно эта презумпция становится «обсуждаемой ситуацией».

Далее ими указывается, что более сильное «отрицательное значение» с частицей **разве**, их большая «полемичность», на которую иногда обращают внимание исследователи, также объясняется отмеченными выше различиями в употреблении. Действительно, содержание предложения с **разве** противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с **неужели** – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных.

Различие в диалогических функциях частиц особенно ярко проявляется в тех случаях, когда предшествующая реплика собеседника была прямым ответом на вопрос адресанта. В этом случае повторение пропозиционального

содержания предыдущей реплики возможно при **неужели**, но невозможно при **разве**:

-Нет, я про себя первого скажу, что я встречал людей, которых признавал умнее себя, – сказал Нехлюдов.

-Не может быть, – отвечал я с убеждением.

-Неужели вы в самом деле так думаете? – сказал Нехлюдов, пристально взглядываясь в меня.

-Серьезно, – отвечал я (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVI).

Частица **разве** в сочетании с частицей **да** может выступать в риторическом высказывании как ответная реакция, причем в одной коммуникативной интеррогативной ситуации наблюдается употребление частицы и в собственно вопросительном предложении, и в риторическом:

Карандышев. И вы послушали его?

Лариса. Да разве можно его не послушать?

Карандышев. Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса. Что вы? Да разве можно быть в нем неуверенной?

(А.Н. Островский. Бесприданница, I, 4).

Архаическим вариантом **неужели** может выступать частица **ужли**:

Г.Н. Ужли с ума сошел?

София. Не то чтобы совсем... (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 14).

Вопросительная частица **как**

Вопросительная частица **как** соотносится со всем составом предложения или стоит сразу после начинающего вопрос подлежащего, выраженного местоимением или существительным, а также употребляется в качестве отдельного предложения:

-А где же ваши вещи, профессор? – вкрадчиво спрашивал Берлиоз, – в «Метрополе»? Вы где остановились?

-Я? Нигде, – ответил полоумный немец...

-Как? А... где же вы будете жить?

-В вашей квартире, – вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 3).

Слово **как** является вопросительной частицей в следующих значениях и употреблениях:

-в риторических вопросах и восклицаниях, утверждая бесспорность высказанной мысли, в значении «разве можно, невозможно».

Никита. Ну, дела! Ох, эти бабы. Беда! ...Ну, как с ней жить? (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 4, 10);

-в разговоре обозначает, что адресат недостаточно ясно поняв, недослышав только что сказанное, переспрашивает адресанта, в значении «что»:

Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом что-то начал бормотать про какую-то поездку в санаторий в Ялту.

-Ну вот, ну вот... неудивительно! А Берлиоз, повторяю, меня поражает. Он человек не только начитанный, но и очень хитрый. Хотя в защиту его я должен сказать, что, конечно, Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее.

-Как? – в свою очередь крикнул Иван.

-Тише! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 13).

-употребляется для выражения реакции негодования, удивления на предшествующее высказывание собеседника или удивления самим фактом присутствия кого-либо:

-Ну, что у вас земство, как? – спросил Сергей Иванович...

-А, право, не знаю...

-Как? Ведь вы член управы?

-Нет, уже не член; я вышел, – отвечал Константин Левин (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, VIII).

Или:

Загорецкий. А, знаю, помню, слышал,

Как мне не знать? (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 16).

Или:

-Как? И ты здесь, князь? – рассеянно проговорил Рогожин, отчасти удивленный встречей с князем (Ф.М. Достоевский. Идиот, 1, X).

-в собственно вопросах:

Графиня бабушка. Как, Чацкого? кто свел в тюрьму? (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 3, 19).

Вопросительная частица **что**

Вопросительная частица **что** в интеррогативном высказывании предложении занимает препозицию, соотносясь со всем его составом:

Степан Аркадьевич вздохнул...

*-**Что**, она весела? (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, III);*

или стоит сразу после начинающего вопрос подлежащего, выраженного местоимением или существительным:

*-А он **что**, один в трех комнатах? – удивилась Ирина (В. Токарева. Своя правда).*

Или:

*-**Вы что** – не понимаете, что я не имею права вести его на базу? (В. Быков. Болото).*

Или:

*-**Ты что**, собираешься посадить мне ещё девчонку на голову? (А. Рыбаков. Тяжелый песок).*

Что может употребляться в качестве отдельного предложения:

Акулина (выходит из чулана). А пес ты, Никита.

*Никита. А **что**?*

Акулина. Как взвыла-то она (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 1, 20).

Слово **что** является частицей в следующем употреблении:

-в начале вопросительного предложения для выражения недоумения, удивления:

*-Подумай: а зачем им эти нормы? **Что** у них, дома дела нет? Это*

значит: соединённой зарплаты мужа и жены не хватает на семью (А. Солженицын. В круге первом, 1).

Или:

-Что ж, им в палатках галантереей торговать? – спрашивал он (В. Гроссман. Все течет).

-в начале вопроса в значении близком к **как**:

Старшой. ...Давай отчет, много ли ты за эту неделю мужиков забрал?

Мужицкий чертенок (плачет). Ни одного!

Старшой. Что? Ни одного! Как ни одного? Что же ты делал? Где же ты болтался (Л.Н. Толстой. Первый винокур или Как чертенок краюшку заслужил, 2).

-в диалоге в функции слова-предложения в функции отклика на обращение, ответ на поставленный вопрос в значении близком к «Что такое?»:

Проезжая позади одной из пехотных гвардейских полков, он услышал голос, назвавший его по имени:

-Ростов!

-Что? – откликнулся он, не узнав Бориса (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XVII).

Или:

Аркадина. Борис Алексеевич, где вы?

Тригорин. ...Что?

Аркадина. Мы остаемся (А.П. Чехов. Чайка, 2).

-в функции переспроса:

-...Ну-ка, философ, разреши мне эту задачу! Что же ты молчишь? А?

-Что? – проговорил, встрепенувшись, Берсенева.

-Что! – повторил Шубин... (И.С. Тургенев. Накануне, 1).

Вопросительная частица **а**

Вопросительная частица **а** занимает постпозицию в интеррогативном

высказывании и соотносится со всем его составом:

Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, конечно, скажите, сумасшедший? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 13).

А выступает и в качестве самостоятельного высказывания:

Степан Аркадьевич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

-А? Матвей? – говорил он, покачивая головой.

-Ничего, сударь, образуется, – сказал Матвей (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, II).

Вопросительная частица **а** употребляется как:

-вопросительный отклик на обращение:

-Глеб Викентьевич!

-А? – очнулся Нержин, отрываясь от Рубина (А. Солженицын. В круге первом, 1, 9).

Или:

Аркадина. Петруша!

Сорин. А? (А.П. Чехов. Чайка, 2).

-переспрос, если предыдущее высказывание не расслышано или не понято:

-Ну - ну, – сказал Петро. – Давай еще целоваться. Георгий, значит, Георгий. Значит, Жора...

-Джордж. – Егор остался с протянутой рукой. Перестал улыбаться.

-А? – не понял Петро.

-На! – с сердцем сказал Егор (В. Шукшин. Калина красная).

-побуждение к ответу или к действию:

-Ну ладно, смягчился артист, – кто старое помянет... – И вдруг добавил неожиданно: – Да, кстати: за одним разом чтобы, чтоб машину зря не гонять... у тетки этой самой ведь тоже есть? А? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 15).

Или:

Бодаев. Кто он такой? А?

Буланов. Актер (А.Н. Островский. Лес, 5, 9).

Или:

Поджечь, что ли, вас? – вслух подумал Егор. И брякнул спичками в кармане. – А?

За дверью долго молчали.

-Попробуй, – сказал наконец голос. Но уже вовсе не грозно. – Попробуй подожди (В. Шукшин. Калина красная).

Вопросительная частица **да**

Вопросительная частица **да** так же как и частица **а** занимает постпозицию в интеррогативном высказывании и соотносится со всем его составом:

*-Не просите прощения, – засмеялась Настасья Филипповна, – этим нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало быть, про вас говорят, что вы человек странный. Так вы, стало быть, меня за совершенство считаете, **да**?*

-Да (Ф.М. Достоевский. Идиот, 1, XIII).

Или:

*-Какая разница, – сказала докторша и решительно повернулась. – Мальчику не терпится испытать мужество, **да**?*

-Я малярник, – сказал я, отстраняя личную заинтересованность, – мне уколы делали тыщу раз (Ф. Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла).

Вопросительная частица **да** употребляется в функции:

-Вопросительного отклика на обращение:

-Шнайдер!

*-**Да?** Что тебе? – обернулся капитан (В. Шаламов. Колымские рассказы).*

Или:

-Арчи!

-Да? Он словно очнулся ото сна, в котором видел эту страшную картину (Г. Садулаев. Шалинский рейд).

-Побуждения к ответу:

-Нет, все-таки скажу... Надо и можно быть откровенным с тобой, потому что я тебя люблю... Ты ведь любишь ее? Я всегда это думал... да?

-Да, – отвечал приятель, еще кротче улыбаясь (Л.Н. Толстой. Казаки, 1).

Или:

Это ведь ваш любимец, Андрей Иванович? Да? Юбиляр с чувством жсал руку Дударя (В. Шаламов. Колымские рассказы).

-Реакции удивления:

-Я тебе говорил...

-Да? – улыбнулся Веня озадаченно (З. Прилепин. Санька).

Или:

-Ну, как... Вообще-то я тебя люблю, – решился Валера.

-Да? А почему тогда с ней? (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

Или:

-А такие письма писал хорошие, – с сожалением сказала Люба. – Это же не письма, а целые... поэмы прямо целые.

-Да? – оживился Егор. – Тебе нравятся? Может, талант пропадает... (В. Шукшин. Калина красная).

-Отклика на телефонный звонок:

-Да... что-то задумалась, – вздрогнула Галина Семеновна, и в эту минуту у Марии зазвонил телефон.

-Да? – сказала она, вынув мобильник (А. Геласимов. Дом на Озерной).

Или:

Зазвонил телефон. Всех опять как током дернуло.

-Да? – вроде как безразлично спросил парень, похожий на бульдога. И долго слушал. И кивал (В. Шукшин. Калина красная).

Частица **да** в разговорной речи очень часто используется адресатом, чтобы показать внимание к получаемой информации, его заинтересованность

в коммуникации:

Гурмыжская. Что же ты заметила?

Улита. Она к нему очень ласкова; а он как будто так... (делает жест рукой) выражал, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская. Да?.. Не ошиблась ли ты? (А.Н. Островский. Лес, 1, 8).

Или:

-Мне нужно рассказать вам ещё кое-что... – начал я.

-Да? – с живейшим интересом откликнулся он.

Я собрался с мыслями и изложил ему историю с завещанием, наши с Тимошей беседы и мой разговор с матерью... (В. Белоусова. Второй выстрел).

Или:

-К Любке-то приехал... Этот-то, заочник-то, – сразу сообщила она.

-Да? – нехотя полюбопытствовал Петро, здоровый мужчина, угрюмоватый, весь в каких-то своих думках. – Ну и что? – Пнул баллон, другой.

-Говорит, был бухгалтером, ну, мол, ревизия – то-се... А по рожке видать: бандит.

-Да? – опять нехотя и лениво сказал Петро. – Ну и что?

-Да ничего. Надо осторожней первое время... Ты иди глянь на этого бухгалтера! Иди глянь! Нож воткнет и не задумается этот бухгалтер.

-Да? – Петро продолжал пинать баллоны. – Ну и что? (В. Шукшин. Калина красная).

Вопросительная частица **или**

Вопросительная частица **или** занимает препозицию в интеррогативном высказывании и относится ко всему его составу. Вопрос с **или** стоит после повествовательного или вопросительного высказывания, соотносится с ним по смыслу, но не зависит от него формально. Употребляется в неопределенно-вопросительном предложении. Часто такой вопрос стоит после специального, в нем содержится предположение, которое может быть потенциальным ответом на предшествующий вопрос.

Лариса. Мне так хочется бежать отсюда.

Карандышев. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Лариса. Нет, я за вас не стыжусь... (А.Н. Островский. Бесприданница, 2, 6)

В разговорной речи частица или может быть представлена своим вариантом **аль**:

-Аль завидно? – шепотом сказала Устенька.

-Что врешь! Давай спать (А.Н. Толстой, Казаки, XXX).

Или:

Бобылиха. Шатался всю неделю;

С чужих дворов нейдет, – своя избенка

Нетоплена стоит.

Бобыль. Аль дров не стало?

Бобылиха. Да где ж им быть? Они не ходят сами

Из лесу-то (А.Н. Островский. Снегурочка, 4).

Вопросительная частица **что за**

Сложная модальная частица **что за** употребляется для усиления выразительности высказывания в вопросе и в восклицании в значении **какой**:

-А так я подумал – почему бы и нет?

-Что за разговор? – моментально насторожился он. Я пересказал, всё-таки слегка смущаясь, нашу беседу за столом... (В. Белоусова. Второй выстрел).

Или:

-Что за дело? – поинтересовался он в ответ на мою просьбу встретиться и обсудить одно дело (В. Белоусова. Второй выстрел).

Что за относится к расчленяемым частицам, употребляется в основном в односоставных собственно-вопросительных предложениях, всегда относится к существительному в именительном и винительном падежах:

-Это как? – тихо спросил Гришу Андрей. – Что за схема?

-Как, как (В. Пелевин. Желтая стрела).

В своих вторичных функциях **что за** выражает эмоциональную реакцию говорящего, часто стоит после или перед обращением и оформляется восклицательным знаком:

-Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий?

*-**Что за вопрос**, конечно, здесь, дорогой Фока! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 5).*

Или:

-Я не пью-с, – с замешательством пробормотал священник и покраснел до ушей.

*-**Что за пустяки!** Как в вашем званье не пить! – отвечал Мардарий Аполлоныч (И.С. Тургенев. Два помещика).*

Или:

*-За всю зиму – ни бурана! **Что за зима?!***

-Да... буранов... буранов...– перевздохнула бригада (А. Солженицын. Один день Ивана Денисович).

Вопросительная частица **что ли**

Выделенное в РГ-80 двухместное сочетание **что ли** как вопросительная частиц вызывает у исследователей споры. И.Б. Дягилева [Дягилева 2002] вопросительной частицей такую не считает на основании того, что данная единица традиционно трактуется в словарях как модальная частица в значении вводного слова или относится к категории вводных слов, выражающих неуверенность, сомнение. Свои значения реализует во всех типах предложений:

-Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, – вы какие предпочитаете?

*-А у вас разные, **что ли**, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).*

Что ли употребляется для выражения предположения говорящего,

связанного с довольно большой предварительной осведомленностью; для выражения неуверенности говорящего в необходимости какого-либо действия; для неуверенного предложения чего-либо. Значение **что ли** реализуется в разных типах контекстов и не ограничивается употреблением в неместоименном вопросе.

Илья Ильич не счел за нужное доказывать противное.

*-Нашел, **что ли**? – спросил он только.*

-Вот какие-то письма (И.А. Гончаров. Обломов, I, 1).

Таким образом, вопросительные частицы являются одним из самых активных и узнаваемых средств выражения семантики интеррогативности. Их вопросительная сила такова, что, не имея самостоятельного лексического и грамматического значения, в сочетании с особой вопросительной ритмомелодикой они способны организовывать самостоятельные коммуникативно-достаточные интеррогативные высказывания. Вместе с тем, состав вопросительных частиц еще до конца не утвержден. Вхождение некоторых из них в данный разряд вызывает принципиальное возражение исследователей на том основании, что они выполняют другие прагматические функции, например, выражение модальных значений. Однако стоит, на наш взгляд, признать, что интеррогативное высказывание уже само по себе модально, и любая частица, функционирующая в нем, с большей или меньшей степенью реализуется как вопросительная.

2.2.1.3. Глагольные средства семантики интеррогативности

Семантика глаголов речи как лексических единиц весьма богата и своеобразна. Многообразные ракурсы связей и отношений, обозначаемые глаголом, включают в себя характеристику действия относительно среды его протекания, а также способа, темпа, направления, манеры исполнения. Эти логико-семантические отношения, интегрируясь в категориальную семантику глагола «процесс», дополняют ее семантическими «довесками» в виде обозначения ситуации, предшествующей действию или следующей за

ним, признаков субъекта и объекта действия, способа, мотива, цели, оценки действия и т. д.

Семы глагольного значения имеют различное содержание и связаны друг с другом по-разному, а «значение глагола состоит из компонентов двух родов: иерархизованных сем, отражающих признаки денотата (денотативными называются семы, которые имеют объективное содержание, обусловленное признаками денотата), и сем, не поддающихся иерархизации и не связанных непосредственно с признаками денотата, – эти семы как бы надстраиваются над иерархизованными семами и входят в значение глагола на автономных началах (поэтому их можно назвать автономными)» [Гайсина 1982: 66].

Г.В. Колшанский выделяет два понятийных слоя в значениях языковых единиц: понятийный слой, отражающий свойства предметов, и понятийный слой, отражающий отношения внутриязыковые. «Созданные самой языковой системой отношения внутри единиц образуют вторичный понятийный слой, который, однако, не имеет прямого отношения к действительному миру вещей, а свойствен уже самой системе как внутренне организованному механизму». И далее: «Понятийная система, образуемая формами и категориями, является как бы надстроечной по отношению к отображаемым в мышлении реальным фактам. Она вторична по отношению к ним, но одновременно она понятийна по своему существу, так как отображает также реально существующие категории, свойственные языку как материальному объекту» [Колшанский 1976: 19].

Наиболее абстрактными семами в значениях глаголов являются семы бытийности (статичности) и становления. Сема бытийности обозначает наличие факта, события без указания на его развитие, внутреннее движение, т.е. «существовать, иметь место», и лексикализована глаголом «быть». Сема «действие» обозначает «нечто, что кто-то делает», нечто такое, что какая-то активная сила что-то совершает.

Каждый из выделенных классов глаголов подразделяется на подклассы по категориальным семам, свойственным определенным группам (лексико-

семантическим группам) и конкретизирующим характер действия, характер состояния или характер отношения. (В нашем случае это глаголы речи, говорения.) Эти семы, как правило, находятся между собой в отношениях равноправия и все вместе подчиняются ядерной семе, на основе которой выделяется ЛСГ. Например, глаголы речи являются носителями специфических несубстанциональных сем: семы «производить речевое действие»: *сказать – спросить – ответить*; семы «способ речи»: *воскликнуть – прошептать* и т. д.

Несубстанциональные семы (отражают действие, состояние, признаки) организуют основную часть лексического значения, не зная которой невозможно правильно и к месту выбрать тот или иной глагол.

Субстанциональные семы организуют второй уровень семной иерархии и отображают различные признаки участников обозначаемой глаголом ситуации, которые создаются в результате установления между коммуникантами отношений и зависят от той роли, которую они играют в ситуации: субъект (тот участник, который совершил действие), каузатор ситуации (тот, кто создает ситуацию), объекты (те, на которые переходит действие), контрагенты (участники сложной ситуации, состоящей из двух простых, которые могут быть как субъекты в одной из объединенных ситуаций и как объекты в другой).

К субстанциональным семам относятся семы, указывающие на обобщенно-качественные признаки участников обозначаемой ситуации – квалификативные семы. Лингвистически релевантными являются такие обобщенно-качественные признаки участников ситуации, как одушевленность, персональность, предметность и т. д. По данным семам выделяются глаголы интерперсональные (разговаривать, спрашивать) и персональные (говорить), дифференциальный признак которых определяется адресованностью / неадресованностью высказывания, т. е. наличием или отсутствием эксплицитной коммуникативной направленности речи.

Один класс глаголов, характеризующийся как бы отсутствием данного

признака, включает глаголы, указывающие направленность речи не на собеседника, а на самое себя, т. е. речь: сказать, произнести, браниться и т.д. Являясь носителями общей семантики речевого действия, они центрируют поле глаголов речи. Семантика данных глаголов предельно абстрактна, и при ее определении учитывается семантика контекста, речевой ситуации, вербализованной в текстовом континууме:

*Терещенко **произнёс** и самую длинную и самую скучную защитительную речь, ни слова **не сказал**, что за человек мой отец, **не сказал**, что у него семья, дети, и неплохие дети: рабочие, комсомольцы, красноармейцы, студенты, – ничего этого он **не сказал**, бил не на чувства, не на эмоции, а на факты, на цифры, на документы, а публике, сами понимаете, это неинтересно (А. Рыбаков. Тяжелый песок).*

Или:

*Седой, усталый мужчина **произнёс** и нашу фамилию так, будто это была чужая фамилия (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете).*

Или:

*Зачем Яков всю свою жизнь **бранился**, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? (А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда).*

Глаголом **сказать** вводится как инициальная интеррогативная и неинтеррогативная конструкции, так и ответные сегменты:

*-**Соня! что с тобою? можно ли это?** – сказал Николай, подбегая к ней.*

-Ничего, ничего, оставьте меня! – Соня зарыдала (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, I, X).

Или:

*-**Какое милое существо ваша меньшая!** – сказала гостья. – Порох!*

*-**Да, порох,** – сказал граф. – В меня пошла (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, I, IX).*

Более многочисленны глаголы речи, объединенные признаком коммуникативной направленности, одним из разрядов которых являются глаголы

с семой «запрос информации»: спросить, спрашивать, осведомиться и т. д.:

Вы спрашиваете, для каких причин? Причины вот какие: я хотел бы купить крестьян... – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Ядерная сема «запрос информации» представляет собой понятие высшего уровня обобщения, она выражает абстрактную идею запроса информации вообще. Этот семантический компонент является идентифицирующим для всех рассматриваемых глаголов и представлен следующими группами:

-Глаголами **спрашивать, спросить, осведомиться, интересоваться, выяснять, справляться, выведывать, узнать, (хотеть) знать, ответить, угадай** и др.:

*-По какому случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.
– Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал? (А.П. Чехов. Хамелеон).*

Или:

Я подошел к Дубкову и спросил его, много ли он протанцевал вальсов с ней (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXXIX).

Или:

Атуева. Да что в том, сударь, что хорошая? Об этом не спрашивают... Прилично!.. Да о ней всякий спрашивал, кто, говорят, такая? (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, 1, 3).

Или:

Лидочка. Ах, тетенька. Я ничего не могла сказать... Я только спросила: точно ли вы меня любите?

Атуева. Ну а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, 1, 5).

Или:

-Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

-Об этом хотел спросить вас (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Или:

*-Но **позвольте** вас **спросить**, – после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?*

-Увы! – с сожалением ответил Берлиоз (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Или:

*-Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. **Позвольте** же вас **спросить**, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).*

Или:

*Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы – может быть, как и он, пискари – не одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придет: «Дай-ка **спрошу** я у премудрого пискаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешней не перешиб, ни рыболов на уду не поймал?» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Премудрый пискарь).*

Или:

*-**Знаешь**, Николенька, что она написала? – сказала Катенька, разобиженная названием иностранки. – Она написала...(Л.Н. Толстой. Юность, V).*

Или:

*А впрочем, бог один **знает**, точно ли смешны были эти благородные мечты юности, и кто виноват в том, что они не осуществились? (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVII).*

Или:

-Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить или как вам заблагорассудится лучше? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 2).

Или:

-Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрев? – сказал незнакомцу, посмотревши в некотором недоумении на Ноздрева, который стоял с чубуком в руке, и на Чичикова, который едва начинал оправляться от своего невыгодного положения.

-Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить? – сказал Ноздрев, подходя к нему ближе (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 4).

Или:

*Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с ней в разговор и **расспросил**, сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько дает доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын холостой или женатый человек, и какую взял жену, с большим ли приданым или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе, – словом, не пропустил ничего (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 4).*

Или:

*-А вы соглашались с вашим собеседником? – **осведомился** неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.*

-На все сто! – подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 1).

Или:

-Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз.

-Да, консультантом.

*-Вы – немец? – **осведомился** Бездомный.*

*-Я-то?.. – **переспросил** профессор и вдруг задумался. – да, пожалуй, немец... – сказал он.*

-Вы по-русски здорово говорите, – заметил Бездомный.

-О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, – ответил профессор.

-А у вас какая специальность? – осведомился Берлиоз.

-Я – специалист по черной магии (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 1).

Или:

-Проша! где вы?

-Кто вам тут «Проша»? – осведомился надменно костюм, еще глубже заваливаясь в кресле (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 17).

В этой группе глаголы **спрашивать** и **спросить**, имеющие значение самое простое и семантически бедное, являются ядром семантической конфигурации интеррогативной реплики и обладают признаком каузативности (побудительности), который определяет отношения между инициатором каузации (адресантом), объектом каузации (адресатом) и целью каузации (ожидаемым ответным действием). Побудительный характер глаголов семантической матрицы интеррогативной реплики вызван строгой направленностью от говорящего к адресату, позволяя объекту побуждения совершать каузируемый акт в пользу адресанта.

-Сочетаниями «задавать вопрос», «сделать запрос», «приказали спросить», «пришел в голову вопрос», «представился вопрос», «предложить вопрос», «обратился с вопросом», «не могут надивиться», «поднять брови», «старался высмотреть», «беспокоит вопрос»:

Самые пустые мысли бродили в моей голове. Я задавал себе вопросы: Какой ящик поедет в бричке и какой в коляске? Кто поедет с папа, кто с Карлом Ивановичем? И для чего непременно хотят меня укутать в шарф и ваточную чуйку? (Л.Н. Толстой. Отрочество, XIV).

Или:

Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем

довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Или:

-Сергей Васильич, – бойко затараторила Агафья, – перво-наперво **приказали** вам очень кланяться и о здоровье **спросить-с**, как после вчерашнего изволили почивать и как изволите теперь себя чувствовать после вчерашнего-с? (Ф.М. Достоевский. Бесы, 2, II).

Или:

Но и тогда мне **пришел в голову вопрос**: почему Дмитрий, старавшийся понимать любовь совершенно иначе, чем обыкновенные молодые люди, и имевший всегда перед глазами милую, любящую Софью Ивановну, вдруг страстно полюбил непонятную Любовь Сергеевну и только допускал, что в его тетке есть тоже хорошие качества (Л.Н. Толстой. Юность, XXIV).

Или:

Мне невольно **представился вопрос**: как могли мы, я и дом, быть так долго друг без друга? – и, торопясь куда-то, я **побежал смотреть**, все те же ли другие комнаты? (Л.Н. Толстой. Юность, XXVIII).

Или:

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, **предложить вопрос**, а какой вопрос – черт его знает (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Или:

-Направо, что ли? – с **таким сухим вопросом обратился** Селифан к сидевшей возле него девчонке, показывая ей кнутом на почерневшую от дождя дорогу между ярко-зелеными, освеженными полями (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 3).

Или:

-Поросенок есть? – с **таким вопросом обратился** Чичиков к стоявшей бабе (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 4).

Или:

Екатерина Дмитриевна удивленно подняла брови. – Правда, не нравится? Какая досада. А в нем так удобно (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, 1, 8).

Или:

*Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали – и **не могут надивиться**, отчего такой у помещика чистый воздух стал (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).*

Или:

*Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, **стараясь высмотреть**, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он...(Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).*

Или:

*-И мне жаль! – подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: -Но вот какой **вопрос** меня **беспокоит**: ежели бога нет, то, **спрашивается**, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?*

-Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Все они называют активный познавательный процесс, явное желание перейти от незнания к знанию, и в то же время оформляют интеррогативный тип синтаксической конструкции.

Среди них выделяются лексемы, которые несут не только сему запроса информации, но и включают сему требования обязательного ответа на запрос: ответь (мне), скажи (мне), угадай, слышали:

*-Ну, **скажи мне**, какую бы ты начертал себе жизнь? – продолжал спрашивать Штольц.*

-Я уж начертал (И.А. Гончаров. Обломов, II, 4).

Или:

-Нет, матушка, другого рода товарищ: скажите, у вас умирали крестьяне?

-Ох, батюшка, восемнадцать человек! – сказала старуха, вздохнувши (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 3).

Или:

-Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные вдруг исчезли? – спрашивает исправник.

-А вот так и так, бог, по молитве моей, все владенья мои от мужика совершенно очистил (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).

Или:

Фоминишна. Угадай-ка, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит пожаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадайка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь? Что я, глупее, что ли, вас с маменькой (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 1, 3).

Или:

И что всего обиднее, не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьет, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а все только распостылюю свою жизнь бережет?» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Премудрый пискарь).

К периферийным средствам выражения интеррогативной семантики в глагольном сегменте относятся слова, реализующие запрос об информации в конкретной речевой ситуации.

К ближней периферии относятся единицы, в которых лексическое значение формируется несколькими равноправными семами (двумя и более), причем сема «запрос информации», вступающая в различные комбинации с другими семами, будет определяющей в особых коммуникативных условиях.

К таким комбинациям можно отнести следующие:

1) «Непонимание» + «узнавание» (не понимать, не представлять себе):

-Может быть, согласен, только я не помню, продолжал князь Щ. – ... не понимаю, почему Николаю Ардалионовичу вздумалось все это припомнит и вывести? Что смешно было прежде и кстати, то совсем не интересно теперь (Ф.М. Достоевский. Идиот, 2, VI).

Или:

Я не представляю себе, что это такое, но они меня сводят с ума! (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

Или:

Я не представляю себе, как это – всю жизнь помнить оскорбление (В. Дудинцев. Белые одежды).

2) «Незнание» + «узнавание» (не знать, не ведать, не слышать, не видеть, не чувствовать):

-Не знаю, чем я заслужил милость отца небесного! (Н. Мамышев. Злосчастный).

Или:

Однажды приехал какой-то израильтянин польского происхождения, привез мне несколько сот долларов и для тебя игрушки, одёжки, она узнала и такой скандал мне закатила, что я не знала, куда деваться. Не знаю, чего я больше испугалась. В те времена за доллары просто-напросто сажали (Л. Улицкая. Пиковая дама).

Или:

Чёрными снарядами выметывались из-под копыт коней тетерева, с клёкотом вздымались с земли конюки, отяжелевшие от мышатины, табуны голубей и воронья растревоженно закружились над полем, где животные, не понимающие моего языка, беспощадно истребляли совхозное добро, и если бы в помощь мне не прибегло несколько увеченных войною мужиков, не знаю, что бы я и делал... (В. Астафьев. Обертон).

Или:

Не знаю, что хотел красным цветом сказать армянский художник,

но портрет получился (Д. Гранин. Зубр).

3) «Размышление» + «эмоциональное состояние» + «узнавание» (размышлять, недоумевать, раздумывать, взвешивать, сомневаться, колебаться, волноваться, беспокоиться, полагать):

Пока два мужика оказывали ему помощь, другие из всех сил старались удержать камень, который упрямо стремился вниз – к своему налёжанному месту.

-Почему он стремился туда? – недоумевал учитель. – По законам физики или то место было определено ему богом? (В. Быков. Камень).

Или:

Начали мы покупки с двух комплектов постельного белья.

-А два-то зачем? – недоумевал Коля.

-Одну пару в стирку сдашь, на другой спать будешь (В. Астафьев. Затеси).

Или:

Припоминая потом всю эту минуту, князь долго в чрезвычайном смущении мучился одним неразрешимым вопросом: как можно было соединить такое истинное, прекрасное чувство с такою явной и злобною насмешкой? (Ф.М. Достоевский. Идиот, 2, VII).

Или:

*Сначала мне было жалко ее, потом я **подумал**: «Не надо ли утешать ее, и как это надо сделать? – и, наконец, мне стало досадно за то. Что она ставила меня в такое неловкое положение. «Неужели я имею такой жалкий вид? – **думал** я, – или уж не нарочно ли она это делает, чтоб узнать, как я поступлю в этом случае?» (Л.Н. Толстой. Юность, XX).*

Или:

*-А как вы **думаете**, ваше превосходительство, в самом деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши (М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил).*

Или:

*Наконец (мужик – А.Л.) развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам **пришло даже на мысль**: не дать ли и тунеядцу частичку? (М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил).*

Или:

-Теперь остается условиться в цене.

*-Как в цене? – сказал опять Манилов и остановился. – Неужели вы **полагаете**, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).*

Или:

Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Или:

*Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То **беспокоит их мысль**, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы. Рябчики, тетерева, зайцы (М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил).*

Или:

*Зажигая свечу на столе, он **взвешивал, насколько тяжело оскорбил его бешеный натиск Варвары** (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, 3).*

К ближней периферии относятся и лексемы со значением активной познавательной деятельности (т. е. с таким же, как и у ядерных компонентов, но в отличии от которых сема «запрос информации» выражена имплицитно и проявляется только при определенном положении дел в особым образом лексически организованной изъяснительной придаточной частью): вспоминать, совещаться, спорить, советоваться, искать, обращать внимание, следить, наблюдать, караулить, оглядываться, осматриваться, понимать:

-...А теперь примите в соображение только то, что заседателя вам подмамливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за них; я, а не

вы; я принимаю на себя все повинности. Я совершу даже крепость на свои деньги, **понимаете ли** вы это?

Старуха задумалась (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 3).

Или:

*Отец приехал внезапно, без телеграммы, без телефонного звонка из Гороховая, с неизменными домашними гостинцами, и, глянув на него, Андрей Николаевич **стал суматошно вспоминать, не было ли в последних письмах родителей упоминания о болезни** (А. Азольский. Лопушок).*

Или:

*-Пустяки... – растерянно повторил Башуцкий и, словно спасаясь, **принялся искать, что же такое имел в виду Бенкендорф**, покончив с утренним кофе (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).*

Или:

*Алёша **стал понимать, что помогает мастеровому**, и снова озарился: «А я завтра, дедушка, сяду на поезд и уеду домой, отвоевался...» (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней);*

а также универсальный компонент, вводящий любой тип высказывания, лексема **сказать** и члены ее парадигмы:

Вслед за ним вышел папа и вошел в гостиную.

*-Знаешь, что я сейчас решил? – **сказал** он веселым голосом, положив руку на плечо татап.*

-Что, мой друг?

-Я беру Карла Ивановича с детьми (Л.Н. Толстой. Отрочество, XI).

Или:

*-Что со мной будет?! А-а-ах! Что я наделал?! – **говорил** я вслух, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета. – Э! – сказал я сам себе, доставая конфеты и сигары, – чему быть, тому не миновать... – И побежал в дом (Л.Н. Толстой. Отрочество, XII).*

Или:

Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента. Не

удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искоса, бегло проглядел написанное, вернул пергамент секретарю и с трудом **проговорил**:

-Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

-Да, прокуратор, ответил секретарь (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Или:

-Что ж, разве это для вас дорого? – произнес Собакевич и потом прибавил: -А какая бы, однако ж, ваша цена? (Н.В. Гоголь. Мертвые души. 1, 5).

Или:

-А почему купили души у Плюшкина? – шепнул ему на другое ухо Собакевич.

-А Воробья зачем приписали? – сказал ему в ответ на это Чичиков (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 7).

К дальней периферии относятся лексемы, сема «запрос информации» которых очень слаба и реализуется только при комбинации с эксплицитными интеррогативными показателями. В конструкции с прямой речью, где прямая речь оформлена в виде вопросительного предложения, вводящие лексемы представлены глаголами речи / мысли или какими-то другими, смежными с ними в данной ситуации, словами или словосочетаниями. Например:

Вскрикнуть: *...казначей, увидав такую грудку денег, только всплеснул руками от удивления и **вскрикнул**: -И откуда вы, шельмы, берете!! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дикая помещик).*

Или:

*-Ба, ба, ба! – **вскричал** он (Ноздрев – А.Л.) вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. – Какими судьбами? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 4).*

Всплеснуть руками: *-Вот как ты понимаешь! – **всплескивает** руками отец Григорий. – Но ведь господь простил – понимаешь? – простил, – а ты осуждаешь, поносишь, непристойными словами обзываешь да еще кого!... (А.П. Чехов. Панихида).*

Воскликнуть: *-Боже мой, порох!.. – **воскликнула** Мими*

задыхающимся от волнения голосом. – Что вы делаете? Вы хотите съесть дом, погубить всех нас... (Л.Н. Толстой. Отрочество, VII).

Или:

-Тьфу ты, господи! Да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? – **воскликнул** в отчаянии другой генерал... (М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил).

Гаркнуть: -Что вы там шепчетесь, злоумышляете? – как **гаркнет** вдруг волк (М.Е. Салтыков-Щедрин. Самоотверженный заяц).

Заговорить: -Как вы смеете говорить, смеяться над нами? – **заговорил** я вдруг, подходя к нему очень близко и махая руками, как вы смеете смеяться над чувствами. Которых не понимаете? (Л.Н. Толстой. Юность, XVI).

Заметить: -Мне кажется, вы затрудняетесь?.. – **заметил** Чичиков (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Запеть: Я... я люблю вас! – проговорил он (Володя – А.Л.). Нюта удивленно подняла брови и засмеялась. –Что слышу я? – **запела** она, как поют оперные певцы, когда слышат что-нибудь ужасное. –Как? Что вы сказали? Повторите, повторите... (А.П. Чехов. Володя).

Крикнуть: -Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? – **крикнул** доктор и опять стукнул кулаком по столу. – Кто вам дал право так издеваться над чужим горем? (А.П. Чехов. Враги).

Или:

-Да как же можно? – **крикнул** он (Беликов – А.Л.), изумляясь моему спокойствию. – Что вы говорите?! (А.П. Чехов. Человек в футляре).

Накинуться: Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

-Да ведь жрешь же ты что-нибудь сам-то? – **накинулись** они на него (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дикий помещик).

Обратиться: -Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно

обратился к Бездомному неизвестный, – вы какие предпочитаете?
(М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 1).

Опасаться: *Видит помещик, что мужика с каждым днем не убывает, а все прибывает, – видит и **опасается**: «А ну, как он у меня все добро приест?»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Дикий помещик*).

Отозваться: *-Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то есть, так прямо направо. –Направо? – **отозвался** кучер. –Направо, - сказал мужик* (Н.В. Гоголь. *Мертвые души*, 1, 2).

Перебить: *Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же **перебил** его:*

-Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься
(М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 2).

Повторить: *-Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съест, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?*

*-Как все это сделать? – словно эхо, **повторил** другой генерал*
(М.Е. Салтыков-Щедрин. *Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил*).

Подшучивать: *Один жених словно не в себе сидит. Не успел с невестой намиловаться, как уж затвердил:*

-Мне бы в баню сходить да жениться поскорее!

*-Что больно к спеху занадобилось? – **подшучивает** над ним зайчиха-мать* (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Самоотверженный заяц*).

Прервать: *-Дарья, – **прервала** ее вдруг Варвара Петровна, – ничего у тебя нет такого особенного, о чем хотела бы ты сообщить? –Нет, ничего, – капельку подумала Даша и взглянула на Варвару Петровну своими светлыми глазами* (Ф.М. Достоевский. *Бесы*, 2, VI).

Прибавить: *-А как вы нашли нашего губернатора? – сказала Манилова. – Не правда ли, препочтеннейший человек? – **прибавил** Манилов*
(Н.В. Гоголь. *Мертвые души*, 1, 2).

Примолвить: *-Как вам показался наш город? – примолвила Манилова.*
– Приятно ли провели там время? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).

Шептать: *-Ты не понимаешь?! – шепчет отец Григорий, в изумлении делая шаг назад и всплескивает руками. – Что же у тебя на плечах: голова или другой какой предмет? Поддаешь записку к жертвеннику, а пишешь на ней слово, какое даже на улице произносить непристойно! Что глаза пучишь? Нешто не знаешь, какой смысл имеет это слово? (А.П. Чехов. Панихида).*

Многие из них имеют яркую коннотативную окраску, что также может являться показателем их периферийного статуса. В другой текстовой ситуации данные слова будут восприниматься как единицы, не несущие интеррогативной семантики, и в этом их принципиальное отличие от ядерных и ближнепериферийных лексем:

Слышался смех, смутный говор, не до конца разборчивые фразы, – Валентину впору было расшибить неподатливое пластмассовое стекло и крикнуть этим женщинам, что он молод, что он тоскует, что он сидит ни за что! (А. Солженицын. В круге первом, 1).

Для ядерных и периферийных компонентов любого семантического поля важной является возможность вступать в различные смысловые отношения как с компонентами своего поля, так и с компонентами чужих полей. Ядерные компоненты глагольного сегмента поля интеррогативности глаголы **спрашивать** и **спросить** вступают в самые широкие связи и отношения со словами глаголов речи, в общем, и глаголов запроса информации, в частности.

Одним из распространенных семантических отношений является синонимия лексических единиц. Синонимия понимается как такой семантический отношений слов одной части речи, расположенных «на близком расстоянии» в поле и в смысловом содержании которых выделяется сходство и различие, устойчиво нейтрализующееся в контексте.; это слова, противопоставленные по таким семантическим признакам, которые в определенных контекстах становятся несущественными. Например, ряд

спросить, спрашивать, вопрошать и т. д.).

Другой вид отношений, характерный для глаголов запроса информации, – антонимия, логическая несовместимость: противопоставленность, основанная на необходимости ответа на поставленный вопрос: спросить – ответить.

Семантическая структура данных отношений целиком построена на оппозиции «незнание – знание», где компонентом незнания выступает глагол спросить, а компонентом знания – глагол ответить.

-А где вы раньше жили? – спросила Ирина у Олега.

-С родителями, – ответил Олег (В. Токарева. Своя правда).

Или:

Пацаны спросили – как она там, и я ответил, что всё нормально. (А. Геласимов. Нежный возраст).

Важнейшим принципом идеографической классификации лексических единиц является несовместимость, исключая их пересечение и четко противопоставляющая обозначаемые объекты в пределах микрополя. Одним из видов несовместимости являются родо-видовые отношения лексических единиц. Это отношения гипонимии, которая вместе с несовместимостью является «самыми фундаментальными парадигматическими смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка» [Лайонз 1978: 478]. Например, *сказать* в значении «спросить» и *сказать* – «ответить»:

-Я за тобой, – сказал Андрей, – а пока покурить схожу, ладно?

-Не переживай, – мрачно сказал Авель.

Когда за Андреем защелкнулась тяжёлая дверь с глубоко вцарапанной надписью «Локомотив – чемпион» и небольшим заплёванным окошком, он вспомнил, что сигареты у него кончились ещё вчера (В. Пелевин. Желтая стрела).

Или:

-Вы меня помните? – спокойно, с приятной улыбкой сказал Борис. – Я с матушкой приехал к графу, но он, кажется, не совсем здоров.

-Да, кажется, нездоров. Его всё тревожит, – отвечал Пьер, стараясь

вспомнить, кто этот молодой человек.

Борис чувствовал, что Пьер не узнает его... (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, XIII).

С помощью признаков, отличающих одно слово от других, находящихся в гиперогипонимической системе, и оформляется ряд гипонимов, подчиненных соответствующему гиперониму.

При сопоставлении синтагматики гиперонима и гипонима синтаксическая сочетаемость должна быть одинаковой, а лексические позиции гипонимов по сравнению с гиперонимом будут ограничиваться, так как содержание значения у гиперонима богаче, чем у гипонима: сказать – спросить, спрашивать, осведомиться, переспросить и т.п.

Глагол речи **сказать** выступает гиперонимом по отношению к глаголам запроса информации на том основании, что с помощью него можно оформить синтаксическую конструкцию любого коммуникативного типа, т. е. в его семной структуре заложена совокупность значений бытийности, императивности, интеррогативности, каждое из которых актуализируется в определенных синтагматических условиях. Глагол вопрошания **спросить** не имеет такой возможности и вынужден «обслуживать» только интеррогативный тип высказывания.

Как отмечалось выше, особой разновидностью смысловых отношений в семантическом поле является семантическая деривация, лексико-словообразовательная связь его единиц. Деривационное значение – это значение, присущее слову в целом. Например., значение запроса информации формально выражено в корне **прос-** / **праш-**, но в то же время каждый из глаголов с этим корнем имеет индивидуальное лексическое значение. В результате образования производных к значению основы прибавляется значение аффикса, входящее в значение всей единицы: благодаря тому, что каждая единица лексики имеет материальную форму и смысловое содержание, она является и средоточием и этих двусторонних связей. Объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с

другой – с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание.

Интересным представляется с такой точки зрения рассмотрение словообразовательных гнезд корней **-праш-**, **-прос-**, **-прош-**, которые традиционно ассоциируются с выражением семы интеррогативности.

1. С корнем **-праш-**:

глагол: выпрашивать (ся), выспрашивать, допрашивать, запрашивать, испрашивать, напрашивать (ся), опрашивать, отпрашивать, передопрашивать, переспрашивать, припрашивать, поспрашивать, расспрашивать, спрашивать (ся), упрашивать.

Другие части речи: выпрашивание, выспрашивание, допрашиваемый, запрашивание, испрашивание, упрашивание, спрашивающий.

2. С корнем **-прос-**:

глагол: просить (ся), спросить, выпросить (ся), выспросить (ся), допросить, допроситься, запросить, испросить, напросить (ся), опросить, отпросить (ся), перепросить (ся), передопросить, переспросить, попросить (ся) повыспросить, порасспросить, поспросить, припросить, расспросить, спросить, упросить.

Другие части речи: проситель, вопрос, вопросец, вопросительный, вопросик, вопросный, допрос, допросный, допросчик, запрос, запросец, запросный, запросчик, опрос, опросный, опросчик, передопрос, переспрос, расспрос, спрос, вопросник (перечень вопросов, для собирания каких-нибудь сведений).

3. С корнем **-прош-**:

глагол: вопрошать (ся), поспрашивать.

Другие части речи: прошенный, прошение, вопрошатель, вопрошательница, вопрошание, допрошенный, попрошайка, попрошайничать, попрошайничество, попрошайничанье, спрошенный.

В самом корне **-прос-** и его вариантах заложено значение просьбы: **спрашивать**, **спросить** – обращаться с просьбой о чем-либо. В случае

выражение интеррогативного значения – это просьба устранить информационную лауну. Само понятие «просьба» – достаточно широко и расплывчато. Оно может варьироваться от «самой уничижительной» до категорического требования. В синтагматическом плане это подкрепляется отбором необходимых лексико-семантических конститuentов.

Как видно из перечня, какая-то часть глаголов и слов других частей речи выражает семантику запроса о неизвестном в сочетании с семантикой побуждения, другая часть – несет в себе только сему побуждения, что свидетельствует, с одной стороны, о дифференциации лексем, с другой, – о смежности категорий интеррогативности и побудительности.

Т.о., глаголы со значением «запрос информации» являются одними из самых востребованных лексем при оформлении коммуникативного, прежде всего, интеррогативного акта. Интеррогативность глаголов речи неоднородна по степени своей выраженности. Представляя собой понятие высшего уровня обобщения, сема «запрос информации» выражает абстрактную идею запроса информации вообще. Этот семантический компонент является идентифицирующим для всех рассматриваемых глаголов и влияет на их распределение по ядерно-периферийным зонам на лексическом поле.

2.2.2. Синтаксические средства выражения семантики интеррогативности

Общепризнано, что центральное место в системе языковых средств занимают синтаксические единицы. Это определяется тем, что именно при помощи них осуществляется непосредственное общение и соотносится сообщаемое с реальной действительностью.

В.Г. Адмони, говоря о сути предложения, отмечает, что «оно не просто называет нечто, но и благодаря предикативному отношению сообщает что-то об этом нечто, причем придает этому сообщению аподиктическую оценку – независимо от того, является ли эта оценка положительной, отрицательной или дубитативной, относится ли она к существующему, существовавшему

или предстоящему положению вещей, является ли она объективно данной, только желаемой или требуемой говорящим, содержится ли она в исходной реплике диалога или в ответной или внутри монологического высказывания, то есть по всем типам аспектов предложения» [Адмони 1994: 46].

Минимальной единицей реализации интеррогативной семантики является предложение или высказывание [см. понимание высказывания Лекант 1986: 3-8], максимальной – текст, точнее ССЦ, построенное по образцу вопросо-ответного комплекса. Этот факт в полной мере иллюстрирует то, что реализация семантики интеррогативности преимущественно осуществляется на синтаксическом уровне и связана с тем, на какой объем получения информации рассчитывает адресант, обращаясь к адресату. В связи с этим и выделяются три разновидности вопросительного предложения по ожидаемой информации: общевопросительные, частновопросительные и альтернативные, реализующиеся в своих конкретных структурно-семантических вариантах.

Как и любой другой коммуникативный тип высказывания, интеррогативное высказывание представляет собой двухмерное образование, состоящее из глубинной структуры, включающую скрытую, обобщенно-абстрактную сторону языка, непосредственно связанную с деятельностью сознания, и поверхностную структуру, внешнюю, наблюдаемую в опыте, непосредственно обслуживающую процесс коммуникации. Как считает И.Г. Щепкина, «глубинная сфера является более универсальной по своей организации. Исходя из того, что значение выражает отношение знака к внеязыковому означаемому, т. е. к денотату, сигнификат представляет собой отражение этого значения в языке и включает в себя комплекс всех признаков денотата. Внеязыковой факт вовлекается в коммуникативную деятельность, оказываясь каждый раз одним из компонентов знаковой ситуации. В связи с этим любое предложение рассматривается как знаковая ситуация, представляющая собой совокупность знаков, отражающих соответствующие внеязыковые факты или их составляющие – денотаты, т. е. тогда предложение есть сигнификат» [Щепкина 2001: 14].

Структурная основа вопросительной конструкции лишена интонации, но каждое конкретное интеррогативное высказывание и все его синтаксические изменения обязательно имеют определенную интонационную окраску и обладают большим прагматическим потенциалом. Языковая система предоставляет адресанту разнообразные возможности выразить в интеррогативном предложении свое отношение к предмету речи, к ситуации, о которой сообщается, к адресату. В связи с этим И.Г. Щепкина [Щепкина 2001] отмечает, что вопрос представляет собой совокупность трех ситуаций («триада»):

1) вопрос как абстрактная ситуация – совокупность объективных фактов;

2) вопрос как эмпирическая ситуация – совокупность отражения объективных фактов в сознании индивида;

3) вопрос как частная ситуация – проекция эмпирической ситуации на язык.

Вопрос – это проблема, потребность в обсуждении которой и создает интеррогативную ситуацию, поэтому ее знаковая и речевая интерпретации могут иметь самые разные формы, выбор которых определяется конкретной коммуникативной ситуацией, обусловленной экстралингвистическими прагматическими факторами: социальным положением коммуникантов, характером их отношения друг к другу, уровнем развития, особенностями национального менталитета, заинтересованностью в получении и передаче информации, местом и временем коммуникативного акта, характером ситуации и т. д.

Интеррогативное высказывание реализуется самыми разнообразными структурными типами – простыми и сложными, а также такой синтаксической структурой, как конструкция с прямой речью.

Типичным свойством русских предложений является двусоставность, находящая свое отражение и в построении вопросительного предложения, т. к. вопросы зачастую связаны с выяснением действий и признаков,

характерных для конкретного субъекта, представленного подлежащим.

В связи с этим наиболее частотна и общеупотребительна в функции запроса интеррогативная конструкция, построенная по образцу простого двусоставного предложения с предикатом речи-мысли и объектом, выраженного вопросительным местоимением:

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?! Ну – государево жалованье тоже получают (А. Сухово-Кобылин. Дело, 1, 88).

В отличие от простого невопросительного высказывания порядок слов в интеррогативном высказывании характеризуется большей свободой. Здесь существуют «более или менее обычные способы расположения слов в вопросе» [Грамматика 1960]. В простых распространенных интеррогативных высказываниях без вопросительных местоименных слов и частиц вопрос оформляется только интонационно, а порядок следования синтаксических компонентов может варьироваться. Однако независимо от порядка следования членов предложения то, о чем спрашивают, выделяется интонационно. При актуализации того или иного компонента интонационный центр вопроса может передвигаться и при неизменном порядке слов.

Для предложений, не отражающих непринужденный характер разговорной речи, более обычен порядок, совпадающий с нейтральным порядком следования синтаксических компонентов невопросительного предложения: *отец уехал в командировку?* Интонационно выделяться здесь может любое слово.

В местоименном интеррогативном высказывании порядок следования членов более фиксированный: вопросительное слово (местоимение или частица) обычно занимает в предложении препозицию:

-Какая же музыка вам больше нравится? – спросила Ольга.

-Трудно отвечать на этот вопрос! Всякая! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, V), хотя не исключается возможность инверсированного употребления

вопросительного слова (ср.: *Музыка какая вам больше нравится?*).

Порядок следования других компонентов в таких предложениях может варьироваться. Наиболее обычное расположение синтаксических групп, обратное по сравнению со стилистически нейтральным порядком слов в невопросительном предложении:

-Что растет здесь? – Здесь ничего не растет.

Личное местоимение в таких предложениях обычно располагается не в конце предложения, а перед глаголом: *Что в них растет?*

Если в предложении с вопросительным словом интонационно выделяется глагол-сказуемое, то оно обычно выносится в конец предложения:

Акулина. Кого на Акулине женит?

Анютка. Микиту.

Акулина. Легко ль? Да кто говорит-то?

Никита. Да, видно, люди говорят (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 1, 18).

Простое двусоставное вопросительное предложение реализуется в речи в двух формах – полной и неполной.

Как правило, в художественной литературе при имитации живой разговорной речи используются неполные конструкции, состоящие из одного, но самого важного компонента в конкретной коммуникативной ситуации – ситуации запроса:

Нароков. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелеевна. Ты – то?

Нароков. Я – то!

Домна Пантелеевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелеевна. Нет, зачем? (А.Н. Островский. Таланты и поклонники, 1, 2).

Сущностные структурные характеристики неполного вопросительного предложения (НВП) заданы условиями функционирования разговорной речи: погруженность коммуникантов в один контекст и общность их понятийной базы, что обуславливает наличие построений, в которых те или иные компоненты, обязательно присутствующие в другой структуре, вербально не выражены, а наличествует невербальный (нулевой) компонент, вбирающий в себя грамматические и семантические значения.

НВП в диалогическом тексте используются в различных целях: экономия языковых средств, передача эмоционального напряжения, достижение успешного коммуникативного эффекта, стилизация под разговорную речь и т. п., и представляют собой обусловленные тем или иным положением дел эллиптические образования, в которых или отсутствует значимый компонент синтаксической структуры, например, полнознаменательный глагол:

-Миленький мой, я вообще ни во что не верю, – усмехнулся он. – Я не верю, а думаю. И мне кажется, что какие-то шансы еще есть.

*-Шансы? – я задохнулся от возмущения. – После всего того, что вы натворили? **Какие там шансы?** (В. Войнович. Москва 2042),*

или отсутствует член построения, понятный из контекста. Такие конструкции реализуются в определенных коммуникативных условиях, а «выпадая» из них, допускают множественность осмыслений по причине широкой семантической валентности:

Я стоял посреди известного в Мюнхене магазина Кауфхоф (по нашему – Торговый двор) в полной растерянности.

*В самом деле, всего полно, а что купить не представляю. **Джинсы? Зажигалки? Калькуляторы? Жвачки?** (В. Войнович. Москва 2042).*

Появление интеррогативного высказывания с нулевым глаголом-сказуемым оказывается возможным при наличии одного из трех условий, при которых восполняется незамещенная синтаксическая позиция: ярко выраженные грамматические и семантические связи членов конструкции,

контекстуальное окружение, конкретная ситуация общения.

В соответствии с этим выделяются системно-неполные, контекстуально-неполные и ситуативно-неполные интеррогативные высказывания [см.: Щепкина 2001].

В системно-неполных интеррогативных высказываниях грамматические и семантические характеристики глаголов-сказуемых определены системой языка и не зависят от контекста или ситуации. Регулярность их появления на месте полноформленных структур обусловлена тем, что они коммуникативно полноценны и вне определенного контекста или ситуации:

Марья Михайловна велит, например, заложить коляску.

-Куда это, маменька? – спросит Наденька.

-Поедем прогуляться: погода такая славная, – говорит мать.

(И.А. Гончаров. Обыкновенная история, I, IV).

(Заменяет полноструктурную конструкцию *Куда это, маменька, вы собрались?*).

В подобных предложениях четко выражены синтагматические связи, и поэтому предикаты легко восстанавливаются (достаточно многочисленные глаголы, которые могут быть использованы для возмещения одной и той же синтаксической позиции, лежат в одной понятийной плоскости и не противоречат вышесказанному, например: *собрались – направляетесь – едете*. Любой из глаголов данного ряда взаимозаменяем в условиях определенной ситуации и не противоречит другим компонентам этого же ряда).

В контекстуально-неполных интеррогативных предложениях характеристики незамещенных синтаксических позиций обусловлены контекстом:

Полицейский рассказал ему, что раздавленного захватило в колесо и тащило, вертя, шагов тридцать по мостовой.

-Удивительно, как он еще очнулся, – шепнул потихоньку доктор Раскольникову.

-Что вы скажете? – спросил тот.

-Сейчас умрет.

-Неужели никакой надежды?

-Ни малейшей! При последнем издыхании... (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VII).

Синтагматические связи членов интеррогативных предложений показывают, что в данных конструкциях есть незамещенная позиция глагола в форме 3 лица, а семантика этих глаголов (*не существует, находится*) определена ситуацией.

НВП, являясь структурной разновидностью полных предложений, используются как для уточнения компонентов положения дел:

Мужик. Ну-ка еще. С малости вкуса не разберешь.

Работник. Аль полюбилось? (Л.Н. Толстой. Первый винокур или Как чертенок краюшку заслужил, 4, 1);

так и выяснения реальности самого положения дел, т. е. имеют значение общего вопроса:

Анисья. Ну, что?

Анютка. Она у дочери на огороде была, сейчас придет (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 2, 17).

Это разграничение осуществляется на семантическом уровне. На структурном уровне И.Г. Щепкина выделила следующие закономерности:

а) если НВП включает в свою структуру вопросительное слово и / или знаменательную часть речи, то посредством их уточняется, общее состояние положения дел,

б) если НВП представлено синтаксическим компонентом, выраженным знаменательной частью, то, как правило, выясняется компонент положения дел,

в) если НВП представлено синтаксическими компонентами, выраженными и знаменательной и незнаменательной частями речи, то при помощи него выясняется частное положение дел [Щепкина 2001: 40].

В структуре полного и неполного вопросительного предложения вопросительные слова играют разную роль: в полной структуре (1) участие

вопросительного слова сужает рамки вопроса до выяснения компонента положения дел, а в НВП (2) – расширяет их до выяснения общего состояния положения дел.

1) Андрей. ... **Что вы имеете против меня? Что?**

Ольга. *Оставь, Андрей. Завтра объяснимся (А.П. Чехов. Три сестры, 3).*

2) Ирина. **Что там?**

Анфиса. *Ряженые (А.П. Чехов. Три сестры, 2).*

Структура НВП может быть представлена одним или несколькими компонентами, выполняющими функцию разных членов предложения:

Очевидно, что-то случилось необыкновенное. Народ от поезда бежал назад.

-Что?.. Что?.. Где?.. Бросился!.. задавило!.. – слышалось между проходившими (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, XVIII).

Для реализации коммуникативной установки на выяснение положения дел НВП используются в качестве повторительного вопроса с различными целями:

-«спровоцировать» на получение информации:

-А знаете что? – вскричал Раскольников, приподнимаясь на подушке и смотря на него в упор пронзительным, сверкающим взглядом, – знаете что?

-А что-с? – Лужин остановился и ждал с обиженным и вызывающим видом. Несколько секунд длилось молчание.

-А то, что если вы еще раз... осмелитесь упомянуть хоть одно слово... о моей матери... то я вас с лестницы кувырком спущу! (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, V);

-активизировать коммуникативного партнера:

-Она научилась водить машину? – спросила Клеопатра Казимировна.

Я сказал, нет, не научилась, ездит на велосипеде.

-На велосипеде? – переспросила Жанета. – Но это же неудобно.

Платье может задаться или попасть в колесо.

Я заверил ее, что эта опасность моей жене не грозит, потому что она в джинсах ездит.

-В джинсах? – поразилась Жанета. – Ты разрешаешь ей ходить в джинсах? (В. Войнович. Москва 2042);

-способствовать продолжению речевого общения:

-Я надеюсь, что мне удастся положить конец этим злобным измышлениям.

-Каким образом? – спросил я.

Молодой человек охотно ответил, что так решили его товарищи по борьбе (В. Войнович. Москва 2042);

-выиграть время для обдумывания ситуации:

-Погоди, – сказал я, – ты моих тапок случайно не видела?

-Тапок? – переспросила она и стала думать, как будто я задал ей доказать теорему Пифагора. – А, как же! – сообразила она наконец. – Это ваши эти слиперы. Такие рыжие, без каблучков (В. Войнович. Москва 2042);

-блокировать мыслительный поток речевого партнера и направить его в другое направление:

Анисья. О, головушка!

Никита. Что ж, давай, что ль, суну куда

Анисья. Куда сунешь-то?

Никита. Аль робеешь? (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 2, 20).

Таким образом, неполные вопросительные предложения достаточно частотны в условиях непосредственного общения, а их употребления определяется как лингвистическими, так и паралингвистическими факторами.

Односоставные интеррогативные конструкции

В интеррогативной ситуации нередко использование односоставных предложений, глагольных и именных.

1. Глагольные интеррогативные предложения представлены всеми своими типами.

а) Инфинитивные интеррогативные предложения выражают вопрос,

требующий не воспроизведения известной информации, а поиска решения, выбора наиболее целесообразного варианта из всех возможных, что связано с ориентацией данного типа предложения на перспективу, а также с модальным значением целесообразности, которое подразумевает некатегоричность.

По мнению Н.А. Печниковой, употребление вопроса в инфинитивной конструкции, по сравнению с другими типами, «характеризуется исключительно отнесенностью к сфере человеческой деятельности, с чем связано своеобразие лексического состава инфинитивов и обязательное наличие или возможность восстановления субъекта действия» [Печникова 1995: 26].

В роли главного члена таких предложений выступают лексемы, обозначающие различные сферы человеческой жизнедеятельности:

-Конкретные физические действия:

-Вы печатаете свои произведения в журналах? – спросил у Веры Иосифовны Старцев.

-Нет, отвечала она, – я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства (А.П. Чехов. Ионыч).

Или:

-Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку. Бабы нюхают и чихают (А.П. Чехов. Ванька).

Или:

Тригорин. Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры (А.П. Чехов. Чайка, 3).

-Социальные и межличностные отношения:

Анисья. На свадьбу, говорит, приходи. Это что же они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сделаю... Нельзя мне без него жить. Не пуцу я его (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 1, 7);

Или:

-...Подари-ка ты мне свои проекты и сочинения.

-Подарить? – извольте, дядюшка, – сказал Александр, которому польстило это требование дяди (И.А. Гончаров. Обыкновенная история, I, II).

У линейки метался младший нарядчик.

-Ну, Тюрин, сколько ждать? (А.И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

-Интеллектуальные действия:

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что **читать?**

Бригадир. **Читать?** Артикул и устав военный... (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. I, яв. I).

Или:

-Ну, скажем, хорошо – напишу, они меня выпустят, что же я буду делать? **Писать?** О чём же? (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

-Речь и ее восприятие:

Бригадирша. Батюшка, Игнатий Андреевич, пусть Иванушка говорит как хочет. По мне все равно. Иное говорит он, кажется, и по-русски; а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и **говорить?** Ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! (Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. I, яв. I).

Или:

Что же? **Кричать?** Но ведь белым днем тащил он меня... поговорить? (А. Терехов. Каменный мост)

Или:

Молчать? Кричать? Нет, просто видеть это (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий).

Или:

-И что же ей делать? **Кричать?**

-Нюрка, – окликнула она с порога (В. Быков. На болотной стежке).

-Поведение и его оценку:

-Стало быть, если долго ждать, то я бы вас попросил: нельзя ли здесь где-нибудь покурить? У меня трубка и табак с собой.

-**По-ку-рить?** – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер, как бы еще не веря ушам, – **покурить?** (Ф.М. Достоевский. *Идиот*, I, II).

Или:

-Чего – зачем?

-Зачем же людей-то **смешить?** Мы вон, помню... (В. Шукшин. *Критики*).

-Выражение чувств и эмоций:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! **Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?** Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (Л.Н. Толстой. *Детство*. XV).

Или:

-Вот именно: если человека нет вообще – **как же его любить?** – вела своё Даша (А.И. Солженицын. *В круге первом*, I, 49).

Или:

Новиков насмешливо проговорил:

-**А за что его, собственно, любить?** Цель он крупная, поразить его легче лёгкого, шумит, как дурной, сам себя демаскирует, и экипаж балдеет от шума (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*, I, 52).

Выделяют две структурно-семантические разновидности:

1) С местоименным вопросительным словом:

Сын. *Батюшка!* все кажется, будто вы стоите перед фрунтом и командуете. **К чему так шуметь?**

Бригадир. Твоя правда, не к чему... (Д.И. Фонвизин. *Бригадир*, д. 3, яв. 1.)

В своей структуре они могут иметь частицу **бы**, стоящую как после инфинитива, так и после вопросительного местоименного слова. Ее положение в таком высказывании зависит от коммуникативной установки

адресанта:

Епиходов. ... купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать?

Лопахин. Отстань. Надоел (А.П. Чехов. Вишневый сад, 1).

2) Без местоименного вопросительного слова:

Купава. Сказывать, светлый царь?

Царь. Сказывай, сказывай (А.Н. Островский. Снегурочка, 2, 3).

В вопросительной конструкции с местоименным словом осуществляется запрос о том или ином признаке действия, тогда как в конструкциях без местоименного слова запрос ориентирован на само действие.

Вопросительную инфинитивную конструкцию могут организовывать как глаголы совершенного вида, так и несовершенного, что «строго мотивировано общей семантикой и коммуникативной направленностью высказывания» [Печникова 1995: 24], хотя по мнению Л.Ф. Бердник, в вопросительных инфинитивных предложениях с повествовательной семантикой преобладают глаголы несовершенного вида (70–90 %) [см.: Бердник 1978].

Что касается парадигмы инфинитивных конструкций, то предложения без местоименных вопросительных слов не имеют временной парадигмы. Некоторые вопросительные инфинитивные предложения приобрели статус фразеологизированных и фиксировано употребляются в определенных ситуациях речи, например, как этикетная форма:

В окне с улицы появились голова и плечи человека в панаме и белом пиджаке.

-Как изволите поживать, Ляля? (В. Набоков. Порт).

б) В безличных интеррогативных предложениях осуществляется запрос информации как бы отстраненно от какого-либо лица, тем самым сглаживается сама интеррогативная ситуация. И хотя адресант сознательно

дистанцируется от ситуации запроса, адресат однозначно понимает, кем было произведено действие или кому приписывается состояние.

Он (Семенов – А.Л.) говорил неохотно и спокойно, как всегда:

*–Здравствуй, Зухин. Спасибо, что зашел. А, господа, садитесь. Ты пусти, Кудряшка, – обратился он к рекруту, с которым ужинал и разговаривал, – с тобой после договорим. Садитесь же. Что? **Удивило тебя, Зухин? А?** (Л.Н. Толстой. Юность, XLIV).*

Или:

*Брусило. **Не ладно ль, что ль, пропето?***

Курилка. Ай да мы! (А.Н. Островский. Снегурочка, 3, 1).

в) Определенно-личные интеррогативные предложения используются в ситуации непосредственного речевого контакта при явной выраженности адресата. В абсолютном большинстве случаев глагол-предикат употребляется в форме 2 лица. Семантика запроса информации варьируется сообразно возможным действиям, приписываемым человеку, а в некоторых случаях и другому живому существу:

*-**Жуешь?** – спрашивал Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. – Ну, жуй, жуй... (А.П. Чехов. Тоска).*

Или:

Пока они пили чай, я прятался в соседней комнате под столом, наивно веря, что родители забудут обо мне и уйдут...

*-**Читаешь?** – раздался надо мной голос Кочуева (М. Елизаров. Госпиталь).*

Или:

*-**Думаешь малиной питаться?** Ну-ну, – упрекнул его старшина и спрятал сухарь в карман (В. Быков. Болото).*

г) Обобщенно-личные интеррогативные предложения несут запрос о независимом действии. И адресант, и адресат знают, кто может производить

действие, поэтому для них это неактуально, а важно другое: осуществляется ли само действие:

-Ну что, у вас все постреливают? – спросил Мартынов.

Иван Ильич не ответил, пожал плечами (А.Н. Толстой. Хожделение по мукам, I, 15).

Или:

*-Может, война началась? **Расстреливать** возят?..*

-Тю на тебя, дурак! (А. Солженицын. В круге первом, I, 14).

д) В неопределенно-личных интеррогативных предложениях реализуется запрос о действии, которое могло быть произведено в прошлом. При этом производитель действия известен (как правило, подразумевается множественное число), но сознательно не называется по тем или иным причинам, например, по этической причине:

*-Вы имеете понятия о страданиях? **Позвольте: вас в детстве секли?***

-Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям (А.П. Чехов. Палата № 6, X),

или по причине известности обоим коммуникантам:

*-**Легли?** – спросил князь.*

Тихон, как и все хорошие лакеи, знал чутьем направление мыслей барина. Он угадал, что спрашивали о князе Василье с сыном.

-Изволили лечь и огонь потушили, ваше сиятельство (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, V).

2. Именные интеррогативные предложения представлены в двух своих разновидностях.

а) Номинативные интеррогативные предложения выражают запрос о бытии предмета в настоящем времени: лице, собственно предмете, опредмеченном признаке или действии. Для их употребления требуется контекст, созданный самим говорящим:

Иван Дмитриевич засмеялся и сел.

-Положим, покой и довольство человека не вне его, а в нем самом, – сказал он. – Положим, нужно презирать страдания и ничему не удивляться.

*Но вы-то на каком основании проповедуете это? Вы мудрец? **Философ?***

-Нет, я не философ, но проповедовать это должен каждый, потому что это разумно (А.П. Чехов. Палата № 6, X).

Или:

*-Да разве братец ихний приехали? **Владимир Иваныч?** – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления (А.П. Чехов. Хамелеон).*

В некоторых случаях номинативные интеррогативные предложения выступают как реакция на предшествующее высказывание другого лица:

*Аркадина. **Любовь провинциальной девочки?** О, как ты мало себя знаешь! (А.П. Чехов. Чайка, 3).*

б) Генетивные интеррогативные предложения малопродуктивны, по сравнению с номинативными, и используются для уточнения какого-либо компонента того или иного положения дел:

-Есть у тебя платок? – спросил папа. Я вынул из кармана и показал ему.

-Ну, так возьми на платок эту серую собаку...

*-**Жирана?** – сказал я с видом знатока.*

-Да, и беги по дороге... (Л.Н. Толстой. Детство, VII).

Таким образом, несмотря на отсутствие одного из главных компонентов в структуре, односоставные интеррогативные предложения достаточно частотны и активно используются в коммуникативной ситуации.

Синтаксическая структура вопросительного предложения может строиться и по собственным конструктивным образцам. И.П. Распопов считал, что формально-структурное различие между вопросительными и повествовательными предложениями не связано с их конструктивной базой, а полностью определяется коммуникативным содержанием вопросительного

предложения, поскольку для его построения используются те же структурные модели синтаксических конструкций, что и для построения повествовательных предложений. Специфика проявляется в коммуникативно-синтаксическом аспекте их структуры, отчасти определяющейся различным лексическим наполнением соответствующих конструктивных моделей. «Но в большей степени и в первую очередь дифференцирующую роль в этом отношении играет интонация. Так, благодаря интонации синтаксические конструкции, не имеющие в своем составе вопросительных местоимений и частиц, приобретают значение вопросительных предложений. С другой стороны, даже такие синтаксические конструкции, в составе которых содержатся вопросительные местоимения и частицы, при особом интонировании могут иметь вовсе не вопросительный, а повествовательный (повествовательно-восклицательный) смысл» [Распопов 1970: 89].

Такими конструктивными типами Н.М. Вахтель [см.: Вахтель 2003: 10-18] предлагает считать следующие:

1. Предложения с лексически свободным компонентом, состоящие из лексически свободных компонентов или имеющие наряду со свободным лексически ограниченный компонент.

2. Предложения фразеологизированной структуры.

К первому типу исследователь относит инфинитивные предложения и некоторые предложения, строящиеся с именительным падежом существительного в сочетании с частицами или местоименными словами.

Инфинитивные вопросительные предложения заключают в себе вопрос о том, что должно делать. В их состав входят частицы *ли*, *не... ли*, *что (же) (ли)*, *разве*, *неужели*. Они распространяются по правилам присловных связей. В том же значении могут употребляться и предложения, в которых позиция именительного падежа замещается инфинитивом:

Зина оказалась неожиданно в халате, похожем на саван, и начала бегать из смотровой в кухню и обратно. «Пойти, что ли, пожрать? Ну их в болото», – решил пёс и вдруг получил сюрприз (М.А. Булгаков. Собачье сердце).

Или:

Будкин посидел некоторое время, мечтательно глядя в небо, и сказал:

-Пойти, что ли, на «Скумбрии» по ночной Каме покататься?..

(А. Иванов. Географ глобус пропил).

Предложения с именительным падежом существительного в сочетании с вопросительными словами **как**, **что** являются собственно вопросом о называемом:

Вершинин. Надо уходить, в самом деле. Как пожар?

Соленый. Говорят, стихает (А.П. Чехов. Три сестры, 3).

В непринужденной форме такие предложения могут открываться вопросительной частицей **что** или заключаться частицей **а**:

Она говорит: «Поняла. А мама?» Я говорю: «О, ну тут вообще запутанная история» (А. Геласимов. Чужая бабушка).

-Билеты будут, – сказал я.

-А деньги? – спросил он.

-Деньги есть (В.П. Катаев. Алмазный мой венец).

Предложения с вопросительным словом **как** и словами И.О.Ф., «название» выражают вопрос об именовании. Все такие предложения употребляются преимущественно в форме настоящего времени. Они принимают в свой состав частицу **ну**, **а**, **так**, **же**. Вводные слова – мало характерны.

Лимоны, шоколад и все прочее, что мы привезли с собой как подарки, были немедленно предложены всем.

-Ну, как Москва? – вежливо осведомился человек, похожий на мудрого индейца новой голливудской модели, оказавшийся бригадиром Юрой Бобриковым (В. Голованов. Ненцы идут).

Предложения типа *При чем тут он?* открываются вопросительным сочетанием **(а) при чем (же) (здесь)**, за которым следует имя в форме именительного падежа или инфинитив. Второй компонент может быть представлен:

1) словоформой, повторяющей (вариативно) слово первой реплики:

-Вульф? – жалостно выкрикнула какая-то женщина.

Иван рассердился.

-Дура! – прокричал он, ища глазами крикнущую. – Причём здесь

Вульф? Вульф ни в чём не виноват! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 5);

2) словоформой, заменяющей однокоренное прилагательное или местоимение (*Смотри, какое красивое поле. – При чем здесь красота?*);

3) указательным словом *это*, личным местоимением или другим словом с указательной функцией:

-...Я почему этот клип запомнил – как это, думаю, такую фигню после одиннадцатого сентября показывают...

-А при чем тут мы? – спросила Барби (В. Пелевин. Фокус-группа).

Эти предложения употребляются в форме настоящего времени. В предложении с интонационно выделенным вторым компонентом порядок компонентов обратный. Распространение осуществляется по правилам присловной связи.

Предложения фразеологизированной структуры включают в свой состав следующие типы:

1. Предложения, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц.

2. Предложения, строение которых не объясняется современными синтаксическими правилами.

Предложения типа *Что за шум?* строятся с учетом устойчивого сочетания *что за* и имени в именительном падеже. Они обозначают вопрос о признаке, могут свободно приобретать экспрессивно-оценочное значение. При переносе позиция именительного падежа замещается любой словоформой. Парадигма четырехчленна. Распространение производится по правилам присловных связей и детерминации. Возможны вводные слова, характеризующиеся сообщаемое или подчеркивающие настоятельность вопроса (в самом деле, в конце концов):

*-Это ещё что такое? **Что за чушь?!***

-Не чушь, – Мышкин отрицательно покачал головой (В. Белоусова. Второй выстрел).

Или:

Подумав, Кольцов предложил кандидатуру Колюши.

*-**Что за Тимофеев?** – спросил нарком. – Не тот ли это молодец-тать, что с дубинкой напал на меня?*

-Тот самый, – подтвердил Кольцов (Д. Гранин. Зубр, 14).

Или:

Глядя холодно, Сологдин спросил:

-Зачем вы употребляете слово «Боже»? Ведь вы – жена чекиста?

*-**Что за важность?** – удивилась Емина. – Мы и куличи на Пасху пекём, так что такого? (А. Солженицын. В круге первом, 1, 33).*

Предложения типа *Что такое жизнь?* открываются сочетанием **что такое**, за которым следует имя в именительном падеже, и означают вопрос о сущности. В качестве первого компонента употребляется сочетание **что значит**. Распространение осуществляется в соответствии правилам присловной связи и детерминации. С семантикой таких предложений не совмещаются вводные слова со значением достоверности, эмоциональных реакций и оценок. В предложение может входить модальная частица **же**.

Поздним вечером, перед уходом, я спросил:

*-**Что такое обертон, Наталья Дмитриевна?***

Она не глядя, через плечо, сунула руку в стеллаж, вынула из толщи книг том энциклопедии с отгоревшим золотом на корочке и корешке, полистала и прочла: «Обертон – ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона, придающих звуку особый оттенок или тембр...» (В. Астафьев. Обертон).

Или:

*-Скажи-ка мне быстро, – проговорил он, – **что такое жёлтая стрела?** (В. Пелевин. Желтая стрела).*

Позиция именительного падежа может быть занята инфинитивом:

*-Товарищи, что же вы молчите? **Что же такое делается?** Девочка, а ну-ка, ну-ка... (Ю. Домбровский. Хранитель древностей, 2).*

Предложения типа *Что нового? Что такого? Что толку?* открываются вопросительным словом **что**, за которым следует существительное, качественное прилагательное, местоименное слово **такой** в форме родительного падежа. Они означают вопрос о признаке или о ситуации в целом. Употребляются для выражения экспрессивного отрицания. Парадигма четырехчленна. Вводные слова мало характерны. Возможны модальные частицы **ну (и), да, же**.

Андрей сел.

*-**Что нового?** – спросил Хан.*

-Так, – сказал Андрей (В. Пелевин. Желтая стрела).

Или:

*-**Что нового** произошло? – быстро и строго спросил Гуртьев, оглядев стол (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 1, 57).*

Или:

-Так нынче же воскресенье...

*-**Ну, и что такого?** – Сноха твоя, небось, прибиралась с утра, полы подметала, и ежели ты свой умишко под лавкой схоронил или под загнеткой, то она непременно веником подхватит его и выметет на баз (М. Шолохов. Поднятая целина, 2).*

Или:

*Зубр угрюмо отмалчивался. Фыркнет непонятно, а то раздраженно. Уцелел. Принял мудрое решение. Правильно поступил. Всех своих спас... **А что толку в его правоте?***

Поехать на похороны своего учителя и то не мог. Стыдно и гнусно (Д. Гранин. Зубр, 26).

Или:

*-**Портрет академика Лысенко надо заменить,** – заметила Побияхо.*

-Что толку? – сказал ей с улыбкой Хейфец (В. Дудинцев. Белые одежды, 1).

Предложения типа *Что из этого?* открываются вопросительным словом **что**, за которым следует указательное местоименное слово **это, то** в форме родительного падежа с предлогом **из, с**, и означают вопрос о следствии – с оттенком отстранения этого следствия как несущественного. С преобладанием этого последнего значения связана возможность употребления предлога **до**. Нормальна форма настоящего времени. Распространение и вводные слова не характерны. Возможны модальные частицы.

-У нас на пятом. И что из этого?

-Странно как-то... (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете).

Или:

Она взяла с дивана платок сестры и прикрыла им телефон, сказала:

-Говорят, что могут подслушивать. С меня взяли подписку.

-Ты, по-моему, ведь не была расписана с Николаем.

-Не была, но что из этого? Меня допрашивали как жену (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 3, 23).

Предложения типа *Что я ему?* открываются вопросительным словом **что**, за которым следует имя в форме именительного падежа, и выражает экспрессивное отрицание. В структуру предложения может входит детерминант. Вводные слова и модальные частицы мало характерны:

-Так вот же я им и говорю: «А черт его знает, где его носит! Что я ему – нянька? Слава богу, семнадцать годов! (Н.А. Островский. Рожденные бурей).

Предложения типа *Какое ему дело до этого?* открывается сочетанием **какое дело**, имя в родительном падеже с предлогом **до** и в форме дательного падежа со значением субъекта входят в структуру предложения. Предложение означает вопрос об отношении, осложненном значением отрицания касательства. Обычна форма настоящего времени. Вводные слова и модальные частицы мало характерны:

-Что он понимает, я вас спрашиваю? Какое ему дело? Отчего он не

учит вас судить? (А.П. Чехов. Неприятность).

Или:

*-Помню, не помню... **Какое ему дело?** Зачем мне помнить?
(Л.Н. Толстой. Анна Каренина).*

Предложения типа *Это ли не..? Ему ли не..?* открываются местоименным словом, за которым следует частица **ли**; второй компонент – словоформа с отрицательной частицей. Порядок компонентов закреплён. Такие предложения являются вопросительными лишь по форме: они не предполагают ответа и означают утверждение или отрицание, осложнённое экспрессивной оценкой. Парадигма трехчленна. Вводные слова не характерны.

*Она сложилась из многочисленных трудностей, препятствий, конфликтов – **это ли не счастье?** (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья).*

Или:

*Выгнать женщин из дома, **это ли не сволочизм?! (В. Аксенов. Таинственная страсть).***

Или:

*-Сейчас меньше дерутся, чем дрались, допустим, мы в детстве и юности: один на один, шайка на шайку – думаю, не от смирения нравов — от трусости, но знаю, сейчас больше бьют исподтишка, бьют жестоко, увечно, насмерть, артельно одного, напавши сзади, – **это ли не трусость, не подлость?** (В. Астафьев. Зрячий посох).*

В предложениях типа *До шуток ли ему?* позиции предлога **до** и частицы **ли** закреплёны. Предложения означают отрицание касательства, вызванного ситуацией. Парадигма четырехчленна.

*Я не шучу. **До шуток ли тут!** В былые времена о чем думали и о чем заботились маменьки выпускных девиц? (Н.А. Тэффи. Переводчица).*

Или:

-Что ты, шутишь, что ли?

-И, родимый, до шуток ли нам!

-Неужели в самом деле? (М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году).

Предложения типа *Что унываешь?* открываются вопросительным словом **что** (*к чему*), за которым следует инфинитив глагола несовершенного вида, чаще всего со значением внутреннего состояния, речи, мысли, отношения. В диалоге, в повторяющейся реплике это может быть глагол любого лексического значения. В таких предложениях отрицается необходимость, целесообразность чего-либо, совмещаясь с оттенком несогласия, удивления, недоумения, неодобрения. Обычна форма настоящего времени:

*-Двадцать второго июня началась война, двадцать третьего меня призвали и отправили в Брянск на формирование. **Что говорить?** Вы всё это пережили (А. Рыбаков. Тяжелый песок).*

Или:

И размышляла потом весь вечер:

*-**Да что говорить, Игнатич!** Ни к столбу, ни к перилу эта работа (А. Солженицын. Матренин двор, 1).*

Предложения типа *Как (с этим) не согласиться?* открываются сочетанием местоименного наречия с отрицательной частицей **как не**, **почему не**, **отчего не**, далее следует инфинитив. Перестановка компонентов окказиональна. В диалоге второй компонент частично является словесным построением первой реплики. Означают экспрессивное утверждение возможного или целесообразного. Парадигма четырехчленна:

*-Понимаю, – сказал Андрей. – **Как не понять.** Слушай, а ты когда-нибудь думал, откуда мы едем? (В. Пелевин. Желтая стрела).*

Или:

*Надзирателю, бригадиру, – а придурку посылочному **как не дать?** (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).*

Или:

Каб все на свете такие были, и Шухов бы был такой. Если человек

просит – отчего не пособить? Это верно у них (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Предложения типа *Почему бы не уехать?* открываются сочетанием *почему бы не (отчего бы не)*, за которым следует обычно инфинитив глагола совершенного вида:

Отчего бы не вымазать физиономию какой-то белой дрянью и не нацепить чудовищные усы, как это делает Жодле? (М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера).

Или:

-Да надумаю и вижу, што терпели люди, а тут и мне – отчего бы не потерпеть? (Д. Фурманов. Чапаев).

Или:

Кабы был покупатель – отчего бы не продать! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо).

Инфинитив глагола несовершенного вида употребляется:

- 1) в вопросах о многократно повторяющихся событиях, действиях;
- 2) в вопросах, повторяющих предшествующую реплику.

Он означают вопрос о возможности, осложненный советом или утверждением. В повторах вопрос о возможности совмещается с эмоциональной реакцией (возмущение, негодование, неодобрение, возражение, несогласие). Формоизменение отсутствует. Из вводных слов характерны только слова, выражающие акцентирование: скажем, в конце концов, в общем:

-А почему бы не гордиться, – сдержанно отпарировал Чунка (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 2).

Кроме этих предложений фразеологизированной структуры в качестве вопросительных употребляются лексически изменяемые фразеологизмы:

1) фразеологизм *Что такое?* означает вопрос как непосредственную реакцию на что-либо:

-Умею. А что такое?

-Я больше не могу... (В. Шукшин. Калина красная).

Или:

-И ничего мне с собой не поделатъ, я знаю.

-Да что такое? Заболел, что ли? (В. Шукшин. Калина красная).

Или:

-Так не говорят.

-Что такое?

-По-русски так не говорят (А. Геласимов. Ты можешь).

При введении частицы *же* этот фразеологизм выражает оценку сообщаемого как несущественного:

-Что же такое, братец? о чём дело? (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого).

Или:

*-Кроме того, – никем не перебиваемый Иван говорил всё с большим жаром и убедительностью, – он лично был на балконе у Понтия Пилата, в чём нет никакого сомнения. **Ведь это что же такое? А?** (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 8).*

Или:

На том месте, где лежали этикетки, сидел чёрный котёнок-сирота с несчастной мордочкой и мяукал над блюдечком с молоком.

-Это что же такое, позвольте?! Это уже...– он почувствовал, как у него похолодел затылок (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1).

2) фразеологизм *Что так?* означает недоуменный вопрос о причине:

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

*Паратов. **Что так?** (А.Н. Островский. Бесприданница, 3, 10).*

Или:

-Нет-с, благодарствуйте, не пью.

-Что так?

-Да так (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Или:

Но Иван и Нюра в один голос дружно сказали:

-Нет.

-Что так?

-Нет! Большое спасибо (В.Шукишин. Печки-лавочки).

3) фразеологизм *Как (же это) так?* означает реакцию на что-либо как на неожиданное удивление [Вахтель 2003: 10-18]:

-Говорили, что если выпить из него воды – обрушится небывалый ливень, а то и град, а если попробовать выкупаться – живым не вылезешь.

-Как так не вылезешь?

-Ты вылазишь, а оно тянет (Ф. Искандер. Святое озеро).

Или:

Чертопханов изумился; он даже руками себя по ляжкам хлопнул и подпрыгнул. – Как же это так? Жила, жила, кроме удовольствия и спокойствия ничего не видала – и вдруг: стосковалась! (И.С. Тургенев. Конец Чертопханова).

Или:

-Ну как же это так, дедушка? – мягко возразила Вера, пожимая слегка его руку (А.И. Куприн. Гранатовый браслет).

Хотелось бы подчеркнуть, что способ выражения интеррогативного значения простыми предложениями как двусоставной, так и односоставной структуры, – самый типичный и распространенный в системе синтаксических единиц, что объясняется самой природой русского языка, склонного к точности, краткости, выразительности.

Выражение интеррогативного значения

в сложном предложении

Сложные вопросительные предложения менее употребительны в диалогической речи, чем простые. Это объясняется тем, что сложные конструкции в диалоге затрудняют восприятие речи, замедляют процесс общения между коммуникантами, поэтому для диалогической структуры не

свойственны многокомпонентные вопросительные сложные структуры, которые не дают возможности быстро уловить суть вопроса. Другим фактором, позволяющим избегать сложные конструкции в структуре диалога, является конситуация, пропозиция, предварительные знания коммуникантов о создавшемся положении дел.

Напротив, в монологической речи (а также художественном диалоге) могут встречаться усложненные структуры СП, состоящие из четырех-пяти предикативных частей.

Выражение интеррогативного значения в структуре сложноподчиненного предложения

В сложноподчиненном предложении (СПП), имеющем в своем составе вопросительную часть, реализуется синтаксическое слияние, проявляющееся в объединении двух коммуникативно и семантически завершенных высказываний.

В СПП с вопросительной связью частей используются лексико-грамматические средства, свойственные простым ВП, в частности вопросительные местоимения и интонация. Но так как на базе исходных компонентов происходит образование качественно новой единицы, то функционирование и взаимодействие указанных средств отличается своеобразием, обусловленным законами СПП данного типа. В первую очередь, происходит ограничение плана коммуникативной установки. При образовании сложной конструкции первичная функция придаточной части нейтрализуется целеустановкой главного компонента. «Сохранение» вопросительного придаточного, обозначаемого на письме вопросительным знаком, говорит о лексико-грамматическом изменении либо СПП в целом, либо его отдельных компонентов. Поэтому вопросительная интонация в СПП с вопросительной связью частей выполняет акцентирующую и стилистическую функцию.

Интеррогативное высказывание может входить в структуру СПП

следующим образом:

1) как придаточная структура, выражающая интеррогативное значение в СПП и расположенная после императивных, повествовательных и вопросительных структур:

*Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского. Приложив руку к козырьку, он наклонился перед ней и спросил, **не нужно ли ей чего-нибудь, не может ли он служить ей?** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, XXX);*

2) как сложная интеррогативная структура, всем своим составом выражающая интеррогативное значение. В этом случае придаточные несут ту часть интеррогативного значения, посредством которого уточняется тот или иной компонент положения дел: временной, причинный, модальный, локальный, объектный. Первая часть сложного интеррогативного высказывания представляет собой простую вопросительную структуру с вопросительным словом в качестве главного предложения. Следующая за ней структура – придаточное с тем или иным значением:

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

*-Да в чем же стыдно? – сказала она. – **Ведь вы не могли сказать человеку, который равнодушен к вам, что вы его любите?***

-Разумеется, нет; я никогда не сказала ни одного слова, но он знал. Нет, нет, есть взгляды, есть манеры. Я буду сто лет жить, не забуду (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, XXXII);

3) как интеррогативная структура, входящая в сложное синтаксическое образование. По цели высказывания такое образование в целом является повествовательным, и вопросительная структура не выражает интеррогативного значения, а составляет часть сообщения, представленного СПП с несколькими придаточными дополнениями:

На мой вопрос, где он достал деньги на билет, он, усмехнувшись, напомнил мне о недавнем дерзком ограблении Дюссельдорфского банка, когда были убиты один кассир и два полицейских. (В. Войнович. Москва 2042);

4) как интеррогативная структура, выражающая вопросительное

значение в составе конструкции с прямой речью:

-Граф Вронский, – сказала Анна.

*-А! Мы знакомы, кажется, – равнодушно сказал Алексей Александрович, подавая руку. – Туда ехала с матерью, а назад с сыном, – сказал он, отчетливо выговаривая, как рублем даря каждым словом. – **Вы, верно, из отпуска?** – сказал он и, не дожидаясь ответа, обратился к жене своим шуточным тоном: – **что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке?** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, XXXI).*

Считается, что если в предложении, каким бы сложным оно ни было, есть хотя бы одно слово с вопросительной интонацией, то и все предложение в целом является вопросительным. Однако если в одной части СП читается утвердительная интонация, а в другой – вопросительная, то имеет место какая-то complication, слияние двух видов значений.

По мнению Г.В. Валимовой, реализация вопросительного значения в СПП зависит от того, какую позицию в структуре сложного предложения занимает вопросительная часть [см.: Валимова 1967]. Если вопросительное предложение является главной частью, то в этом случае функция вопроса распространяется на всю структуру СПП:

Но, голубчик Степан Трофимович, стало быть, вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о том, кто вас успокоит? Несчастны, ведь так? Так?

-Теперь счастливы... (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 3, VII).

Или:

*-Вот-вот именно, – поспешно обратилась к нему княгиня Мягкая. – Но дело в том, что Анну я вам не отдам. Она такая славная, милая. **Что же ей делать, если все влюблены в нее и, как тени, ходят за ней?***

-Да я и не думаю осуждать, – оправдывалась приятельница Анны (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, VI).

Однако вопросительная часть не только влияет на структуру всего сложноподчиненного предложения, но и сама испытывает воздействие с ее стороны. «Поэтому вопросительные конструкции сложноподчиненной

структуры разделяют признаки системы СПП» [Валимова 1967: 253]:

Я не знаю, зачем я направлялся в город, но с такой тяжестью в душе, то-то и голова у меня была набита землей для каких-то фортификационных целей (Б. Пастернак. Охранная грамота, II, 9).

В приведенном выше многочлене вопросительная часть не является главной, хотя если бы ею заканчивалась синтаксическая конструкция, то все сложное предложение можно было бы воспринимать как целиком интеррогативное. Но в данном случае сложное предложение вступает в определенные смысловые отношения в рамках более сложной конструкции с другими синтаксическими образованиями, где определяющей будет повествовательная интонация, что и накладывает отпечаток на коммуникативное восприятие всей структуры.

Г.В. Валимова говорит об устойчивости модели структуры СПП с вопросительной придаточной частью, обладающей постоянным синтаксическим значением. Такое СПП обычно включает изъяснительную придаточную часть, выражающую вопрос. Значение вопроса в таких предложениях в большей или меньшей степени нейтрализуется [Валимова 1967: 176], а сама синтаксическая конструкция рассматривается как сложное предложение с придаточным, представляющим косвенный вопрос. Однако такая «косвенность» не уменьшает функционально-смысловой нагрузки вопросительной части, т. к. СПП с собственно-вопросительной связью частей «генетически и деривационно... восходят к конструкциям с прямым вопросом, даже если в главной части в качестве сказуемого употреблен глагол, который не способен непосредственно вводить вопросительное суждение (видеть, знать, понимать), ...реплики с изъяснительно-вопросительными СП появляются, как правило, в условиях «отложенной» реакции – когда между вопросом и «ответом» имеется временная дистанция [Мишланов 1996: 152-153].

Косвенный вопрос – это всегда «описание», повествование о вопросе с точки зрения субъекта речи, и все субъектно-речевые планы в сложном

предложении с косвенной речью скоординированы по отношению к «говорящему» лицу. «В строго выдержанной литературной речи синтаксическая организация чужого высказывания, то есть оформление его средствами подчинительной связи, сопровождается рядом преобразований структурного и стилистического порядка, во всей их совокупности обусловленных доминирующим положением авторского плана, активностью говорящего... Субъектно-объектный план косвенной речи организуется с учетом такой расстановки субъекта речи (кто), адресата (кому) и предмета речи (о чем), которая ориентирована на говорящего, а не на того, кому принадлежит первичное сообщение» [Русская 1980 (2): 485-486].

Предложения с косвенным вопросом всегда передают чужую речь и входят в круг конструкций, отражающих «многоголосье мира». Кроме того, СПП с вопросительной связью частей представляют собой метаязыковые образования. Все это определяет тот факт, что особенность данных синтаксических конструкций является их двухавторность, двуголосие.

В связи с тем, что в таких СПП доминирующей признается целеустановка главной части, содержащей в своем составе опорный компонент определенной семантики или семантически значимой грамматической формы, а придаточная представлена таким сильным лексическим средством выражения интеррогативности, каким являются местоименные вопросительные слова, то выделяют два уровня вопросительности: формальный (грамматический) и семантический. На формальном уровне вопросительное значение выражается при помощи интонации и при участии синтаксически значимой формы опорного компонента, присутствующего в структуре главной части. При семантическом выражении происходит взаимодействие семантики опорного контактного компонента и местоименного слова, что в целом образует контактную рамку.

О. Есперсен отмечает, что «когда вопрос передается в косвенной речи, вопросительная интонация, которая часто бывает основным показателем

вопроса, по необходимости или теряется, или ослабляется; однако утрата вопросительной интонации до некоторой степени компенсируется, отчасти во вводной (или вставной) формуле, где вместо глагола «говорить» употребляется глагол «спрашивать», отчасти употреблением вопросительного союза, если нет вопросительного местоимения» [Есперсен 1958: 346].

Предложения с вопросительной частью могут быть представлены несколькими семантическими группами:

1) Предложение, в котором сообщается о намерении адресанта получить информацию:

*-Слушаюсь, слушаюсь. **Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович?** (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, I, 12).*

Или:

*-Да, это так! – **Тогда разрешите спросить: в чем дело?** – упрямо выговорил Самсонов, выдерживая стремительный натиск Дицмана, и сильнее сплел руки на груди (Ю. Бондарев. Берег).*

Или:

*-**Разрешите спросить: отчего это в глазах у вас столько грусти?** (В. Ерофеев. Москва – Петушки).*

Или:

*-**Разрешите спросить, что ему о вас докладывать?** (В. Кожевников. Щит и меч. Кн. 1).*

2) Предложение, в котором адресант побуждает адресата представить ему необходимую информацию (укажите, ответь, пусть расскажет, скажите):

*-**Стива!** – вдруг неожиданно сказал Левин, – **что же ты мне не скажешь, вышла твоя свояченица замуж или когда выходит?***

Левин чувствовал себя столь твердым и спокойным, что никакой ответ, он думал, не мог бы взволновать его. Но он никак не ожидал того, что отвечал Степан Аркадьич.

-И не думала и не думает выходить замуж... (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, XVI).

Или:

-Потрудитесь мне объяснить, что это значит? Я вас спрашиваю!
(А.П. Чехов. Именины).

3) Предложение, в котором сообщается о необходимости, заинтересованности, намерении адресанта получить знание (инфинитив + модальное слово (хотеть, надо, должен, интересно)):

Левин нахмурился...

-Постой, постой, – заговорил он, перебивая Облонского, ты говоришь: аристократизм. А позволь тебя спросить, в чем это состоит аристократизм Вронского или кого бы то ни было, – такой аристократизм, чтобы можно пренебречь мною? (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, XVII).

4) Предложение, в котором фиксируется ментальное состояние, имеющее целью получение информации, или называется процесс мышления и сопутствующие ему эмоциональные состояния (Мучилось, откуда..? терзалась, удивлялась, соображаю, думаю).

Она считала Борю бессердечным и все удивлялась, откуда у него такой черствый характер (К.Г Паустовский. Книга о жизни. Далекie годы).

Или:

Почему-то именно так стала говорить в последнее время Ольга Михайловна, и Мушка раньше удивлялась, откуда она это взяла, но теперь она будто говорила сама с собою и не заметила этого (С.Н. Сергеев-Ценский. В грозу).

Или:

-Как он обращается со своей Анастасией Петровной и со своей музыкальной Сонечкой? – терзалась она. И решила наконец все это проверить «на месте»: отправиться за Сонечкиной статьей (А. Алексин. Дым без огня).

5) Предложение, в котором сообщается о незнании, непонимании адресанта (невладение информацией):

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, словно чулан какой.

И понять не могу, откуда это такое взялось? (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 3, 4).

Или:

«Но разве ты действительно не понимаешь, что имеется в виду?!»

(В.А. Успенский. Витгенштейн и основания математики).

б) Предложение, которое обозначает знание, владение информацией адресантом (знаю, понимаю):

Советник. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково?

(Д.И. Фонвизин. Бригадир, д. 2, яв. 1.)

Или:

Он помолчал немного, потом откашлялся и говорит: «Ты ведь, наверное, понимаешь – что такое жизнь в браке?» (А. Геласимов. Чужая бабушка).

Или:

После этого он как некое величайшее открытие сообщил мне, что он недавно перечитывал «Мёртвые души» и понял, что Гоголь гений. – Ты понимаешь, что он там написал? Он написал, что в дождливой темноте России дороги расплзлись, как раки (В.П. Катаев. Алмазный мой венец).

7) Предложение, в котором сообщается о намерении адресанта передать или не передать знание (сказал, куда, хочется рассказать, объяснил, не сказал) [Белая 2001: 31-35]:

-Но вы не сказали, о чем вы думали, когда я вошел, – сказал он (Вронский – А.Л.), прервав свой рассказ, пожалуйста, скажите!

Она (Анна – А.Л.) не отвечала и, склонив немного голову, смотрела на него исподлобья вопросительно своими блестящими из-за длинных ресниц глазами (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, XXII).

Применительно к вопросительным СПП требуют уточнения

конструкции, реализующие модальный вопрос. Так, В.А. Мишланов отмечает: «Любой вопрос с определенной степенью вероятности «распространяется» в тексте либо более или менее исчерпывающим ответом, либо так или иначе выраженным уклонением от ответа. Такое нехитрое, в общем, прогнозирование речевого поведения собеседника позволяет говорящему облечь диктальный вопрос в модальную форму (разрешение дизъюнкции «знания-незнания», «возможности-невозможности» дать ответ), что имеет место обычно тогда, когда говорящий действительно не уверен, что слушающий знает ответ на диктальный вопрос» [Мишланов 1996: 155]. Поэтому в зависимости от того, обладает ли собеседник положительным знанием ситуации, актуализируется либо модальный, либо диктальный вопрос.

Синтаксически значимой формой для структурно-семантической организации СПП данного типа является форма побудительного наклонения контактного глагольного слова. В одной из функций интеррогативные конструкции побуждают собеседника предоставить спрашивающему указываемую информацию, то есть совершить речевое действие. Когда такое предложение сочетается с побудительной частью, то они несут как бы одно и то же значение. «В побудительно-вопросительных СПП вопросительная часть обычно обладает большей информативной емкостью» [Сергиевская 1994: 81], тогда как побудительной части отводится в основном декоративная, структурно-композиционная функция:

Милашин. Скажите, Марья Андреевна, за что вы меня не любите?

Марья Андреевна. Полноте, что вы! За что мне вас не любить (А.Н. Островский. Бедная невеста, 1, 13).

Или:

Кнуров. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова. Да уж и не знаю, что говорить... (А.Н. Островский. Бесприданница, 2, 2).

В таких побудительно-вопросительных СПП вопросительное значение сохраняется именно в том виде, в котором оно существует в простых

интеррогативных предложениях, не осложняясь дополнительными характеризующими аспектами, свойственными всем изъяснительным СПП [см.: РГ-80 (2): 472], т. е. они эквивалентны прямому вопросу, имеющему место в простом интеррогативной предложении, т. к. в обоих случаях происходит совпадение субъекта пропозициональной установки и субъекта речи. Поэтому и сфера функционирования конструкций обоих типов одинакова – диалог.

В СПП, главная часть которого содержит модальный компонент со значением желательности, необходимости, намерения, интереса (хотеть, желать, надо) в сочетании с инфинитивом, сообщает о намерениях субъекта предложения, его заинтересованности в получении информации. Такое сочетание служит выражением императивности предложения, что подчеркивает интеррогативное значение местоименного слова, побуждая найти ответ на поставленный вопрос. Это особенно ярко проявляется в случае, когда субъект речи совпадает с субъектом синтаксической конструкции, в результате чего реализуется прямой вопрос. Подобное совпадение чаще всего происходит в диалогических контекстах, где указанные предложения являются репликами-стимулами:

Бобыль. Дозволь спросить, далеко ль держишь путь

И как зовут тебя и величают?

Снегурочка. Снегурочкой (А.Н. Островский. Снегурочка, пролог, 4).

Уровень смыслового значения интеррогативности определяется взаимодействием вопросительного значения местоименного слова, являющегося центром придаточного предложения, и семантики опорного компонента. Возможность говорить о взаимодействии двух организующих центров СПП появляется в результате того, что, несмотря на свое «подчиненное» положение средства связи, местоименное вопросительное слово благодаря лексико-грамматическим особенностям обладает некоторой самостоятельностью, которая определяется тем, что данные слова «непосредственной связи с контактным словом главной части не имеют. Их

форма полностью определяется смыслом придаточной части и синтаксической позицией, которую они в ней занимают» [Ильенко 1976: 19]. В результате вопросительные слова относятся ко всей части предложения, выражающей суждение, и по своему положению напоминают детерминанты. Поэтому, хотя опорный компонент и является структурным ядром СПП с собственно-вопросительной связью частей, так как создает модальную перспективу всего предложения, он характеризует сообщение, содержащееся в придаточной части. При выражении интеррогативного значения глагольный предикат может испытывать на себе влияние вопросительной семантики союзного средства.

Структура СПП может включать любой тип придаточного, что объясняется возможностью вопросительного местоимения не только запрашивать информацию, но и выполнять функцию связующего компонента между главной (невопросительной) и придаточной (вопросительной) частями. При этом сами сложные конструкции сохраняют все признаки СПП с союзным придаточным: главной части свойственна структурно-семантическая незавершенность, обусловленная наличием переходного глагола определенной семантики, которая ориентирует предикативную часть на выполнение заданной синтаксической функции.

Вопросительное значение местоименных слов в связи с выполнением ими союзной функции несколько ослабевает, потому что «позиция придаточной части является позицией нейтрализации вопросительного значения, так как интонация подчиненной части сложного предложения не совмещается с интонацией вопросительного предложения. Поэтому необходимы другие средства выражения вопроса, чтобы сохранить его в придаточной части. Такими средствами являются вопросительные слова. Эти показатели вопроса обязательны для вопросительного значения придаточной части. Если вопросительных слов нет, придаточная часть не может иметь вопросительного значения» [Валимова 1967: 252].

Функционирование вопросительных местоимений и наречий в СПП с собственно-вопросительной связью частей связано с нейтрализации

вопросительного значения. М.Е. Проселкова считает, что в данном случае термин «нейтрализация» используется «более по традиции, так как на самом деле при определении степени вопросительности придаточной части мы уподобляем ее простому вопросительному (независимому) предложению, т.е. временно как бы забываем о том, что эта единица является в структуре сложного предложения; в сложном предложении степень вопросительности придаточной части есть не что иное, как степень логической обусловленности косвенного вопроса» [Проселкова 1971: 227-228].

Е.И. Белая отмечает, что «чем выше степень проявления вопросительности местоименного слова, тем более автономны компоненты СПП с точки зрения их взаимозависимости. И наоборот, нейтрализация вопросительного значения способствует более тесной спаянности компонентов, которая при вышеуказанном расположении увеличивается сверху вниз (исключение составляют те случаи, когда все СПП является вопросительным по цели высказывания)» [Белая 2001: 55].

Самыми распространенными в перечне типов придаточных признаются:

СПП с вопросительными придаточными условия:

-А что бы вы сделали, Валентуля, если бы к Сталину позвали вас?

-Меня? Хо-го! Парниша! Я б ему объявил протест по всем пунктам

(А. Солженицын. В круге первом, 1, 14).

Или:

Интересно было бы узнать: пообедал бы Рыжик за счёт Чика, если бы он не был рыжим? (Ф. Искандер. Чик чтит обычай).

Или:

Рыськов говорил, что пора очистить русскую науку от нерусских имён, однажды сказал: «Пришёл конец жидовской синагоге, если бы вы только знали, как я их ненавижу» (В. Гроссман. Все течет).

Или:

Что бы я сделал сейчас, если бы был я греком? (В. Аксенов. Звездный

билет).

СПП с придаточной частью цели:

Еще я спросил, зачем у них существуют органы госбезопасности (или БЕЗО, как они говорят), если сама партия, судя по ее названию, занимается госбезопасностью (В. Войнович. Москва 2042).

Сложноподчиненные предложения с придаточной частью уступки:

Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? (А.П. Чехов. Человек в футляре).

Или:

И мальчик тоже, хотя что у него может зашуметь? (В. Богомолов. Иван).

Или:

Так, очевидно, думает и Алданов, хотя что же тогда оставляет он с Маклаковым Толстому? (И.А. Бунин. Освобождение Толстого).

СПП с придаточным изъяснительным:

-А знаешь что? – вдруг обратился он (Раскольников – А.Л) к Разумихину с плутоватой улыбкой, – я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном волнении состоишь? Правда?

-В каком волнении? Вовсе ни в каком не волнении, – передернуло Разумихина (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 3, IV).

Или:

Если такая опасность возникнет, знаешь, что надо сделать? (В. Быков. Болото).

Или:

Или ты не знаешь, что такое органы? (В. Быков. Болото).

Ты же знаешь, что утром приёма нет? (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

К факторам, ослабляющим вопросительное значение сложноподчиненного предложения, относятся следующие:

1. Наличие в главной части указательного слова **то** [РГ-80]. Являясь

представителем придаточной части в главной, указательное слово делает главный компонент СП структурно завершенным и становится интонационным центром высказывания, тем самым делая невозможным использование вопросительной интонации. Однако предложение не теряет своего вопросительного смысла. Это подтверждает одинаковое текстовое окружение конструкций с коррелятом и без него [см.: Белая 2001: 50]:

*Как они могут понять **то**, что и так отлично знают? (В. Пелевин. Желтая стрела).*

Или:

*Симпатия его ко мне была легка и сердечна, и я долго мялся, не зная, как посвятить его **в то**, что составляло боль моей жизни (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья).*

В СПП с коррелятами действуют те же закономерности актуализации или нейтрализации вопросительного значения, что и без них. Специфика конструкций с указательным словом состоит в том, что им всегда присуща повествовательная интонация, поскольку наличие вопросительной целеустановки противоречит структуре СПП, т. к. ослабляет связь компонентов, чему препятствует наличие коррелята. Поэтому в конструкциях с эксплицитным указательным словом почти невозможно акцентирование придаточной вопросительной части, выражаемое на письме двоеточием или тире. Употребление вопросительного знака после придаточного компонента также практически не наблюдается.

2. Связь между главным и придаточным частями осложнена определительным значением, имеющимся тогда, когда придаточное соотнесено с существительным:

*На **вопрос, ехать ли** за границу, доктор углубился в размышления, как бы разрешая трудный вопрос (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, 1).*

3. Придаточная часть входит в один синтаксический ряд со словоформой:

*Однажды, когда остались вдвоем, я **спросил о школе, в каком она***

училась классе (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

Или:

Да, вчера Ю.П. спросил о кино, как снимаюсь, затем стал советовать хитрить, работать только с учетом крупности плана, на крупном искать внутреннее разнообразие, живость глаза, не дрыгаться, не переигрывать (В. Смехов. Театр моей памяти).

4. Всё сложное предложение является частью еще более сложного текста, где оно в интонационном отношении несамостоятельно [Русская 1980 (2): 510]:

*Во время кадрили ничего значительного не было сказано, шел прерывистый разговор то о Корсунских, муже и жене, которых он очень забавно описывал, как милых сорокалетних детей, то о будущем общественном театре, и только один раз разговор затронул ее за живое, когда он спросил о Левине, **тут ли он**, и прибавил, что он очень понравился ему (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, I, XXIII).*

Это указывает на то, что в подобного рода предложениях интеррогативное значение не поддерживается вопросительной интонацией, т. е. интеррогативность не может быть выражена формально, а на передний план выходит содержательная сторона СПП и, как в конструкциях с эксплицитным коррелятом **то**, вопрос полностью находит смысловое выражение, в результате чего сохраняются вопросо-ответные отношения:

Во-первых, сколько бы консультанты его на сей счет ни расспрашивали, он так и не удосужился объяснить, зачем древо познания нужно нашей стране (В. Шаров. Воскрешение Лазаря).

Или:

Его о чем-то расспрашивали матросы, а он не слышал их, а только видел, как раскрываются рты (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

Или:

*Расспрашивали о моей жизни, прошлой и настоящей, и все смущённо смолкли, когда я бодро **ответил**, что зарабатываю преподаванием шестьдесят рублей в месяц, и мне этого хватает (А.И. Солженицын).*

Бодался теленок с дубом).

В этих случаях следует учитывать характер опорного компонента (какая сема составляет ядро его значения), какой аспект его семантики актуализирует текстовое окружение, а также то, какая предикативная часть СПП несет новую информацию, то есть является ремой.

Препятствием к актуализации интеррогативности служит ирреальная модальность опорного компонента, а также сочетание предикатов, содержащих сему «поиск информации» с отрицательной частицей или словом, ослабляющим интеррогативную семантику подобного компонента:

*Каково же было его огорчение, когда он воочию убедился, что щелка – пустое дело и что никому даже **не интересно знать, согласен ли он на урезки или не согласен** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы).*

Или:

*-Ну, вот неужели мне **не интересно знать** в данный момент, **какое движение произведет моя передняя конечность**, – тем более что я не властен над нею... (В. Ерофеев. Записки психопата).*

Данные конструкции выражают нереализованное коммуникативное намерение или свидетельствуют о незаинтересованности по разным причинам собеседника в сообщаемой информации.

Однако если СПП с опорным компонентом ирреальной модальности моделирует ситуацию реального диалога, то вопросительное значение сохраняется:

***Если бы спросили его, сколько времени он косил, он сказал бы, что полчаса, – а уж время подошло к обеду** (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).*

Или:

***Если бы спросили, сколько банок джема, к примеру, в заначке, Колька бы сказал** (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).*

Особенностью подобных диалогизированных конструкций является то, что адресант мыслится как абстрактный участник коммуникативного акта, тогда как адресат вполне конкретен и персонизирован.

Как отмечает А.М. Пешковский, «переходов здесь столько же, сколько точек на линии. На одном конце этой линии стоит чисто вопросительная интонация, на другом – чисто подчинительная» [Пешковский 1956: 495].

Т. о., наибольшая степень интеррогативного значения сохраняется в случае, если все СПП является вопросительным по цели высказывания. Коммуникативная цель придаточной части совпадает с коммуникативной установкой сложноподчиненного предложения в целом. К ним примыкают сложные конструкции, главная часть которых является побудительной или содержит модальный компонент, усиливающий вопросительное значение.

Следом располагаются сложные предложения, в которых опорный компонент имеет значение целенаправленного поиска информации, в результате чего происходит семантическое согласование основных строевых элементов:

Трофимов. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? (А.П. Чехов. Вишневый сад, 2).

Или:

Сорин. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек этот беллетрист? (А.П. Чехов. Чайка, 1).

Третью группу составляют СП, содержащие в своей структуре опорные слова, обозначающие общие процессы познания и эмоциональные состояния, а также со значением незнания, непонимания. В этих случаях доминантой становится вопросительное местоименное слово.

Шамраев. Не изволите также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? (А.П. Чехов. Чайка, 1).

Нейтрализация вопросительного значения союзного средства происходит в случае употребления при словах со значением владения информацией и ее передачи. Доминантой является «положительная» семантика опорного компонента:

«Знаешь ли ты, – стал он часто говорить Алеше, приглядываясь к нему, – что ты на нее похож, на кликушу-то?» (Ф.М. Достоевский. Братья

Карамазовы, I, I, IV).

Нейтрализует вопросительное значение местоименных слов также ирреальная модальность опорного компонента и сочетание предикатов, имеющих значение поиска информации, с элементами, ослабляющими их вопросительность:

-Мне бы хотелось узнать, – заговорил Отличник, – не появится ли в будущем какого-нибудь продукта или процесса, который позволит приблизиться к тому идеалу, о котором мы говорим? То есть сделать потребление бескрайним, а удовлетворение от него бесконечным?

-Появится, – сказала Светящееся существо. – Только не пугайтесь (В. Пелевин. Фокус-группа).

В других указанных случаях практически сводится к нулю интонационное выражение вопросительного значения, при этом вопросительный смысл СПП сохраняется.

Выражение интеррогативного значения в сложносочиненном предложении

Включение интеррогативного высказывания в структуру сложносочиненной конструкции явление довольно редкое, что объясняется структурной организацией речи: эквивалентом ССП с вопросительной часто выступает сочетание отдельных коммуникативных структур: адресанту «легче» выстроить цепочку простых интеррогативных и неинтеррогативных предложений, тем самым определив и их семантическую значимость, которая вынудит адресата обратить внимание на каждую из заявленных информации. Задавая «отдельный» вопрос, адресант подчеркивает его значимость, желание услышать на него ответ, при этом адресат не отвлекается на другую информацию, тогда как презентуя вопрос в сложносочиненном предложении, адресант ставит адресата перед необходимостью отбора информации. Ср., например:

*-По какому случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.
– Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал? (А.П. Чехов. Хамелеон).*

С другой стороны, в плане выражения семантических отношений между частями сложносочиненное предложение гораздо беднее, чем сложноподчиненное.

Высказывание, построенное по образцу сложносочиненного предложения (ССП), характеризуется как интеррогативное в двух случаях:

1) если все части его содержат вопрос:

-За что же ты Белецкого поцеловала, а меня не хочешь? – спросил Ленин.

-А так, не хочу, и все, – отвечала она... (Л.Н. Толстой. Казаки, XXV).

Или:

-То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? – прямо и без обиняков спросил отец Паисий (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, I, I, V);

2) если в нем сочетаются повествовательная часть в препозиции с вопросительной частью в постпозиции:

Дружнин. Я с вами согласен; но много ли таких женщин?

Софья Антоновна. Поверьте, что женщин, понимающих свои обязанности, гораздо больше, чем мужчин (А.Н. Островский. Неожиданный случай, 2, IV).

Тип ССП с одной вопросительной частью является более распространенным в речи, а фиксированный порядок расположения частей обуславливается функцией интеррогативного предложения, характером соотношения частей, интонационной несочетаемостью вопросительного и следующего за ним повествовательного предложения. Данный тип конструкции получил квалификацию повествовательно-вопросительного ССП. «При этом вопросы, входящие в состав сложносочиненной конструкции, оформляются так же, как и простые вопросительные предложения, то есть при помощи вопросительных слов, вопросительных частиц вместе с вопросительной интонацией или при помощи одной вопросительной интонации» [Осоловская 1959: 51].

Наиболее типичными и распространенными в перечне структур ССП с вопросительной семантикой являются следующие:

1) ССП с соединительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует соединительный союз):

Тригорин. ...Отчего в этом призыве чистой души послышалась мне печаль и мое сердце так болезненно сжалось?.. (А.П. Чехов. Чайка, 3).

Или:

Сначала мне было жалко ее, потом я подумал: «Не надо ли утешать ее, и как это надо сделать? – и наконец мне стало досадно за то, что она ставила меня в такое неловкое положение (Л.Н. Толстой. Юность, XX).

В подобных ССП второй вопрос вытекает из первого и служит «скрытым» ответом на него, т. е. само содержание второй интеррогативной части предполагает, что на предыдущий вопрос был дан положительный ответ и требуется дальнейшее развитие ситуации.

2) ССП с противительными союзами:

Шамраев. Гм... Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты (А.П. Чехов. Чайка, 2).

Или:

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник, но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? (А.Н. Островский. Лес, 1, 4).

В данном типе вторая часть теряет свою интеррогативность и приобретает признаки риторического высказывания, т. е. по сути является повествовательной (ср.: *но не одни родственники имеют право на наше сострадание*), а вопросительная частица *разве* становится отрицательной частицей *не*.

3) ССП с разделительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует разделительный союз):

Часто теперь я спрашиваю себя: когда я был лучше и правее – тогда

ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, **или** теперь, когда, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа (Л.Н. Толстой. Юность, IX).

Или:

«Неужели я имею такой жалкий вид? – думал я, – **или** уж не нарочно ли она это делает, чтоб узнать, как я поступлю в этом случае?» (Л.Н. Толстой. Юность, XX).

Употребление таких конструкций говорит о том, что адресант в создавшейся ситуации не может прийти к однозначному ответу. Для него нет четкого осмысления действительности, он сомневается и в ответе на первый вопрос, и в ответе на второй. Как правило, такие ССП употребляются во внутренней речи и служат показателями мыслительной деятельности персонажа.

Бессоюзные сложные предложения с вопросительной частью

БСП с вопросительной частью близки по структуре к повествовательно-вопросительным СПП. Место вопросительной части в БСП фиксировано: оно всегда находится в конце предложения. Между частями такого БСП устанавливаются односторонние отношения – вопросительная часть поясняет, дополняет предыдущую:

*Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: **точно ли вы меня любите?***

Атуева. Но а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, 1, 5).

Или:

Дневальный вернулся, подошел к скамейке и, с участием глядя на распластанного в пыли Чонкина, доложил:

*-Товарищ старшина, из бани звонят. Спрашивают: **мыло сами будете получать или пришлете кого?***

-Ты же видишь, я занят, – сдерживаясь, сказал старшина (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 2).

Отличие БСП с вопросительной частью от повествовательно-вопросительного СПП проявляется в том, что «строение придаточной части изъяснительного предложения отражает ее зависимость от главной; строение той части БСП, которая по функции соответствует придаточной части изъяснительного предложения, вполне свободно» [Грамматика 70: 738]. Между частями БСП нет той синтаксической зависимости, которая отмечается в повествовательно-вопросительных СПП.

Муромский. Что за суматоха такая; никак, приехал кто? Пойдем ко мне (А. Сухово-Кобылин. Дело, 1, 5).

Вопросительными в БСП могут быть все составляющие его части, каждая из которых оформляется как отдельное вопросительное предложение, соединяясь между собой интонационно:

-Это что же он в ноги-то, это эмблема какая-нибудь? – попробовал было разговор начать вдруг почему-то присмиривший Федор Павлович (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, 1, 2, VI).

Или:

-Почему ты все это знаешь? Почему так утвердительно говоришь? – резко нахмурившись спросил вдруг Алеша (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, 1, 2, VII).

Или:

Аня. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде? (А.П. Чехов. Вишневый сад, 3).

Т.о., вопросительное предложение, включаясь в состав сложного предложения, не изменяет его структуру: оно по своей структуре так же, как и повествовательное сложное предложение, могут быть ССП, СПП, БСП.

Выводы по 2 главе

1. Семантика интеррогативности – самостоятельное лингвистическое явление, связанное с понятием неизвестности и обладающая ярко выраженным субъективным характером.

2. Семантика интеррогативности наиболее явно определяется в ее противопоставлении с другими категориальными семантиками, в первую очередь, с семантиками бытийности и императивности, и представляет собой сложную комплексную организацию, формируемую семантическими категориями адресанта, адресата, характером запроса, основанием запроса.

3. Категориальным семантическим компонентом интеррогативности является сема интеррогативности, выражающая запрос о неизвестном и реализующаяся в своих вариантах – прагмасемах.

4. Круг языковых средств, имеющихся в распоряжении адресанта для выражения семантики интеррогативности во всех ее прагматических разновидностях (прагмасемах), затрагивает различные уровни языковой системы, что отражает важность и необходимость категории интеррогативности в познании мира.

5. Разноуровневая система выражения интеррогативной семантики находится в динамическом взаимодействии. В качестве основной единицы, в полной мере реализующую ту или иную интеррогативную составляющую, выступает интеррогативное высказывание, базирующееся на определенном типе синтаксической конструкции.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Системно-структурный статус

функционально-семантического поля интеррогативности

Введенный Г. Ипсеном в середине 20-х годов XX века в лингвистический обиход термин «поле» (хотя первые идеи полевой организации языка появились у Й. Трира, полагавшего, что в сознании говорящего или слушающего слова существуют не разрозненно, а связаны друг с другом по смыслу. В конечном итоге языковым полем исследователь называл группу родственных смыслов или некоторую смысловую сферу) наибольшую популярность приобрел в последней трети прошлого столетия.

Функционально-семантическое поле связано «с категориями мышления и – через них – с соотношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому содержанию каждого из средств. Собственно языковой (а не понятийный) характер имеет и структура рассматриваемых полей – моноцентрических или полицентрических» [Бондарко 2002: 290].

Утверждая представление о языке как системе подсистем, полевая модель позиционирует язык как функционирующую систему с постоянными перестройками элементов и отношений между ними. Важно то, что «в процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты» [Полевые структуры 1985: 7].

Современное представление о функционально-семантическом поле (ФСП) основывается на понимании его не только как группировки

разноуровневых средств, «взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории [Бондарко 2002: 289], но и как принципе организации группировки, понимание которой складывается на основании определенных признаков:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями.

2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.

3. Поле может объединять однородные и разнородные элементы.

4. В структуре поля выделяются микрополя.

5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конститuentы. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. Периферия имеет зонную организацию.

6. Ядерные компоненты наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля.

7. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полей функций; часть функций приходится на ядро, часть – на периферию.

8. Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечеткой, размытой.

9. Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот [Полевые структуры 1985: 5-6].

Кроме этого, «по горизонтали располагаются микрополя, по вертикали – образующие их конститuentы. Однако каждое из полей имеет специфику в построении» [Гулыга 1969: 178].

Исследователи сходятся во мнении, что ФСП представляет собой билатеральное единство. Так, С.И. Кокорина пишет: «по отношению ко всем

функционально-семантическим категориям точнее будет сказать, что все разноуровневые средства языка объединяет их общая семантическая функция. Признаки, присущие отдельным компонентам функционально-семантической категории, могут быть разными, хотя они так или иначе «согласованы» друг с другом на основе общей функции» [Кокорина 1982: 115].

А.В. Бондарко отмечает, что план содержания «детерминируется соответствующей семантической категорией и ее компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [Бондарко 2002: 290]. К «сильным» системным признакам ФСП А.В. Бондарко относит также функциональную полноту поля: «ФСП охватывает всю сферу функций, базирующихся на определенной семантической категории» [Бондарко 2002: 310-311].

Возможность отнесения той или иной категории к полевой организации не всегда решается положительно. Это связано с тем, что не всегда можно выделить главный, «исходный» способ выражения, наиболее полно воплощающий данный семантический признак. С.И. Кокорина считает, что в одних случаях такая иерархия существует, а в других нет. Исследователь сомневается в связи с этим в целесообразности применения «принципа поля» при анализе всех функционально-семантических категорий [Кокорина 1982: 117].

Подобной точки зрения придерживается и В.Б. Евтюхин: «Поля, категории, системы – не просто классы, а классы специфические. Иными словами, любое поле, категория, система представимо и как класс, но не всякий класс может интерпретироваться как поле, система, категория» [Евтюхин 1997: 116].

Характеристика ФСП осуществляется по нескольким основаниям:

1. ФСП – это группировка разноуровневых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и

выражающих варианты определенной семантической категории. ФСП рассматривается как языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций. Можно сказать, что ФСП – это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой средств ее выражения в данном языке» [Бондарко 2002: 289].

2. ФСП – «это билатеральные единства, включающие план содержания и план выражения. План содержания ФСП детерминирован соответствующей семантической категорией и ее компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [Бондарко 2002: 290].

3. Понятие поля связано с представлением о «некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, очерчиваются зоны пересечения с другими полями» [Бондарко 2002: 290].

4. «ФСП характеризуется определенными связями с категориями мышления и – через них – с соотношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому содержанию каждого из средств. Собственно языковой (а не понятийный) характер имеет и структура рассматриваемых полей – моноцентрических или полицентрических [Бондарко 2002: 290].

При всем понятийном различии функционально-семантических категорий их полевая организация сводится к вполне определенной классификации:

1. По признаку возможности выражения одного или более инвариантных значений выделяются единицы «монокатегориальные и поликатегориальные» [Бондарко 2002: 306]. К монокатегориальным

относятся отдельные грамматические категории и функционально-семантические поля, а к поликатегориальным – комплексы грамматических категорий и группировки ФСП.

2. «По признаку отнесенности компонентов данного единства к одному и тому же типу языковых средств (морфологическому, синтаксическому, лексико-грамматическому) или к разным типам могут быть выделены единства гомогенные (моносистемные) и гетерогенные (полисистемные) [Бондарко 2002: 307]. К гомогенным А.В. Бондарко относит части речи, подклассы частей речи, синтаксические категории, типы синтаксических конструкций, а к гетерогенным – ФСП, конституируемые разноуровневыми языковыми средствами. При этом он отмечает, что «хотя ФСП включают не только грамматические языковые средства, но и средства лексические, ... все же основу поля образуют именно грамматические средства – грамматические единицы, классы и категории... Лексические компоненты ФСП ... – это не просто лексические единицы, а лексемы, содержащие в своем значении семантические элементы, сопоставимые с грамматическими значениями по признакам обобщенности, категориальности» [Бондарко 2002: 308].

3. По признаку структурной организации ФСП делятся на моноцентрические, когда в центре находится определенная грамматическая категория (напр., темпоральность), и полицентрические, в случае когда центр составляют несколько грамматических категорий (напр., таксис).

4. Классификация ФСП на основе системных связей:

1) ФСП с предикативным ядром: аспектуальность, временная локализованность, таксис, модальность, персональность, залоговость.

2) ФСП с субъектно-объектным ядром: субъектность, объект, коммуникативная перспектива высказывания, определенность-неопределенность.

3) ФСП с качественно-количественным ядром: качественность, количественность.

4) ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром: локативность,

бытийность, посессивность, обусловленность [Бондарко 2002: 315].

Учитывая основания классификации, характеристика поля интеррогативности будет выглядеть следующим образом:

По признаку возможности выражения одного или более инвариантных значений ФСП интеррогативности относится к монокатегориальным на том основании, что инвариантность представлена одним категориальным значением – запрос информации о неизвестном. Все остальные значения трактуются как вариативные или второстепенные.

ФСП интеррогативности формируется разноуровневыми языковыми средствами (подробнее об этом см. средства выражения семантики интеррогативности). Совокупность средств формального выражения лишена целостности, «поскольку они относятся к разным языковым уровням и по своей структуре разнородны (морфологические, синтаксические, лексические)» [Бондарко 2002: 310]. В основе формирования лежит синтаксическая категория вопросительности (интеррогативности), но без учета просодических и лексических средств картина будет не полной.

С.И. Кокорина отмечает, что «по отношению ко всем функционально-семантическим категориям точнее будет сказать, что все разноуровневые средства языка объединяет их общая семантическая функция. Признаки, присущие отдельным компонентам функционально-семантической категории, могут быть разными, хотя они так или иначе «согласованы» друг с другом на основе общей функции» [Кокорина 1982: 115].

Следовательно, ФСП интеррогативности относится к гетерогенным (полисистемным) полям.

Изначально считалось, что функционально-семантическая категория своим существованием обязана той или иной морфологической категории, содержательный анализ которой позволяет выделить другие, неграмматические языковые элементы, взаимодействующие с данной морфологической категорией. Такая точка зрения нашла свое отражение при описании известных функционально-семантических категорий. Но подобная «узость» подхода

оставляла за «бортом» лингвистического осмысления материал, в объективном существовании которого никому не приходилось сомневаться.

Отсюда возникла идея о возможности существования категорий, чей статус можно было определить как функционально-семантические, где ядерным компонентом является не морфологическая, а синтаксическая парадигма, выступающая в качестве специализированного средства и понимаемая как «система синтаксических структур, обладающих общим смысловым и /или функциональным синтаксическим признаком, модификации которого представлены в структурах, образующих систему» [Адмони 1988: 120].

В этом случае функционально-семантическая категория опирается не на формальные показатели морфологического характера, а, в первую очередь, на синтаксическую общность, основанную на близости выражаемых синтаксическими конструкциями синтаксических значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной действительности.

В.Б. Евтюхин в качестве признаков синтаксической категории предлагает считать следующие:

1) Синтаксические категории представляют собой структуры, основывающиеся на противопоставлении форм и значений (однородных значений).

2) Основным способом выражения синтаксических грамматических значений выступают синтаксические конструкции (словосочетания, организованные по соответствующим синтагматическим правилам).

3) Морфологические категории, «работающие» в рамках форм выражения синтаксической категориальности, трансформируют свое парадигматическое значение и парадигматические связи.

4) При выражении синтаксических категорий могут использоваться морфологические формы разного типа, в том числе и разной частеречной отнесенности [Евтюхин 1997: 144-146].

Синтаксическая категория является разновидностью грамматических

категорий и представлена противопоставлением форм с однородным содержанием. Но, как пишет А.В. Бондарко, в отличие от морфологических категорий, систему форм не слова, а систему форм синтаксических или группировок синтаксических средств. А.В. Бондарко включает в синтаксические категории «оппозиции активных и пассивных, утвердительных и отрицательных, повествовательных и вопросительных конструкций» [Бондарко 1976: 15], а сама «возможность объединения структурных моделей в синтаксические поля обусловлена наличием между ними связей, в которых отражаются связи между соответствующими отношениями объективной реальности» [Феличева 1977: 15].

В основе полевой организации категории интеррогативности лежит синтаксическая модель вопросительного предложения, функциональная, семантическая и структурная парадигма которой образует синтаксическое поле, понимаемое как группировка синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими интеррогативных значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной действительности.

Категория интеррогативности не укладывается в разработанную А.В. Бондарко классификацию функционально-семантических полей на основе их системных связей. По нашему мнению, это объясняется тем, что категория интеррогативности имеет «точки пересечения» с разными понятийными категориями языка, в формировании которых она в той или иной степени участвует: персональность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность-неопределенность, субъектность, но в первую очередь это относится к отношениям с категорией модальности и к тем неоднозначным пониманиям, которые сложились в научной литературе по поводу участия коммуникативной направленности высказывания в полевого пространстве модальности. От того, как определять роль интеррогативности в формировании модальности, зависит и понимание ФСП интеррогативности как поля с предикативным ядром или относящегося к полю другого типа.

В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть

модальность как языковую категорию, в общем, и модальный аспект интеррогативных высказываний, в частности.

Наиболее известным определением модальности является данное в РГ-60 определение, суть которого сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего [Русская грамматика 1960: 80].

Большинством лингвистов признается, что модальность – «понятие довольно широкое, и несмотря на то, что можно сформулировать его общую дефиницию, нельзя не видеть, что в него входят характеристики разнородные (ср.: утверждение – вопрос – побуждение, реальность – достоверность – вероятность – нереальность, утверждение – отрицание и т. д.), о чем косвенно свидетельствует и тот факт, что отдельные модальные характеристики могут наслаиваться друг на друга» [Адамец 1968: 88. Цит. по: Ломтев 2007: 83].

Е.В. Милосердова отмечает, что «сложность, на которую указывают все исследователи модальности, во многом определяется уже тем фактом, что в ней связаны воедино такие ключевые понятия коммуникативного процесса, как объективная действительность, высказывание и его автор – говорящий» [Милосердова 1991: 10], т. е. «в модальности выражается субъективный момент высказывания, преломление отрезка действительности через сознание говорящего» [Гак 1981: 144].

Модальность является продуктом коммуникации, позволяя «отнести к ней все то, что относится к отношению говорящего и имеет грамматический способ выражения и обслуживает речевую коммуникацию. При таком подходе модальность предстает перед нами очень богатым грамматическим явлением, активно функционирующим на всех уровнях языка и речи. Она проявляется в области фонетики, морфологии, синтаксиса, выполняя функции актуализатора общения, сообщения и воздействия. Все это дает право признавать модальность особым классом грамматических значений [Петров 1982: 139].

Хотя в современных исследованиях границы употребления термина «модальность» достаточно расплывчаты, А.В. Бондарко, понимающий под модальностью «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности» [Бондарко 1990: 59], считает, что «большая часть принятых концепций не выходит за пределы определенного, хотя и довольно широкого круга языковых явлений и средств их выражения» [Бондарко 1990: 67].

Не останавливаясь на подробном анализе точек зрения на модальность разных авторов, упомянем лишь те из них, которые в рамках нашего исследования в той или иной мере способны «пролить свет» на сущность интеррогативности как функционально семантической категории.

В западноевропейском языкознании роль основоположника концепции модальности принадлежит Ш. Балли, по мнению которого в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и модальную часть (модус), выражающей интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Ш. Балли выделяет эксплицитный и имплицитный модусы, при этом основной формой выражения эксплицитного модуса признается главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным. Модальность выступает как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы – подкласс глаголов, обозначающих суждение говорящего о предмете речи и отличающиеся от других глаголов тем, что могут присоединять дополнительное придаточное предложение. Ш. Балли широко понимал модальность, считая ее душой предложения, и включал в число модальных значений «самые различные оттенки суждения, чувства или воли», выражаемые в том числе интонацией и формами вопроса [Балли 1955: 43-62].

Высказывание как функциональная единица синтаксиса имеет сложное строение, характеризуемое наличием нескольких уровней структуризации, одним

из которых является модальность. По мнению М. Грепля, в модальной структуре высказывания необходимо выделять три аспекта: а) общую (основную) модальность, б) волюнтативную модальность и в) модальность истинности (правдивости). Общая модальность является необходимым (конститутивным) компонентом любого высказывания, волюнтативная модальность и модальность истинности факультативны. В одних случаях они наслаиваются на общую модальность, в других – отсутствуют [Грепль 1978: 277-278].

При реализации грамматической формулы предложения высказывание получает тот или иной модальный статус, определенный говорящим в зависимости от целей коммуникации, – сообщение, вопрос, приказание и т.д. В соответствии с данными статусами выделяют повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные высказывания [см.: Грепль 1978: 278].

Каждое высказывание характеризуется своим особым типом интонации (нисходящая в повествовательном предложении, антикаденция – в вопросительном, завершающая каденция – в побудительном [Грепль 1978: 278-282]), следовательно, данный способ выражения общей модальности является надежным средством разграничения разных типов высказываний. Особую значимость интонация приобретает в тех случаях, когда она является единственным идентификатором типа высказывания (Ср. повествовательное высказывание экзистенционального типа *Тишина*, безглагольное побудительное *Тишина!* и интеррогативное *Тишина?*).

Исследуя разные типы модальности, М. Грепль приходит к выводу, что «конкретный модальный статус в рамках общей модальности (сообщение, приказание, вопрос, желание) имеет высказывание, а не предложение» [Грепль 1978: 285]. Из данного заключения вытекает очень важное следствие. Поскольку конкретный модальный статус принадлежит высказыванию, а не предложению-модели, то так называемый модально немаркированный тип (повествовательный) не является исходным и, соответственно, все остальные типы (вопросительный, побудительный и желательный) нельзя считать

дериватами исходного (базового) типа. Таким образом, все модальные статусы в известном отношении равноправны [Грепль 1978: 286].

Что касается реализации волюнтаривной модальности в интеррогативных высказываниях, то она является обязательным признаком, так как связана с непосредственным воздействием на адресата с целью получения от него ответной реакции, прогнозируемой говорящим.

Анализу интеррогативных конструкций в разговорной речи посвящена работа В. Барнета [Барнет 1985: 524-528], в которой он указывает на необходимость рассмотрения не только модальности высказывания, но и модальности коммуникативного акта. Опираясь на мнения ряда ученых, автор справедливо указывает, что исследование высказываний разговорного типа необходимо проводить с опорой на ввелингвистический контекст. При таком подходе центр тяжести переносится с анализа связей внутри высказывания и отношений между высказываниями (лингвистический контекст) на отношение высказывания к коммуникативному акту. Соответственно меняется и направление анализа. Исходным пунктом становится экстралингвистическая ситуация. Учитываются также и другие факторы. К их числу относятся характеристики участников акта коммуникации с точки зрения их социальных отношений, принимаются во внимание нормы взаимного общения.

Коммуникативный акт имеет сложное строение. Компонентами его структуры являются говорящий (адресант, «инициатор сообщения») и слушающий (адресат, «реципиент сообщения»), а также описываемая ситуация («предметное значение») и речевая ситуация (т. е. ситуация, в которой «коммуникативный акт осуществляется»). Ссылаясь на Я. Яноушка, В. Барнет отмечает, что эти компоненты коммуникативного акта выявляются в многогранности его значимой структуры, включающей замысел инициатора, смысл сообщения для инициатора, предметное содержание сообщения, смысл сообщения для реципиентов и эффект от него.

Исходя из анализа структуры коммуникативного акта, В. Барнет

определяет модальность как «специфическую установку говорящего на другие компоненты коммуникативного процесса» или как «взаимоотношение компонентов этого процесса» [Барнет 1985: 527].

Т. о., в западной лингвистике сложилось устойчивое понимание роли коммуникативной установки в формировании модальности высказывания. Симптоматичны в этом отношении слова Дж. Лайонза, указавшего, что «с более общей точки зрения совершенно ясно, что вопросительные предложения модальны, и им можно приписывать дополнительные модальные признаки, указывающие на те или иные ожидания говорящего» [Лайонз 1978: 326].

В отечественном языкознании во взглядах на сущность модальности сложились две полярные точки зрения. Одна из них, представленная работами Г.А. Золотовой (1973), Т.П. Ломтева (2007), В.З. Панфилова (1971) и некоторых других лингвистов, может быть названа как «узкое» понимание модальности, суть которого состоит в том, что модальными не считаются функционально-модальные типы предложений по цели высказывания, категории вопроса, побуждения и т. п.

Г.А. Золотова исключает из числа основных средств выражения модальности модальные типы предложений по цели высказывания и решает отрицательно вопрос о правомерности признания повествовательных, вопросительных и побудительных предложений представителями основных модальных типов, «поскольку коммуникативная целенаправленность высказывания не совпадает с модальным отношением к действительности, выраженным в этом высказывании» [Золотова 1973: 145].

Т.П. Ломтев исключает значение вопроса из категории модальности предложения на том основании, что «вопрос не изменяет свойств означаемого предложений. Он только указывает на неизвестность некоторого звена в означаемом. Различие в значениях предложений Он читал книгу и Кто читает книгу заключается в известности исходного предмета в первом случае и в неизвестности его во втором случае. Все остальные свойства

означаемого этих двух предложений тождественны» [Ломтев 2007: 89].

В.З. Панфилов не включает целевую установку речи в категорию модальности, ссылаясь на то, что однородные или разнородные по целевой установке предложения оказываются различными или одинаковыми по степени достоверности. Целевая установка речи и степень достоверности «являются перекрещивающимися основаниями деления предложений, и, следовательно, сохраняя оба основания деления предложений по модальности, мы тем самым нарушаем основной принцип логической операции деления понятий» [Панфилов 1971: 178].

Однако, как замечает Н.Е. Петров, «здесь, во-первых, трудно найти логическое противоречие и несовместимость оснований деления, имея явление. Отражающее лишь разные стороны понятия модальности, общее категориальное значение которой сводится к выражению отношения говорящего, во-вторых, как писал академик В.М. Жирмунский, «классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, в природе или в обществе, на самом деле вовсе не требует той формально-логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она требует только правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений». Поэтому вполне можно согласиться с П.В. Чесноковым, считающим суждение, вопрос и побуждение основными модальными разновидностями логической фразы, которые, например, по степени достоверности получают лишь свою дальнейшую конкретизацию [Петров 1982: 13].

«Узкого» взгляда на модальность придерживается и И.П. Распопов: «Вопрос о том, какие именно семантико-синтаксические отношения следует рассматривать в качестве модальных, является, на мой взгляд, в значительной степени вопросом терминологическим (и, следовательно, только удобства описания). В данном случае я принимаю мнение тех ученых, которые настаивают на необходимости отграничивать от категории

модальности категорию целевого назначения высказывания и считают, в частности, что различие повествовательных и вопросительных предложений касается их целевого назначения, тогда как, например, побудительные предложения, являющиеся по своему целевому назначению повествовательными, выделяются среди последних специфической модальностью» [Распопов 1973: 4].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что коммуникативная установка лишь один из факторов формирования модальности высказывания, но этот фактор является равноправным в ряду других соположенных признаков. Примечательны в этом отношении слова Н.Е. Петрова, обратившего внимание на то, что признаки языковой модальности «не уместаются в рамках одноплановой операции выделения как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность – это целый класс, система систем грамматических значений, проявляющаяся на разных уровнях языка и речи» [Петров 1982: 13], т. е. исследование интеррогативной модальности необходимо проводить на двух уровнях: на уровне высказывания и уровне коммуникативного акта.

Модальность представляет собой многоуровневую функционально-семантическую категорию, и особое место в ней отводится вопросительной модальности, специфика которой определяется признаком интеррогативности, выделяемом в ряду таких признаков, как повествовательность, побудительность и желательность.

На это указывал еще В.В. Виноградов, отмечавший, что модальность прежде всего проявляется в предложении: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов 1950: 55]; модальными различиями определяются типы предложений, «категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий», которая «ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом» [Виноградов 1950: 57-58].

В модальных своеобразиях интонаций получают свое выражение «эмоциональные или аффективно-волевые изъявления» в устной речи и художественной литературе. Особенно модальность предложения в целом, выражаемая интонацией, ярко дает себя знать во всех морфологических типах предложений...» [Виноградов 1950: 57-58]. Среди них автор выделяет четыре основных модальных типа предложений: восклицательные, вопросительные, описательные и предложения, выражающие пожелания и приказания.

В.А. Артемов рассматривает интонацию как сложное многоплановое явление, несущее чрезвычайно обширную информацию вплоть до всесторонней характеристике самого автора интонации [Артемов 1965: 13] и имеющее в оформлении мысли почти такое же значение, как и лексический материал.

В высказывании присутствуют разные виды модальности, образуя его комплексную модальную характеристику.

Между разными модальными значениями существуют как парадигматические, так и синтагматические связи. Парадигматические связи определяются тем, что все многообразие модальных значений может быть сведено к одному значению, которое в этом случае рассматривается как элементарное, входящее составной частью в другие модальные значения, трактуемые как производные (например, теория семантических примитивов А. Вежбицкой).

В.Г. Адмони, отмечая синтагматические связи между модальностями в составе одного высказывания, показывает, как взаимодействуют такие аспекты модальности, как аффирмативность и оценка достоверности: при появлении слов модальной оценки достоверности оппозиция утвердительного и отрицательного высказывания размывается, в результате чего образуются высказывания промежуточных значений между уверенным утверждением и полным отрицанием [Адмони 1973: 130-134].

В этом случае в реализации подобных оттенков доминирующая роль отводится модальным словам и частицам.

Как замечает Е.В. Милосердова, в употреблении модальных частиц любого языка чрезвычайно ярко проявляется национальная специфика. С

другой стороны, «обладая в высшей степени ослабленной семантикой, не имея непосредственной соотнесенности с предметом или явлением объективной действительности, частицы относятся к разряду тех явлений, существование которых в языке целиком оправдано и определяется их прагматическими свойствами, способностью выражать сложные отношения коммуникативного, модального и эмоционального планов, реализуемых конкретным высказыванием» [Милосердова 1991: 113]:

Екатерина Дмитриевна удивленно подняла брови.

-Правда, не нравится? Какая досада. А в нем так удобно.

-Что удобно, Катя?

*-**Может быть**, тебе кружева не нравятся? Можно положить другие. Как все-таки странно – почему не нравится? (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, I, 8).*

Употребление модальных частиц зависит не только от личности адресанта, но и от пресуппозиции, понимаемой как «совокупность фоновых знаний, которыми располагает говорящий и слушающий и которые делают возможным формирование высказывания и его понимание» [Падучева 1982: 79], а Е.В. Милосердова уточняет: «Зависимость модальных частиц от прагматической пресуппозиции наиболее отчетливо проявляется в том, что их употребление имплицитно связывает с поведением собеседника» [Милосердова 1991: 115-116].

Н.Е. Петров считает, что к лексическим средствам выражения модальности можно отнести «только вопросительные местоимения и вопросительные местоименные наречия, междометия, слова этикета, выражения вежливости и уважительного отношения, передающие модальные значения лексически, т.е. тем или иным оттенком номинативного значения слов» [Петров 1982: 90]. В данном перечне лексических средств вопросительные слова занимают ведущую позицию, что несомненно свидетельствует о модальной семантике вопросительных высказываний в целом. Это проявляется в том, что вопросительные местоимения, побуждая к ответу на вопрос, вместе с тем «указывают некоторые синтаксические контуры

ожидаемого ответного высказывания. Например, на вопрос «Кто стучит?» ожидается прямой ответ типа «Сын», «Сосед» и т. п.» [Святогор 1974: 70-71].

Для нашей работы из шести обозначенных А.В. Бондарко типов значений, формирующих категорию модальности, актуальным представляется целевая установка говорящего (коммуникативная функция высказывания), так как по этому признаку выделяются в том числе и вопросительные предложения.

По поводу включения целеустановки в состав модальности Н.Е. Петров замечает, что это «не создает терминологических неудобств, т. е. деление предложений на повествовательные, вопросительные, побудительные и т. д. может сохраниться при признании их модальными или модально-функциональными типами предложения». Исключение вопросительных высказываний из числа модальных типов предложения, по мнению исследователя, приведет к исключению из числа средств выражения модальности «все виды вопросительной интонации, вопросительные частицы и аффиксы, ... что неправомерно сузило бы объем категории модальности. Вообще немислимо отделить интонацию от целевой установки речи, от синтаксической модальности» [Петров 1982: 82].

Основная модальная специфика интеррогативных высказываний состоит в том, что они возникают на базе суждений о действительности, определенном «положении дел» и содержат информацию о желании узнать об этом «положении дел» еще больше. Кроме этого, в зависимости от типа интеррогативного предложения основное модальное значение может осложняться дополнительной модальной окраской (пожелание, сомнение, отрицание, подтверждение и т. д.).

А.В. Бондарко считает, что «вопросительная форма характеризуется дифференциацией двух типов информации: 1) дефинитивной (уже известной субъекту речи, но, с его точки зрения, недостаточной) и 2) виртуальной (искомой, долженствующей восполнить эту информационную недостаточность). Существенной характеристикой виртуальной информации

является то, что она может быть сформулирована только на базе и в терминах уже имеющейся, дефинитивной информации» [Бондарко 1990: 97].

Исходя из соотношения этих типов информации А.В. Бондарко выделяет два основных типа вопросов: «неопределенный» и «определенный». «Неопределенная вопросительность, соответствующая специальному вопросу, предполагает возможность любого количества равновероятных ответов и, таким образом, характеризуется максимальным объемом неизвестной (виртуальной) информации», тогда как «определенная вопросительность (в виде общего вопроса) характеризуется преобладанием уже известной информации над искомой; общий вопрос фактически формулирует «гипотезу» в виде априорной модели предполагаемого ответа, сведенной к минимальному противопоставлению двух контрадикторных альтернатив («да» – «нет»)» [Бондарко 1990: 97].

Анализируя выражение модального значения в вопросительных предложениях, Г.В. Валимова приходит к выводу, что в любом типе вопросительного предложения вопросительное значение «не влияет на основную, объективную модальность, которая находит выражение независимо от этого значения, потому что может быть одинаковой при разных типах вопросов» [Валимова 1967: 64].

По ее мнению, в вопросительном предложении содержится два типа модальности – объективная и субъективная, причем «по объективной модальности вопросительное предложение не отличается от повествовательного: те и другие могут иметь два основных модальных значения – реальности / ирреальности (гипотетичности).

Значение реальной модальности выражается изъявительным наклонением, которое бывает представлено в предложении эксплицитно или имплицитно:

-Алексей Александрович! Что вам от меня нужно?

-Мне нужно, чтоб я не встречал здесь этого человека... (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 4, XXIII).

Или:

Он смотрел – как ни в чем не бывало: спокоен, приветлив, весел. Ровен, равнодушен?..

-Ты меня боишься? – поддела она.

-С чего ты взяла?

-Сел подальше, не глядишь. Опасаешься остаться с глазу на глаз?

-Ты мнительна. – Он подмигнул и пошел с ней танцевать (М. Веллер. О любви).

Ирреальная модальность получает свое выражение в формах сослагательного наклонения и независимого инфинитива, а также при помощи вводных слов и модальных частиц:

-Сколько там, интересно? – спросил Пилат, наклоняясь к мешку.

-Тридцать тетрадрахм (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 26).

Или:

*-Мы потревожили вас, мадам Дунчиль, – отнесся к даме конферансье, – вот по какому поводу: мы хотели вас спросить, **есть ли** еще у вашего супруга валюта?*

-Он тогда все сдал, – волнуясь, ответила мадам Дунчиль (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 15).

Или:

-Нет, я не сочувствую вашим вечерам, – говорила Аглаида Васильевна, – учишься ты плохо, для семьи стал чужим человеком.

-Чем же я чужой? – спрашивал Карташов.

-Всем...(Н.Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты, III).

Субъективная модальность выражается лексическим составом предложения и «по своему значению и формам намного разнообразнее модальности объективной» [Валимова 1967: 66], а ее предназначенность проявляется в конкретизации отношения адресанта «в пределах установленной объективной модальности, на ее фоне» [Валимова 1967: 69].

Т. о., коммуникативная функция высказывания понимается нами как

одна из основных составляющих категории модальности, в которой прежде всего проявляется намерение говорящего. Она не может быть исключена из общей системы модальности, одним из главных свойств которой является соотнесенность с говорящим лицом. Взаимодействие коммуникативной функции высказывания с другими составными частями его модального значения способствует созданию тех огромных возможностей живой естественной речи в раскрытии внутреннего состояния человека, которые составляют ее богатство и своеобразие.

В связи с этим категория интеррогативности может квалифицироваться как функционально-семантическая категория, в основе которой лежит ФСП с предикативным ядром.

С другой стороны, интеррогативная конструкция формирует коммуникативную перспективу высказывания, нацеленную на устранение неопределенности и неизвестности. (См., напр., описание коммуникативной перспективы высказывания, а также определенности / неопределенности в ТФГ 1992.)

Выражение семантики интеррогативности напрямую связано с актуальным членением предложения, его коммуникативной установкой. Структура вопросительного предложения обуславливает особенность их актуального членения: «часть заключенной в вопросе информации относится к теме, а часть информации, непосредственно отвечающей на вопросительное слова – к реме» [Грамматика 1980: 191].

Специфика интеррогативного высказывания проявляется в открытом характере ремы, т. к. «выделение открытой (нерасчлененной) по содержанию ремы средствами актуального членения на фоне темы формирует значение вопросительности, составляет основу коммуникативной установки вопросительного предложения» [Королькова 1980: 8], его смысловой центр.

Об открытом характере ремы свидетельствует тот факт, что конкретным содержанием она наполняется в ответе, а степень ее открытости бывает большей или меньшей в зависимости от знаний коммуникантов, в первую очередь

адресата, о действительности. Определяя содержание и структуру ответного предложения, рема формирует смысловой центр запроса информации:

Он смотрел на нее и был поражен новой, духовною красотой ее лица.

-Что вы хотите от меня? – сказал он просто и серьезно.

-Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити, – сказала она, и огонек замигал в ее глазах.

-Вы не хотите этого, – сказал он.

Он видел, что она говорила то, что принуждает себя сказать, но не то, чего хочет (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, VII).

В вопросе Вронского, который он задает Анне Карениной, рема выражена словом «хотите» и предопределяет ответ определенного семантического наполнения: конкретное выражение желания адресата. Но в данном случае желание адресата не укладывается в систему жизненных позиций адресанта. И эта «несовместимость» взглядов определяет вариативность ответной части вплоть до ее контрарного выражения. Неожиданный для Вронского ответ заставляет его сомневаться в истинности происходящего, что он и подчеркивает в своем высказывании.

В вопросительном предложении в качестве темы выступают компоненты предложения, передающие ту информацию, на которую не распространяется явный вопрос, при этом она «определяется не адресатом, а субъектом речи», так как «авторское членение текста не всегда совпадает с читательским, что может быть обусловлено индивидуально-психологическими особенностями воспринимающего» [Мартьянова 1988: 142]:

Кто // сидел на моем стуле?

С помощью вопросительного местоимения запрашивается информация о том, кто произвел данное действие:

Кто? – Девочка (рема).

Поведение ВП на коммуникативном уровне стало предметом рассмотрения чешских ученых. Среди них следует прежде всего назвать В. Матезиуса, Ф. Данеша и, конечно же, Я. Фирбаса, который суммировал и

развил идеи своих предшественников. Я. Фирбас исходит из разграничения представленного М. Халлидеем двух основных типов вопросов: 1) так называемых замкнутых (или глагольных) вопросов и 2) так называемых развернутых (или местоименных) вопросов [см.: Фирбас 1972]. Эта противопоставленность учитывалась и предшественниками Я. Фирбаса, рассмотревших вопросительное предложение в свете актуального членения.

В. Матезиус ремой местоименного вопроса считал начальное вопросительное слово, поскольку вопросительное слово заменяет неизвестный компонент, который должен быть раскрыт как рема ответа. Элементы, находящиеся после вопросительного слова, образуют тему вопроса. В замкнутых вопросах рему выражает глагол, потому что он указывает на неизвестный элемент, который должен быть раскрыт ответом. Остальная часть вопроса интерпретируется как часть, содержащая известные спрашивающему понятия и потому воспринимается им как тематическая.

Ф. Данеш, однако, полагал, что в местоименном вопросе вопросительное слово не всегда должно быть рематическим: рема может выражаться и другими элементами, а не только вопросительным словом. Глагол выражает рему только тогда, когда он является носителем интонационного центра.

По мнению Я. Фирбаса [Фирбас 1972], в вопросительном предложении главной целью говорящего является получение знания от слушающего; он требует от слушающего, чтобы тот занял позицию говорящего, и, став говорящим, отдал требуемое знание. Чтобы это сделать, говорящий пользуется вопросом. В местоименном вопросе функция, выражающая желание говорящего получить знание, выполняется, в первую очередь, местоименным словом. В замкнутом вопросе эта функция выполняется, главным образом, личной формой глагола. Другие элементы передают хорошо известные говорящему (спрашивающему) понятия. Это давало основание В. Матезиусу считать тематическими те элементы, которые стоят в вопросе рядом с показателями желания получить знание. Указанные понятия могут быть

известны также слушателю. Они могут представлять часть общих знаний слушающего и говорящего. Однако, как замечает Я. Фирбас, при обычных условиях все эти понятия не являются одинаково важными для говорящего, и он должен дать понять это слушающему. Он должен ему показать, в каком именно аспекте следует подойти к вопросу. Этот аспект является новым для слушателя, и в этом виде надо его представить и сообщить слушателю. Элементы, которые можно считать известными, поскольку они являются общими знаниями, разделяемыми говорящим и слушающим, нельзя отождествлять с информацией, известной к моменту высказывания. Эти элементы могут оказаться и неизвестными в случае узкого, специального контекста, установленного в самый момент высказывания, или, иными словами, относительно коммуникативной цели вопроса. Элементы, которые оказываются неизвестными относительно коммуникативной цели предложения, следует считать контекстуально независимыми.

Таким образом, Я. Фирбас подчеркивал, что вопросительное предложение выполняет две важные коммуникативные функции: 1) выражает желание спрашивающего получить знание и обращается к информанту с тем, чтобы тот удовлетворил это желание; 2) сообщает предполагаемому информанту знание того, чем интересуется спрашивающий (о чем он в данный момент думает), и соответствующий аспект, исходя из которого следует удовлетворить недостаток знания.

В.В. Шевякова внесла уточнение в точку зрения Я. Фирбаса. По ее мнению, чешский исследователь, «упуская из вида действие принципа замены А.М. Пешковского, устраняющего необходимость в интонационном выражении ремы из-за наличия местоименного вопросительного слова, вообще отрицает рематичность вопросительного слова на том основании, что оно, как правило, не является главноударным (ремой Я. Фирбас считает вопросительное слово только тогда, когда оно является интонационным центром), но, понимая, что носителем темы вопросительное слово быть не может, Я. Фирбас причисляет его к «переходным элементам» [Шевякова 1974: 111].

Различные типы интеррогативных предложений имеют различное актуальное членение. В местоименных вопросительных высказываниях рематическим компонентом всегда является местоименное вопросительное слово, занимающее фиксированную позицию в начале предложения. Остальная часть структуры предложения представляет собой тему:

При запросе информации в местоименном вопросительном предложении адресант не знает и даже не предполагает, каков будет ответ на его вопрос, т. е. он и не предполагает, как конкретно проявится в ответе рема.

Из-за рематичности вопросительного местоимения интеррогативные предложения могут быть представлены лишь одним словом (*Что? Когда? Где?*).

Обозначая неизвестную информацию вопросительным словом, спрашивающий выделяет это слово в качестве носителя ремы, причем «состав темы является исходным пунктом в развертывании высказывания и служит контекстом, который придает однозначный характер всему тексту» [Королькова 1980: 19-20].

Сущность местоименного вопроса состоит в том, что оно «строится на основе определенных знаний говорящего о действительности, выраженной сказанным. Говорящему неизвестны какие-то детали высказывания: субъект, обстоятельство, и он спрашивает о них, используя вопросительные слова.

И.А. Королькова считает, что коммуникативное задание местоименного вопроса «состоит в замене вопросительного слова другим словом или словесным комплексом с конкретным значением. Если же спрашивающий располагает некоторой информацией относительно неизвестного денотата, он выражает ее с помощью альтернативы, которая присоединяется к местоименному вопросу» [Королькова 1980: 31-32].

Обращение адресанта к структуре местоименного вопроса свидетельствует, что предварительной информации у него меньше, поскольку он не знает того, что выражено предикатом вопроса. И, наоборот, при неместоименном вопросе адресант располагает большей предварительной информацией, так как ему известно содержание предиката

вопроса, но он не знает, правильно ли он соотносит содержание предиката как нового с уже данным, известным.

Г.Г. Мухаметова, рассматривая особенности актуального членения специального собственно-вопросительного предложения, отмечает, что оно «может быть направлено ко всему содержанию ответного высказывания и актуально не членится, все предложение воспринимается как один член – рема: Что с тобой случилось? [Мухаметова 1980: 7].

Актуальное членение местоименного (альтернативного) вопросительного предложения происходит иначе. Это связано с тем, что открытый характер ремы в нем проявляется в виде набора смыслов для выбора, т. н. альтернативы, которая представляет собой ряд противоположных, а иногда взаимоисключающих суждений. Адресант разрешить альтернативу, т. е. выбрать одно, соответствующее реальному положению дел, суждение, не в силах. Подобная альтернатива носит открытый характер, и центр запроса заключается между двумя (или большим количеством) различных суждений. Ответ подтверждает, актуализирует одну из частей альтернативы, следовательно, ею и был обозначен рематический компонент:

*-Как бы я желала знать других так, как я себя знаю, сказала Анна серьезно и задумчиво. – **Хуже ли я других, или лучше? Я думаю, хуже.***

-Ужасный ребенок, ужасный ребенок! – повторила Бетси... (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 3, XVII).

В альтернативном вопросе, где рематическим компонентом может оказаться любое слово или словосочетание, т. е. логический центр высказывания не имеет фиксированной позиции, выделение происходит с помощью просодических средств или союза «или».

В отличие от местоименного предложения в местоименном вопросительном предложении адресант может предполагать реализацию рематической установки, т. е. характер и объем ответа. В.Г. Адмони считает, что «более сложным актуальное членение оказывается в высказываниях, в которых одни предложения тема-рематически опираются на другие.

Например, в вопросо-ответных единствах» [Адмони 1994: 83].

В процессе речевого общения нередки случаи, когда форма ответного суждения ни структурно, ни информативно не зависит от предшествующего вопросительного предложения. Такие формы ответов, как правило, связаны с незнанием спрашиваемого на этот счет или с его нежеланием отвечать:

Дарья, – прервала ее вдруг Варвара Петровна, – ничего у тебя нет такого особенного, о чем хотела бы ты сообщить?

-Нет, ничего, – капельку подумала Даша и взглянула на Варвару Петровну своими светлыми глазами.

-На душе, на сердце, на совести?

-Ничего, – тихо, но с какой-то угрюмой твердостью повторила Даша (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 2, VI).

Нарушение тема-рематического единства вопросной и ответной частей интеррогативного акта характерно и в случае состояния эмоциональной напряженности коммуникантов, что проявляется в меньшей регламентированности в соблюдении правил грамматического структурирования высказывания. В.Л. Кудашина считает, что это может привести к тому, что адресант не вполне последовательно и логично изложит свои мысли, «вследствие чего семантико-грамматическая структура предложения оказывается нарушенной, незавершенной» [Кудашина 2003: 105].

Из этого следует, что ответ может быть обусловлен и экстралингвистическими причинами, идущими вразрез с коммуникативной установкой вопросительного. В этом случае говорят о нереализованной коммуникативной установке, которая считается таковой, когда «ответное предложение не раскрывает содержание позиции ремы, на которую указывается в вопросительном предложении» [Королькова 1980: 26]:

-Это все правда? – обратился Степан Трофимович к инженеру.

-Вы очень болтаете, Липутин, – пробормотал тот гневно.

-Тайны, секреты! Откуда у вас вдруг столько тайн и секретов явилось! – не сдерживая себя, восклицал Степан Трофимович.

Инженер нахмурился, покраснел, вскинул плечами и пошел было из комнаты.

-Алексей Ильич даже нагайку вырвали-с, изломали и в окошко выбросили, и очень поспорились, – прибавил Липутин.

-Зачем вы болтаете, Липутин, это глупо, зачем? – мигом повернулся опять Алексей Ильич.

-Зачем же скрывать, из скромности, благороднейшие движения своей души, то есть вашей души-с, я не про свою говорю (Ф.М. Достоевский. Бесы, 1, 3, V).

Акт коммуникации не состоялся именно потому, что ответные реплики не представляли собой предложений-высказываний, необходимых в данной речевой ситуации: они были лишены ремы и поэтому ущербны. Значит, если не произошло соединения ремы с темой, то и не возникло предложение-высказывание как законченная и оформленная коммуникативно-синтаксическая единица, а следовательно. Не состоялся акт предикации как необходимое условие создания такой единицы. В то же время совершенно очевидно, что «ответные» реплики приведенных квазидialogов, если эти реплики рассматривать изолированно, никакой ущербности не обнаружат.

Реализующаяся в интеррогативном предложении сущность коммуникативной перспективы высказывания позволяет рассматривать ФСП интеррогативности как ФСП с субъектно-объектным ядром. Однако учитывая, что категория интеррогативности обладает признаками, как минимум, двух полевых организаций: модальности и коммуникативной перспективы высказывания, мы можем сделать вывод, что по своей сути ФСП интеррогативности с точки зрения системных связей является ФСП смешанного типа.

Таким образом, функционально-семантическое категория интеррогативности представляет собой понятийную категорию, в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа.

3.2. Первичные и вторичные функции интеррогативного высказывания

Считается, что язык это «не только система единиц, классов и категорий, но и система закономерностей их функционирования», которые «находят отражение и в типовых языковых вариантах, репрезентируемых в тех или иных речевых реализациях. Многоуровневая система инвариантности / вариативности охватывает языковые единицы, их функциональные объединения (поля разных типов) и типовые функции, реализуемые в речи при взаимодействии элементов системы и среды» [Бондарко 2002: 160]. Такой многоуровневой вариативностью в полной мере характеризуются интеррогативные предложения, проявляющейся в том, в коммуникативном акте оно наряду со значением запроса информации способно выражать широкий спектр функциональных значений – от приказаний до мольбы, от констатации до возражения, от эмоциональной реакции до иронического замечания.

При общепринятой очевидности изучения вопросительного предложения с учетом семантики, функций и структурной организации в специальной литературе тем не менее [например, в РГ-80] можно обнаружить факты, свидетельствующие о непоследовательности в разграничении, с одной стороны, семантики, а с другой стороны, его функций. Имея это в виду, обратимся к описанию ВП, представленному «Русской грамматикой»-80, где, подчеркнем еще раз, не разведены понятия семантики и функции.

Грамматика-80 выделяет первичные и вторичные функции.

Первичные функции ВП (когда оно обладает собственно вопросительным значением) устанавливаются с учетом следующих оснований:

1) направленности и объема той информации, которая ожидается в ответе (общевопросительные и частновопросительные);

2) осведомленности говорящего о том, что спрашивается (собственно-вопросительные, неопределенно-вопросительные, констатирующие-вопросительные);

3) характера той информации, которая ожидается в ответе (ответ подтверждение / отрицание и ответ, содержащий конкретную информацию).

Вторичные функции связаны с тем, что вопросительное предложение, теряя свою вопросительную специфику, ориентировано не на побуждение к ответу, а на передачу определенной информации:

1) вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение: (*Разве это не красота?*);

2) вопрос, в котором заключено экспрессивно окрашенное отрицание, так называемый риторический вопрос: (*Кто в силах удержат любовь?*);

3) вопрос-уяснение: (*-Да что же делать? - Бежать, - Бежать? Как?*);

4) вопрос-побуждение к чему-либо: (*А впрочем, что же мы стоим? Пойдем вперед.*);

5) вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего: (*Ну, как тебе не стыдно?*);

6) вопрос, имеющий целью активизировать внимание: (*И что же вы думали? Этой, можно сказать, блистательной фразе приятель мой обязан был местом!*). (Иллюстративные примеры как наиболее типичные взяты из «Русской грамматики» 1980 г.).

Анализируя вышеописанные первичные и вторичные функции вопросительного предложения, А. Стельмашук справедливо сомневается в возможности такого противопоставления, «поскольку вопросительное предложение в своей вторичной функции перестает быть вопросительным предложением, становясь предложением другого функционального типа (повествовательным или побудительным)» [Стельмашук 1987: 27], и предлагает исходит из жесткого разведения семантики и функций вопросительного предложения, которое должно основываться на следующих критериях:

1) на необходимости строго разграничивать семантику вопросительных предложений от функции;

2) на необходимости разграничения функций вопросительного предложения в диалогических и монологических формах речи;

3) на необходимости определения текстовой зоны, «обслуживаемой» функцией вопросительного предложения с учетом ее жанрово-стилевой принадлежности.

При этом функция вслед за А.В. Бондарко понимается как «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель...» [Теория функциональной грамматики: введение... 2003: 8].

В понятии функции как назначения той или иной единицы языка А.В. Бондарко предлагает различать два аспекта: потенциальный и результативный. Функция в потенциальном аспекте (Фп) – это присущая той или иной единице в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию. Функция в результативном аспекте (Фр) – результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой, т.е. назначение как достигнутая в речи цель.

Отношения Фп и Фр многогранны. С одной стороны, это отношения возможности и действительности в рамках общего целевого истолкования функции, а с другой – отношения каузации и ее результата: Фп представляет собой предпосылку и в известном смысле причину определенного поведения данной единицы во взаимодействии с ее средой.

Фр не равна соответствующей Фп уже потому, что Фп концентрирует в себе способности единицы, обобщенные в системе языка, тогда как Фр в каждом конкретном случае – это реализация некоторой способности в данном акте речи. Эта реализация конкретизируется актуальным отношением содержания высказывания к действительности и представленным именно в данном акте речи вариантом взаимодействия функции изучаемого языкового средства с функциями других средств, выступающих в высказывании. Отсюда вытекает, что в каждом случае преобразование Фп – Фр есть элемент

развития... Те элементы развития, которые связаны с каждым актом преобразования Фп – Фр, представляют собой одно из частных проявлений общих закономерностей, отражаемых философскими концепциями возможности и действительности [Теория функциональной грамматики: введение... 2003: 18].

В собственно синтаксической концепции понятие функции было разработано Г.А. Золотовой. Синтаксическая единица как отражение высшего уровня иерархии коммуникативной значимости, с одной стороны, выполняет собственно коммуникативную функцию, с другой стороны, она служит строевой единицей синтаксиса и выполняет конструктивную роль. При этом именно Г.А. Золотова последовательно и четко разграничила понятия «значение» и «функция».

Рассмотрению функционированию интеррогативного высказывания посвящен один из аспектов теории речевых актов. Дж. Остин впервые привлек внимание к тому факту, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение многих других действий. В процессе общения люди не просто строят предложения, а используют их для совершения таких действий, как информирование, совет, вопрос и т. п. Все это – речевые акты.

Теория речевых актов рассматривает речевое общение как одну из разновидностей целенаправленного поведения, подчиняющегося определенным правилам. Во всяком высказывании (т. е. в речевом акте) различаются три аспекта: а) акт собственно произнесения предложения (локутивный акт), б) пропозициональный акт (включает акт референции, т.е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, и акт предикации, т. е. приписывание свойств этим объектам), в) иллокутивный акт, например, задавание вопроса – вообще, реализация коммуникативного намерения говорящего.

В прагматическом аспекте речевого акта выделяют иллокутивную и перлокутивную функции. Иллокутивная функция служит для выражения коммуникативных потребностей адресанта (в нашем случае – вопрос, а также

утверждение, просьба, приказ и т. д.), а перлокутивная, не являясь составной частью значения высказывания, лишь отражает воздействие, оказываемое адресантом на адресата (похвала, упрек, введение в замешательство и т. д.). Интеррогативные высказывания в своей иллокутивной функции реализуют запрос с целью получения определенной информации, а в перлокутивной функции оказывают различного рода воздействия на адресата.

Для успешного осуществления речевого акта, по мнению Дж. Р. Сёрля, необходимо соответствовать четырем основным условиям:

1) условие пропозиционального содержания; 2) предварительные условия; 3) условие искренности; 4) существенное условие, или условие назначения [см.: Сёрль 1986].

Высказывание, в котором не реализуется хотя бы одно условие, получило название косвенного речевого акта. Многие лингвисты отмечают широкую употребительность косвенных речевых актов, что обусловлено «целым рядом факторов и в первую очередь спецификой межличностных отношений и теми социальными ролями, в которых находятся коммуниканты» [Корнеева 1998: 103].

Р. Конрад, опирающийся на теорию, включающую язык в сферу человеческой деятельности вообще и рассматривающий речевое поведение в более широком, в том числе и неязыковом контексте, отмечает, что реализация прямого речевого акта связана с существованием особых ситуативных условий успешности, которые должны считаться выполненными, если предложение употребляется как речевой акт в соответствии с некоторой своей основной функцией. С другой стороны, если при употреблении вопросительного предложения условия успешности для вопросительной ситуации выполнены не полностью или их действие блокируется ввиду наличия условия успешности для какого-то другого речевого акта (возможно, тесно связанного с вопросительной ситуацией), то возникает неинтеррогативная интерпретация предложения [см.: Конрад 1985: 355].

Однако даже в этом случае употребления вопросительного

предложения «значение вопроса обязательно сохраняется, а осмысление предложения в качестве косвенного речевого акта происходит на другом уровне...» [Конрад 1985: 356].

Любое высказывание есть противоречие между субъективным (т. е. целью говорящего) и объективным (т. е. не зависящими от говорящего способами обеспечения этой цели слушающим) моментами.

Данное противоречие в теории речевых актов трактуется как антиномия интенционального и конвенционального в речевом акте. С какой целью и в каких условиях говорит человек – то, что стремится раскрыть прагматика, одна из вершин трихотомии наряду с семантикой и синтактикой.

Инициатором речевого акта является адресант, однако эффективность речевого воздействия в большей степени зависит от адресата, от того, как он реагирует на вопрос, интерпретирует его и дает ответную реплику. У. Хафян справедливо считает, что «в зависимости от ситуации и личностных особенностей слушателя – жизненного опыта и социального опыта, уровня интеллектуального и эмоционального развития, его психического состояния в данный момент – одно и то же высказывание может произвести разный прагматический эффект на разных интерпретаторов и даже на одного и того же интерпретатора» [Хафян 1986: 9].

Требования, предъявляемые к адресанту как отправителю речи, более жесткие и регламентированные по сравнению с требованиями, предъявляемыми к адресату. Это проявляется прежде всего в том, что адресант, по мнению О.Б. Йокоямы, должен правильно оценить две вещи: «(а) состояние и содержание когнитивного множества адресата и (б) будет ли готовящееся им высказывание релевантным для адресата (а в случае вопросительного высказывания, будет ли полученное после ответа знание релевантным для самого спрашивающего) [Йокояма 2005: 188]». Однако адресат не есть пассивное что-то, он, в свою очередь, «принимает на себя главное обстоятельство всячески помогать партнеру в достижении коммуникативной цели. Это обстоятельство связано ... с оценкой говорящим

состояний знаний и данной дискурсивной ситуации. Если говорящий допускает просчет и его просчет становится препятствием на пути к реализации коммуникативной цели, то адресат, чтобы помочь говорящему исправить ошибку, должен начать с ним метаинформационный обмен. Если же никакой ошибки не возникает, то адресат должен просто подтвердить факт получения им информации от говорящего и ее регистрации» [Йокояма 2005: 188].

Дж. Лайонз приближает интеррогативный речевой акт к асертивному, говоря, что «когда кто-то задает вопрос, он или она лишь выражают сомнение». Он относит вопросы к универсальным речевым актам и базовым – «в двух смыслах: во-первых, в том отношении, что не может быть такого человеческого общества, в котором эти акты не играли бы никакой роли, и во-вторых, в том, что многие, если не все культурно-специфические иллокутивные акты могут быть рассмотрены как относящиеся к более специализированным подклассам одного из этих трех базовых классов» [Лайонз 2003: 268].

А. Бэрндоне считает, что интеррогативного речевого акта вообще не существует и отказывается признавать существование какого-либо особого признака, присущего ему. Интонацию он считает лишь жестикуляционной характеристикой высказывания, но не как не его семантической особенностью. Он утверждает, что «спрашивать – это значит проявлять неуверенность относительно какой-либо пропозиции... или лишь способ сказать о своем незнании или сомнении» [Цит по: Линдстрем 2003: 51].

Я. Хинтиikka находит в вопросе двойной аспект: 1) спецификацию определенной информации (или определенного эпистемического состояния) и 2) просьбу, чтобы эта информация была дана спрашивающему (т.е. чтобы это эпистемическое состояние было доведено до сознания спрашивающего). Описание эпистемического состояния, которое хочет осуществить спрашивающий, Я. Хинтиikka называет дезидератумом вопроса. Если обозначить прямой вопрос как «X», то дезидератумом его будет «Я знаю X», где «X» является косвенным вопросом, который соответствует изначальному прямому вопросу. Вопрос же в целом будет представлен как «Сделай так,

чтобы я знал X» [Хинтиikka 1974: 52].

По мнению Т.Л. Каминской, «к речевым актам вопроса, рассчитанным на получение информации от слушающего и предполагающим соответствующую речевую реакцию в виде ответа, близки некоторые разновидности неуверенных сообщений с формами 2-го лица, в которых говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц, и не вполне уверен в ее достоверности... Языковым показателем этих высказываний являются вводные слова и предложения, снижающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения» [Каминская 1997: 12].

Об определенной связи интеррогативности и неуверенности свидетельствует и то, что оба типа высказывания требуют ответную реакцию адресата, позитивную или негативную, вербальную или невербальную (иллокутивную или перлокутивную). Как считает О.Д. Белецкая, «ответный речевой ход представляет собой деятельность респондента, реагирующего на запрос информации. Интенции и установки респондента, межличностные отношения и обстоятельства коммуникации, общая коммуникативная стратегия является предпосылками возможности выбора респондентом нескольких альтернатив. Как правило, они представлены двумя большими группами: высказыванием, являющимся ответом на вопрос, и высказыванием, которое ответом на вопрос не является» [Белецкая 1999: 66].

Многочисленные классификации вопросительных предложений ориентированы, как правило, на какой-то один аспект теории вопросительности: семантику, функции, структуру. С точки зрения теории речевых актов таким аспектом является условие успешности / неуспешности осуществления коммуникативного намерения. В связи с этим выделяют две большие группы интеррогативных по форме конструкций: 1) вопросительные по форме высказывания (ВФВ), в которых выполнено главное условие успешности речевого акта вопроса и 2) ВФВ, в которых не выполнено главное условие успешности речевого акта вопроса.

В системе языковых категорий достаточно частотным является

несоответствие между формой и прагматическими функциями, реализуемыми с помощью этой формы, обозначаемое в языкознании как нарушение принципа изоморфизма. Подобное нарушение наблюдается и в сфере интеррогативности: интеррогативный речевой акт может быть выражен с помощью повествовательной или побудительной формы высказывания (1), (2), и наоборот, интеррогативная по форме конструкция не несет в себе семантики вопросительности (риторический вопрос) (3):

- 1) *Я непременно хочу знать, что ты сделал.*
- 2) *Скажи мне, что ты сделал.*
- 3) *И какой же русский не любит быстрой езды?*

Риторический вопрос служит ярким примером расхождения содержания высказывания и интенции говорящего. Адресат воспринимает высказывание как запрос и готов реагировать на него в форме ответа. Однако по замыслу адресанта в его фразе не мыслится никакой запрос, а сообщается определенное мнение абсолютно позитивного характера. «Можно полагать, что в языках, где существует конструкция с риторическим вопросом, проявляются две функции вопроса – первичная функция выражения обычного вопроса и вторичная функция – утверждение особой силы, выражаемое грамматической формой вопросительного предложения» [Михальская 2001: 155].

Признавая несомненный значительный вклад теории речевых актов в развитие современной коммуникативной лингвистики, нам, тем не менее, хотелось бы сделать некоторые уточнения. Известно, что языковое начало необходимо искать в устной речи. Именно в ней происходит осмысление «положения дел», того, что остается за пределами языка, и именно здесь создаются предпосылки речевого акта, так как устная речь реализуется в определенном контексте, который обуславливает фактор адресата и адресанта, тему и время осуществления высказывание, отбор языковых и неязыковых средств оформления того или иного типа речевого акта, т. е. в диалоге.

Для интеррогативной ситуации устная диалогическая речь является

типической, то есть такой, в которой она представлена в своем явном, не смоделированном виде. Это проявляется в особой организации пропозиции, в синтаксической структуризации высказывания, в наличии дополнительных, уточняющих речевое действие, неязыковых средств (мимика, жесты), в выражении модального компонента, в подготовленности или спонтанности коммуникативного акта.

Позиция определенного типа интеррогативного высказывания на ФСП интеррогативности определяется, по крайней мере, четырьмя признаками:

1. Какую функцию выполняет.
2. Какое значение имеет.
3. В каком типе речи функционирует.
4. В какой форме реализуется.

С учетом данных признаков расположение интеррогативных высказываний в полевого пространстве категории интеррогативности выглядит следующим образом:

Ядро ФСП интеррогативности образуют интеррогативные высказывания с эксплицитно выраженным категориальным семантическим компонентом (КСК) «запрос информации», реализованные в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в диалогическом типе речи «здесь и сейчас», ведь «вопрос имеет смысл лишь при наличии адресата, от которого с отличной от нуля вероятностью можно ожидать собственного ответа» [Лимантов 1975: 78].

Ближняя периферия представлена интеррогативными высказываниями с категориальным семантическим компонентом (КСК) «запрос информации», реализованными в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в монологическом типе внешней речи и во внутренней речи адресанта.

Дальняя периферия формируется интеррогативными высказываниями, выполняющими вторичные функции в различных типах речи, такими как риторический вопрос, вопрос-побуждение, вопрос-эмоциональная реакция.

3.2.1. Ядро ФСП интеррогативности

Статус ядерного компонента определяется совокупностью нескольких признаков:

1) Максимальная концентрация в системе форм тех базисных дейктических признаков, которые определяют качественную специфику категории и соответствующего поля.

2) Наибольшая специализированность этих форм для выражения обобщенных отношений.

3) Структурная концентрация семантических оппозиций в системе форм.

4) Регулярность функционирования этих форм [Бондарко 2002: 485].

По мнению В.Е. Кучереносова, «употребляя то или иное вопросительное предложение мы, как правило, ничего не утверждаем и ничего не отрицаем, мы лишь пресуппозилируем, т. е. предлагаем адресату дать ответ на поставленный вопрос. В этом и заключается основная (базовая) пресуппозициональность ВП – употребление вопросительных конструкций не только предполагает наличие ответа, но и побуждает к этому ответному действию адресата [Кучереносов 1988: 5].

Ядерный компонент ФСП интеррогативности составляют те синтаксические структуры, которые, во-первых, отвечают принципу изоморфизма, т. е. семантическое значение запроса информации подкреплено соответствующей вопросительной формой, и, во-вторых, функционируют в типичной для себя интеррогативной ситуации – ситуации диалога.

С учетом обозначенных критериев собственно функциональная классификация вопросительного предложения может быть представлена тремя подгруппами:

а) собственно-вопросительными ВП: *Другая дорога тут есть?*

б) неопределенно-вопросительными ВП – с указанием на неуверенность: *Вы как будто расстроены?*

в) констатирующе-вопросительными ВП – с указанием на уверенность:

Значит, я не ошибся?

Эта идея о модальной интерпретации функционального назначения вопросительного предложения наиболее полно разработана М.Н. Орловой [Орлова 1968], которая в зависимости от модального качества и объема вопроса выделяет три типа вопросительных предложений:

- 1) собственно-вопросительные,
- 2) удостоверительно-вопросительные,
- 3) предположительно-вопросительные.

Собственно-вопросительные предложения направлены в речи на выяснение определенного, но неизвестного в тех или иных деталях факта:

- а) о субъекте известного действия или состояния,
- б) об объекте действия,
- в) о самом действии,
- г) о квалифицирующем или уточняющем признаке какого-то лица, предмета и т.д.

Характерным признаком собственно-вопросительных предложений является то, что они оформляются специальными лексико-синтаксическими средствами – вопросительными словами (местоимениями и наречиями), которые обладают наиболее обобщенным лексическим значением и способны лишь указывать на реалии, подлежащие конкретизации в ответе с помощью лексически однозначных слов. Вопросительные слова в структуре этого типа предложений «принадлежат к коммуникативно-синтаксическим средствам их оформления, поскольку конструктивно-синтаксические модели собственно вопросительных предложений не являются особыми по сравнению с другими типами предложений» [Орлова 1968: 9].

В удостоверительно-вопросительных предложениях ставится вопрос о реальности факта или действия, и, обладая общей вопросительной модальностью, они квалифицируют модальное отношение, выраженное в вопросе, с точки зрения возможности, потенциальной реальности того, о чем спрашивается, с одной стороны, и альтернативной нереальностью – с другой

стороны. Выделяются следующие разряды удостоверительно-вопросительных предложений:

- а) вопрос о реальности целого события,
- б) вопрос о реальности субъекта, объекта или признака,
- в) вопрос о реальности действия,
- г) вопрос о предикативном признаке.

Удостоверительно-вопросительные предложения используют специальные слова с удостоверительным значением (правда, верно, действительно), частицы (да, а ли), слова с тем или иным конкретным лексическим значением. Но для того, чтобы такое лексически конкретное слово могло выразить удостоверительность, оно должно быть членом определенного альтернативного ряда. Само лексическое значение слова может предполагать некую противоположность, которая при запросе о реальности выступает в качестве возможной альтернативы. Альтернативные ряды могут образовывать такие слова, которые обладают антонимическими парами. Выражение вопросительных членов вопросительно-удостоверительных предложений определенными лексическими и лексико-грамматическими разрядами слов, а также специальными частицами и модальными словами и создает коммуникативную структуру данного типа вопросительного предложения [см.: Орлова 1968: 10-11].

Задавая предположительно-вопросительные предложения, адресант выясняет либо неизвестный факт, либо реальность известного факта, высказывая при этом субъективное предположение относительно возможного ответа с разной степенью уверенности в правильности своего предположения: маловероятность, предположительность, сомнение.

В зависимости от характера дополнительного модального оттенка М.Н. Орлова [Орлова 1968: 11-12] разделяет предположительно-вопросительные предложения на следующие разряды:

- а) вопросы с дополнительным оттенком маловероятности предположения,
- б) вопросы, требующие уточнения правильности предполагаемого,

в) вопросы с дополнительным оттенком сомнения,

г) вопросы с дополнительным оттенком уверенного предположения.

Лексико-синтаксическими средствами, выражающих в вопросе предположение, в этом случае выступают вопросительные частицы (разве; неужели), усилительные частицы (ведь, все-таки), специальные модальные слова потенциального и подтвердительного значения (кажется, может быть, значит, конечно).

К трем основным типам М.Н. Орлова добавляет альтернативные вопросительного предложения (или разделительные):

*Часто теперь я спрашиваю себя: когда я был лучше и правее – тогда ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, **или** теперь, когда, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа (Л.Н. Толстой. Юность, IX).*

Или:

*«Неужели я имею такой жалкий вид? – думал я, – **или** уж не нарочно ли она это делает, чтоб узнать, как я поступлю в этом случае?» (Л.Н. Толстой. Юность, XX).*

В таких вопросах в самом составе предложения выражено альтернативное противопоставление. При ответе на альтернативный вопрос один из членов альтернативного ряда полностью исключается. Формальный показатель структуры альтернативного вопроса – наличие в их составе разделительных союзов (или, либо). По мнению М.Н. Орловой, все отличительные признаки, по которым характеризуются и дифференцируются вопросительные предложения, не затрагивают их конструктивно-синтаксической основы. Они обнаруживаются лишь на коммуниктивно-синтаксическом уровне.

Интересной представляется предложенная О. Йокоюмой классификация вопросов, каждый из которых соответствует тому виду знания, который хочет получить спрашивающий.

1. Специфирующие вопросы задаются человеком в том случае, «когда

он обладает знанием пропозиции, но у него полностью или частично отсутствует специфирующее знание» [Йокояма 2005: 140].

2. Пропозициональные вопросы (Что случилось?) задают в ситуации, когда у коммуникантов «нет знания полнозначного предиката, но они знают, что что-то произошло в данное время в данном месте, т. е. обладают предикативным значением, ограниченным какой-то областью действия предиката» [Йокояма 2005: 145].

3. Референциальные вопросы. Их цель – «установление лица или предмета» (Кто тут Н? Которая из вас Н? Что там за девушка?). Они метаинформационны и «часто задаются в ходе коррекции, если один из партнеров ошибочно считал, что другой обладает референциальным знанием данного имени, или же такого рода вопрос может задать некто третий, только что присоединившийся к «отлаженному» диалогу двух лиц» (по отношению к вопросам Какая книга?) [Йокояма 2005: 150].

4. Экзистенциальные вопросы – их функциональное назначение «запрашивать информацию о существовании в данном мире данного референта». Он возникает тогда, когда а) мы предполагаем существование некоторого референта в одном возможном лице, а также когда б) мы вообще не уверены в существовании в этом мире референта некоторого концепта, соотносимого с данным языковым кодом» [Йокояма 2005: 151]. (А синие слоны есть?) Эти вопросы предполагают бинарное противопоставление «существуют – не существуют» и не могут быть местоименными.

5. Предикационные вопросы (Что-нибудь случилось с Н?) своей целью ставят «получение предикационного знания» и сходны с (4) в двух отношениях: а) для обоих типов невозможна синтаксическая форма местоименного вопроса и б) знание области действия предиката или квантора (терма) запрашиваемого предикационного знания должно быть разделяемым» адресантом и адресатом [Йокояма 2005: 153].

6. Метаинформационные вопросы «бывают о коде, или о дискурсивной ситуации. Существуют два основных способа задать вопрос о коде:

спрашивающий может а) спросить о значении (определении) кода, языковая форма которого известна, или б) задать вопрос о коде, который используется для обозначения объекта его восприятия или познания и на который он может указать, но имени которого он не знает» [Йокояма 2005: 154]: а) Что такое осциллограф? Б) Что это такое?

7. Экзаменационные вопросы, которые «кажутся нерегулярными в том отношении, что их появление вызвано на самом деле вовсе не отсутствием какого-то знания у экзаменатора. Если, однако, оставить в стороне причины появления экзаменационных вопросов, то вопросно-ответный обмен репликами в случае экзаменационных вопросов не отличается от других вопросно-ответных дискурсивных ситуаций» [Йокояма 2005: 159].

Реализация базовой функции интеррогативными высказываниями осуществляется различными структурными моделями вопросительных предложений (об этом см.: 2.2.2. Синтаксические средства выражения семантики интеррогативности).

Таким образом, в формировании ядра ФСП интеррогативности принимают участие только те структурно-семантические типы вопросительных предложений, которые в своей основе имеют значение интеррогативности (запрос о неизвестном) и которые в любых коммуникативных ситуациях диалога воспринимаются адресатом именно как вопросительные, т. е. требующие ответной реакции. Ядерные средства обладают наибольшими потенциями в плане выражения интеррогативности, Но их преимущество перед периферийными нельзя абсолютизировать, т. е. трактовать как преимущество во всех абсолютно случаях, без какой бы то ни было зависимости от контекстуального окружения и внеязыковой ситуации.

3.2.2. Ближняя периферия ФСП интеррогативности

3.2.2.1. Функционирование интеррогативного предложения в монологе

Принято считать, что сферой употребления вопросительного предложения является диалог, так как основное значение ВП – выяснение

говорящим неизвестного – может реализоваться только в диалогической речи, предполагающей ответное высказывание соучастника коммуникативного процесса. Сопоставляя вопросительное предложение в монологической речи с его использованием в диалоге, сфера которого является для вопросительного предложения первичной, А. Стельмашук [1987] обращает внимание на то, что если структурно-семантические разновидности вопросительного предложения у этих двух форм речи в основном идентичны, то их функциональные задачи и текстообразующие потенции различны.

Семантические функции интеррогативного предложения как компонента монологического текста обуславливаются его местом в структуре текста и коммуникативным заданием, предопределяемым намерениями автора.

Одной из немногих работ, посвященной роли вопросительного предложения в монологическом тексте, является исследование М.Ж. Карашулаковой [1986]. Рассмотрим некоторые интересующие нас положения.

Определяя понятие «монолог», выделяя в качестве его специфических признаков линейную последовательность предложений, общность их темы, М.Ж. Карашулакова относит вопросительные предложения к особым компонентам текста монологической речи, «включающимися в него по условиям коммуникации. Появляясь в тексте монологической речи, они в силу своих формально-структурных особенностей нарушают линейную последовательность предложений в монологической речи и тем самым выделяются среди других компонентов текста, что позволяет использовать вопросы в условиях монологического общения для выполнения вторичных задач: привлечь внимание к сообщаемому, заставить думать над ним, способствовать усилению художественной изобразительности текста, открывать повествование, выражать отношение к описываемым событиям, явлениям, фактам, воздействовать на эмоции читателя» [Карашулакова 1986: 4-5].

Употребление в монологической речи вопросительного предложения,

свойственного непосредственному общению, определяет и форму повествования: монолог облекается в форму вопросо-ответного построения с сохранением главной функции вопроса – выяснение чего-либо неизвестного. Но если в диалоге «говорящий ждет восполнения информации от собеседника, в монологической речи реакция на вопрос осуществляется самим говорящим (пишущим)» [Карашулакова 1986: 6].

Это определяется тем, что такие вопросы обращены прежде всего к самому себе. И даже в том случае, когда вопрос адресуется читателю, в письменном монологическом тексте он имеет цель активизировать процесс речевого общения, вовлекая читателя в ход описываемых событий, а не побуждение к высказыванию. Их появление определено «коммуникативной направленностью монолога как художественного или публицистического произведения, осуществляющейся через систему связей: автор – герой – читатель. В этой системе отношений, каковы бы ни были способы включения вопросительного предложения в текст монолога, оно всегда является средством установления контакта между автором и читателем, героем и читателем, между персонажами произведения, и объясняется самой природой вопросительного предложения, заложенной в его структуре» [Карашулакова 1986: 6-7].

Опосредованность общения с читателем заставляет автора учитывать особенности протекания процесса речевого общения в монологе, чтобы быть понятным. По мнению исследователя, «успешная коммуникация в условиях монологической речи возможна только в том случае, если сообщение будет полным, исчерпывающим, не допускающим неточности, недоговоренности, какой-либо неясности в изложении» [Карашулакова 1986: 8].

К дифференциальным признакам, отличающим вопросительные предложения от сопоставляемых с ними повествовательных и побудительных предложений, М.Ж. Карашулакова относит собственно-вопросительную структуру и значение.

В монологическом тексте вопросительное предложение, сохраняя структурную самостоятельность, не может быть по значению независимым

от других составляющих, «так как, участвуя в построении целого, является средством выражения связных мыслей. Оно, как и в диалоге, выступает в своем основном значении – значении собственно вопроса» [Карашулакова 1986: 11].

Однако употребление интеррогативного предложения в монологе предполагает иную цель – привлечь внимание читателя (слушателя) к повествованию, поэтому «при рассмотрении семантики вопросительного предложения в монологической речи, помимо собственно языкового, «горизонтального» контекста, надо учитывать и экстралингвистический, «вертикальный» контекст. Из всех факторов, сопутствующих вербальной коммуникации, важным для вопросительного предложения в монологической речи представляется предварительное «фоновое» значение, пресуппозиция вопроса» [Карашулакова 1986: 11], которой в лингвистике принято считать те условия, которые обеспечивают употребление вопросов с целью получения информации и которые составляют суть интеррогативной ситуации.

Л.Л. Дроботова выделяет, наряду с общими, ряд переменных условий, предопределяющих функционально-семантическое содержание вопроса. Важная роль отводится предварительной информации, в соответствии с которой определяется цель вопроса. Такое широкое понимание пресуппозиции вопроса как «совокупности общих и переменных условий», куда включаются не только экстралингвистические, но и предшествующий языковой контекст, обеспечивает «целесообразность, уместность употребления вопроса той или иной функционально-семантической разновидности» [Дроботова 1983: 11-12].

Интерпозиция вопросительного предложения дает возможность проследить, как тема собственно вопроса под влиянием информации, сообщенной предшествующей частью монологического текста, может снижать степень своего выражения. Нейтрализация собственно интеррогативного значения начинается в вопросах, высказанных в размышлениях человека. Интеррогативное предложение такого характера

являются синкретичными по своему значению и показывают, что в них «могут содержаться и пересекаться значения, занимающие особое место в бесконечном ряду между вопросом и суждением» [Дроботова 1983: 16]. Нейтрализация семы собственно вопроса становится возможной по той причине, что предшествующий контекст предопределяет характер содержания, а значит, лексический состав интеррогативного предложения в зависимой позиции, т. е. в интерпозиции и постпозиции текста монологической речи, чего не может быть в его препозиции.

По мнению М.Ж. Карашулаковой, «транспозиция семы собственно вопроса в сему сообщения происходит в том случае, когда предшествующая вопросительному предложению информация формирует определенное знание, достаточное для того, чтобы на его основе сделать определенный вывод, выразить суждение, чему может способствовать и лексико-грамматический состав вопросительного предложения в постпозиции монологического текста» [Карашулакова 1986: 13].

Как компонент текста, интеррогативное предложение вступает в отношения с другими его компонентами и в результате смысловой сочетаемости с ними, т. е. в процессе функционирования, приобретает контекстуальное значение, которое, накладываясь на синтаксическое значение, оказывает влияние на выражение значения собственно вопроса. М.Ж. Карашулакова утверждает, что изменения в семантике ВП относятся к его информативному содержанию, а контекстуальное значение выводится из отношения к другим компонентам и определяется местом в структуре целого текста и указанием на коммуникативное задание. Это значение, обусловленное лингвистическими и экстралингвистическими факторами, «проявляется в речи и потому не является значением только структуры вопросительного предложения, формирующей языковое значение» [Карашулакова 1986: 14].

Таким образом, по мнению исследователя, значение вопросительного предложения не возникает в речи каждый раз заново, не приобретается в ней, а является неизменным, постоянным признаком. Контекстуальное значение

ВП создается всегда в условиях дистрибуции, появляясь в результате его функционирования.

В монологическом тексте М.Ж. Карашулакова устанавливает следующие функции вопросительного предложения, основанные на общей семантике вопроса:

- 1) ВП, формулирующие тему монологического текста;
- 2) ВП, способствующие развитию поставленной в предшествующей части темы монологического повествования;
- 3) ВП, раскрывающее альтернативу в ситуации;
- 4) ВП, уточняющее что-либо в процессе речи;
- 5) ВП, служащее целям контакта;
- 6) ВП, служащее для выражения оттенков значения эмоционального характера;
- 7) ВП, служащее для выражения экспрессивно-констатирующего утвердительного или отрицательного суждения.

При всей привлекательности и значимости исследования М.Ж. Карашулаковой, что обеспечивается не только новым ракурсом рассмотрения вопросительного предложения в необычном для него монологическом пространстве, но и тонким применением контекстуального анализа, нельзя не обратить внимания на некоторые спорные выводы, имевшиеся в этой работе. Речь идет прежде всего о двух принципиальных моментах, связанных, во-первых, с установлением функций интеррогативного предложения в монологе, а во-вторых, с неким «невниманием» к целостным построениям, предопределенным интеррогативным предложением и выступающим не просто как «контекстуальное окружение», а как композиционно-синтаксическая данность.

В самом деле, перечисленные М.Ж. Карашулаковой «монологические» функции являются не непосредственным следствием семантической природы вопросительности как таковой, а потому не могут именоваться функциями вопросительного предложения без уточнения их статуса. В приведенный

автором перечень попали три разнородных факта: 1) вторичные семантико-грамматические функции ВП (см. 7: «служащие для выражения экспрессивно-констатирующего утвердительного или отрицательного суждения»); 2) текстообразующие функции ВП (см. 1, 2, 3, 4: «формулирующие тему монологического текста» или его другие потребности); 3) прагматические (см. 5, 6: «служащие целям контекста», «служащие для выражения оттенков значения эмоционального характера»).

Разведение названных факторов способствовало бы более целенаправленному и непротиворечивому анализу использования вопросительного предложения в монологической речи. Несомненно и то, что исследовательский выход не просто на контекстуальное окружение, а на синтаксически организованное пространство, каким является ВОК (вопросо-ответный комплекс), также углубило бы специфику изучения функционирования ВП в монологической речи.

3.2.2.2. Функционирование интеррогативного предложения во внутренней речи

Значительная функциональная нагрузка ложится на интеррогативные высказывания во внутренней речи (ВР). Сама проблема внутренней речи, как отмечал В.Н. Волошинов (псевдоним М.М. Бахтина), одна из важнейших проблем философии языка, находящаяся на стыке психологии и лингвистики. Внутренняя речь неразрывно связана с языком и мышлением, а также с деятельностью человека в целом [Волошинов 1929].

При рассмотрении внутренней речи необходимо учитывать три ориентира:

- 1) психологический,
- 2) композиционно-полифонический,
- 3) лингво-формализованный.

Обособленность первого и реальная в современной исследовательской практике совмещенность двух других ориентиров дает основание для

выделения двух аспектов изучения внутренней речи: собственно психологического, связанного с рассмотрением естественной ВР (ВР 1), и композиционно-стилистического, опирающегося на концепции М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Б.А. Успенского и рассматривающего внутреннюю речь как один из приемов создания многоголосья и многоликости изображаемого мира (ВР 2).

Решение композиционно-полифонических задач художественного произведения не может опираться на воспроизведение естественной, реально существующей внутренней речи, как бы ее не трактовать. Это своего рода иллюзия подлинной внутренней речи. Так, В.В. Виноградов писал, что «литературное воспроизведение внутренней речи вообще не может быть натуралистическим. В нем всегда – даже при соблюдении возможной психологической точности – будет значительная примесь условности» [Виноградов 1959: 136].

Внутренняя речь персонажа как композиционный элемент художественного текста является одной из составляющих психологической прозы. Ее назначение – передать внутренние чувства и мысли персонажа, объективизируя сугубо субъективную сферу человеческого бытия. Ведь именно она определяет суть психологической прозы. В связи с этим М.М. Бахтин в свое время писал, характеризуя творчество Ф.М. Достоевского: «Герой интересен Достоевскому как особая точка зрения на мир и на самого себя, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [Бахтин 1979: 54].

Внутренняя речь используется в художественных произведениях как прием создания образности, изображения человеческой психики прямо, «изнутри», как сплошного «текущего» процесса («потока сознания»). Замена Стендалем «романтической» исповеди на «внутренний монолог» уменьшила некую искусственность в общей системе повествовательных приемов,

повысив ее художественную эффективность. Новый прием позволил более раскованно показывать истинное душевное состояние героя. Стендалевский принцип вплетения внутренней речи в эпическое повествование блистательно развили Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, сочетавшие с поразительным мастерством глубинное исследование диалектики человеческой души с широким охватом социальных и философских проблем.

У внутренней речи персонажа нет объективного прообраза в реальной картине мира, она основана только на сугубо личном представлении и самонаблюдении писателя. Опыт других «разных лиц» не объективируется и реально восприниматься не может. Он, этот опыт, находится вне, за пределами непосредственного наблюдения. Внутренняя речь от начала до конца предопределена творческой фантазией художника. И только. Именно в этом состоит уникальность и непохожесть внутренней речи на другие типы речи.

Использование внутренней речи в художественном тексте характеризуется как стилизация подлинной ВР: явление действительности непосредственно не воспроизводится, а лишь производит впечатление подлинности. Поэтому при стилизации совсем не обязательно отражение полноты явления в его первоизданном виде – достаточно демонстрации неких сигналов изображаемого явления, представляя остальное воображению и языковому опыту читателя.

Важным компонентом в создании напряженности ВР 2 является интеррогативная ситуация (ИС), организованная интеррогативным высказыванием, ведь только она может достаточно глубоко показать всю неоднозначность того или иного анализируемого события.

ИС во внутренней речи имеет схожие признаки с ИС в других типах речи:

Во-первых, на коммуникативной оси присутствуют два типа коммуникантов: адресант и адресат.

Во-вторых, тематичность коммуникативной ситуации, проявляющейся в том, что интеррогативное высказывание, организующее ИС, задает

определенную тему.

В-третьих, и во внутренней речи, и в диалоге преследуются определенные цели.

В-четвертых, использование одинаковых структурно-семантических типов интеррогативных предложений для создания ИС.

Выделенные общие признаки несут в себе глубинные различия при реализации функции интеррогативного высказывания в классическом диалоге и во внутренней речи.

Различие в первом признаке проявляется в том, что роль адресата играет сам адресант. Если в вербализованном монологическом тексте, не говоря уже о диалоге, предполагается кто-то слушающий, присутствующий на коммуникативной оси, другой, то во внутренней речи даже этого потенциального другого нет и не может быть. Происходит «расщепление» персонажного голоса, при котором адресант (Я 1) и адресат (Я 2) замыкаются на обобщенном «Я», реализующего обе коммуникативные позиции.

В отличие от стандартных интеррогативных ситуаций, где тема задается адресантом, а адресат может даже по началу не предполагать, о чем пойдет речь, адресат во внутренней речи знает тему «дискуссии», более того, подчас именно он и определяет ее, ориентируясь на возникшую экстралингвистическую ситуацию.

Целевое отличие проявляется в том, что адресант во внутренней речи не стремится узнать что-то новое (да и как он узнает это новое у самого себя!), разрешить интеррогативную ситуацию в свою пользу (т. е. получить ответ на поставленный вопрос), а стремится активизировать мыслительную деятельность самого себя, давая тем самым импульс дальнейшему развитию событий.

Главное отличие интеррогативного высказывания во внутренней речи персонажа художественного произведения (ВР 2) по сравнению с его использованием в других типах речи заключается в том, что оно не ориентировано на слушателя. Ведь даже при употреблении интеррогативного высказывания в монологе остается известная ориентированность на

стороннего воспринимающего. Как справедливо замечено, одиноким невозможно быть даже в монологе. В отличие от монолога, в ВР 2 возникновение интеррогативной ситуации не связано с задачей привлечения внимания ко всему высказыванию (а тем более выяснение чего-либо неизвестного), а направлено лишь на то (и только на то), чтобы продемонстрировать активизацию мыслительной деятельности персонажа. Одинокое интеррогативное высказывание в данном случае (хотя и весьма условно) можно сравнить с именительной темой. Оно служит для того, чтобы обозначить тему рассуждения или зафиксировать переход от одной темы к другой.

Одинокое интеррогативное высказывание, функционирующее во внутренней речи персонажа, несет в себе либо тему собственно вопроса, либо тему риторического вопроса. При этом необходимо учитывать, что употребление даже собственно-вопросительного предложения в тексте ВР 2 не предполагает непосредственного ответа на него: ВП выступает либо как реплика на наблюдаемые или воспроизводимые события (1), либо в качестве импульса дальнейшего развития действия или повествования (2):

1) *Пьер закрыл лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лице, хоть оно теперь выражало ужас и страх. Все молчали. Пьер отнял от глаз руки. Долохов сидел все в том же положении, только голова загнулась назад, так что курчавые волосы затылка прикасались к воротнику рубахи, и рука с бутылкой поднималась все выше и выше, содрогаясь и делая усилие. Бутылка видимо опорожнялась и с тем вместе поднималась, загибая голову. «Что же это так долго?» – подумал Пьер. Ему казалось, что прошло больше получаса (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, VI).*

2) *Собака завывала сзади, с того места, где сидел Каратаев. «Экая дура, о чем она воет?» – подумал Пьер.*

Солдаты-товарищи, шедшие рядом с Пьером, не оглядывались, так же как и он, на то место, с которого послышался выстрел и потом вой собаки; но строгое выражение лежало на всех лицах (Л.Н. Толстой. Война и мир, IV, 3, XIV).

Ответом на подобный вопрос является либо непосредственно совершаемое действие, либо констатация реально совершенного факта, раскрываемого автором.

Риторическое интеррогативное предложение тем более, даже внешне, не организует диалогическое единство во внутренней речи. Оно направлено прежде всего на отображение контраста между происходящими событиями и внутренним состоянием персонажа, выражает его эмоциональную характеристику:

«Из чего я боюсь, из чего я хлопочу в этой узкой, замкнутой рамке, когда жизнь, вся жизнь со всеми ее радостями открыта мне?» – говорил он (Болконский – А.Л.) себе. И он первый раз после долгого времени стал делать счастливые планы на будущее (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 3, XIX).

Или:

Ростов задумался и поехал именно по тому направлению, где ему говорили, что убьют.

«Теперь все равно! Уж ежели государь ранен, неужели мне беречь себя?» – думал он. Он въехал в то пространство, на котором более всего погибло людей, бегущих с Працена (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, XVIII).

Таким образом, говоря о функциональной нагрузке интеррогативного высказывания во внутренней речи персонажа, мы выделяем две его разновидности: интеррогативное предложение с собственно-вопросительным значением и интеррогативное предложение со значением риторического вопроса.

Помимо одиночного интеррогативного предложения широко используется вопросительная цепочка, представляющая собой некую группировку двух или нескольких тематически связанных интеррогативных предложений. Вопросительная цепочка демонстрирует, как правило, поиски главной линии размышлений:

Дорогой к княжне Марье Пьер не переставал думать о князе Андрее, о своей дружбе с ним, о различных с ним встречах и в особенности о последней в Бородино.

«Неужели он умер в том злобном настроении, в котором он был тогда? Неужели не открылось ему перед смертью объяснение жизни?» – думал Пьер. Он вспомнил о Каратаеве, о его смерти и невольно стал сравнивать этих двух людей, столь различных и вместе с тем столь похожих по любви, которую он имел к обоим, и потому, что оба жили и оба умерли (Л.Н. Толстой. Война и мир, IV, 4, XV).

Характеризуя использование интеррогативных предложений во внутренней речи персонажа, необходимо подчеркнуть, что при всей видимости создания ее диалогичности, а следовательно, обозначения двух позиций коммуникации, спрашивающим и отвечающим остается одно лицо: Я 1 – Я 2 = Я, то есть «диалог» замыкается на одном лице:

«Но не слишком ли я холодна с ним? – думала княжна Марья. – Я стараюсь сдерживать себя, потому что в глубине души чувствую себя к нему уже слишком близкою; но ведь он не знает всего того, что я о нем думаю, и может вообразить, что он мне неприятен» (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 3, IV).

Данная функция стимулирует раздвоенность персонажного голоса и тем самым помогает выразительнее представить то в характеристике персонажа, что правильнее всего можно назвать диалектикой души.

Цепочки интеррогативных высказываний раскрывают более полно и глубоко внутренний мир персонажа и употребляются чаще всего при освещении главных персонажей произведения. Интеррогативное предложение в конечном счете участвует в реализации генеральной системы существующих в художественном произведении связей: автор – персонаж – читатель. В этой системе отношений, каковы бы ни были способы включения интеррогативного предложения в текст внутренней речи, оно всегда является средством установления контакта и объясняется самой природой вопросительного предложения.

Вопросительные цепочки представлены тремя разновидностями:

1) уточнительно-конкретизирующей, когда последующий вопрос уточняет предыдущий;

2) уточнительно-предположительной, когда последующий вопрос является одновременно и предположительным ответом на предшествующий;

3) разнонаправленной, при которой каждый вопрос относительно автономен, но связан с ориентацией на одну обобщенную тему.

Рассмотрим подробнее представленные типы.

1) Уточнительно-конкретизирующий тип вопросительных цепочек характеризуется тем, что первый вопрос носит общевопросительный характер. Как правило, данный тип не слишком развернут и состоит из одного-двух общих вопросов и одного-двух конкретизирующих:

«Кто из нас обоих сумасшедший? – думал он (Андрей Ефимыч – А.Л.) с досадой. – Я ли, который стараюсь ничем не беспокоить пассажиров, или этот эгоист, который думает, что он здесь умнее и интереснее всех, и оттого никому не дает покоя?» (А.П. Чехов. Палата № 6).

Или:

«Что же это такое? – продолжал уже про себя наш герой, оставшись один. – Что же это за ветры такие здесь подувают и что означает этот новый крючок?» (Ф.М. Достоевский. Двойник, VIII).

В следующем фрагменте первое интеррогативное предложение носит более широкий характер. Во втором предложении – лишь часть интеррогативной нагрузки первого, но именно оно выражает основное смысловое значение внутреннего монолога:

Чуть не плача от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? – спросил я самого себя. – Разве я не влюблен?» Но задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно уснул, как дитя в колыбели (И.С. Тургенев. Ася).

2) Уточнительно-предположительный тип вопросительных цепочек определяется тем, что последующий вопрос является одновременно и предположительным ответом на предшествующий вопрос. Рассмотрим

фрагмент текста, состоящий из двух монологических вопросительных цепочек, принадлежащим главным персонажам романа И.А. Гончарова «Обрыв»:

Раздался другой выстрел. Она (Вера – А.Л.)стремительно бросилась по лугу к обрыву.

«Что, ежели он возвращается ... если моя «правда» взяла верх? Иначе зачем зовет?.. О боже! – думала она, стремясь на выстрел.

-Вера! Вера! – в ужасе говорил Райский, протягивая ей руки, чтоб помешать.

Она, не глядя на него, своей рукой устранила его руки и, едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглядываясь назад, и скрылась за деревьями сада, в аллее, ведущей к обрыву.

Райский онемел на месте. «Что это, тайна роковая или страсть? – спрашивал он, – или то и другое?» (И.А. Гончаров. Обрыв, 4, II).

Данный эпизод характеризуется большим психологизмом, который еще более усилен за счет использования внутренних монологов героев, состоящих только из интеррогативных предложений. Эти два монолога – отклик на одно событие: Марк выстрелами из ружья зовет на свидание Веру. Реакция на это событие – разная. Вера, услышав эти выстрелы, делает предположение, что ее «правда» победила. Отсюда и подчеркнутые автором поведенческие последствия: «стремительно бросилась», «стремясь на выстрел», «едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу». Райский же связывает этот выстрел и поведение Веры или с «роковой тайной», или со «страстью», или с тем и другим.

Уточнительно-предположительные отношения можно обнаружить и во многих фрагментах из произведений Ф.М. Достоевского:

«И зачем он (старик – А.Л.) таскается к Миллеру, и что ему там делать? – думал я, стоя по другую сторону улицы и непреодолимо к нему приглядываясь. Какая-то досада, – следствие болезни и усталости, – закипала во мне. – Об чем он думает? – продолжал я про себя, – что у него в голове? Да и думает ли еще он о чем-нибудь? Лицо его до того умерло, что

уж решительно ничего не выражает. И откуда он взял эту гадкую собаку, которая не отходит от него, как будто составляет с ним что-то целое, неразъединимое, и которая так на него похожа?» (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 4, IV).

3) Разнонаправленный тип вопросительной цепочки, являясь самым многочисленным, характеризуется тем, что каждый из вопросов обладает относительной автономностью, поскольку более самостоятелен в семантическом отношении:

«Что в ней происходит? Как она думает? Как она чувствует? Хочет ли она испытать меня или действительно не может простить? Не может она сказать всего, что думает и чувствует, или не хочет? Смягчилась ли она или озлобилась?» – спрашивал себя Нехлюдов и никак не мог ответить себе. Одно он знал – это то, что она изменилась и в ней шла важная для ее души перемена, и эта перемена соединяла его не только с нею, но и с тем, во имя кого совершалась эта перемена. И это-то соединение приводило его в радостно-возбужденное и умиленное состояние (Л.Н. Толстой. Воскресение, 2, XIII).

Цепочка этих вопросов показывает интерес Нехлюдова к судьбе Масловой, его небезразличие к перемене в ее душе. Шесть интеррогативных предложений, составляющих вопросительную цепочку, создают не только содержательную, но и ритмическую напряженность.

Подобный тип вопросительной цепочки использует И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети», передавая мучительные раздумья Аркадия:

«Зачем же он меня не спрашивает, почему я еду? и так внезапно, как и он? – подумал Аркадий – В самом деле, зачем я еду, и зачем он едет?» – продолжал он свои размышления. Он не мог ответить удовлетворительно на собственный вопрос, а сердце его наполнялось чем-то едим. Он чувствовал, что тяжело ему будет расстаться с этой жизнью, к которому он так привык; но и оставаться одному было как-то странно (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIX).

Цепочки разнонаправленных вопросов дают возможность писателю создавать своеобразные внутренние монологи героев:

«Верно наш пленный... Да. Неужели и меня возьмут? Что это за люди? – все думал Ростов, не веря своим глазам. – Неужели французы?» Он смотрел на приближавшихся французов, и, несмотря на то, что за секунду скакал только затем, чтобы настигнуть этих французов и изрубить их, близость их казалась ему так ужасна, что он не верил своим глазам. «Кто они? Зачем бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?» Ему вспомнилась любовь к нему матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможным (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 2, XIX).

О функционально-семантической роли интеррогативного предложения, используемого во внутренней речи, можно судить по следующему фрагменту:

Наташа была молчалива и не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, ежели бы она не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида.

«Что с ней?» – подумал Пьер, взглянув на нее. Она сидела подле сестры у чайного стола и неохотно, не глядя на него, отвечала что-то подсевшему к ней Борису.

...Пьер, слышавший говор приветствий и звук чьих-то шагов, вошедших в комнату во время сбора взяток, опять взглянул на нее.

«Что с ней сделалось?» – еще удивленнее сказал он сам себе. Князь Андрей с бережливо-нежным выражением стоял перед нею и говорил ей что-то. Она, подняв голову, раздумываясь и, видимо, стараясь удержать порывистое дыхание, смотрела на него. И яркий свет какого-то внутреннего, прежде потушенного огня, опять горел в ней. Она вся преобразилась. Из дурной опять сделалась такую же, какую она была на бале (Л.Н. Толстой. Война и мир, III, 2, XVIII).

В данном случае поведение и состояние Наташи Ростовой (зарождение

любви к Андрею Болконскому) дается «сквозь призму» другого действующего лица, «сквозь призму» Пьера Безухова.

Внутренние вопросы-реплики Пьера, несколько удаленные друг от друга в текстовом пространстве, позволяют почувствовать изменения, происходящие с «любимой героиней Толстого». Такое изображение рельефнее представляет важное для персонажа событие и в то же время дает читателю возможность самому проникнуть в «глубину души» героя.

Во внутренней речи как бы пересекаются две возможные точки зрения осмысления картины мира: авторской и персонажной. При этом в одних случаях доминантным может оказаться авторский взгляд (1), в другом – персонажный (2), наконец, в-третьих, соблюдается своеобразное равновесие обеих тенденций (3):

1) *Обломов успел, однако ж, прочитать пожелтевшую от времени страницу, на которой чтение было прервано с месяц назад. Он положил книгу на место и зевнул, потом погрузился в неотвязчивую думу «о двух несчастиях».*

-Какая скука! – шептал он, то вытягивая, то поджимая ноги. Его клонило к неге и мечтам; он обращал глаза к небу, искал своего любимого светила, но оно было на самом зените и только обливало ослепительным блеском известковую стену дома, за который закатывалось по вечерам в виду Обломова. «Нет, прежде дело, – строго подумал он, – а потом...» (И.А. Гончаров. Обломов. 1, VIII).

2) *«Что это она вчера смотрела так пристально на меня? – думал Обломов. – Андрей божится, что о чулках и о рубашке еще не говорил, а говорил о дружбе своей ко мне, о том, как мы росли, учились, – все, что было хорошего, и между тем (и это рассказал), как несчастлив Обломов, как гибнет от недостатка участия, деятельности, как слабо мерцает жизнь и как...»*

Чему ж улыбаться? – продолжал думать Обломов. – Ежели у ней есть сколько-нибудь сердца, оно должно бы замереть, облиться кровью от жалости, а она ... ну, бог с ней! Перестану думать! Вот только съезжу

сегодня отобедаю – и ни ногой».

Проходили дни за днями: он там и обеими ногами, и руками, и головой.
(И.А. Гончаров. *Обломов*, 2, V).

3) Пьер, растерянными, близорукими глазами, не повинуясь, оглянулся вокруг себя, и вдруг на него нашло сомнение. «Где я? Что я делаю? Не смеются ли надо мной? Не будет ли мне стыдно вспоминать это?» Но сомнение его продолжалось только одно мгновение. Пьер оглянулся на серьезные лица окружавших его людей, вспомнил все, что он уже прошел, и понял, что нельзя остановиться на половине дороги. Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь вызвать в себе прежнее чувство умиления, повергся к воротам храма. И действительно, чувство умиления, еще сильнее, чем прежде, нашло на него (Л.Н. Толстой. *Война и мир*, II, 2, IV).

Доминантный характер той или иной точки зрения, как видно из приведенных фрагментов, определяется большим или меньшим содержательно-композиционным значением авторского или персонажного голоса. Когда же роль названных точек зрения и по теме, и по объему, связанному с разветвленностью этой общей темы, одинакова, тогда и устанавливается персонажно-авторское равновесие. В примере из «Войны и мира» Л.Н. Толстой растерянность и колебания Пьера, вступающего в масонскую ложу, в равной степени передает как собственными размышлениями героя, представленными цепочкой интеррогативных предложений, так и авторским высказыванием, ключевым словом которого является лексема «сомнение».

Определяя своеобразие внутренней речи персонажа художественного произведения, нельзя не указать и на наличие в ней различных форм речи: монологической и диалогической (с явным и последовательным преобладанием последней). Эта особенность не случайна: она отражает такую главную особенность человеческого мышления, как диалогичность, что и сделало самой популярной семантико-структурной организацией внутренней речи персонажа вопросо-ответный комплекс (ВОК).

Понятие «вопросо-ответный комплекс» выступило в качестве реакции на потребность представления такой текстовой единицы, которая вбирает в себя не только вопросительное предложение, но и более или менее развернутую ответную конструкцию. Наиболее обстоятельно сущность ВОК рассмотрена в диссертационных исследованиях Т.Е. Милевской и А. Стельмашук. Т.Е. Милевская исходит из понимания ВОК как структурно-семантического единства, функционирующего в письменном монологическом тексте и состоящего минимум из двух предложений (вопроса и ответа) и обладающего цепной, параллельной и другими связями тема-рематической природы. Семантической классификации ВОК подчинена оппозиции автосемантичность / синсемантичность. Структурная классификация представлена противопоставлением контактность / дистантность и другими приемами композиции. С точки зрения Т.Е. Милевской, функция ВОК сводится к 1) имитации диалога, 2) постановке проблемы, 3) представлению дефиниции [см.: Милевская 1985: 12-14].

По мнению А. Стельмашук, ВОК – «композиционно-функциональное двучастное построение, включающее в себя в качестве обязательного признака вопросительное предложение, с одной стороны, и ответную часть, маркированную / немаркированную грамматически как ответ самого разного объема, с другой стороны» [Стельмашук 1991: 157].

Исследователь выделяет три разновидности вопросо-ответных построений: 1) вопросо-ответный блок (ВОБ), 2) вопросо-ответный сегмент (ВОС), 3) вопросо-ответная зона (ВОЗ).

ВОБ – это «вопросо-ответное единство, построенное по типу разговорного синтаксиса; его отличительной чертой является синтаксическая закрытость, проявляющаяся в наличии конкретного вопроса и конкретного ответа, представленного очень часто неполным предложением» [Стельмашук 1991: 62]. С синтаксической точки зрения, ВОБ может быть охарактеризован как «диалогическое единство»:

Райский сердито шел домой. «Где же она, эта красавица, теперь? –

думал он злобно, – вероятно на любимой скамье зевает по сторонам – пойти посмотреть!» (И.А. Гончаров. Обрыв, II, XXI).

Вопросо-ответный блок представляет собой целенаправленное объединение вопроса и ответа и употребляется с целью имитации диалогического единства.

ВОС характеризуется как «вопросо-ответное построение, в котором ответная часть ни структурно, ни содержательно не представляет собой непосредственного ответа в его прямой, конкретной и достаточно лаконичной форме. Основная часть нередко начинается своеобразным предисловием к непосредственному ответу. Вопрос и ответ в данном случае не образуют такой собственно синтаксической единицы, как диалогическое единство. Это образование собственно текстового характера» [Стельмашук 1991: 65]:

Он (Герцог – А.Л.) думал о своих страданиях, о несправедливости судьбы, о неблагодарности людей. «Что я им сделал? За что они возненавидели меня? Говорят: злодей, убийца. Но ведь тогда и Ромул, умертвивший брата, и Цезарь, и Александр, все герои древности – только убийцы и злодеи! Я хотел им дать новый век золотой, какого народы еще не видели со времен Траяна и Антонина, бы немного – и под мою державою в объединенной Италии расцвели бы древние лавры Аполлона, оливы Паллады, наступило бы царство вечного мира, царство божественных муз. Первый из государей, я искал величия не в кровавых подвигах, а в плодах золотого мира – в просвещении. Браманте, Пачили, Карадоссо, Леонардо и сколько других! В отдаленнейшем потомстве, когда суетный шум оружия умолкнет, имена их будут звучать вместе с именем Сфорца. И то ли бы еще я сделал, на такую ли высоту вознес бы новый Перикл, мои новые Афины, если бы не это дикое полчище северных варваров!.. За что, за что же, Господи?» (Д.С. Мережковский. Христос и Антихрист, II, 10, 1).

В вопросо-ответном сегменте непосредственный ответ на вопрос носит расширительный характер, включая в себя не одно предложение, а целый

(иногда разнородный) ряд. При этом первое предложение может выступать в качестве непосредственного ответа. Структура вопросо-ответного сегмента носит двучленный характер: вопросительная часть и ответная часть.

Особенности употребления интеррогативного предложения в ВОС становятся более отчетливыми при их сравнении с употреблением интеррогативного предложения в вопросо-ответном блоке. Несмотря на то, что структурно-семантическая природа интеррогативного предложения в этих двух разновидностях совпадает, для вопросительной части вопросо-ответного сегмента характерны некоторые специфические структурные свойства: 1) введение «вопросительной цепочки» («нанизывание вопросов») и 2) использование в качестве вопросов таких структурных организаций, которые представляют собой сложное (чаще всего – сложноподчиненное) предложение. «Нанизывание вопросов» связано как с их особыми коммуникативными заданиями (конкретизация, гипотетичность, разнонаправленность познания), так и с различной степенью диалогизации.

Структурно-смысловая характеристика ответной части тесным образом связана с определением границ ответной части. Не останавливаясь в данном случае на критериях выделяемости составных фрагментов текстового пространства, заметим только, что наиболее предпочтительным представляется подход к данной структуре как к сложному синтаксическому целому.

Вопросо-ответная зона – это «весьма разветвленное текстовое пространство, границы которого могут совпадать со всей статьей в целом или весьма значительным ее фрагментом (главой, параграфом)» [Стельмашук 1987: 11]. Эта разновидность неупотребительна в художественном прозе, если исключить те редкие случаи, когда вопросительное предложение называет произведение в целом: «Что делать?», «Кто виноват?».

Выделяемость вопросо-ответной зоны опирается не на семантико-синтаксические (собственно лингвистические) основания, а на собственно прагматические, т. е. на те очевидные сигналы, которые связаны с выделением глав, параграфов, с «отдельностью» всего речемыслительного

произведения.

Отличительной чертой ВОК, во всех его разновидностях, в художественном тексте следует признать то, что с помощью ВОК имитируется процесс размышления персонажа, отражается не только содержание, но и его ход. С.Е. Тихонов отмечает, что процесс мысли, репрезентированный в виде внутренней речи, «становится звеном и в развитии сюжетной линии произведения, и своеобразной коммуникации автора с читателем» [Тихонов 1987: 9].

Во внутренней речи рассуждения персонажа приобретают форму диалога с самим собой или с предполагаемыми слушателями, а также форму скрытого диалога – разговора со своим внутренним голосом или с мнимым собеседником. Именно поэтому внутренняя речь персонажа нередко воспроизводит обиходно-разговорную речь с характерной для нее синтаксической организацией и экспрессивным богатством. Этим и достигается психологизм в создании портретов персонажей.

Эта весьма специфическая функция внутренней речи создает специфичность и специфику тех средств, которые ее формируют, в том числе и вопросо-ответного комплекса. Наряду с такими его разновидностями, как вопросо-ответный блок и вопросо-ответный сегмент, во внутренней речи персонажа едва ли не самым распространенным становится такой специфический вид вопросо-ответного комплекса, как вопросо-ответный комплекс диффузного типа (ВОД).

Под ВОД мы понимаем такую разновидность вопросо-ответного комплекса, которая представляет собой содержательно-тематическое единение двух или нескольких вопросо-ответных сращений, обладающих определенной самостоятельностью, но тематически объединенных в некое целое:

Пока он (поезд – А.Л.) мало-помалу откатывался, она (стрелочница – А.Л.) выпрямлялась и грозила кулаком вслед ему.

Самдевятов принимал ее движение на собственный счет. «Кому это она?» – задумывался он. – «Что-то знакомое. Не Тунцева ли? Похоже – она.

Впрочем, что я? Едва ли. Больно стара для Глашки. И при чем я тут? На Руси-матушке перевороты, бестолочь на железных дорогах, ей, сердяге, наверное, трудно, а я виноват и мне кулаком. А ну ее к черту, из-за нее еще голову ломать!» (Б. Пастернак. Доктор Живаго, II, 8, 4).

В приведенном из романа «Доктор Живаго» вопросо-ответном комплексе реализован тот его вид, который мы назвали ВОД, имея в виду определенную диффузность в презентации имитации мыслительного процесса. В самом деле, фрагмент, представляющий ход мыслей Самдевятова, включает в себя несколько взаимосвязанных, но самостоятельных вопросов: «Кому это она?», «Не Тунцева ли?», «И при чем тут я?». С каждым из них соотнесен тот или иной ответ. Совокупность же интеррогативных и «ответных» составляющих и образует специфическое содержательно-тематическое единение.

Именно в качестве ВОД выступает и следующий фрагмент, передающий размышления Кити:

Для чего он целый год все читает философии какие-то? – думала она (Кити – А.Л.). – Если это все написано в этих книгах, то он может понять их. Если же неправда там, то зачем их читать? Он сам говорит, что желал бы верить. Так отчего же он не верит? Верно, оттого, что много думает? А много думает от уединения. Все один, один. С нами нельзя ему всего говорить, Я думаю, гости будут приятны ему, особенно Катавасов. Он любит рассуждать с ним», – подумала она... (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 8, VII).

Диффузный характер построений такого рода особенно рельефно подчеркивается широким использованием как в вопросной, так и в ответной частях неполных предложений, превосходно имитирующих ту высокую степень недоговоренности (неразвернутости), которая типична для рассуждений про себя. Это первая характеристика вопросо-ответного комплекса диффузного типа:

На каждом протяжении своей прогулки, и большей частью на паркетe светлой столовой, он (Каренин – А.Л) останавливался и говорил

себе: «Да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение». И он поворачивался назад. «Но высказать что же? какое решение?» – говорил он себе в гостиной и не находил ответа. «Да наконец, – спрашивал он себя перед поворотом в кабинет, – что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну что же? Мало ли женщина в свете с кем может говорить? И потом, ревновать – значит унижать и себя и ее», – говорил он себе, входа в ее кабинет; но рассуждение это, прежде имевшее такой вес для него, теперь ничего не весило и не значило (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, VIII).

Помимо повышенной недоговоренности, привносимой, прежде всего, неполными предложениями, для фрагментов типа ВОД характерна и вторая особенность – большая модальная подвижность интеррогативных конструкций, среди которых широкое распространение получают предложения со значением предположения (сомнения):

Все было готово, а она (Мона Лиза – А.Л.) еще не приходила. «Неужели не придет? – думал он (Леонардо – А.Л.), – Сегодня свет и тени как будто нарочно для нее. Не послать ли? Но она ведь знает, как я жду. Должна прийти.»

И Джованни видел, как нетерпеливая тревога его увеличивалась (Д.С. Мережковский. Христос и антихрист, II, 14, 1).

Третьим своеобразием ВОД является такая черта логико-синтаксического построения, которую правильнее всего можно было бы назвать содержательно-логическими перебивами в развертывании доминирующей линии главной темы. Речь идет о нарушениях той логичности и последовательности в развитии темы, которой характеризуется подготовленная речь. Определенная последовательность в течении мыслей взрывается в таких случаях, как правило, интеррогативными предложениями, представляющими собой лишь сопряженную тему внутренней речи персонажа, но являющимися для персонажа доминирующими в

эмоциональном отношении. Удачным примером для иллюстрации этой особенности ВОД может служить внутренняя речь Сони («Война и мир»), испытавшей величайший страх и волнение за Наташу, пошедшую на разрыв с князем Андреем:

Схватившись за грудь, чтобы не задохнуться, Соня, бледная и дрожащая от страха и волнения, села на кресло и залилась слезами.

«Как я не видела ничего? Как могло это пойти так далеко? Неужели она разлюбила князя Андрея? И как могла она допустить до этого Курагина? Он обманщик и злодей, это ясно. Что будет с Nikolas, с милым, благородным Nikolas, когда он узнает про это? Так вот что значило ее взволнованное, решительное и неестественное лицо третьего дня, и вчера, и нынче, – думала Соня. – Но не может быть, чтоб она любила его! Вероятно, не зная от кого, она распечатала это письмо. Вероятно, она оскорблена. Она не может этого сделать!» (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 5, XV).

Во внутренних рассуждениях Сони фигурирует образовавшийся трагический треугольник, эксплицируемый именами Андрея, Курагина и Наташи. Эти имена (во внутренней речи Сони – имя «Наташа» заменено местоимением «она») составляют тематическую сетку всего фрагмента. Но не только они. В раздумья Сони врывается и самое дорогое для нее имя – имя Николая Ростова: «*Что будет с Nikolas, с милым, благородным Nikolas, когда он узнает про это?*». Ответа на этот вопрос нет – и тем эмоциональнее он звучит, получая и свое принципиально особое композиционное место, связанное с ролью разрыва основного повествования.

В качестве четвертого своеобразия вопросо-ответного комплекса диффузного типа выступает сопряжение во внутренней речи персонажа (в ответных частях вопросо-ответного комплекса) двух разных начал речевой презентации, связанных с двумя различающимися видами человеческой психики: мышления, с одной стороны, и представления-воображения, с другой. Именно это «разведение» получает своеобразную имитацию при стилистическом конструировании внутренней речи. Показательной в этом

отношении является, например, внутренняя речь, принадлежащая доктору Живаго, главному герою известного романа Б. Пастернака:

«Кто это? Кто это?» – мучительно перебирал в памяти Юрий Андреевич. «Господи, твоя воля, где я его раз уже видел? Возможно ли? Жаркое майское утро незапамятно какого года. Железнодорожная станция Развилье. Не предвещающий добра вагон комиссара, Ясность понятий, прямолинейность, суровость принципов, правота, правота, правота. Стрельников!» (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 2, XIV, 15).

Живаго в своем узнавании Стрельникова идет от воссоздания (воображения) той обстановки, в которой он однажды уже видел этого человека. Ответная часть, состоящая из именных конструкций, воспроизводящих представления о былом, как бы поэтапно подводит Живаго к несомненному выводу: «Стрельников!».

Вопросо-ответный комплекс диффузного типа получает самое широкое распространение именно потому, что в этой разновидности вопросо-ответного комплекса наиболее выразительно представлена имитация интеррогативной ситуации, что столь необходимо в реалистической прозе.

Наличие в названной структуре интеррогативного предложения привносит в нее тот семантический заряд, который связывается с таким функционально-смысловым типом речи, как рассуждение. Действительно, вопросо-ответный комплекс, используемый в сфере внутренней речи персонажа, во многом соотнесен с рассуждением, но свести его характеристику только с указанием на такую соотнесенность означало бы значительное обеднение содержательно-функциональной картины этого специфического текстового построения.

Методико-классификационным ключом к анализу содержательно-функциональной специфики вопросо-ответного комплекса во внутренней речи персонажа послужила концепция А. Стельмашук [1987], идея которой заключалась в установлении в ВОК текстовых доминант.

Введя понятие текстовой доминанты (ТД), А. Стельмашук определила

его как ведущую коммуникативную установку, предопределяющую отбор текстообразующих речевых средств, и выявила в научно-популярном стиле набор ТД, в которых обнаруживаются текстообразующие начала вопросо-ответных комплексов: эвристическую, констатирующую, иллюстративную, инструктивную, аналитическую, полемическую, проблематическую, иронизирующую.

Анализ вопросо-ответного комплекса во внутренней речи показал, что в системе художественной речи специфичен как сам набор текстовых доминант, так и их реализация. Собранный нами материал позволил выделить четыре их основных вида: констатирующую, эмотивную, аналитическую и конфронтационную.

Констатирующая текстовая доминанта (КТД) связана с передачей той или иной констатации факта и явления, так или иначе затрагивающего героя. Характер этой констатации может быть разным. Можно говорить о различиях, по крайней мере, с двух точек зрения, а, следовательно, и о двух линиях разведения КТД. Первая связана с тем разным соотношением, которое существует между фактом, породившим размышление, и самим размышлением в плане их темпорально-хронологической соотнесенности. Вторая определяется разными видами сопряжения в внутренней речи интеррогативной и ответной части.

Говоря о реализации в темпорально-хронологической соотнесенности, мы имеем в виду две возможности связи самого факта. В реализации первой возможности речь идет о такой констатации факта, когда он предстает в качестве непосредственного объекта наблюдения размышляющего. Происходит как бы своеобразное перекодирование увиденного в обдуманное:

«Что они делают? – думал князь Андрей, глядя на них. – Зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия? Зачем не колет его француз?

Не успеет убежать, как француз вспомнит о ружье и заколет его»
(Л.Н. Толстой. *Война и мир*, I, 3, XVII).

При второй реализации констатация факта не обладает такой

непосредственной «зрительно-слуховой» подоплекой. Между размышлением и фактом существует определенный временной интервал:

«А что ему сказать, если он в самом деле начнет объясняться в любви? – продолжала думать ingenie. – Он добрый, славный такой, талантливый, но ... мне не нравится. Некрасив уж больно... Сгорбившись ходит, и на лице какие-то волдыри... Голос хриплый... И к тому же эти манеры... Нет, никогда!» (А.П. Чехов. Комик).

Вторая линия разведения видов констатирующей текстовой доминанты опирается, как было сказано, на различие в той сопряженности, которая существует между интеррогативным предложением и ответной частью. В первом случае интеррогативное предложение не выполняет собственно вопросительной функции, являя собой риторический вопрос:

«Кто скажет, в силу каких чувств и побуждений я сообщил все это Елене? Но не по доброте, не по доброте. Все проклятое желание убедиться, действительно ли кинжал сидит в ране? Я должен быть доволен – они любят друг друга, и я им помог... «Будущий посредник между наукой и российской публикой», – зовет меня Шубин; видно, мне на роду написано быть посредником. Но если я ошибся? Нет, я не ошибся...»

Горько было Андрею Петровичу, и не шел ему в голову Раумер (И.С. Тургенев. Накануне).

Во втором случае интеррогативное предложение хотя и выступает в собственно вопросительной функции, но остается «грамматическим пустоцветом», поскольку ответная часть не может рассматриваться в качестве ответа на поставленный вопрос:

«Так уж все кончено! – думал он (Пьер – А.Л.) -И как это все сделалось? Так быстро! Теперь я знаю, что не для нее одной, не для себя одного, но и для всех это должно неизбежно свершиться. Они все так ждут этого, так уверены, что это будет, что я не могу обмануть их. Но как это будет? Не знаю; а будет, непременно будет!» – думал Пьер, взглядывая на эти плечи, блестящие подле самых глаз его (Л.Н. Толстой. Война и мир. I, 3, II).

Констатирующие текстовые доминанты, какого бы конкретного вида они ни были, принципиально отличаются от собственно информационных, выделенных во всех других функциональных стилях. Отличие констатирующей текстовой доминанты от информативной состоит в том, что вторая связана с констатацией новой информации, полученной как бы извне, первая же есть нечто иное – это специфическая обработка уже имеющейся информации.

Эмотивная текстовая доминанта (ЭТД) предопределяется тем, что главным настроением, характеризующим размышления героя, является эмоциональность. Элемент констатации в этом случае может присутствовать, но основное назначение ЭТД – передача той высшей степени эмоциональной напряженности, которая присуща в описываемый момент персонажу. Напомним в этой связи пронзительно-трагические ощущения и размышления Анны Карениной при встрече с сыном:

«Разве я могу не любить его? – говорила она себе, вникая в его испуганный и вместе обрадованный взгляд. И неужели он будет заодно с отцом, чтобы казнить меня? Неужели не пожалеет меня?» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 3, XV).

Приведенный пример весьма типичен для иллюстрации сути эмотивной текстовой доминанты. В самом деле, первые интеррогативные предложения, приобретая выразительную вопросительную интонацию и соответствующую структуру (наличие частицы «разве» и оформление высказывания моделью отрицательного предложения), не выполняют, тем не менее, собственно вопросительной функции. Вопрос в данном случае подменен констатацией: «Я люблю его», два же последующих предложения собственно вопросительные («Неужели не пожалеет меня»), но оставленные без ответа, а это тоже усиливает эмоциональную окраску. Экспрессия всего фрагмента подчеркивается также и тем синтаксическим параллелизмом, который создается использованием трех контактно расположенных интеррогативных структур. Ср. также:

1) *Сердце Инсарова сильно билось: и его надежда сбывались. «Но не рано ли? не напрасно ли? – думал он, стискивая руки. – Мы еще не готовы. Но так и быть! Надо будет ехать» (И.С. Тургенев. Накануне).*

2) *«Молодец, красивый мужчина; но какая простота... Чтоб не сказать больше... во взгляде, в манерах! Ужели он герой Веры? – думал Райский, глядя на него и с любопытством ожидая, что покажет дальнейшее наблюдение.*

«А почему же нет? – ревниво думал опять, – женщины любят эти рослые фигуры, эти открытые лица, большие здоровые руки – всю рабочую силу мышц... Но ужели Вера?..» (И.А. Гончаров. Обрыв, 3, XIII).

Аналитическая текстовая доминанта (АТД) понимается как основная коммуникативная установка текстового фрагмента внутренней речи персонажа, связанная с анализом затрагивающих субъекта фактов и явлений и наиболее адекватно реализуемая в виде вопросо-ответного комплекса. Ход мысли, который представлен во внутренней речи, – это почти всегда движение от неизвестного (вопрос) к известному (или предполагаемому) (ответ). Вот почему вопросо-ответный комплекс с аналитической текстовой доминантой самый распространенный вид организации внутренней речи в художественном произведении:

«Сказать или не сказать? – думала она (Анна – А.Л.), глядя в его спокойные ласковые глаза. – Он так счастлив, так занят своими скачками, что не поймет этого как надо, не поймет всего значения для нас этого события» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина. 2, XXII).

Или:

Тут герой наш похолодел окончательно и полез в свой карман за письмом, чтоб справиться. Но письма, к удивлению его, не оказалось в кармане. «Как же это? – прошептал полумертвый господин Голядкин, – где же это я оставил его? Стало быть, я его потерял? – этого еще недоставало! – простонал он наконец в заключение. – Ну, если оно в

недобрые руки теперь попадет? (Да, может, попало уже!) Господи! что из этого воспоследует! Будет такое, что уж... Ах ты, судьба ты моя ненавистная!»

Тут господин Голядкин как лист задрожал при мысли, что, может быть, неблагопристойный близнец его, набрасывая ему шинель на голову, имел именно целью похитить письмо... (Ф.М. Достоевский. Двойник, XIII).

Вопросо-ответный комплекс с аналитической текстовой доминантой представлен двумя разновидностями, предопределяемыми такими свойствами, как закрытость (1) (анализ как бы доведен до конца) и открытость (2) (анализ словно бы останавливается на полпути):

1) *Он (Райский – А.Л.) вздрагивал от счастья, нужды нет, что слово это сопровождалось русалочным взглядом, что с этим словом она исчезла с обрыва.*

«Если неправда, зачем она сказала это? для шутки – жестокая шутка? Женщина не станет шутить над любовью к себе, хотя бы и не разделяла ее. Стало быть – не верит мне... и потому, что я чувствую к ней, как я терзаюсь!» (И.А. Гончаров. Обрыв, 4, II).

2) *«Что ему делать теперь? Идти вперед или остаться?» Этот обломовский вопрос был для него глубже гамлетовского. «Идти вперед – это значит вдруг сбросить широкий халат не только с плеч, но и с души, с ума; вместе с пылью и паутиной со стен смести паутину с глаз и прозреть!»*

Какой первый шаг сделать к тому? С чего начать? Не знаю, не могу... нет»... лукавлю, знаю и... Да и Штольц тут, под боком: он сейчас скажет.

А что он скажет? В неделю, скажет, набросать подробную инструкцию поверенному и отправить его в деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать план построек, квартиру сдать, взять паспорт и ехать на полгода за границу, сбуть лишний жир, сбросить тяжесть, освежить душу тем воздухом, о котором мечтал некогда с другом, пожить без халата, без Захара и Тарантьева, надевать самому чулки и снимать сапоги с себя, спать только ночью, ехать, куда все едут, по железным дорогам, на пароходах, потом... Потом... поселиться в Обломовке, знать,

что такое посев и умолот, отчего бывает мужик беден и богат; ходить в поле, ездить на выборы, на мельницу, на пристань. В то же время читать газеты, книги, беспокоиться о том, зачем англичане послали корабль на Восток» (И.А. Гончаров. Обломов, 2, V).

В качестве примеров открытых вопросо-ответных комплексов во внутренней речи персонажа приведем следующие:

Вернувшись домой, Наташа не спала всю ночь; ее мучил неразрешимый вопрос, кого она любила: Анатоля или князя Андрея? Князя Андрея она любила – она помнила ясно, как сильно она любила его. Но Анатоля она любила тоже, это было несомненно. «Иначе, разве все это могло бы быть? – думала она. – Ежели я могла после этого, прощаясь с ним, могла улыбкой ответить на его улыбку, ежели я могла допустить до этого, то значит, что я с первой минуты полюбила его. Значит, он добр, благороден и прекрасен, и нельзя было не полюбить его. Что же мне делать, когда я люблю его и люблю другого?» – говорила она себе, не находя ответов на эти страшные вопросы (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 5, XIII).

Или:

«Что это такое? – думал князь Андрей, подъезжая к этой толпе солдат. – Это не может быть цепь, потому что они в куче. Не может быть атака, потому что они не двигаются; не может быть каре: они не так стоят» (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 2, XVII).

Этот последний пример весьма характерен для открытой семантической структуры вопросо-ответного комплекса. С одной стороны, названы три предположения, опровергнутые очевидными аргументами (неслучайно использование в данном случае причинных придаточных предложений), с другой стороны, ответ так и не найден.

Говоря о наличии в художественной сфере ВОК с аналитической доминантой, подчеркнем их специфику – возможность использования разновидностей открытой семантической структуры. Естественно, что и публицистический стиль, и тем более научный подобные текстовые фрагменты

отторгают. Вопросу в этих сферах должен соответствовать ответ.

Конфронтационная (полемическая) текстовая доминанта (ПТД) выделяется нами как особый подтип аналитической доминанты. Это обуславливается тем, что полемическая текстовая доминанта научного и научно-популярного стиля подразумевает дискуссию между оппонентами. Адресант стремится не только отвергнуть иную точку зрения, но и аргументировать свою, доказать ее правильность. В подобной ситуации адресант представлен непосредственно, эксплицитно, а адресат, его противник, – чаще всего посредством цитат. Такое «цитатное» присутствие оппонента дает возможность представить полемическую текстовую доминанту как своеобразный диалог в его письменном воплощении.

В полемической ТД художественного произведения наблюдается ситуация иного рода. Если в полемической текстовой доминанте функциональных стилей противник выражен хотя бы имплицитно, то в полемической ТД внутренней речи персонажа художественного произведения его, как правило, нет вообще, так как персонаж литературного произведения чаще всего ведет полемику с самим собой. Полемист и его противник – одно и то же лицо. Однако это не значит, что выделение полемической ТД неправомерно. Самую острую полемику человек может проводить сам с собой. Специфичность ее состоит в том, что в результате размышлений адресант / адресат чаще всего и не приходит к ответу на вопрос, остается во власти сомнений. Полемичность дает возможность с разных сторон рассмотреть ситуацию. Своеобразие «внутренней» полемики делает целесообразным использовать для наименования полемической доминанты во внутренней речи персонажа термин «конфронтационная». Использование обновленного термина не заслоняет полемического начала, присущего вопросу-ответному комплексу данной разновидности: внутренняя речь строится как бы с ориентацией на мнение еще одного лица в обобщенном виде (человек как общее) (1) или конкретном (2):

1) *«Что за вздор и путаница? – думал он (Оленин – А.Л.). – Человек убил другого, и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?» (Л.Н. Толстой. Казаки, XXI).*

2) *Одна и одна мысль неотвязно преследовала ее (Анну Каренину – А.Л.) в разных видах. «Если я так действую на других, на этого семейного, любящего человека, отчего же он так холоден ко мне?.. и не то что холоден, он любит меня, я это знаю. Но что-то новое разделяет нас. Отчего нет его целый вечер? Он велел сказать со Стивой, что не может оставить Яшвина и должен следить за его игрой. Что за Яшвин? Но положим, что это правда. Он никогда не говорит неправды. Но в этой правде есть другое. Он рад случаю показать мне, что у него есть другие обязанности. Я это знаю, я с этим согласна. Но зачем доказывать мне это? Он хочет доказать мне, что его любовь ко мне не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь. Он бы должен был понять всю тяжесть этой жизни моей здесь, в Москве. Разве я живу? Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается и оттягивается. Ответа опять нет! И Стива говорит, что он не может ехать к Алексею Александровичу. А я не могу писать еще. Я ничего не могу делать, ничего начинать, ничего изменять, я сдерживаю себя, жду, выдумываю себе забавы – семейство англичанина, писание, чтение, но все это только обман, все тот же морфий. Он должен пожалеть меня», – говорила она, чувствуя, как слезы жалости о себе выступают ей на глаза (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 7, XII).*

Особенность этого вопросо-ответного комплекса в том, что он состоит из пяти отдельных блоков, связанных между собой семантически и логически. Каждый блок открывается интеррогативным предложением, которое задает тему размышления, имея в виду конкретного оппонента, то более, то менее выявленного.

Разведение вопросо-ответного комплекса во внутренней речи по четырем текстовым доминантам не покрывает все многообразие выявленных разновидностей внутренней речи. За пределами констатирующей, эмотивной, аналитической и конфронтационной (полемиической) доминант находится значительный массив таких текстовых построений, который образует разные виды смешанных построений, совмещающих в себе элементы разных доминант:

«О боже! – думала Елена, – зачем смерть, зачем разлука, болезнь и слезы? или зачем эта красота, это сладостное чувство надежды, зачем успокоительное сознание прочного убежища, неизменной защиты, бессмертного покровительства? Что же значит это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели это все только в нас, а вне нас вечный холод и безмолвие? Ужели мы одни... одни, а там, повсюду, во всех этих недостижимых безднах и глубинах, – все, все нам чуждо? К чему же тогда эта жажда и радость молитвы?.. Неужели же нельзя умолить, отворотить, спасти... О боже! неужели нельзя верить чуду? – она положила голову на сжатые руки. – Довольно? – шепнула она. – Неужели довольно!

Я была счастлива не одни только минуты, не часы, не целые дни – нет, целые недели сряду. А с какого права?» – Ей стало страшно своего счастья. «А если этого нельзя? – подумала она. – Если это не дается даром? Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди...

О темный призрак, удались! Не для меня одной нужна его жизнь!» «Но если это наказание? – подумала она опять, – если мы должны теперь внести полную расплату за нашу вину? Моя совесть молчала, она теперь молчит, но разве это доказательство невиновности? О боже, неужели мы так преступны! Неужели ты, создавший эту ночь, это небо, захочешь наказать нас за то, что мы любили? А если так, если он виноват, если я виновата, – прибавила она с невольным порывом, – так дай ему, о боже, дай нам обоим умереть по крайней мере честной, славной смертью – там, на родных его

полях, а не здесь, не в этой глухой комнате.» (И.С. Тургенев. Накануне).

В приведенном примере одновременно совмещаются признаки аналитической, полемической и эмотивной текстовых доминант.

Определяя главную роль интеррогативной ситуации в организации внутренней речи персонажа художественного произведения, а интеррогативное предложение как основной стимул развития мысли, еще раз отметим наиболее значимые черты подобного явления.

Употребление интеррогативного предложения во внутренней речи персонажа, являющейся художественной имитацией собственно психологической внутренней речи, обусловлено особенностями мыслительного процесса, связанного с познавательными ориентирами, с поисками ответов на вопросы.

Внутренний диалог весьма распространенное явление во внутренней речи. Его особенностью является то, что в качестве адресанта и адресата оказывается одно лицо (Я). Открывая диалог, интеррогативное предложение призвано, во-первых, представить иллюзию мыслительного процесса, а во-вторых, предопределив как позицию адресанта («Я»), так и позицию адресата («Ты»), которая обособлена композиционно, но семантически совпадает с «Я», создать особый художественно-психологический феномен – раздвоение персонажного голоса и сознания. Внутренняя речь в этом смысле характеризуется как своеобразный субъектный дуализм, который может быть отражен в виде формулы «Я 1 – Я 2, противопоставленной обычной формуле коммуникативной оси «Я – Ты».

Использование интеррогативного предложения во внутренней речи персонажа подчинено общей функциональной направленности художественного произведения, реализующейся в системе связей: автор – персонаж – читатель. В этой системе отношений, каковы бы ни были способы включения интеррогативного предложения в текст внутренней речи, передающей структурную организацию интеррогативной ситуации, оно всегда является особым средством установления контакта между читателем и

автором, осознанно или неосознанно возбуждающим внимание к тому фрагменту текста, которое включает в себя интеррогативное предложение.

Во внутренней речи персонажа наиболее активно используется вопросо-ответный комплекс, имитирующий ситуацию диалога и представленный в четырех своих разновидностях. Однако при всей видимости создания диалогической структуры, в частности, и интеррогативной ситуации, в целом, интеррогативное предложение и ответная часть принадлежат одному лицу, что способствует созданию такого специфического явления, как раздвоение персонажного голоса, свидетельствующее о проявлении «мнимой» интеррогации, где функция интеррогативного предложения сводится не к запросу о положении дел, а активизации мыслительного процесса.

Таким образом, ближняя периферия ФСП интеррогативности формируется с учетом двух основных требований:

1) Ситуативно обособленное интеррогативное высказывание должно восприниматься как вопросительное, т. е. такое, которое реализует сему интеррогативности – «запрос информации», несмотря на «необычные» условия употребления.

2) Ситуация речи представлена не диалогом, а такими типами речи, как монолог и внутренняя речь.

3.2.3. Дальняя периферия ФСП интеррогативности

Функция интеррогативного высказывания выходит далеко за пределы функции запроса информации, вопрошания, т. к. охватывает не только интеррогативные интерпретации адресанта в коммуникативном акте, но и опосредованные реляционные его представления через различные исходящие от него дополнительные ориентации (побуждение, выражение реакции и т. д.), что отражается и на образующей категорию интеррогативности полевой системы языковых средств и значений. Это проявляется в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями

(побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающимися под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения. Такие употребления интеррогативных предложений интерпретируются как метафорические, «поскольку они опираются на базовую семантику вопроса, более того, эксплуатируют ее» [Сычева 2008: 65].

Выражение интеррогативным по форме высказыванием невопросительных значений в значительной степени обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией, учитывающей как прагматические составляющие речевого акта, так и собственно языковые возможности адресанта. В прагматической вариативности инвариантом выступает синтаксическая модель или конструкция как формально-семантическое единство, а варьируется прагматическое значение в зависимости от контекстуальных условий. Одна и та же языковая структура (для нас это, в первую очередь, интеррогативная) может передавать различные коммуникативно-интенциональные содержания, определяющиеся различием в наборе прагматических составляющих.

Характерной особенностью русской речи является то, что «цель высказывания не определяет тип предложения, используемого для этой цели. Например, в повседневной речи вопросительное предложение может использоваться не только для вопроса, но и для побуждения (*Вы не могли бы передать мне соль?*), и для сообщения (*Слышал, что Маша вышла замуж?*). Побудительные предложения способны, наряду с побуждением, выразить вопрос» [Булыгина 1997: 258].

Построение речевой единицы в той или иной коммуникативной ситуации определяется коммуникативно-прагматическими нормами, которые присутствуют в сознании имплицитно и обнаруживаются в ситуациях их нарушения. Несоблюдения этих норм, связанные с нарушениями ожиданий коммуникантов в речевых ситуациях, влекут за собой санкции языкового и экстралингвистического характера, которые «проявляются в затруднении

понимания высказывания, в ослаблении его прагматического воздействия. Экстралингвистические санкции обнаруживаются в оценочных суждениях относительно «неуместности» употребления тех или иных языковых средств в данной ситуации общения» [Карпушина 1992: 7].

По мнению Л.В. Цуриковой, «доля «невопросительных» употреблений вопросительных предложений составляет более 50 %» [Цурикова 1992: 15]. С этим трудно согласиться, так как та или иная категория возникает и функционирует для удовлетворения «своих» потребностей, а лишь затем происходит определенная трансформация в значении и функции, которая и приводит к некатегориальному употреблению языковых средств в речи. Если доля таких употреблений будет преобладать, то это может «переродить» функциональную направленность интеррогативных высказываний.

И тем не менее для поля интеррогативности эти отношения существенны, т. к. представляют определенную незамкнутость, открытость, возможность перетекания одной категории в другую, что может свидетельствовать о взаимосвязи и взаимовлиянии различных категорий современного русского языка. Такую возможность отмечают многие исследователи.

Так, например, Е.Н. Линдстрем пишет: «употребляя вопросительные по форме высказывания для выражения неинтеррогативных значений, говорящий имеет возможность эффективно воздействовать на своего собеседника и быстрее достигать желаемого результата. Вопросительная конструкция в этом случае, теряя свою интеррогативно-коммуникативную функцию и сохраняя интеррогативно-эмоциональную функцию, стимулирует повышенную умственную активность адресата и призывает его к диалогу с самим собой и внутреннему ответу или действию» [Линдстрем 2003: 17].

По мнению Н.А. Печниковой, «вопросительная структура является многофункциональной, достаточно гибкой и, оказываясь в разных коммуникативных условиях, в отношении цели высказывания может не просто трансформироваться в другой тип, а приобретать дополнительные

оттенки, демонстрируя богатство переходных структур» [Печникова 1995: 9].

И.П. Распопов, говоря о «присутствии» семантики побуждения в семантике интеррогативности пишет: «Момент адресованного собеседнику побуждения к какому-либо действию (с включением сюда и речевого действия) в явно выраженном или скрытом, имплицитном виде всегда присутствует в семантике как вопросительных, так и побудительных предложений, и это объединяет в противопоставлении повествовательным предложениям:

Может быть, нам прогуляться?

Почему бы тебе не сходить к нему?

Не подойти ли поближе?

А что, если нам пойти в театр?

Почему бы не поехать?» [Распопов 1953: 86].

Подобные предложения выражают семантику совета, просьбы, пожелания, внутреннего убеждения.

В этом случае речь идет о нейтрализации семы интеррогативности и актуализации других компонентов значения (бытийности или императивности) в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта, что приводит к изменению функциональной направленности интеррогативного высказывания, когда категориальное значение вопросительного предложения отступает на второй план и служит фоном для других значений.

Тому, что интеррогативная структура допускает многочисленные и разнообразные нейтрализации, во многом способствует неоднократно отмеченный как логиками, так и лингвистами факт, что интеррогативность как категория является более сложной, чем повествование. Это особенно относится к модальной стороне интеррогативного предложения. Задавая вопрос, говорящий уже демонстрирует недостаточность, неопределенность или неполноту исходной информации, которой он обладает. Именно поэтому субъективность любого интеррогативного высказывания значительно выше,

чем повествовательного предложения того же содержания.

Характер нейтрализации интеррогативного значения и, как следствие этого, изменение функциональной направленности высказывания может быть различным. В одном случае «нейтрализация охватывает и структуру предложения, и его значение», что «наблюдается при воздействии экстралингвистических факторов, например, ситуации речи: при некоторых условиях предложение, оформленное подобно вопросительному, становится эмоциональным откликом на обстановку, на сложившуюся ситуацию», т. е. собственно-восклицательным. Изменения в структуре проявляются в том, что «местоимения и наречия не имеют вопросительного значения, как и все предложение в целом» [Валимова 1967: 94]:

–Ты этого Данилу раньше видела? – спросила барыня Пелагею.

–Где мне его видеть? Первый раз сегодня вижу, Аксинья откуда-то привела... Черта окаянного. И откуда он взялся на мою голову! (А.П. Чехов. Кухарка женится).

Местоимения *где* и *откуда* «теряют» свое вопросительное значение, т. к. ситуация речи определяет переход высказываний, в которых они употребляются, из разряда вопросов в разряд ответов: первое из них синонимично высказыванию с отрицанием *Нет, не видела*, а второе выступает как эмоциональная реакция на положение дел. Однако степень нейтрализации у них разная: это подчеркнуто и знаками препинания – вопросительным в первом высказывании, и восклицательным во втором.

По мнению Г.В. Валимовой, чаще нейтрализация происходит только в плане содержания, а вопросительная структура предложения сохраняется, приобретая «не свойственное ей значение утверждения, т. е. значение, присущее повествовательному предложению» [Валимова 1967: 94]. Проявления нейтрализации вопросительного высказывания в каждом конкретном случае определяются различными условиями:

1) Интонацией и контекстом:

–Вы печатаете свои произведения в журналах? – спросил у Веры

Иосифовны Старцев.

-Нет, – отвечала она, – я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства (А.П. Чехов. Ионыч).

2) Фразаеологизацией конструкции или ее компонента:

-Какая ты умная! – засмеялся Ковалев. – Конечно, жаль их, но ведь они сами виноваты. Кто велел им закладывать именье? Зачем они его так запустили? И жалеть их даже не следует... (А.П. Чехов. Чужая беда).

3) Отрицанием **не** в неместоименном предложении:

Нелькин. Ну полноте – что то вы хандрите?

Атуева. Как не хандрить?! (А. Сухово-Кобылин. Дело. 1, 1).

4) Использованием вопроса в качестве отклика на сказанное:

-Какое вы имеете право кричать? – сказал я, чувствуя, что он меня оскорбляет, и начиная сам сердиться (Л.Н. Толстой. Юность, XVI).

5) Использованием определенного места вопроса в порядке следования единиц речи. Если за вопросом дается не связанная с ответом информация, идущая от того же лица, что и вопрос, то она исключает необходимость ответа: ответ становится излишним, а функция вопроса оказывается нереализованной:

-Проценты нужно платить, – сказал он (Михайлов – А.Л.). – Две тысячи сто рублей каждый год! А где их взять? Поневоле взвоешь (А.П. Чехов. Чужая беда).

6) Использованием определенной структуры предложения, а именно зависимая позиция в СПП: вопросительное предложение функционирует в роли придаточной части изъяснительного СПП, образуется конструкция с так называемым косвенным вопросом:

Обозначив ими (признаками) вприкидку, как на расчетном чертеже, мою тогдашнюю действительность, я тут же спрошу себя, где и в силу чего из нее рождалась поэзия. Обдумывать ответ мне долго не придется. Это единственное чувство, которое память сберегла мне во всей свежести

(Б. Пастернак. Охранная грамота, 1, 6).

Способность интеррогативных высказываний к реализации невопросительных функций определяется самыми широкими возможностями русского предложения вообще. Парадигма коммуникативных типов предполагает парадигму функций, набор которых для всех типов идентичен. Различие лишь в том, какая функция является категориальной, а какая – нет.

Для интеррогативного высказывания некатегориальные функции, прежде всего, – функция побуждения и функция бытийности, то есть те, которые являются категориальными для побудительного и повествовательного типов предложений соответственно.

Проявление данных функций у интеррогативного высказывания – это не дублирование функций неинтеррогативных предложений, а средство выражения определенных экспрессивных, эмоциональных и констативных значений во всем их разнообразии.

И.М. Кобозева [Кобозева 1988], опираясь на положения теории речевых актов, исследует вторичные функции вопросительных предложений на предмет характера нарушений условий успешности речевого акта вопроса. Она предлагает систематизировать первичные и вторичные функции вопроса, учитывая характер отклонения данной ситуации употребления от прототипической вопросной ситуации. Т. е. как некую шкалу вопросительности, где на одном ее полюсе будет находиться употребление вопросительного предложения в прототипической вопросной ситуации, а на другом – употребление вопросоподобных предложений. В работе впервые были перечислены все типы вопросительных предложений с точки зрения функций, которые они выполняют в речи.

Однако нарушение условий успешности вопроса является необходимым, но не достаточным основанием для реализации вторичных функций вопроса. Интеррогативные предложения, синонимичные или квазисинонимичные в их буквальном смысле, т. е. в первичной функции, имеют разные наборы вторичных функций. В некоторых случаях на

функцию интеррогативного предложения влияет тип установочного компонента, «который отражает субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию высказывания партнера. В отличие от презумпции, которая отражает знания говорящего, установка выражает мнение по поводу сказанного собеседником» [Баранов 1983: 269].

Справедливым представляется мнение, что «каждая грамматическая единица может реализовать только те коннотативные значения, которые логически подготовлены ее денотативной основой» [Британ 2005: 23]. Например, в семантической структуре интеррогативного высказывания сема «запрос информации» имплицитно коннотирует неуверенности, сомнения, пребывания в неизвестности и прочие, сема «адресованности» – коннотации контакта, сближения, причастности, участия и др.

Возможность интеррогативных высказываний выступать в несвойственной им функциях позволила Н.И. Голубевой-Монаткиной сблизить их с фразеологизмами, «которые соотнесены с действительностью так сказать генетически». По мнению исследователя, такая соотнесенность «является основой общности свойств фразеологизмов и перечисленных типов вопросов, обеспечивает возможность приобретения вопросами некоторых свойств фразеологизмов, появление своеобразных фразеовопросов отражающих «концептуальные схемы положения дел в реальном мире. Эти схемы почерпнуты из человеческого опыта и при их усвоении были выучены определенные единицы языковых фреймов, которые обеспечивают воспроизведение и адекватную интерпретацию фразеовопросов и фразеологизмов» [Голубева-Монаткина 2004: 40].

Подобной точки зрения придерживается И.Б. Сычева, считающая, что употребление вопросительных предложений в непрямом значении «отнюдь не опирается только лишь на прагматические факторы, т. е. не является окказиональной», а «напротив, в таких случаях мы зачастую сталкиваемся с идиоматизированными конструкциями, в которых собственно вопросительная структура интегрируется в сложный конгломерат других,

прежде всего, лексических, средств, который не допускает альтернативных интерпретаций или, по крайней мере, делает их достаточно сомнительными и маловероятными» [Сычева 2008: 57]. Однако это не означает, что интеррогатив в этих функциональных реализациях есть раз и навсегда застывшее явление: при изменении коммуникативных условий те же высказывания могут быть использованы в своей первичной функции.

Возможность выражения невопросительных значений интеррогативными высказываниями обусловила связи категории интеррогативности с другими языковыми категориями. Эти связи проявляются в том, что интеррогативные высказывания принимают активное участие в формировании «чужих» полевых структур.

Интеррогативность и бытийность

В сегменте пересечения поля интеррогативности и поля бытийности располагаются интеррогативные высказывания со значением утверждения или отрицания с различной степенью уверенности – риторические вопросы:

-Откуда вы знаете, как меня зовут?

-Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты», и Иван Николаевич увидел на первой странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Риторический вопрос служит типичным примером расхождения содержания высказывания и интенции адресанта. Адресат может воспринимать высказывание как запрос и реагировать на него в форме ответа. Однако по замыслу говорящего в его фразе не мыслится никакой запрос, а сообщается определенное мнение абсолютно позитивного характера. Г.В. Колшанский считает расхождение между структурой высказывания и языковым воплощением не простым вопросом и предлагает для анализа подобных случаев расхождения смысла и языковой формы «вычленив семантику высказывания и ее языковое воплощение и

отграничить эту семантику от явлений, где намеренное искажение смысла говорящим выступает не в пределах высказывания, а в пределах определенного ситуативного контекста, то есть следует разграничить случаи лингвистического и экстралингвистического, фактологического характера» [Колшанский 2005: 153-154].

В.И. Лысенко рассматривает интеррогативные риторические высказывания, особенностью которых является «обязательный семантический переход утверждения в отрицание и наоборот, как ядро косвенного речевого акта» [Лысенко 1996: 55], т. е. они имеют значение экспрессивной констатации противоположного. Эта противоположность значения и коммуникативной установки позволила Л.А. Калининой в качестве синонима термина «риторический вопрос» применить термин «логическая антифраза» [Калинина 1988: 3].

И.Р. Гальперин считает риторический вопрос переносом, риторической метафорой на основании того, что в нем «мы имеем здесь отношение двух значений: в метафоре отношение двух типов лексических значений, в риторическом вопросе – синтаксических значений» [Гальперин 1977: 531]. А.В. Канафьева определяет риторическое высказывание как риторический прием, обеспечивающий выразительность синтаксической единицы, ее риторичность [Канафьева 2006], а О.В. Клокова видит в нем «подобия синтаксических омографов» [Клокова 2002: 6], имеющих отличия в просодическом выражении.

Например, в следующей коммуникативной ситуации интеррогативное высказывание обладает явной риторической направленностью, несмотря на то, что в структурном плане соответствует местоименному собственно вопросительному предложению. Однако его конситуативное употребление не оставляет никаких сомнений в коммуникативно-прагматическом статусе риторического высказывания, который при «озвучивании» проявится в восклицательной интонации:

-Проценты нужно платить, – сказал он (Михайлов – А.Л.). – Две

тысячи сто рублей каждый год! А где их взять? Поневоле взвоешь (А.П. Чехов. Чужая беда).

Общепризнанным критерием риторического вопроса на семантическом уровне является отсутствие в нем запроса о неизвестном, т. к. он в сущности содержит суждение. Рема риторического вопроса, в отличие от ремы истинного вопроса, не является открытой, что сближает с ремой повествовательных высказываний, и обеспечивает импликацию утверждения (1) или отрицания (2), противоположную выраженной в высказывании с формальной структурой вопроса:

1) *Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. **И какой же русский не любит быстрой езды? Его душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт поberi все!» – его душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?** (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 11).*

В этом, безусловно, самом известном сочетании риторических высказываний каждый из них, обладая сильнейшей эмоциональной выраженностью, сам по себе идиома, исключая домысливание и понимающаяся однозначно. Интонация восклицательного высказывания обусловлена и подкреплена «окружением» вопросительного местоимения частицами, вносящих определенное модальное «настроение» во всю интеррогативную конструкцию.

2) *-Послушайте, – горячо сказал он, хватая Кириллова за рукав, – я отлично понимаю ваше положение! Видит бог, мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но что мне делать? Судите сами, **к кому я поеду?** Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача (А.П. Чехов. Враги).*

В данном случае риторическое высказывание соотносится с отрицательным повествовательным предложением *Мне не к кому поехать*, что подчеркивается адресантом в последующем высказывании. Синтаксически более правильно это сочетание можно выразить при помощи СПП с придаточным причины, где трансформированная риторическая

конструкция занимала бы позицию главной части: *Мне не к кому поехать, ведь, кроме вас, здесь нет другого врача.*

О.В. Клокова, называя риторические вопросы несобственно вопросительными предложениями, считает их специфическими синтаксическими конструкциями переходного характера, занимающих «промежуточную позицию в зоне переходности в двух планах: с одной стороны, между собственно-вопросительными и повествовательными, с другой стороны, между собственно-вопросительными и побудительными конструкциями» [Клокова 2002: 6]. Такая переходность не ставит их в один ряд с общепринятыми коммуникативными типами, расценивая лишь как трансформацию одного коммуникативного типа в другой.

Риторический вопрос характеризуется как определенный этап обсуждения темы или рассуждения, формирующий восприятие и чувства адресата в рамках установки адресанта. Понимание риторического вопроса во многом сродни намеку в плане того, что он подсказывает адресату нечто, он заставляет адресанта додумать и формулировать для себя то, что не договорено адресантом до конца. Если адресат понял интеррогативное высказывание именно как риторическое, а не собственно вопросительное, то и дальнейший коммуникативный контакт будет успешными. Именно в силу этих особенностей риторический вопрос обладает «мощной диалогизирующей потенцией» [Михальская 2001: 281-282].

А.В. Канафьева к признакам риторического интеррогативного высказывания относит элементы вопросительной формы, сближающие их с собственно вопросительным предложением; отсутствие в ситуации речевого общения вербально выраженной реакции адресата на это суждение, а во внутренней речи – открытость сформулированных вопросов-рассуждений; аналогичность повествовательным предложениям, но в особой, экспрессивно-вопросительной, форме, что при отсутствии вопросительного содержания является риторическим приемом; отличие местоименных слов, частиц, словопорядка, интонации риторического высказывания от соответствующих

средств в собственно вопросительном предложении [см.: Канафьева 2011]. Все эти признаки можно легко выявить в следующих примерах:

-Скажите, – заговорила Маргарита, и голос ее стал глух, – среди них нету критика Латунского?

-Как же его может не быть? – ответил рыжий, вон он с краю в четвертом ряду (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Или:

Иуда спросил прерывающимся шепотом, опасаясь, чтобы не услышали прохожие:

-Куда ты идешь, Низа?

-А зачем тебе это знать? – ответила Низа, замедля шаг и надменно глядя на Иуду (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 26).

Невопросительный характер интеррогативных высказываний подчеркивается и таким маркирующим компонентом, как употребление в качестве вводящего элемента глагола речи «ответить», которое в письменном тексте может «снять» какое-то непонимание в действительной коммуникативной принадлежности фразы.

Л. Теньер, отмечая схожесть способов выражения восклицания и вопроса во многих языках мира, подчеркивает, что «связь между вопросом и восклицанием очевидна. ...Вопрос является естественной реакцией мысли на проявление неопределенности и возникает как стремление освободиться от этой неопределенности. Однако эта реакция вторична: она имеет место после того, как сомнение достигает рационального воплощения. Но еще до этого элементы сомнения действуют на эмоциональном уровне; они мобилизуют чувства индивидуума и затем включают механизм логического рассуждения. Языковым выражением этой первичной реакции является восклицание, которое затем – на второй стадии – естественным образом переходит в вопрос» [Теньер 1988: 230].

Интеррогативные высказывания в функции риторического вопроса «являются одним из продуктивных средств выражения разных модальных и

эмоциональных значений, которые наслаиваются на присущее им наиболее общее значение экспрессивного отрицания или экспрессивного утверждения» (Канафьева 2011: 121):

-Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? – крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. – Кто вам дал право так издеваться над чужим горем? (А.П. Чехов. Чужая беда).

О эмоциональном напряжении всего положения дел свидетельствуют как вербальные средства коммуникации, в данном случае – цепочка риторических вопросов, так и невербальные – сопровождающие жесты. Именно такая совокупность и определяет эмоциональную окрашенность коммуникативного акта.

Выделяют несколько типов риторических вопросов и связанных с ним организаций:

1. Настоящие риторические вопросы – вопросительные по форме высказывания, в которых содержится суждение с утверждением противоположного, т. е. положительный по форме вопрос выражает отрицательное по смыслу суждение, и наоборот.

П. Рестан отмечает, что именно в противоречии между положительной (отрицательной) формой и отрицательным (положительным значением «и кроется сильная экспрессивность риторического вопроса» и что «недаром в письменной форме иногда употребляется восклицательный знак вместо вопросительного» [Рестан 1972: 220].

Для усиления экспрессивности высказывания в письменном тексте ставят два знака – ?! (1), а если подчеркивают неинтерrogативный смысл настоящего риторического вопроса, то ставят точку или восклицательный знак (2):

1) *Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить:*

-Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей

сделал? (А.П. Чехов. Враги).

Или:

Матрена. Поди, родной, выпей...

Никита. Вино осталось там? Не запью ли?! (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 4, 14).

2) *Розовый. Да ей-богу, Паша, рассказывать нечего; скажи ты что-нибудь.*

Дружнин. Что я, забавлять, что ли, тебя пришел!.. (А.Н. Островский. Неожиданный случай, 1, II).

2. Риторические вопросо-ответные единства – единство вопроса и ответа, в которых ответ следует за вопросительной частью и дается самим говорящим (данная разновидность вызывает возражение, т. к. в вопросо-ответных комплексах в большинстве задействованы не риторические, а собственно вопросительные предложения):

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с? Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпия Самсоновна барышня, каких в свете нет (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 2, 10).

Таким образом, употребление интеррогативных по форме предложений в функции повествовательного высказывания довольно типичный случай в современном русском языке и в большинстве случаев однозначно понимается носителями языка.

Интеррогативность и побудительность

В сегменте пересечения поля интеррогативности и поля побудительности располагаются интеррогативные высказывания со значением побуждения (директивные вопросительные предложения): просьбы, требования, предложения, приглашения, совета и т.д. В этом случае они относятся и к периферии ФСП интеррогативности, и к периферии ФСП побудительности, в ряде случаев накладываясь одно на другое. Их

грамматический статус не предполагает у них в качестве первичной побудительную функцию. Например:

Сережа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

-Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что же ты меня не ловишь? Что же ты меня не ловишь? – повторял он несколько раз (Л.Н. Толстой. Детство, XIX).

Под побуждением понимается коммуникативный акт, характеризующийся целым комплексом семантико-прагматических компонентов: адресованность, целенаправленность, заданность и контролируемость ответного действия, и связанный со стремлением адресанта вызвать, предотвратить или изменить какое-либо действие или состояние адресата. Это одна из главных особенностей побудительного высказывания: активное вмешательство говорящего в сферу интересов собеседника, т. к. «употребляя побудительное предложение, говорящий вместе с тем выражает свою волю для того, чтобы добиться от адресата выполнения желаемого действия» [Милосердова 1991: 88].

Интеррогативность и побудительность объединяет четкая направленность на адресата, что является главной прагматической чертой любого речевого действия. Как вопрос, так и побуждение требуют определенных действий, и такое соотношение инициации и реакции является условием, которое реализуется способностью одного коммуникативного типа высказывания функционировать в качестве другого.

Возможности употребления интеррогативных предложений в качестве прагматических синонимов побуждения имеют под собой логическую основу, заложенной уже в самой природе вопроса. Так, А.М. Пешковский отводит вопросительным предложениям место среди побудительной речи: «Если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать *побудительной* речью. Последний случай разбивается на два:

мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос, – речь *вопросительная*, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, – речь *повелительная*» [Пешковский 1956: 348].

В.Г. Гак, касаясь вопроса о косвенных речевых актах, пишет: «Обращаясь с просьбой к соседу «Не можете ли Вы передать соль?», мы не осведомляемся о его физических способностях выполнить данное действие, но просим его сделать это. Смягченная просьба и будет прагматическим значением этого высказывания. Этот пример показывает, кстати, что нередко прагматическое значение вытесняет прямое семантическое и данная форма высказывания воспринимается, прежде всего, в прагматическом аспекте» [Гак 1982: 15].

С точки зрения теории речевых актов, интеррогативные высказывания в побудительной функции являются вопросами к предварительным условиям успешности ситуации побуждения, в которой осуществление предизируемого действия включается в стратегию поведения адресанта в качестве цели. При положительном ответе на вопрос о наличии необходимых условий для реализации указанного действия со стороны адресанта должно последовать прямое побуждение адресата выполнить это действие:

-Ну, все равно, стели где-нибудь, – тем же сердитым тоном продолжал Дмитрий. – Васька! Что же ты не стелешь?

Но Васька, видимо, не понимал, что от него требовали, и стоял не двигаясь.

-Ну, что ж ты? стели, стели! Васька! Васька! – закричал Дмитрий (Л.Н. Толстой. Юность, XXVII).

В приведенной коммуникативной ситуации наблюдается непонимание адресатом того, что от него требуется, т. к. его социальный статус (слуга) не предполагает завуалированность приказаний. В конце концов осознает это и барин, что проявляется в употреблении «прямых» побудительных высказываний.

В реальной коммуникативной ситуации логическая последовательность

нарушается, если лингвистический контекст и фоновые знания коммуниктивных партнеров однозначно указывают на ситуацию побуждения. Адресату не трудно с помощью простых операций логического вывода, осуществляемых на основе лингвистических и экстралингвистических данных при условии соблюдения принципа кооперации, определить потенциальную коммуникативную ситуацию – прямое побуждение к выполнению необходимого действия. В этом случае вопрос реализует вторичную функцию, сохраняя в некоторой степени свое прямое – интеррогативное – значение и сигнализируя о реальной коммуникативной цели говорящего – побудить адресата к выполнению предсказуемого действия:

-А сюда вы не положите еще тени? – сказал Володя учителю, приподнимаясь на цыпочки и указывая на шею турка.

-Нет, не нужно, – сказал учитель (Л.Н. Толстой. Детство, XVI).

Вопросы-побуждения в основном используют структуру общевопросительного предложения, которая в наиболее эксплицитной форме свидетельствует о том, что знание адресанта относительно того, правильно ли он соотносит содержание предложения с действительностью, целиком зависит от адресата:

Анисья. Ты где ж тут?

Никита. Здесь.

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчас выносить надо (Л.Н. Толстой. Власть тьмы, или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», 4, 8).

Е.А. Филатова выделяет два аспекта возникновения побудительной функции у вопросительного предложения: прагматический и грамматический. Прагматический учитывает наличие побудительной речевой ситуации: прототипической – в случае недифференцированного побуждения и типической – в случае дифференцированного побуждения. Грамматический аспект подразумевает следующие моменты: 1) эксплицитная / имплицитная адресованность исполнителю ответного действия (наличие / отсутствие местоименных форм 2 или 1 лица: ты, вы, мы, а также именных форм);

2) презентно-фигуральная перспектива для действия исполнителя;
3) эксплицитная / имплицитная модальность (специальные модальные рамки: «не – ли», «не – бы», «почему бы – не»; наличие вводно-модальных «может быть» и др.); 4) включенность адресата и говорящего в семантическую структуру предложения (адресат обязательно включается говорящим в состав субъекта диктумной части); 5) выключенность из диктумной части других субъектов (*Почему бы им не прогуляться?*) *Не хотят ли они прогуляться* – не побуждение; 6) обязательная «включенность» говорящего – в единственном случае при выражении запроса разрешения (можно от вас позвонить?) [см.: Филатова 1997].

Интеррогативное высказывание в директивной функции выражает различные оттенки побуждения:

а) Просьбу:

-Разрешите мне присесть? – вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 1).

Или:

-А можно ему у вас побыть нынче денек? – сказал старик с такой робкой улыбкой, как будто он очень боялся меня (А.Н. Толстой. *Юность*, XVII).

Подобные вопросы-просьбы в художественном тексте нередко подкрепляются соответствующими авторскими ремарками: *вежливо попросил, с робкой улыбкой* и т. п.

В общении с незнакомыми, малознакомыми людьми или с лицами более высокого социального статуса распространен способ выражения просьбы отрицательным вопросительным предложением:

Казак, сопровождавший Несвицкому, подал сумочку и фляжку, и Несвицкий угощал офицеров пирожками и настоящим доппелькюмелем. Офицеры радостно окружали его, кто на коленях, кто сидя по-турецки на мокрой траве.

-Да, не дурак был этот австрийский князь, что тут замок выстроил.

*Славное место. **Что же вы не едите, господа?** – говорил Несвицкий (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 2, VI).*

Их отличительной чертой является значение подчеркнутой вежливости (*Что же вы не...*), имплицитно выражающей смысл, который эксплицитно содержится в этикетных высказываниях *«Пожалуйста, угощайтесь»*.

Как отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, «употребление отрицания в вопросительных предложениях, используемых в качестве просьбы, обязательно, независимо от того, соответствует ли пропозициональное содержание высказывание ситуации возможного отказа ...или согласия выполнить просьбу», а само «употребление вопросительных предложений в качестве просьбы в русском языке связано с лингвоспецифическими конвенциями и не может быть выведено за рамки лингвистического описания, хотя интерпретация этих предложений как актов просьбы в значительной мере обусловлена общекоммуникативными постулатами» [Булыгина 1997: 287].

б) Совет:

*-Кушайте, Данило Семеныч! – угощала нянька извозчика. – **Да что вы все чай да чай? Вы бы водочки выкушали** (А.П. Чехов. Кухарка женится).*

Совет представлен как альтернатива какому-то действию или намерению, которое уже определено в конкретной коммуникативной ситуации, и выражается синтаксическими конструкциями, имеющими в своей структуре сочетания «А не ... ли...?», «Почему бы ... не...?» и т. п.:

*-Если тебя так точит нравственное чувство, **почему бы не пойти работать в наше домоуправление** – там нужен экономист с окладом восемьдесят рублей...*

-Кажется, это погрёк куском хлеба? – спросила она (Ю. Трифонов. Предварительные итоги).

Или:

*-**Почему бы мне сегодня не отдохнуть? Почему бы не позвонить***

Шурочке? И не пойти в парк? (В. Аксенов. Звездный билет).

в) Предложение:

-Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают (А.П. Чехов. Ванька).

Значение предложения несет в себе призыв к совместному действию, и, хотя оставляет возможность его не принять, обычно употребляется в ситуации, которая предполагает положительную реакцию. Маркерами данного типа высказываний выступают сочетания «Почему бы нам не...?», «Как насчет...?», «Давай...?»:

А все-таки, ребята, почему бы не позвонить у его ворот, почему бы не войти, не поставить прямо это условие, ведь мы ничего не скрываем (В. Аксенов. Таинственная страсть).

Или:

Так вот... я хотел спросить, как насчёт сегодняшнего вечера?.. (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1).

Или:

-Вы не возражаете, мистер Корбах, если я вас похищу на некоторое время? Как насчет раннего ланча, сэр? Мне нужно с вами поговорить на важную тему (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

Значение предложения может быть оформлено сочетанием интеррогативного высказывания, которое привлекает внимание адресата, и собственно побудительным, в котором выражена просьба:

Луганович посмотрел на меня и сказал:

-Знаете что? Пойдемте ко мне обедать (А.П. Чехов. О любви).

г) Приглашение:

-Погода к вечеру стала получше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдем? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила (А.П. Чехов. Дама с собачкой).

Для выражения приглашения в данном фрагменте употреблено

вопросительное инфинитивное предложение с отрицательной частицей **не**, специфическая черта которой заключается в том, что обозначение адресанта и адресата является обязательным: он выражается эксплицитно при помощи форм дательного падежа (нам).

д) Приказ:

Иконин открыл рот и снова замолчал.

*-Ведь вы не одни; **извольте отвечать или нет?** – сказал молодой профессор, но Иконин даже не взглянул на него (Л.Н. Толстой. Юность. X).*

Или:

*-Иди же, когда зовут! **Что стоишь, как изваяние?** – Слышит он сердитый голос отца Григория. – Тебя зовут! (А.П. Чехов. Панихида).*

При выражении приказа интеррогативным высказыванием на вопросительную интонацию накладывается интонация директивности, побуждения, которая одна, «своим силами» способна превратить любую синтаксическую конструкцию в конструкцию, выражающую приказ. Приказание усиливается, если оно подкреплено какими-то лексическими (*извольте*) или морфологическими средствами (инфинитивная форма предиката).

Побудительные высказывания в форме интеррогативного предложения различаются степенью эмоциональной окраски. Е.А. Филатова [Филатова 1997] подробно описывает эмоционально окрашенные и нейтральные в стилистическом отношении вопросы-побуждения, характеризуя при этом их структурные разновидности. Не будем подробно останавливаться на данной классификации, назовем лишь основные типы таких высказываний, подкрепив их нашими примерами.

1. Эмоционально окрашенные вопросительные предложения в функции побуждения:

-Без вопросительного слова

а) значение возможности:

-Надо платить тем, кто ставит подписи.

-А можно не платить?

-Можно (В. Токарева. Своя правда);

б) с начальным *Вам не трудно...* :

-Володя, – робко сказал он, – **вам не трудно принести мне чаю?**

(В. Рецеттер. Ностальгия по Японии).

Или:

-**Вам не трудно будет дойти со мной до ординаторской?**

(Ю. Герман. Дорогой мой человек);

в) с факультативной альтернативной частью (...или нет?):

-**Это что, бунт? Будешь ты отвечать по-человечески или нет?**

-Я играю... чёрта...– беспомощно пробормотал Гоша (В. Белоусова.

Второй выстрел).

Или:

Не выдержал и опять открыл дверь. – Ты пойдёшь или нет?! – спросил он.

-У меня справка об освобождении! – чуть не заорал ему в лицо Егор (В. Шукшин. Калина красная).

-С вопросительным словом:

-**Ах, чтоб тебе пропасть, дураку,** – мысленно выругался Тумаши. **Ну что ты с ним сделаешь?** – Слушай, – нетвёрдо сказал он (В. Быков. Болото).

Или:

-**А что ты ожидал? Что ты ожидал?** Привык, чтоб тебе подтирали задницу, лебезили перед тобой! (В. Астафьев. Пролетный гусь).

Или:

-**Ну, что ты скажешь?** – спросила мама, косясь на меня (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

2. Нейтральные в эмоциональном отношении вопросительные предложения:

-«Не + предикат + (ли) + Вы / 1, 2, 3?»:

-**Не лучше ли в самой густоте, только чтоб кабина была глухая, в камне?** (А. Солженицын. В круге первом, 1, 1).

Или:

-Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окружённым хмельными красавицами и лихими друзьями? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1).

-«Вы / 1, 3, 4 + не + предикат (бы)? :

-Вы не слышали про «Зелёную тетрадь»? – спрашивает он меня (Д. Гранин. Зубр).

Или:

-Вас не пугает аморальность нашего ремесла? (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

-«Почему (бы) + дательный субъекта + Не + инфинитив? :

-Послушайте, а почему бы вам не написать о загубленном таланте, – вдруг предложил он задушевно, как предлагают мировую. – Про человека, которому не дали полностью осуществить себя (Д. Гранин. Зубр).

Или:

-А почему бы им не пожить две недели в Москве? (В. Шукшин. Печки-лавочки).

Или:

У многих появились деньги – почему бы и не погудеть в свободное после трудового сезона время? (В. Быков. Камень).

-С частицей А:

а) (А) не + инфинитив + ли + дательный субъекта? :

Штаалю мучительно захотелось спать. – А не пойти ли по домам? – нерешительно спросил он, с трудом составляя по-французски даже эту несложную фразу (М.А. Алданов. Девятое термидора).

Или:

-А не пойти ли ему прямо к Иванову и сказать: «Я хочу быть развитым человеком, укажи мне, что читать, какие книги, где их достать?» (Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты).

Или:

-Вот что... А не пойти ли нам поужинать?

-Пойдём, – согласился Фома и вдруг ожесточённо зарычал, сжав кулаки и взмахивая ими (М. Горький. Фома Гордеев).

б) (А) что если + дательный субъекта + инфинитив? :

А что, если нам действительно взять командование на себя?
(В. Медведев. Баранкин, будь человеком!).

Или:

А что если самому пойти прямо «куда надо» и позвонить от них?
(В. Аксенов. Таинственная страсть).

в) А как насчет (того чтобы) + инфинитив / Род. п. существительного :

-Спокойно, парниша! А как насчёт кипятка?

-Министр обеспечит? (А. Солженицын. В круге первом, 1, 31).

Или:

-А как насчет переодеться? – стеснялся я (А Зильберт. Зильберт не пробегал?).

-С вводным сочетанием «может быть», «может» :

-Действительно, с чего всё это началось? Может быть, со дня нашего знакомства? Или гораздо раньше? (С. Довлатов. Чемодан).

Или:

Он первый из нас, левантинцев, ушёл в ту страну, откуда нет возврата, нет возврата... А может быть, есть? Раз уж я заговорил о птицелове, то не могу не вспомнить тот день, когда я познакомил его с королевичем (В.П. Катаев. Алмазный мой венец).

-С предикатом – перфектным глаголом:

-Поехали? – услужливо спросил шофёр.

-Минутку, – сказал Токарь, наклоня своё румяное лицо диакона-комсомольца, – я просить вас хочу, Аркадий Лукьянович (Ф. Горенштейн. Куча).

-С частицами, отражающих оценку ситуации:

Рядом послышался знакомый глухой голос, и Артем покрылся испариной – вспомнился привидевшийся кошмар.

-А, так вы уже знакомы? – удивился Сухой (Д. Глуховский. Метро).

В качестве побудительного высказывания может функционировать конструкция, представленная собственным именем. Обычно такое наблюдается в ситуации, при которой один из ее коммуникантов занимает главенствующее положение и требует от своих собеседников высказаться по определенному вопросу:

-Давайте попробуем, – согласилось Светящееся Существо. – Начнем с Барби.

-С меня? – хихикнула блондинка...

-Монтигомик? – спросило Светящееся Существо.

-Я сладкоежка...

-Дездемона?

-Я люблю танцевать всю ночь напролет...

-Теленузик?

-Я? – спросил толстяк... (В. Пелевин. Фокус-группа)

Говоря о вхождении интеррогативного высказывания в полевое пространство категории побудительности, отметим тот факт, что при всей близости вопроса и побуждения у них разные коммуникативные установки. Коммуникативной установкой (иллокутивной силой, интенцией, намерением) интеррогативного высказывания является поиск информации, ее запрос и побуждение только к ответу на вопрос, тогда как в побудительном высказывании значение поиска информации отсутствует. И хотя интеррогативные предложения играют значительную роль в выражении косвенного речевого акта побуждения, однако далеко не все интеррогативного высказывания способны выражать побудительный смысл.

Использование интеррогативных высказываний в побудительной функции, скорее всего, объяснимы установившимися речевыми привычками, ролевыми и социальными отношениями коммуникантов, ситуациями общения, целевыми установками.

Интеррогативность и эмоциональная оценочность

В сегменте пересечения поля интеррогативности и ядра эмоционально-оценочного поля находятся эмотивные интеррогативные высказывания (аффективные вопросы – П. Рестан), а само эмоционально-оценочное поле пронизывает все поля в качестве их эмотивной оценки.

Наше выражение знаний, мнений, оценки об окружающем мире обладает эмоциональной окрашенностью. «Эмоциональность «пронизывает» всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слова в качестве спецификаторов различных эмоциональных состояний» [Шаховский 1987: 83]. Эмоции проникают в семантику речевых единиц и закрепляются в них, представляя собой результат взаимосвязи языка и реальности. Оценочный компонент – обязательный признак любого высказывания и включается непосредственно в саму информацию, представляющую «единство трех моментов: предметного, модально-оценочного и коммуникативного» [Колшанский 2005: 106].

Эмоциональный компонент информации зачастую предшествует компоненту предметному. Проявляясь в начале высказывания, эмоция, порожденная человеческим сознанием и отраженная в речи, подготавливает нервную систему адресата к определенной деятельности, как бы производя ее «настройку». Эмоции маркируют собой начало и конец волевого акта, когда адресант стремится заинтересовать адресата, убедить его в чем-то, побудить к каким-нибудь действиям или заставить выразить свое эмоциональное отношение к говорящему [см.: Колшанский 2005].

Любое интеррогативное высказывание потенциально связано с самыми разнообразными эмоциональными оттенками, и его коннотации могут возникнуть именно благодаря возможности неограниченного выбора интонации для произнесения. Эмотивные интеррогативные высказывания просодически маркируются эмфатическим ударением, подъемом или падением интонации, выражая самый широкий спектр различных эмоций:

-Возмущение, недовольство:

-В силу всего изложенного прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение и оставить на свободе того из двух осужденных, кто менее вреден, а таким, без сомнения, является Га-Ноцри. Итак?

Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и сказал тихим, но твердым голосом, что Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

-Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Или:

Давно уже театр уехал в Пятигорск, разместясь в новеньких дачных вагончиках, а Остапа все не было. Он приехал только вечером и нашел Воробьянинова в полном расстройстве.

-Где вы были? – простонал предводитель. – Я так измучился!

-Это вы-то измучились, разъезжая с билетом в кармане? А я, значит, не измучился? Это меня, следовательно, согнали с буферов вашего поезда в Тихорецкой? Это, значит, не я сидел там три часа, как дурак, ожидая товарного поезда с пустыми нарзанными бутылками? Вы – свинья, гражданин предводитель! Где театр? (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 3, XXXVI).

-Радость, восторг, удовлетворение:

Увидев Маргариту, толстяк стал глядываться, а потом радостно заорал:

-Что такое? Ее ли я вижу? Клодина, да ведь это ты, неунывающая вдова? И ты здесь? – тут он полез здороваться (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 21).

-Раздражение:

Маргарита помолчала, потом ответила:

-Понятно. Эта вещь из чистого золота, видно по тяжести. Ну что же, я прекрасно понимаю, что меня подкупают и тянут в какую-то темную

историю, за которую я очень поплачусь.

-Это что же такое, – почти зашипел Азazelло, – вы опять?

-Нет, погодите! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Или:

-Что вы, Матвей Мосеич, за что это? – сказал озадаченный и сконфуженный казачок, придерживаясь за щеку и судорожно мигая.

-А! Ты еще разговаривать? – отвечал лакей. – Я за тобой по всему дому бегая, а ты здесь! (И.А. Гончаров. Обломов, 1, X).

-Гнев, негодование, ярость:

-Пленум есть, – сказал Персицкий еще тише, – и две зарисовки, но они не дают мне места.

-Как не дают? С кем вы говорили? Что они, походили с ума?

Секретарь побежал ругаться (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XXIV).

-Упрек, укор:

...тут красавица подбежала к письменному столу и музыкальным нежным голосом, немного гнусавым после плача, воскликнула:

-Проша! Где вы?

-Кто вам тут «Проша»? – осведомился надменный костюм, еще глубже заваливаясь в кресло (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 17).

-Испуг, опасение:

-Что же я должен делать? – простонал Ипполит Матвеевич.

-Вы должны молчать. Иногда, для важности, надувать щеки...

-К чему ввязываться в такое опасное дело? Ведь могут донести.

-Об этом не беспокойтесь...(И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, XIV).

-Сомнение:

-Поспеем ли за цветами захватить? – беспокоился маленький, – кремация, ты говоришь, в два? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Или:

-А что, если это я старуху и Лизавету убил? – проговорил он вдруг и – опомнился.

Заметов дико поглядел на него и побледнел как скатерть. Лицо его искривилось улыбкой.

-Да разве это возможно? – проговорил он едва слышно (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VI).

-Удивление:

Степа нащупал на стуле рядом с кроватью брюки, шепнул:

-Извините... – надел их и хрипло спросил: -Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?..

-Как? Вы и фамилию мою забыли? – тут неизвестный улыбнулся (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 7).

Или:

Гелла повернулась, буфетчик мысленно плюнул и закрыл глаза. Когда он их открыл, Гелла подавала ему его шляпу и шпагу с темной рукоятью.

-Не мое, – шепнул буфетчик, отпихивая шпагу и быстро надевая шляпу.

-Разве вы без шпаги пришли? – удивилась Гелла. (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 18).

Или:

Тут Клавдия Ивановна деревянным, равнодушным голосом сказала:

-В сиденье стула я зашила свои брильянты.

Ипполит Матвеевич покосился на старуху.

-Какие брильянты? – спросил он машинально, но тут же спохватился: -Разве их не отобрали тогда, во время обыска?

-Я спрятала брильянты в стул, – упрямо повторила старуха.

Ипполит Матвеевич вскочил и, посмотрев на освещенное керосиновой лампой каменное лицо Клавдии Ивановны, понял, что она не бредит.

-Ваши брильянты! – закричал он, пугаясь силы своего голоса. – В стул! Кто вас надоумил? Почему вы не дали их мне?

-Как же было дать вам брильянты, когда вы пустили по ветру имение моей дочери? – спокойно и зло молвила старуха (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, 2).

Первые два примера иллюстрируют псевдоудивление, так как и неизвестный (Воланд), и Гелла прекрасно владеют ситуацией, а их вопросы преследуют совсем другие цели, чем просто запрос информации.

В третьем фрагменте цепочка вопросительных высказываний иллюстрирует искреннее удивление персонажа, в данном случае Воробьянинова, переходящее в возмущение, что особенно заметно на фоне равнодушного голоса другого коммуниканта.

-Восхищение:

Паша Эмильевич поднял голову, но увидел только буфера последнего вагона и еще сильнее заработал ногами.

***-Видели?** – радостно спросил Остап. – Красота! Вот работают люди! (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, XIV).*

Эмотивное значение восхищения в вопросительной конструкции подчеркивается как лексически (вводной частью «радостно спросил»), так и синтаксически (цепочкой восклицательных предложений).

-Предположение:

-Вы дворянин?

-Да. Был.

***-Вы, надеюсь, остались им и сейчас?** Крепитесь. Потребуется ваша помощь. Полесов вам говорил? Заграница нам поможет (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, XIV).*

Или:

-Что слышу я, прокуратор? – гордо и спокойно ответил Кауфа, – ты угрожаешь мне после вынесенного приговора,, утвержденного тобой самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?

Пилат мертвыми глазами поглядел на первосвященника и, оскалившись, изобразил улыбку.

-Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас здесь? Разве я похож на юного бродячего юродивого, которого сегодня казнят? Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Из приведенных примеров видно, что эмотивные интеррогативные высказывания не составляют какой-то отдельный класс в системе интеррогативных предложений, т. к. эмоциональность не влияет на структуру и коммуникативную направленность. Меняется только интонация в зависимости от того, какой тип высказывания приобретает дополнительный аффективный смысл.

Интеррогативность и коммуникативная установка высказывания

Особое место на ФСП интеррогативности принадлежит встречным вопросам. Воспринимаемые по грамматической форме и интонационной оформленности как собственно вопросительные высказывания, они тем не менее располагаются на периферии поля. Это связано с их употреблением в несобственно-вопросительных функциях, преследующих цели определения или уточнения коммуникативного статуса говорящего и его реплики. Такие вопросы носят «метакоммуникативный характер» [Сычева 2008: 135].

Появление в структуре интеррогативной ситуации подобного явления объясняется нарушением условий успешного речевого акта-вопроса, послужившего репликой-стимулом. Подобные реплики способствуют успешности коммуникации, «позволяя избежать множества коммуникативно-дискомфортных ситуаций» [Сычева 2008: 135], хотя и не подводят к осуществлению интенций коммуникантов.

Употребление встречного вопроса в структуре диалога преследует различные прагматические задачи. Как правило, в реальной ситуации общения задающий встречный вопрос преследует несколько целей.

Например, сменив тему вопроса, уклониться от ответа на первоначальную интеррогативную реплику или уточняя объем вопроса, затянуть время ответа.

К прагматическим задачам встречного вопроса относят следующие:

-Смена темы разговора:

-Уклонение от ответа:

Лебезятников шагнул в комнату.

-И вы осмелились меня в свидетели поставить? – сказал он, подходя к Петру Петровичу.

-Что это значит, Андрей Семенович? Про что такое вы говорите? – пробормотал Лужин (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 5, III).

-Ответ с обязательной эмоциональной нагрузкой:

-Ты еще сапог не надел! – с изумлением сказал Штольц. – Ну, Илья, скорей же, скорей!

-Да куда это? Да зачем? – с тоской говорил Обломов. – Что я там не видал? Отстал я, не хочется... (И.А. Гончаров. Обломов. 2, II).

-Выражение сомнения / недовольства по поводу заданного вопроса:

Тут только Ипполит Матвеевич понял, какие железные лапы схватили его за горло.

-Двадцать процентов, – сказал он угрюмо.

-И мои харчи?

-Двадцать пять.

-И ключ от квартиры?

-А ведь это тридцать семь с половиной тысяч! ... (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, VI).

-Уточнение информации:

-Что, хороша? – громко крикнула охрипшим голосом Маргарита Николаевна.

-Как же это? – шептала Наташа, пятась, – как вы это делаете, Маргарита Николаевна?

-Это крем! Крем, крем, – ответила Маргарита... (М.А. Булгаков.

Мастер и Маргарита, 2, 20).

Или:

При проезде этой кавалькады все мои спутники перезвездились, а Смерчев вздохнул и шепнул мне благоговейно:

-Сам поехал!

*-**Кто сам?** – переспросил я. – Гениалиссимус?*

При этих моих словах Вася громко засмеялся, а Смерчев ответил очень серьезно:

-Ну что вы! Гениалиссимус сам не ездит. Это председатель Редакционной комиссии (В. Войнович. Москва 2042).

-Вопрос-напоминание:

-Что ж, – заметил Дядьев, – кажется, в общих чертах... все? Все как будто?

*-**А я?** – раздался вдруг тонкий, волнующийся голос.*

Все обернулись. В углу, возле попугая, стоял вконец расстроенный Полесов (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XIX).

-Смена ролей коммуникантов:

Раскольников пошел прямо к ним.

*-**Чего вам?** – отозвался один из дворников.*

*-**В контору ходил?***

*-Сейчас был. **Вам чего?***

*-**Там сидят?***

-Сидят.

*-**И помощник там?***

*Был время. **Чего вам?***

Раскольников не отвечал и стал рядом, задумавшись (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VI).

В последнем примере во встречных вопросах выявляется несколько прагматических задач: смена темы разговора, смена ролей коммуникантов, уточнение информации. Это объясняется тем, что адресант (в данном случае

Раскольников) еще до начала коммуникативного контакта ставит цель выяснения определенной информации, и поэтому он прерывает попытки дворника перехватить коммуникативную инициативу. Дворник, напротив, чувствует себя хозяином положения, так как находится на своей территории, и пытается осуществить это превосходство в регулировании направления движения интеррогативного акта, постоянно задавая один и тот же вопрос. Раскольников не принимает такого положения дел и игнорирует эти попытки с помощью своих встречных вопросов. В итоге коммуникативная инициатива остается за ним, так как он получает необходимые ответы, а его оппонент остается не с чем.

Особняком среди встречных вопросов стоят вопросы, не связанные с репликой-стимулом и попросту ее игнорирующие. В структуру диалогического пространства такие вопросы не вписываются, так как лицо, задавшее такой вопрос, стремится разрушить складывающийся коммуникативный акт и инициировать новый. Тем не менее, такой вопрос считается встречным, поскольку в нем «подчеркнуто демонстрируется нежелание коммуниканта реагировать на предыдущую реплику и именно эта подчеркнутость показывает, что предпринимаемый коммуникативный ход возникает не совсем на новом месте» [Сычева 2008: 136]:

Ипполит Матвеевич почувствовал себя счастливым.

-Когда вы доставите мне счастье увидеться с вами снова? – спросил Ипполит Матвеевич в нос.

Лизе стало очень стыдно. Она заерзала в кресле и затосковала.

-Куда это товарищ Бендер запропастился? – сказала она тоненьким голосом.

-Так когда же? – спросил Воробьянинов нетерпеливо. – Когда и где мы увидимся?

-Ну, я не знаю. Когда хотите.

-Сегодня можно?

-Сегодня?

-Умоляю вас (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XVIII).

Возникновение встречных вопросов определяется прагматическими условиями коммуникативного акта:

-Вопрос-стимул непонятен собеседнику:

-А в этом доме что было до исторического материализма?

-Когда было?

-Да тогда, при старом режиме.

-А, при старом режиме барин мой жил (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, 5).

Или:

-Что это значит? – спросил Ипполит Матвеевич.

-Это значит, – ответил Остап, – что вы отсталый человек.

-Почему?

-Потому что! Простите за пошлый вопрос: сколько у вас есть денег?

-Каких денег?

-Всяких. Включая серебро и медь.

-Тридцать пять рублей.

-И с этими деньгами вы собирались окупить все расходы по нашему предприятию?

Ипполит Матвеевич молчал (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, XIV).

-Вопрос неуместен:

-Вы собираетесь их распространять? – в ужасе спросила Пропаганда Парамоновна.

-Что значит распространять? – возразил я. – *Не распространять, а дарить. Хотите, я вам подарю экземпляр?*

-Мне? Зачем? – отшатнулась Пропаганда в испуге (В. Войнович. Москва 2042).

-Ответ на вопрос очевиден:

-Ну, кто ж такого, как я, пожалеет? ась? Жаль вам теперь меня,

сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет? Хе-хе-хе!

Он (Мармеладов – А.Л.) хотел было налить, но уже ничего не было. Полуштоф был пустой.

-Да чего тебя жалеть-то? – крикнул хозяин, очутившись опять подле них (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, I, II).

Или:

-Хе-хе-хе! А все-таки заметили, что я сказал сейчас Николаю, что он «не свои слова говорит»?

-Как же не заметить?

-Хе-хе! Остроумны, остроумны-с (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 4, VI).

-Вопрос неточно сформулирован. В этом случае задающий первый вопрос должен либо уточнить его, либо отменить:

После вскрытия стула Ипполит Матвеевич загрустил.

-Шансы увеличиваются, – сказал Остап, – а денег ни копейки.

Скажите, а покойная ваша теща не любила шутить?

-А что такое?

-Может быть, никаких брильянтов нет?

Ипполит Матвеевич так замахал руками, что на нем поднялся пиджачок (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XXVI).

Или:

Ипполит, – повторила теща, – помните вы наш гостиный гарнитур?

-Какой? – спросил Ипполит Матвеевич с предупредительностью, возможной лишь к очень больным людям.

-Тот... Обитый английским ситцем...

-Ах, это в моем доме?

-Да, в Старгороде...

-Помню, отлично помню... (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, 2).

Или:

Этой именно гражданкой и были остановлены Коровьев и Бегемот.

-Ваши удостоверения? – она с удивлением глядела на пенсне Коровьева, а также и на примус Бегемота, и на разорванный Бегемотом локоть.

-Приношу вам тысячу извинений, какие удостоверения? – спросил Коровьев, удивляясь.

-Вы – писатели? – в свою очередь спросила гражданка.

-Безусловно, – с достоинством ответил Коровьев (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 28).

-Вопрос задан лицом, неизвестным собеседнику:

Остап любезно начал разговор первым:

*-Я к вам по делу. **Вы служите в архиве Старкомхоза?***

Спина старичка пришла в движение и утвердительно выгнулась.

-А раньше вы служили в жилотделе?

-Я всюду служил, – сказал старик весело.

-Даже в канцелярии градоначальства?

При этом Остап грациозно улыбнулся. Спина старика долго извивалась и наконец остановились в положении, свидетельствовавшем, что служба в градоначальстве – дело давнее и что все упомянуть положительно невозможно.

-А позвольте все-таки узнать, чем обязан? – спросил хозяин, с интересом глядя на гостя.

-Позволю, – ответил гость. – Я – Воробьянинова сын (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1, XI).

-Вопрос задается не в первый раз:

Вы хотите курить, как я вижу? – неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, – *вы какие предпочитаете?*

-А у вас разные, что ли, есть? – мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

-Какие предпочитаете? – повторил неизвестный.

-Ну, «Нашу марку», – злобно ответил Бездомный (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

-Вопрос неудобен для собеседника:

Обед прошел весело, и только за компотом Остап вспомнил о цели своего посещения.

-Отчего же, – спросил он, – в вашем кефирном заведении такой скудный инвентарь?

-Как же, – заволновался Альхен, – а фисгармония? (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, I, VIII).

Или:

Коробейников ничего не понял. Он даже посмотрел на стол, не оставил ли гость денег там, но и на столе денег не было. Тогда архивариус тихо спросил:

-А деньги?

-Какие деньги? – сказал Остап, открывая дверь. – Вы, кажется спросили про какие-то деньги? (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, I, XI).

Или:

-Господи, – сказала матушка, посягая на локоны отца Федора, – неужто, Феденька, ты к обновленцам перейти собрался?

Такому направлению разговора отец Федор обрадовался.

-А почему, мать, не перейти мне к обновленцам? А обновленцы что – не люди?

-Люди, конечно, люди, – согласилась матушка ядовито (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, I, 3).

В ряду встречных вопросов выделяется переспрашивающий встречный вопрос (цитатный вопрос), понимаемый как многофункциональная реагирующая реплика, представляющая собой вопросительную трансформацию исходного вопроса собеседника. В нем заключается идея диалогичности языка. Переспрос связывает реплики партнеров по коммуникации в тематико-смысловое единство, а также преследует исполнение прагматической функции, отражающей способ воздействия адресанта на адресата:

Тут как раз до моих книг и дошло. Они были у меня уложены на самом дне чемодана. Таможенник поинтересовался, что это за книги, и я не без гордости сказал, что это мои собственные книги.

-Ваши собственные? – переспросил он.

-Ну да, – сказал я. – Мои собственные. А что вас удивляет? (В. Войнович. Москва 2042).

Переспрос имеет статус одного из самых распространенных компонентов диалогической речи, что объясняется его деятельностной природой и способностью, с одной стороны, активно влиять на процесс коммуникации, а с другой стороны, его диалоговой природой. Переспрос как коммуникативное действие генетически возникает в ситуативно-интенциональной речевой деятельности, активно участвует в конструировании текста и утрачивает свои функции в системе языка, прекращая свое существование как факт речи и превращаясь в системе синтаксиса в вопрос:

-Что ты, наконец, прицепилась ко мне со своим Толстым?

-Я к тебе прицепилась с Толстым? Я? Я к вам прицепилась с Толстым? (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XVII).

Н.Д. Арутюнова, характеризуя цитатный вопрос как «живой и вольный способ реагирования», допускающий отклонения от оригинала, в качестве наиболее распространенного способа употребления определяет его «редукцию к реме, и прежде всего в устранении подлежащего. Вопрос, который чаще всего вызывает протест самой своей коммуникативной установкой, регулярно сводится к вопросительному слову» [Арутюнова 1999: 670]:

Подхалюзин. То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали! (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 4, 5).

Или:

-Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил

Берлиоз.

-Да, консультантом.

-Вы – немец? – осведомился Бездомный.

-Я-то?.. – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец... – сказал он (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Чаще всего переспрос предстает в эллиптической форме, оставляя в своей структуре именно тот структурно-смысловый фрагмент, который в данной речевой ситуации оказывается наиболее значимым:

-...А вы мне лучше скажите, – задумчиво попросил Иван, – а что в сто восемнадцатой комнате сейчас случилось?

-В восемнадцатой? – переспросила Прасковья Федоровна, и глаза ее забегали, – а ничего там не случилось. – Но голос ее был фальшив (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 30).

Истоки теоретического понимания и обоснования эллипсиса с коммуникативной точки зрения заложены в работах Ш. Балли, в которых он в определении эллипсиса вводит понятие «смысл». Эллипсис – это отсутствие в связном отрезке текста знака, восполняющегося контекстом или ситуацией, без которых смысл высказывания становится искаженным или абсурдным [см.: Балли 1955].

И.В. Арнольд [Арнольд 1999] считает, что эллипсис позволяет выделить еще один дифференциальный признак – однозначность / неоднозначность восстановления. Однозначность восстановления при эллипсисе обуславливает отсутствие приращения логико-предметной информации, но при этом может иметь место информация второго рода, поскольку имеется стилистическая маркированность, возможны эмфаза, окказиональные стилистические функции при речевых характеристиках.

По мнению Г.Р. Власян, исходным условием существования эллипсиса в диалогической речи должно быть наличие специфической для этой формы общения взаимодействия между участниками коммуникации, в результате чего «возникают эллиптические высказывания, которые сложились как «живые

структурные типы», находящие регулярное отражение в структуре текста-диалога, что следует рассматривать как закономерное явление функционирования языка» [Власян 2002: 43]. Эта закономерность кроется в человеческом мышлении, которое по своей природе сжато, прерывисто, «текуче».

Выделяется два типа цитации (переспроса) [Арутюнова 1999]: нейтральная цитация (повтор) и экспрессивная цитация, каждый из которых выполняет свою функциональную предназначенность. Целью нейтральной цитации является замедление темпа диалога, выигрывание времени для обдумывания реплики собеседника и ответа на нее. Как правило, цитируемая фраза воспроизводится полностью или с небольшими усечениями:

*-Чудак ты этакой! – воротясь, сказал Тарантьев. – **Что тебе здесь сладко кажется?***

*-**Как что?** От всего близко, – говорил Обломов, – тут и магазины, и театр, и знакомые... центр города, все...*

-Что-о? – перебил Тарантьев. – А давно ли ты ходил со двора, скажи-ка? Давно ли ты был в театре? К каким знакомым ходишь ты? На кой черт тебе этот центр, позволь спросить?

-Ну, как зачем? Мало ли зачем! (И.А. Гончаров. Обломов, I, IV).

Экспрессивная цитация выражает отрицательное отношение к реплике собеседника или зафиксированной в ней жизненной позиции. Реплика-источник может быть воспроизведена полностью, но чаще из нее выбирается тот компонент, который стимулировал отрицательную реакцию. Показателен в этом отношении следующий текстовый фрагмент, отличающийся высокой степенью эмоциональной окраски, главную роль в выражении которой играют цитатные вопросы:

*Подхалюзин. **Что же ты, лизать, что ли, меня хочешь?***

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

*Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! **Да кто тебе поверит еще?***

*Рисположенский. **Кто поверит?***

*Подхалюзин. Да! **Кто поверит?** Погляди-тка ты на себя.*

*Рисположенский. **Кто поверит? Кто поверит?** А вот увидишь! А вот увидишь!..*

Подхалюзин. Да что увидеть-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? погоди!

Подхалюзин. погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пугать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пусть обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика! (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 4, 5).

То, что цитатный вопрос выполняет функцию эмоционального маркера, подчеркивается несколькими способами. Во-первых, он переходит «из уст в уста», т. е. употребляется в речи обоих коммуникантов. Во-вторых, на него не дается ответа, он сам по себе ответ: Подхалюзин выражает им уверенность, что никто не поверит Рисположенскому, а тот, напротив, предполагает обратное. В третьих, цитатный вопрос функционирует в окружении восклицательных высказываний, что свидетельствует об однородности синтаксического ряда и действительной «нагрузке» интеррогативного высказывания.

Нередко цитатный вопрос совмещает обе функции, которые переплетены так тесно, что невозможно отдать приоритет какой-либо из них – эмоциональная окрашенность высказывания «затушевывает» желание не отвечать на поставленный собеседником вопрос, или, по крайней мере, оттянуть на сколько возможно ответ:

Карандышев. Где ваши товарищи, господин Робинзон?

*Робинзон. **Какие товарищи?** У меня нет товарищей (А.Н. Островский. Бесприданница, 4, 2).*

Статус встречного вопроса неоднозначен. Определенную их часть можно рассматривать как интеррогативные высказывания в собственно

вопросительной функции. Однако не следует упускать из виду и тот факт, что встречный вопрос передает множество значений невопросительного характера, отражающих личностные аспекты коммуникации.

Т. о., пересечение ФСП интеррогативности с другими функционально-семантическими полями проявляется в существовании прагматических функций интеррогативных высказываний, являющихся периферийными средствами выражения этих функций.

Выводы по 3 главе

1. Категория интеррогативности обладает своей собственной функциональной направленностью, реализующейся в интеррогативном высказывании, и предназначена для выяснения неизвестного положения дел.

2. Функционально-семантическое пространство интеррогативности организуется в понятийную категорию, в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа.

3. Ядро ФСП интеррогативности образуют интеррогативные высказывания с эксплицитно выраженным категориальным семантическим компонентом «запрос информации», реализованные в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в диалогическом типе речи.

4. Ближняя периферия представлена интеррогативными высказываниями с категориальным семантическим компонентом «запрос информации», реализованными в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в монологическом типе внешней речи и во внутренней речи адресанта.

5. Дальняя периферия формируется интеррогативными высказываниями, выполняющими в различных ситуациях речи вторичные функции: выражение бытийного или эмоционального компонента, внесение дополнительного значения в условие коммуникативного контакта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка комплексного описания категории интеррогативности, которая входит в число наиболее значимых категорий языка, определяющих его антропоцентричность, и в которой пересекаются языковые и неязыковые знания, отражающие наши субъективные представления о том или ином положении дел.

Прежде всего ставилась задача выяснения концептуальных оснований категории интеррогативности, которая обладает всеми необходимыми признаками, чтобы быть признанной самостоятельной языковой категорией. Статус функционально-семантической категории (ФСК) позволяет интерпретировать интеррогативное значение как взаимодействие языковой системы и мыслительно-речевой деятельности. Функциональная природа интеррогативного значения в русском языке, его динамика, соотношение языковой картины мира и семантического поля с семантической доминантой «запрос информации» – обуславливают в процессе исследования интеррогативной семантики ряд зависимостей: «коммуникативная ситуация – семантическая категория – форма языкового знака – функция», при этом каждый элемент зависимостей прагматизирован, т. е. определяется отношением между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется. Условия процесса коммуникации, прагматические сферы адресанта и адресата являются основой систематизации интеррогативных высказываний как функционально-семантического поля (ФСП).

Категориальным основанием для интеррогативности выступает категориальный смысл вопросительности, который не только так или иначе представлен в речи, но и является принадлежностью строя языка, формируя комплекс грамматических единиц и их функциональных возможностей. Проведенный в работе анализ соотношения категориальной семантики интеррогативности и средств ее выражения в языке подтверждает тезис о функционально-семантической природе данной категории.

В качестве грамматикализованного ядра интеррогативности выступает система разноуровневых средств: синтаксическая категория интеррогативности (вопросительные предложения), лексико-грамматическая категория (вопросительные местоимения, частицы, глаголы с семантикой запроса) и интонация, возможности которой в выражении вопросительного значения невозможно переоценить.

Универсальность категории интеррогативности определяется и тем фактом, что в языковой системе она имеет самые непосредственные пересечения с другими ФСК, порой даже «интегрируя через себя» те категории, соположенность которых в принципе невозможна. Это проявляется прежде всего в том, что для выражения, с одной стороны, вопросительных значений используются невопросительные средства, а с другой, вопросительные по форме высказывания реализуют различные эмотивные и регулятивные смыслы.

Необходимо подчеркнуть еще раз и то, что в классификации ФСП полевая организация интеррогативности не находит себе определенного места, что, опять же, связано с тем участием, которое принимает интеррогативность в формировании базовых категорий языка, таких как модальность и коммуникативная перспектива высказывания.

Определяя ФСК интеррогативности как понятийную категорию, в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа, мы тем самым выдвигаем тезис о сложном и неоднозначном характере данного языкового явления.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенное нами исследование не преследовало цель расставить все точки над *i*, нашей задачей было доказать сам факт существования категории интеррогативности в языке и показать различные аспекты ее проявления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1993. – 35 с.
2. Аверьянов, Л.Я. Искусство задавать вопросы: Заметки социолога / Л.Я. Аверьянов. – М, 1987. – 223 с.
3. Адамец, П. К вопросу о синтаксической парадигматике / П. Адамец // Языкознание в Чехословакии. – М.: Прогресс, 1978. – С. 209-215.
4. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Praha: Academia, 1966. – 96 с.
5. Адамец, П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности / П. Адамец // Ceskoslovensko rusistika, 1968. – № 2.
6. Адамец, П. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения / П. Адамец, В. Граббе. – Slavia, 1968. – № 2.
7. Адмони, В.Г. О модальности предложения / В.Г. Адмони // Учен. ап. ЛГПИ, 1956. – Т. 21. – Вып. 1.
8. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
9. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: Наука, 1994. – 153 с.
10. Акимова, Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка: Учеб. пособие / Г.Н. Акимова. – Л., 1982. – 130 с.
11. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высшая шк., 1990. – 166 с.
12. Акимова, О.Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке / О.Б. Акимова. – М., 1999. – 169 с.
13. Акимова, Т.П. Побудительные высказывания с глаголами межличностных отношений в аспекте теории речевых актов / Т.П. Акимова // Русское слово: Сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – С. 5-13.

14. Аллен, Дж. Ф. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж. Ф. Аллен, Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
15. Алпатов, В.М. Об антропоцентрическом и системно-центрическом подходах к языку // В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 15-26.
16. Аманалиева, Ф.Б. Недиалогические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 17 с.
17. Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания / Б.Г. Ананьев. – М., 1960. – 486 с.
18. Андреева, С.В. Реализация семы вопросительности в русской разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1985. – 18 с.
19. Андреева, С.В. Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении / С.В. Андреева // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – Вып. 27. – С. 125-136.
20. Анисимова, Л.В. Вводно-модальные слова в составе вопросительного предложения /Л.В. Анисимова // Русский язык в науке и учебной практике. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. – С. 106-114.
21. Антомонов, А.Ю. Исследование структурной организации лексико-семантического поля: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 19 с.
22. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1974. – 367 с.
23. Арама, Б.Е. Психолингвистическое исследование модальности / Б.Е. Арама // Филологические науки. – М., 1997. – № 1. – С. 45-54.
24. Арват, Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке / Н.Н. Арват. – Киев: Вища шк., 1984 – 159 с.
25. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 443 с.

26. Арсланова, М.С. Структурные и функционально-семантические типы вопросительных предложений и способы выражения значения вопроса в башкирском языке / М.С. Арсланова. – Стерлитамак: Ред.-изд. отд. Стерлитамакской гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой, 2011. – 139 с.
27. Артемов, В.А. Об интонеме и интонационном инварианте // Интонация и звуковой состав / В.А. Артемов. – М.: Изд-во МГУ, 1966.
28. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
29. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания, 1986. – № 1. – С. 50-64.
30. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
31. Аханова, М.Г. Вопросительные местоимения «кто», «что» в свете синхронно-диахронной типологии категории одушевлённости / неодушевлённости: на материале енисейских языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д., 2010. – 19 с.
32. Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания, 1977. – № 3. – С. 47-54.
33. Ахутина, Т.В. Теория речевого мышления в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского / Т.В. Ахутина // Вести Моск. ун-та. – Сер. 14. – Психология, 1984. – № 3. – С. 3-13.
34. Баев, Б.Ф. Психология внутренней речи: Автореф. дисс. ... д-ра псих. наук. – Л., 1967. – 29 с.
35. Балашова, Л.Б. Антропоцентрическая составляющая в дискурсе вопрошания: Дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 178 с.
36. Балаян, А.Р. К проблеме функционально-лингвистического диалога / А.Р. Балаян // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и языка, 1971. – № 4. – С. 325.
37. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 416 с.

38. Баранов, А.К. Иллокутивные вынуждения в структуре диалога / А.К. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.
39. Баранов, А.Н. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка, 1983. – Т. 42. – № 3. – С. 263-274.
40. Бараулин, А.Н. Некоторые проблемы семантического анализа вопросительных местоимений (на материале русского языка) / А.Н. Бараулин // Теория и типология местоимений. – М.: Наука, 1980. – С. 27-49.
41. Барнет, В.К. К принципам строения высказываний в разговорной речи / В.К. Барнет // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. XV. – Современная зарубежная русистика. – С. 524-528.
42. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М., 1975. – 502 с.
43. Бахтин, М.М. Проблема автора / М.М. Бахтин // Вопросы философии, 1977. – № 7. – С. 148-160.
44. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1979. – 318 с.
45. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров: Собр. Соч. в 7 т. / М.М. Бахтин – М.: Рус. словари, 1996. – Т. 5. – 731 с.
46. Безяева, Т.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / Т.Г. Безяева. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 751 с.
47. Белая, Е.И. Сложноподчиненные предложения с собственно-вопросительной связью частей как компонент текста: Дисс. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2001. – 161 с.
48. Белецкая, О.Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 126 с.
49. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 180 с.

50. Беляева, Е.И. Модальность в различных типах речевых актов / Е.И. Беляева // Филологические науки. – М., 1987. – № 3. – С. 64-69.
51. Белнап, Н. Логика вопросов и ответов / Н. Белнап, Т. Стил. – М., 1981. – 288 с.
52. Белошапкова, В.А. Равнозначны ли «разве» и «неужели»? / В.А. Белошапкова, Е.Б. Степанова // Русская речь. – 1983. – № 5. – С. 57-60.
53. Белошицкая, Н.Н. Природа удостоверительно-вопросительных конструкций в аспекте лексико-синтаксической координации: на материале русского и английского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 22 с.
54. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: «Прогресс», 1974. – 447 с.
55. Бердник, Л.Ф. Вопросительное предложение с повествовательным значением в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1974. – 24 с.
56. Бердник, Л.Ф. О семантике вопросительного предложения / Л.Ф. Бердник // Проблемы грамматической семантики. – Ростов-н / Д., 1978. – С. 30-36.
57. Бердник, Л.Ф. Коммуникативные типы русских предложений / Л.Ф. Бердник. – Пермь, 1982. – 79 с.
58. Бердник, Л.Ф. Вопросительно-побудительные предложения в современном русском языке / Л.Ф. Бердник // Русский язык в школе. – 1989. – № 2. – С. 88-91.
59. Бердник, Л.Ф. К вопросу о классификации вопросительных предложений / Л.Ф. Бердник // Язык, смысл, текст. – Донецк, 1994. – С. 26-35.
60. Бердникова, Л.П. Стратегии в использовании интеррогативов в межличностной коммуникации / Л.П. Бердникова, Н.В. Гурова. М.–Пятигорск, 2006. – 190 с.
61. Беренштейн, П.А. О логической форме вопроса и грамматических средствах его выражения / П.А. Беренштейн, А.М. Шрам // Учен. зап.

Калининград. пед. ин-та. – Вып. 6. – Калининград, 1959. – С. 189-227.

62. Берков, В.Ф. Логическая сущность вопросов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1968. – 15 с.

63. Бирюлин, Л.А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – СПб, 1992. – 41 с.

64. Блонский, П.П. Память и мышление / П.П. Блонский. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2007. – 206 с.

65. Блох, М.Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения / М.Я. Блох // Иностранные языки в школе. 1976. – № 5. – С. 14-22.

66. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высш. шк., 1986. – 159 с.

67. Блошенко, Ю.В. Функционально-семантическое поле отрицания в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 1999. – 18 с.

68. Бобырева, Е.В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1996. – 22 с.

69. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1977. – 204 с.

70. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Ленинград. ун-т, 1990.

71. Бойко, Н.В. Категория «образа автора» в современной литературной критике (лингвистический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1982. – 25 с.

72. Бондарева, Г.А. Составные местоимения в русском языке: Автор. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 23 с.

73. Бондарко, А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений / А.В. Бондарко // Сб. науч. трудов ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1973. – Вып. 1.

74. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
75. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А.В. Бондарко. – Л., 1987. – 348 с.
76. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
77. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М., 2003. – 207 с.
78. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 43 с.
79. Бородина, Е.А. Экспозитивная функция речевых актов в диалогическом дискурсе и средства ее идентификации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 17 с.
80. Британ, И.Б. Вопросительные предложения в авторской речи художественного текста (на материале произведений немецких авторов и их переводов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005.
81. Бубнова, Г.И. Письменная и устная коммуникация: Синтаксис и просодия / Г.И. Бубнова, Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 272 с.
82. Буглак, С.И. Модальные слова и частицы в разных по целенаправленности типах простого предложения русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 22 с.
83. Бударagina, Е.И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 21 с.
84. Булыгина, Т.В. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка: Знание и мнение. – М.: Наука, 1988. – С. 46-63.

85. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997. – 575 с.

86. Бырдина, Г.В. Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросе-ответном единстве: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 19 с.

87. Валимова, Г.В. Функциональные типы вопросительных предложений в современном русском языке / Г.В. Валимова. – Ростов-н / Д., 1967. – 331 с.

88. Валимова, Г.В. О взаимодействии формальной и семантической структуры вопросительного предложения / Г.В. Валимова // Русский язык: Сборник тр. – М.: Просвещение, 1975. – С. 60-71.

89. Валимова, Г.В. Синонимия вопросительных предложений / Г.В. Валимова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-н / Д.: Ростовский пед.ин-т, 1978. – С. 23-31.

90. Валимова, Г.В. Актуальное членение вопросительных предложений / Г.В. Валимова // Проблемы грамматической семантики: сб. ст. – Ростов-н / Д.: Из-во Рост гос.пед.ин-та. – 1978. – С. 21-29.

91. Валимова, Г.В. Система вопросительных предложений / Г.В. Валимова // Синкретизм семантики синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-н / Д, 1986. – С. 21-35.

92. Валюсинская, З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов / З.В. Валюсинская // Синтаксис текста: Отв. ред. Г.А. Золотова. – М., 1979. – С. 299-313.

93. Ванников, Ю.В. Классификация вопросительных предложений / Ю.В. Ванников // Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работы за 1956 год. – Вып. 4. – Саратов, 1957. – С. 146-149.

94. Ванников, Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю.В. Ванников. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2009. – 294 с.

95. Вардуть, И.Ф. К обоснованию актуального синтаксиса / И.Ф. Вардуть // Язык и мышление: Отв.ред. Ф.П. Филин. – М., 1967. – С. 115-122.

96. Василенко, Л.И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1985. – 22 с.
97. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 105-113.
98. Васильева, А.А. Стилистическая функция порядка слов: (На материале сложноподчиненных предложений с уступительным значением в немецкой прозе и поэзии) / А.А. Васильева // Стилистический анализ художественного текста. – Смоленск, 1988. – С. 120-126.
99. Васильева, Н.Н. Психологические особенности диалога: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1984. – 24 с.
100. Вахтель, Н.М. Вопрос в позиции газетного заголовка / Н.М. Вахтель, К.С. Муртада. – Воронеж, 2003. – 116 с.
101. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Д. Бивии, Д. Джексон. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. – 320 с.
102. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 1. – XII. – 780 с.
103. Вейхман, Г.А. Дериваты вопросо-ответных единств / Г.А. Вейхман // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 69-78.
104. Венцов, А.В. Проблемы восприятия речи / А.В. Венцов, В.Б. Касевич. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
105. Визгина, А.М. Модальность неместоименных общевопросительных предложений в диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 20 с.
106. Визгина, А.М. Значение форм изъянительного наклонения в составе вопросительных предложений / А.М. Визгина // Русский язык в школе. – 1979. – № 1. – С. 60.
107. Винантова, И.В. Исследование коммуникативно-прагматических особенностей интеррогативных косвенных речевых актов: на материале

английских и русских художественных текстов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 22 с.

108. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка АН СССР. – М., 1950. – Вып. 2.

109. Виноградов, В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 3-29.

110. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М., 1959. – 654 с.

111. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М., 1971. – 240 с.

112. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове.) / В.В. Виноградов. – М.: «Высшая школа», 1972. – 614 с.

113. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 254-294.

114. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М., 1959 – 492 с.

115. Винокур, Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях речи в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1953. – 15 с.

116. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

117. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 79-129.

118. Власян, Г.Р. Сопоставительное исследование диалогов со встречным вопросом в английских художественных текстах и их переводах на русский язык / Г.Р. Власян. – Екатеринбург, 2002. – 191 с.

119. Водовозов, В. О вопросительных предложениях / В. Водовозов // Учитель. Журнал для наставников и родителей. – 1869. – № 15. – С. 482-485.
120. Волгина, Е.А. Сокращение и расширение конструкции как прием экспрессивной речи (на материале местоименных вопросительных предложений современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.
121. Волкова, Л.Б. Диалог в речемыслительной деятельности (экспериментальное исследование вопросов к тексту): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 1995. – 20 с.
122. Волошинов, В.И. Марксизм и философия языка Основные проблемы социолингвистического метода в науке о языке / В.И. Волошинов. – Л., 1929. – 157 с.
123. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
124. Воробьева, О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1993. – 38 с.
125. Востоков, В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке / В.В. Востоков. – Арзамас: Изд-во АГПИ, 2000. – 281 с.
126. Вохрышева, Е.В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – СПб., 2001. – 43 с.
127. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М.В. Всеволодова. – М, 2000. – 502 с.
128. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах / Л.С. Выготский. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982.
129. Гаврилова, Г.Ф. Вопросительные конструкции, их семантика и сочетаемость / Г.Ф. Гаврилова // Слово и время: Сб. науч. трудов. – Славенск, 1997. – С. 23-27.

130. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
131. Гайнутдинова, А.Ф. Возвратные местоимения в современном русском языке: функциональный аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 22 с.
132. Гайсина, Р.М. Средства речевого контакта в отношении к структуре предложения / Р.М. Гайсина // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-н/ Д., 1971. – С. 36-44.
133. Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. – 195 с.
134. Гак, В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1968. – 36 с.
135. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис / В.Г. Гак. – М.: Высш. шк., 1981. – 208 с.
136. Гак, В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В.Г. Гак // Иностр. языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 11-17.
137. Гальперин, П.Я. К вопросу о внутренней речи / П.Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. – Вып. 4. – М., 1957.
138. Гальперин, И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения) / И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1977. – Т. 36. Вып. 6. – С. 522-538.
139. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического анализа / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
140. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996.
141. Гастева, Н.И. Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1990. – 20 с.
142. Гельгардт, Р.Р. Рассуждение о монологах и диалогах (к общей теории высказывания) / Р.Р. Гельгардт // Сб. докл. и сообщен.

лингвистического общества. – Вып. 1. – Калинин, 1971.

143. Глазкова, С.Н. Специфика функционирования вопросительных высказываний в педагогическом диалоге / С.Н. Глазкова. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2011. – 279 с.

144. Гоголина, Т.В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.

145. Гойхман, О.Я. Основы речевой коммуникации / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 269 с.

146. Голев, Н.Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом / Н.Д. Голев // Житниковские чтения VII. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме. – Челябинск, 2004. – С. 114-116.

147. Голубева-Монаткина, Н.И. Проблема классификации вопросов и ответов диалогической речи: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1990. – 37 с.

148. Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: классификационное исследование / Н.И. Голубева-Монаткина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 200 с.

149. Горелов, В.И. О природе риторического вопроса / В.И. Горелов // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 25. – Вып. 4. – 1966. – С. 347-349.

150. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М: Наука, 1980. – 104 с.

151. Горелов, И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / И.Н. Горелов // Вопросы психолингвистики. – № 1. – 2003. – С. 13-18.

152. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 303 с.

153. Горская, Г.Б. Внутренняя речь как механизм саморегуляции мыслительной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М.,

1980. – 26 с.

154. Грайс, Е.П. Логика и речевое общение / Е.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-237.

155. Грамматика русского языка. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. – 1960. – 702 с.

156. Грамматика русского языка. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. 1960. – 440 с.

157. Грeпл, М.О. О сущности модальности / М.О. Грeпл // Языкознание в Чехословакии: сб. статей 1956-1974 гг. – М., 1978.

158. Григорьева, Л.Н. Диалогические высказывания с побудительной интонацией / Л.Н. Григорьева // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л., 1991. – С. 125-130.

159. Гришина, Н.И. Дативные предложения в парадигматическом аспекте / Н.И. Гришина. – М., 2002. – 198 с.

160. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М., 1969. – 184 с.

161. Гуляева, Н.И. Вопросительные предложения в коми литературном языке: семантика, функции и структура: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2013. – 24 с.

162. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37-300.

163. Гуревич, В.В. Модальная актуализация смыслов компонентов предложения и слова / В.В. Гуревич // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1985. – № 2. – С. 50-55.

164. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.

165. Гущина, Л.В. Фатическая функция обращения в диалогической речи (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ...

канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 2006. – 19 с.

166. Даниленко, В.П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108-131.

167. Дастамуз, С. Русские вопросительные инфинитивные предложения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.

168. Дейк, ван Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

169. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 374 с.

170. Деметрий. О стиле / Деметрий // Античные риторика. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносов, 1978. – С. 235-285.

171. Демидов, Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе и перспективе: связанные и свободные функции: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – СПб., 2011. – 42 с.

172. Денисенко, В.Н. Теория семантического поля: тексты, вопросы, комментарии / В.Н. Денисенко: Учебные материалы к спецкурсу «Проблемы общей и русской семантики». – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 88 с.

173. Долгова, А.П. Вопросительные предложения и средства выражения вопроса в чувашском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 1999. – 19 с.

174. Долинин, К.И. Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста (французский язык): Автореф. ... дис. докт. филол. наук. – М., 1989. – 46 с.

175. Дроботова, Л.Л. Семантика и функции вопросительных предложений с отрицательной формой сказуемого в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1983. – 24 с.

176. Дягилева, И.Б. Вопросительные частицы (контекстуальный анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 16 с.

177. Евтюхин, В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий / В.Б. Евтюхин. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997. – 200 с.
178. Еемеерен, Ф.Х. ван. Аргументация, коммуникация, ошибки / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб: Васильевский остров, 1992. – 207 с.
179. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – 408 с.
180. Ефимова, А.И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимова. – М., 1961. – 519 с.
181. Ефремов, А.Ф. Язык Н.Г. Чернышевского / А.Ф. Ефремов. – Саратов, 1951. – 380 с.
182. Желудкова, Е.Г. Функционально-прагматический аспект категории адресации (на материале французского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 19 с.
183. Жинкин, Н.И. Вопрос и вопросительное предложение / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 22-34.
184. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
185. Жинкин, Н.И. Грамматика и смысл / Н.И. Жинкин // Язык и человек. – М., 1970. Вып. 4.
186. Жинкин, Н.И. Язык – речь – творчество (Избранные труды) / Н.И. Жинкин. – М., 1998. – 368 с.
187. Заботин, В.В. Проблема вопроса и ответа в логике / В.В. Заботин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1961. – Т. 1. – С. 68-76.
188. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
189. Заметалина, М.Н. К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии / М.Н. Заметалина //

Филологические науки. – № 5. – 2002. – С. 89-93.

190. Заметалина, М.Н. Функционально-семантическое поле бытийности в синхронии и диахронии / М.Н. Заметалина. – Волгоград: Перемена, 2002. – 228 с.

191. Занько, С.Ф. Основные вопросы лингвистической теории диалога: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1971. – 20 с.

192. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность / А.В. Зеленщиков. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 1997. – 244 с.

193. Земская, Е.А. Язык как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Яз. славян. культуры. 2004. – 685 с.

194. Зименкова, В.А. Внутренний монолог персонажей как проявление лирического начала в эпическом тексте / В.А. Зименкова // Текстовый и синтаксический уровень стилистического анализа: Под ред. И.В. Арнольд. – Л., 1990. – 160 с.

195. Зимняя, И.А. Вербальное мышление (психологический аспект) / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.

196. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М., 1973. – 351 с.

197. Золотова, Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г.А. Золотова // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 113-133.

198. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

199. Золоторева, Н.В. Интонация вопросов разговорного содержания в их первичной и вторичной функциях: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1990.

200. Зуев, Ю.И. К логической интерпретации вопроса / Ю.И. Зуев // Логико-грамматические очерки. – М., 1961. – С. 97-133.

201. Зуев, Ю.И. Вопрос и вопросительное предложение / Ю.И. Зуев // Учен. зап. Ивановского пед. ин-та. – Т. 36. – Ярославль, 1966.

202. Зуев, Ю.И. Вопрос как предмет логического анализа: Автореф.

дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1967. – 11 с.

203. Иванищева, О.Н. Текстовый аспект изъяснительных сложноподчиненных предложений с относительными словами: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Л., 1988. – 20 с.

204. Иванчикова, Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е.А. Иванчикова. – М., 1979. – 287 с.

205. Илия, А.И. Синтаксис современного французского языка / А.И. Илия. – М., 1962. – 384 с.

206. Ильенко, С.Г. Сложное предложение в современном русском языке / С.Г. Ильенко. – Л., 1976.

207. Ильенко, С.Г. Предложение в текстовом аспекте / С.Г. Ильенко // Предложение в текстовом аспекте. – Вологда, 1985. – С. 3-15.

208. Ильенко, С.Г. Синтаксические единицы в тексте / С.Г. Ильенко. – Л., 1989. – 82 с.

209. Ильенко, С.Г. Коммуникативный аспект рассмотрения предложения и вопрос о его признанных и непризнанных составляющих / С.Г. Ильенко // Русистика: Избранные труды. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – 674 с.

210. Иофик, Л.Л. Структурный синтаксис английского языка / Л.Л. Иофик. – Л., 1972.

211. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

212. Йокояма, О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке / О. Йокояма // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 94-102.

213. Йокояма, О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005 / О.Б. Йокояма. – 424 с.

214. Казаковская, В.В. Выражение согласия / несогласия в диалоге «взрослый – ребенок» (на материале русского языка) / В.В. Казаковская // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука,

2005. – С. 376-424.

215. Калинина, Л.А. Структурные и семантические свойства синкретичных предложений, выделяемых по цели высказывания: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 16 с.

216. Калинина, А.А. Категория утверждения / отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Казань, 2011. – 42 с.

217. Каминская, Т.Л. Повествовательные предложения с формами 2-го лица в диалогическом тексте: семантика, прагматика, иллокутивные функции: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Новгород, 1997. – 21 с.

218. Канафьева, А.В. Риторический вопрос: экспрессия местоименных слов / А.В. Канафьева // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. – М.: МГОУ, 2006. – С. 138-140.

219. Канафьева, А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции / А.В. Канафьева. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 198 с.

220. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

221. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002.

222. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М., 1976.

223. Карашулакова, М.Ж. Вопросительное предложение монологической речи в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1986. – 24 с.

224. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ / Д. Карнеги. – М.: Прогресс, 1993. – 720 с.

225. Карпушина, Е.Е. Грамматическая, прагматическая и интеракциональная вариативность вопросительных конструкций: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 1992.

226. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж, 2000. – 167 с.

227. Ким Дон Ок. Интонация основных типов вопросов и ответов в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.

228. Ким, Л.Г. Коммуникативное рассогласование реплик в диалогической речи персонажей В.М. Шукшина / Л.Г. Ким // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Международной науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д.ф.н., профессора О.И. Блиновой. – Томск: Томский гос. ун-т. – 2006. – С. 413-418.

229. Кириллина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириллина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

230. Кларк, Г.Г. Слушающие и речевой акт / Г.Г. Кларк, Т.Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 270-322.

231. Клименко, А.П. Лексическое ассоциирование и связность текста / А.П. Клименко // Проблемы внутренней динамики речевых норм: Сборник науч. статей. – Минск, 1982. – С. 115-120.

232. Клобуков, Е.В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е.В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник ст. памяти В.А. Белошапковой. – М.: Индрик, 2001. – С. 107-118.

233. Клокова, О.В. Формальные и функционально-семантические особенности несобственно-вопросительных предложений в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2002. – 198 с.

234. Ключев, Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е.В. Ключев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

235. Кобозева, И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений / И.М. Кобозева // Текст в речевой

деятельности. – М., 1988. – С. 39-46.

236. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал, 2000. – 352 с.

237. Кобрин, М.А. Когерентные характеристики диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1986. – 22 с.

238. Ковтунова, И.И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение / И.И. Ковтунова. – М., 1976. – 239 с.

239. Кодзасов, С.В. Интонация вопросительных предложений с пропозициональным предикатом мышления / С.В. Кодзасов // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 216-227.

240. Кодухов, В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке / В.И. Кодухов. – Л., 1957. – 87 с.

241. Кожевникова, И.А. Речевые разновидности повествования в русской советской прозе / И.А. Кожевникова. – М., 1973.

242. Кожевникова, К. Спонтанная устная речь в эпической прозе (На материале современной русской художественной литературы) / К. Кожевникова. – Praga, 1971. – 168 с.

243. Кожевникова, К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста: Отв. ред. Г.А. Золотова. – М., 1979. – С. 49-68.

244. Кожин, А.Н. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М., 1982. – 223 с.

245. Кожина, М.Н. К основаниям функциональной стилистики / М.Н. Кожина. – Пермь, 1968. – 251 с.

246. Кожина, М.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста / М.Н. Кожина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1975. – № 5. – С. 62-68.

247. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1983. – 223 с.

248. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи / М.Н. Кожина. – Пермь, 1986. – 90 с.

249. Козьменко, В.А. Имеют ли вопросительные местоимения значение вопросительности? / В.А. Козьменко // Вестник Харьковского ГУ. – 1981. – № 217.

250. Кокорина, С.И. Проблемы описания грамматики русского языка как иностранного / С.И. Кокорина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 132 с.

251. Колесникова, С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. – М.: МПУ, 1998. – 421 с.

252. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб., 2004.

253. Колокольцева, Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2001. – 48 с.

254. Колшанский, Г.В. Некоторые вопросы семантики в гносеологическом аспекте / Г.В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 5-31.

255. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 1984. – 175 с.

256. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.

257. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI / Р. Конрад. – М., 1985. – С. 349-383.

258. Корнеева, В.В. Косвенные речевые акты совета в испанском и русском языках / В.В. Корнеева // Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте: Сб. науч. тр., посвящ. 80-летию Воронежского гос. ун-та. – Воронеж, 1998. – С. 102-110.

259. Королькова, И.А. Семантико-синтаксические свойства вопросительного предложения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 179 с.

260. Косогорова, Х.Г. Коммуникативно-синтаксическая организация вопросно-ответных диалогических единств (на мат. русской волшебной

сказки): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2006. – 23 с.

261. Костинский, Ю.М. Вопросы синтаксической парадигматики (Обзор) / Ю.М. Костинский // Вопросы языкознания. – 1969. – № 5.

262. Кошева, А.Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 25 с.

263. Кошкаров, В.Л. Внутренняя речь как компонент художественного произведения и ее синтаксические особенности в прозе Ф.М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 16 с.

264. Крейдлин, Г.Е. О порядке слов в вопросительном предложении с несколькими вопросительными словами / Г.Е. Крейдлин // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1982. – С. 92-98.

265. Крейдлин, Г.Е. Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом «какой» / Г.Е. Крейдлин // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 43. – № 5. – 1984. – С. 457-470.

266. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

267. Крестинский, С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге / С.В. Крестинский // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 92-98.

268. Кривоносов, А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношений языка и мышления / А.Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 23-36.

269. Кронгауз, М.А. Игровая модель диалога / М.А. Кронгауз // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 55-60.

270. Крылов, С.А. О семантике местоименных слов и выражений / С.А. Крылов // Русские местоимения: семантика и грамматика. – Владимир, 1989. – С. 5-12.

271. Крылова, Л.В. Монолог как один из видов текста Л.В. Крылова // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1979. –

Вып. 141. – С. 37-48.

272. Крылова, О.А. Порядок слов в вопросительном предложении // О.А. Крылова, С.А. Хавроница // Порядок слов в русском языке. – М., 1976. – С. 100-117.

273. Крылова, О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1993. – 26 с.

274. Крысин, Л.П. Социальный аспект владения языком // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия / Л.П. Крысин. – М., 2007.

275. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1.

276. Кудашина, В.Л. Коммуникативные функции порядка синтаксических сегментов и вопросы культуры речи / В.Л. Кудашина. – Невинномысск, 2003. – 193 с.

277. Курбанова, Л.А. Простые и сложные предложения асимметричной структуры в составе диалогического единства: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д. 1994. – 24 с.

278. Кусько, Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы: несобственно-прямая речь в литературе ГДР / Е.Я. Кусько. – Львов, 1980. – 207 с.

279. Кучереносов, В.Е. Вопросительное предложение и диалог вопросо-ответного типа в русском языке (структурно-прагматическая характеристика): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988. – 24 с.

280. Кучинский, Г.М. Психология современного диалога / Г.М. Кучинский. – Минск, 1988. – 206 с.

281. Лаврентьев, В.А. Категория синтаксического лица в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2013. – 43 с.

282. Лагутин, В.И. Прагмалингвистический аспект исследования вопросительных предложений / В.И. Лагутин // Структурно-семантические и прикладные исследования. – Кишинев, 1990. – С. 87-91.

283. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
284. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
285. Ламбарджян, С.П. Значение уверенности / неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 18 с.
286. Лаптева, О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М., 1976. – 400 с.
287. Лассан Э.О. О роли вопроса в дискурсе различных направлений / Э.О. Лассан // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997.
288. Лебедева, Л.Б. Референциальные критерии в типологии высказывания / Л.Б. Лебедева // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 51-63.
289. Левицкий, В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия / В.В. Левицкий // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 66-73.
290. Леденев, Ю.Ю. Явления изофункциональности в синтаксисе языка / Ю.Ю. Леденев. – Ставрополь, 2001. – 168 с.
291. Лекант, П.А. Предложение и высказывание / П.А. Лекант // Строение предложения и содержание высказывания. – М., 1986. – С. 3-8.
292. Лекант, П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Грамматические категории слова и предложения / П.А. Лекант. – М.: МГОУ, 2007. – 215 с.
293. Леонтьев, А.А. Психологические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М., 1969. – 307 с.
294. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – 1969. – 214 с.
295. Леонтьев, А.А. Основы теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М., 1974. – 367 с.

296. Леонтьев, А.Н. Мотивы, эмоции, личность / А.Н. Леонтьев // Психология личности. Тексты. М., 1982. – С. 71-81.
297. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
298. Лимантов, Ф.С. Вопрос как предмет логического исследования / Ф.С. Лимантов // Философские исследования. – Л., 1968.
299. Линдстрем, Е.Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: Дисс. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003. – 189 с.
300. Лисовицкая, Л.Е. Структура и функции начального предложения в художественной прозе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.
301. Лихачев, Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV-начало XV века) / Д.С. Лихачев. – М.-Л., 1962. – 372 с.
302. Лобанова, Н.А. Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке / Н.А. Лобанова. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
303. Логинов, А.В. Вопросительное предложение во внутренней речи персонажа художественного произведения / А.В. Логинов. – Мичуринск, 2007. – 175 с.
304. Логинов, А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке / А.В. Логинов. – Мичуринск: МГПИ, 2010. – 350 с.
305. Лойфман, Н.Я. О некоторых вопросах изучения вопросительного предложения / Н.Я. Лойфман // Тезисы доклада на межвуз. лингвистич. конференции. – Горький, 1958. – 12 с.
306. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 200 с.
307. Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев. – М., 1983.
308. Лосева, Л.М. Межфразовая связь в текстах монологической речи (Основные структурные типы и принципы семантической организации): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Одесса, 1969. – 43 с.
309. Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М., 1980. – 98 с.

310. Лунева, В.П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое) / В.П. Лунева. – Пермь, 1982. – 87 с.
311. Лурия, А.Р. Курс общей психологии / А.Р. Лурия. Лекция 1-6 – М., 1970. – 143 с.
312. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М., 1979. – 319 с.
313. Лысенко, В.И. Вопросительные сложноподчиненные предложения с придаточными условными в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1996. – 24 с.
314. Ляпон, М.И. Из истории выражения модальности в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 1971.
315. Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. – М., 1969. – 308 с.
316. Макарова, Н.П. Прагматические характеристики унисонных диалогических единств / Н.П. Макарова // Диалог о диалоге. Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд. Мордов ун-та, 1991. – С. 23-28.
317. Малахова, О.А. Функционально-семантическое поле вопросительности в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2005. – 146 с.
318. Малютнина, А.Г. Вопросительные предложения с вводно-модальными словами / А.Г. Малютнина // Учен. зап. Петрозаводского ун-та. – 1966. – Т. XIV. – Вып. 7. – Лингвистический сборник. Филол. науки. – № 24. – С. 20-29.
319. Мальцев, М.Д. Заметки о вопросах и вопросительных предложениях причины и цели в языке А.С. Пушкина / М.Д. Мальцев // Ученые записки Ленинград. пед. ин-та. – Т. 76. – 1949. – С. 211-220.
320. Мамаева, Д.М. Местоимения в кумыкском и русском языках: функционально-семантический аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2013. – 26 с.
321. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1996. – 47 с.

322. Мартянова, И.А. Субъектная ориентация как один из факторов композиционно-синтаксической организации простого предложения И.А. Мартянова // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ, 1988. – 146 с.

323. Матвеева, С.А. Вопросительное предложение и его стилистические функции в публицистике А.И. Герцена (на материале «Колокола»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1966. – 24 с.

324. Матвейкина, Ю.И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект: на материале произведений В.О. Пелевина и С.Д. Довлатова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 18 с.

325. Мелькумянц, В.А. Многозвенные вопросы, выраженные вопросительными предложениями с вопросительными местоимениями в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 1997. – 23 с.

326. Мешков, М.Н. Местоимения и обращения в русской лирике XIX века: коммуникативный аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Елец, 2011. – 19 с.

327. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л., 1978. – 388 с.

328. Мизин, О.А. Функции обращения в современном русском языке / О.А. Мизин // Вопросы методики преподавания языка и литературы. Вып. 4. – Минск, 1973.

329. Микута, И.В. О правилах смены в спонтанном диалоге / И.В. Микута // Квантитативная лингвистика и семантика: Сб науч. тр. Вып. 2. – Новосибирск, 2000. – С. 150-155.

330. Милевская, Т.Е. Средства выражения речевого контакта в русском языке (Вопросо-ответный комплекс в научно-популярных произведениях): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 17 с.

331. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) /

Е.В. Милосердова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 196 с.

332. Милых, М.К. Прямая речь в художественной прозе / М.К. Милых. – Ростов-н Д., 1958. – 240 с.

333. Милых, М.К. Конструкции с прямой речью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Л., 1962. – 28 с.

334. Михальская, А.К. Риторика / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001.

335. Минина, С.В. Аномальные коммуникативные ситуации, обусловленные нарушением принципа кооперации (в сфере вопросно-ответного дискурса): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2006. – 23 с.

336. Мишланов, В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса / В.А. Мишланов. – Пермь, 1996. – 268 с.

337. Молявина, Е.А. Лингвопрагматическая характеристика обозначения действий коммуникантов в диалоге (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 17 с.

338. Монтень, М. Опыты. Избранные главы / М. Монтень. – М.: Правда, 1991.

339. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1981. – 183 с.

340. Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. На материале немецкого языка / О.И. Москальская. – М.: Высш. шк. – 1981.

341. Московской, В.А. Интеррогация в языках различного строя. Логико-семантическое и структурно-типологическое исследование / В.А. Московской. – Ростов-н / Д., 1989. – 192 с.

342. Мостовая, Л.А. Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами «зачем» и «почему»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 20 с.

343. Муравьева, И.А. Вопросительные предложения разных типов и понятие презумпции Муравьева / И.А. Муравьева // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. – Ч. 1. – М., 1998.

344. Мухаметова, Г.Г. Вопросительные предложения в поэтической речи (на материале русской поэзии 1-ой половины XIX века): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 16 с.
345. Мышкина, Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста / Н.Л. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
346. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В.В. Налимов. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
347. Наумова, М.В. Интеррогативный диалог (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 22 с.
348. Невольникова, С.В. Функционально-семантические разновидности русских вопросительных предложений и их роль в текстообразовании: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 2004. – 25 с.
349. Немец, Г.П. О порядке слов в конструкциях с прямой речью: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1966. – 40 с.
350. Немец, Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальных отношений в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Днепропетровск, 1990. – 38 с.
351. Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О.А. Нечаева. – Улан-Удэ, 1974.
352. Никитина, Е.С. Внутренняя речь и мышление (психолингвистический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 20 с.
353. Николаева, Т.М. Функции частиц в высказывании: (на материале славянских языков) / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
354. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М., 1982. – 272 с.
355. Носенко, Э.Л. Некоторые особенности грамматического оформления устного высказывания в состоянии эмоциональной напряженности / Э.Л. Носенко // В кн.: Вопросы теории романо-германских языков. – Днепропетровск, 1975.
356. Общение. Текст. Высказывание / Т.Я. Андриющенко, В.И. Батов,

В.П. Белянин и др. / Отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов; Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – 172 с.

357. Одинцов, В.В. Стилистическая структура диалога / В.В. Одинцов // Языковые процессы современной художественной литературы. Проза. – М., 1977.

358. Озерова, Н.И. Структурные типы эмоциональных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1966. – 24 с.

359. Орлова, М.Н. Структура диалога в современном русском языке (Вопросно-ответная форма): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1968. – 20 с.

360. Осоловская, А.Д. Структура простого предложения с местоименными словами в современном русском языке / А.Д. Осоловская // Ученые записки. – Ульяновск, 1959. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 33-52.

361. Останин, А.И. Соотносительность обращений и вопросительных предложений / А.И. Останин // Русский язык в школе. – 1990. – № 2. – С. 87-91.

362. Павлов, В.М. Полевые структуры в строе языка / В.М. Павлов. – СПб., 1996. – 116 с.

363. Павловская, И.Ю. Фоносемантические аспекты речевой деятельности: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1999. – 56 с.

364. Падучева, Е.В. Прагматические аспекты связности диалога / Е.В. Падучева // ИАН СРЯ. – Т. 41. – № 4. – 1982. – С. 305-313.

365. Падучева, Е.В. Референциальные аспекты высказывания: Дисс. ... докт. филол. наук. – М, 1982.

367. Падучева, Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 33-46.

368. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.

369. Панкова, В.В. Фразеосинтаксические схемы с опорным

компонентом-местоимением: язык и речь: на материале русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 2007. – 20 с.

370. Панкратов, В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация / В.Н. Панкратов. – М., 2001. – 208 с.

371. Панфилов, В.З. Взаимоотношения языка и мышления / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 230 с.

372. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37-48.

373. Парамонов, Д.А. Особенности грамматического выражения модальности в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, – М., 1998. – 24 с.

374. Петрикеева, А.П. Модальная перспектива в побудительных предложениях: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 18 с.

375. Петров, Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н.Е. Петров. – Новосибирск: Наука, 1982. – 161 с.

376. Петрова, О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов / О.В. Петрова. – Воронеж, 1989.

377. Петрянкина, В.И. Функционально-семантический аспект интонации / В.И. Петрянкина. – М., 1988. – 190 с.

378. Печникова, Н.А. Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 1995. – 223 с.

379. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956. – 511 с.

380. Пешковский, А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М., 1959.

381. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 174 с.

382. Платоненко, Н.М. Неполное вопросительное предложение и контекст / Н.М. Платоненко // Лингвистика текста. – Пятигорск, 1993. –

С. 126-132.

383. Плунгян, В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1998.

384. Покровская, Е.А. Грамматико-стилистическое своеобразие авторской ремарки при прямой речи в современной русской художественной прозе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1982. – 28 с.

385. Полевые структуры в системе языка // Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1985. – 198 с.

386. Полонский, А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности / А.В. Полонский. – М.: Русский двор, 1999. – 256 с.

387. Поляков, И.В. Лингвистика и структурная семантика / И.В. Поляков. – Новосибирск: Наука, 1987. – 190 с.

388. Попов, П.С. Суждение и предложение / П.С. Попов // Вопросы синтаксиса современного русского языка: Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1960. – С. 18-26.

389. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // УИТА in lingua: к юбилею профессора С.Г. Воркачева / Сб. статей. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 171-180.

390. Пороговый уровень. Русский язык. – Т. 2. Повседневное общение / Под ред. О.Д. Митрофановой. – Совет Европы Пресс, 1996. – 263 с.

391. Портянников, В.А. Грамматико-стилистическая характеристика вопросительных предложений современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 28 с.

392. Пospelов, Н.С. Проблема ССЦ в современном русском языке / Н.С. Пospelов // Ученые записки МГУ. – Вып. 137. – Труды каф. русского языка. – Кн. 2. – М., 1948. – С. 31-41.

393. Пospelов, Н.С. Предложение как формула и предложение как высказывание / Н.С. Пospelов // Исследования по славянской филологии. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – С. 263-267.

394. Потebня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потebня. – М., 1976.

395. Почепцов, О.Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1979. – 24 с.
396. Почепцов, О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.
397. Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Сост. и предисл. Н.А. Кондрашова – М.: Прогресс, 1967. – 559 с.
398. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Е.В. Андреева, А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова и др.; Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 2000. – 345 с.
399. Пробст, Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2014. – 23 с.
400. Проничев, В.П. Синтаксис обращения / В.П. Проничев. – Л., 1971.
401. Проселкова, М.Е. Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения с приглагольной придаточной частью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 18 с.
402. Прохоров, Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 38 с.
403. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974.
404. Путивцева, И.А. Функционально-семантическое поле временной характеристики события: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2006. – 24 с.
405. Пьянова, В.М. Инфинитивные предложения в частной переписке XVII – начала XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1973.
406. Рагозина, Е.В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. – 23 с.
407. Ранних, Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 20 с.

408. Распопов, И.П. Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке / И.П. Распопов. – Куйбышев, 1953.
409. Распопов, И.П. К вопросу о модальности предложения / И.П. Распопов // Учен. зап. Благовещ. пед. ин. – 1957. – Т. 8.
410. Распопов, И.П. Вопросительные предложения / И.П. Распопов // Русский язык в школе. – 1958. – № 1. – С. 34-37.
411. Распопов, И.П. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи) / И.П. Распопов. – Уфа, 1961. – 164 с.
412. Распопов, И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике / И.П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4.
413. Распопов, И.П. Строение простого предложения в современном русском языке/ И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970 – 189 с.
414. Распопов, И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной квалификации предложений / И.П. Распопов // Синтаксис и интонация. – Уфа, 1973. – Вып. 2.
415. Ремизова, С.А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 18 с..
416. Рестан, П. Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. (Главным образом на материале современного русского языка) / П. Рестан. – Oslo, 1972. – 880 с.
417. Реферовская, Е.А. Лингвистические исследования структуры текста/ Е.А. Реферовская. – Л., 1983. – 215 с.
418. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
419. Ринберг, В.Л. Конструкции связного текста в современном русском языке / В.Л. Ринберг. – Львов, 1987. – 166 с.
420. Рогова, К.А. Вопросительные предложения в публицистике

- В.И. Ленина / К.А. Рогова // Русский язык в школе. – 1980. – № 2. – С. 76-79.
421. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М.: Лабиринт, 1994. – 216 с.
422. Руделев, В.Г. Русский язык. Учение о предложении / В.Г. Руделев. – Тамбов: ТГУ, 1992. – 202 с.
423. Русская грамматика. – Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
424. Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвуз. сб. науч. тр. – Владимир: ВГПИ, 1989. – 149 с.
425. Русский семантический словарь // Авт.-сост.: Н.Ю. Шведова и др.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1. – М., 1998 – 800 с.
426. Русский язык / Энциклопедия. – М., 1979. – 431 с.
427. Рыжов, С.А. Функционально-семантические свойства интеррогативных реплик в динамической модели диалога: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2003. – 20 с.
428. Рябцева, Н.К. Интеррогативность научного языка / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Проблема интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989.
429. Саакьян, Р.Я. Сложносочиненные предложения с вопросительным предложением в своем составе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1965. – 23 с.
430. Савченко, А.И. Лингвистика речи / А.И. Савченко // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4.
431. Самсонова, Н.Н. Структура и функции вопросительных предложений (типы русских вопросов со словом «как»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 24 с.
432. Саранцацрал, Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1993. – 36 с.
433. Светана, С.В. О диалогизации монолога / С.В. Светана // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1985. – № 4. – С. 39-46.

434. Святогор, И.П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке (Диалектическое единство) / И.П. Святогор. – Калуга, 1960. – 39 с.
435. Святогор, И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 20 с.
436. Святогор, И.П. Специальные вопросительные средства языка // Вопросы грамматики русского языка / И.П. Святогор. – Тула, 1974.
437. Святогор, И.П. Вопросительные частицы в составе вопросительных предложений / И.П. Святогор // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка. – Тула, 1976.
438. Седельников, Е.А. Еще о синтагматической теории / Е.А. Седельников // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1.
439. Седов, К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах ролевого портретирования) / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 6-29.
440. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 151 с.
441. Сёрль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.
442. Сидоренко, Е.И. Функциональные особенности вопросительных местоимений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д, 1972. – 24 с.
443. Сидоренко, Е.И. Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е.И. Сидоренко. – Киев-Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
444. Синеокова, Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса / Т.Н. Синеокова. – Нижний Новгород, 2003. – 244 с.
445. Скворцова, Е.В. Интонация субъективно-модальных разновидностей местоименного вопроса в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 24 с.

446. Сколкова, А.М. О модально-экспрессивных и модально-эмоциональных оттенках неместоименных вопросительных предложений / А.М. Сколкова // Вопросы грамматического строя современного русского языка. – М., 1972. – С. 203-210.

447. Скребнев, Ю.М. Исследования русской разговорной речи / Ю.М. Скребнев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 144-155.

448. Скребнев, Ю.М. Исследования русской разговорной речи / Ю.М. Скребнев // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 163-167.

449. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Л. Азимов, А.И. Щукин. – СПб: Златоуст, 1999. – 473 с.

450. Слюсарева, Н.А. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста / Н.А. Слюсарева // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин, 1978. – С. 91-105.

451. Смирнова, М.Д. Предложения с вопросительными словами в функции возражения (когнитивно-лингвистический анализ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. – 19 с.

452. Смирнова, М.Н. К проблеме коммуникативных неудач в неофициальном диалоге / М.Н. Смирнова // Ноосферные знания и технологии: XXI век. Тезисы докладов науч-практ конф (Череповец, 4-5 июля 2002). – Череповец, 2002. – С. 74-75.

453. Смулаковская, Р.Л. Лексико-семантические отношения в тексте (функционально-коммуникативный аспект): Учебное пособие к спецкурсу / Р.Л. Смулаковская. – Л., 1987. – 72 с.

454. Со, Бокар. Особенности актуального членения реплик в русской диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 1988. – 164 с.

455. Соколов, А.И. Внутренняя речь и мышление / А.И. Соколов. – М., 1968. – 248 с.

456. Соколова, Л.А. Несобственно-авторская / несобственно-прямая речь как стилистическая категория / Л.А. Соколова. – Томск, 1968. – 280 с.

457. Соколовская, Ж.П. Проблемы системного описания лексической

семантики / Ж.П. Соколовская. – Киев, 1990.

458. Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах диалога / А.К. Соловьева // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6.

459. Сорина, Г.В. К вопросу о построении интеррогативной методологии научного исследования / Г.В. Сорина // Проблемы логики и методологии научного познания. – М., 1988.

460. Стародумова, Е.А. Русские частицы: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1997. – 39 с.

461. Старченко, А.А. Семантика вопросов в естественном языке / Е.А. Старченко // Логико-методологические исследования. – М, 1980.

462. Стаханова, И.Г. Вопросительное предложение со значением побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 16 с.

463. Стельмашук, А. Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подъязыка медицины): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 15 с.

464. Стельмашук, А. Диалогизация в научном и научно-популярном стилях современного русского языка и место в ней вопросо-ответного комплекса / А. Стельмашук. – Белосток, 1991. – 211 с.

465. Стельмашук, А. Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): Дисс. ... докт. филол. наук, СПб., 1993. – 428 с.

466. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 35-73.

467. Степанова, Е.Б. Значение русских общевпросительных предложений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 20 с.

468. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000.

469. Страхов, И.В. «Внутренние монологи» в произведениях

Л.Н. Толстого как источник изучения эмоционально-волевых процессов / И.В. Страхов // Советская педагогика. – 1946. – № 3. – С. 56-70.

470. Страхов, И.В. Толстой как психолог / И.В. Страхов // Ученые записки Саратовского пед. ин-та. – Вып. 10. – 1947. – С. 8-116.

471. Сулименко, Н.Е. Семантические проявления фактора адресата / Н.Е. Сулименко // Языковые значения (на материале русского языка). – Череповец, 1992. – С. 42-48.

472. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1984. – С. 3-12.

473. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998. – 160 с.

474. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1998.

475. Сычева, И.Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: Дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2008. – 161 с.

476. Таванец, П.В. Суждение и его виды / П.В. Таванец. – М., 1953. – С. 25, 28, 65.

477. Тарасова, И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта / И.П. Тарасова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 103-110.

478. Таривердиева, М.А. Интерпретация действий в высказывании: имплицативные возможности модальных структур / М.А. Таривердиева // Серия литературы и языка. – Т. 51. – № 4. – 1992. – С. 62-66.

479. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М., 1988. – 654 с.

480. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.

481. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.

482. Теплицкая, Н.И. Некоторые проблемы диалогического текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 31 с.
483. Теремова, Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автор. дисс. ... докт. филол. наук. – Л., 1988. – 44 с.
484. Титаренко, Т.В. Коммуникативно-прагматические аспекты встречного вопроса в немецком языке: Автор. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 18 с.
485. Тихонов, С.Е. Прямая речь и прямое высказывание в художественном строе народной лирики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987. – 18 с.
486. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семантики / Н.И. Толстой // Славянское языкознание. – М., 1968.
487. Торсуева, И.Г. Интонация / И.Г. Торсуева. – Киев, 1978. – 240 с.
488. Третьякова, О.Д. Неопределённые местоимения, лишённые маркера неопределённости, в типологической перспективе: Автор. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с.
489. Троянов, В.И. Категория определенности – неопределенности предложения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1987. – 18 с.
490. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии: Пер. с нем / Н.С. Трубецкой. – М., 1960.
491. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М., 1986. – 127 с.
492. Уманцева, Л.В. Лексико-грамматические свойства глаголов и глагольных словосочетаний, вводящих прямую речь: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-н / Д., 1980. – 31 с.
493. Урунова, Р.Д. Русские местоимения в функциональном аспекте: синхронно-диахронический анализ: Автор. дисс. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2007. – 44 с.
494. Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – М., 1970.

– 225 с.

495. Ушакова, Т.Н. Проблема внутренней речи / Т.Н. Ушакова // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 39-51.

496. Фаворин, В.К. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии И.А.Гончарова / В.К. Фаворин // Изв. АН СССР. – Отд. лит. и языка. – 1950. – Т. 9. – Вып. 5. – С. 351-361.

497. Фам Ким Нинь. Функционально-структурные характеристики монолога литературного героя: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 18 с.

498. Федорова, Л.В. Структура и модальная семантика несобственно-вопросительных предложений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 22 с.

499. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46-50.

500. Федосеева, Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Тамбов, 2013. – 43 с.

501. Феличева, Н.И. Синтаксические поля: Пособие по грамматике немецкого языка / Н.И. Феличева. – М., 1977. – 213 с.

502. Филатова, Е.А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 20 с.

503. Фирбас, Я. Функции вопроса в процессе коммуникации / Я. Фирбас // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 55-66.

504. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 45 с.

505. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

506. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1956-1957. –

В 2 т.

507. Фридман, Л.Г. Вопросительные предложения в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 25 с.

508. Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов-н / Д.: Ростовский гос. пед. ун-т, 1998. – 360 с.

509. Функционально-семантическое поле: развитие теории в свете учения о семантических формах мышления. – Таганрог, 2004. – 243 с.

510. Хазбулатова, Т.А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама: Автор. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 26 с.

511. Хафян, У. Вопросительные конструкции как средство коммуникативного контакта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 18 с.

512. Химик, В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л.: ЛГУ, 1990. – 184 с.

513. Хинтиikka, И. Вопрос о вопросах / И. Хинтиikka // Философия в современном мире: Философия и логика. – М.: Наука, 1974. – С. 303-362.

514. Хохловская, О.Г. Диалогический дискурс в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 20 с.

515. Храпченко, М.Б. Художественное творчество, действительность, человек / М.Б. Храпченко. – М., 1982. – С. 139-140.

516. Хрычиков, Б.В. Категория модальности, ее объем и грамматическое выражение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Днепропетровск, 1994.

517. Чаплыгина, И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке / И.Д. Чаплыгина. – М., 2001. – 269 с.

518. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 238 с.

519. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы

экспрессивности. – М.: Наука, 1991.

520. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 281 с.

521. Чернова, Л.В. Структурно-синтаксические и семантические особенности конструкций, оформленных местоименными и местоименно-наречными словами с квалифицирующим значением: Автор. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2002. – 20 с.

522. Чесноков, П.В. Логическая фраза и предложение / П.В. Чесноков. – Ростов-н / Д., 1961.

523. Чесноков, П.В. Семантические формы мышления и грамматика // Значение и смысл речевых образований / П.В. Чесноков. – Калинин, 1979.

524. Чесноков, П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: ТГПИ, 1992. – 168 с.

525. Чумаков, Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью / Г.М. Чумаков. – Киев, 1975. – 220 с.

526. Чумаков, Г.М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Днепропетровск, 1977. – 48 с.

527. Цурикова, Л.В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – 173 с.

528. Цурикова, Л.В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе / Л.В. Цурикова. – Воронеж, 2001.

529. Цыплакова, И.А. Textoобразующие функции конструкций прямой речи в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 18 с.

530. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1993. – 42 с.

531. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной

семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 92 с.

532. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. – 620 с.

533. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1987. – 192 с.

534. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 378 с.

535. Шведова, Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967.

536. Шведова, Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова. – М., 1995.

537. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

538. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

539. Шевякова, В.Е. Актуальное членение вопросительного предложения / В.Е. Шевякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 107-116.

540. Шелякин, М.А. Русские местоимения / М.А. Шелякин. – Тарту: ТГУ, 1986. – 90 с.

541. Шелякин, М.А. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001.

542. Шимберг, С.С. Функциональный диапазон вопросительных высказываний в современном английском диалогическом дискурсе: Дисс. ...канд. филол. наук. – СПб, 1998. – 19 с.

543. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

544. Шмелев, Д.Н. О некоторых употреблениях вопросительных

местоимений и наречий в разговорной речи / Д.Н. Шмелев // Русский язык в национальной школе. – 1959. – № 6. – С. 14-18.

545. Шмелева, Т.В. Кодекс речевого поведения / Т.В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 1. – С. 72-77.

546. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Т.В. Шмелева. – Красноярск, 1994. – 47 с.

547. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1997. – С. 88-98.

548. Шувалова, И.Е. Синтагматическая организация высказывания и семантика местоимений в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 17 с.

549. Щелокова, Е.Н. Структура повествования прозы позднего Толстого (на материале малых жанров): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 24 с.

550. Щепкина, И.Г. Категория интеррогативности в немецком и русском языках: Дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2001. – 460 с.

551. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1957. – 188 с.

552. Щербань, Г.Е. Функционирование частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса: Автор. дисс. ... докт. филол. наук. – СПб., 2002 – 39 с.

553. Щербина, Т.С. Лексический повтор как основа типологии текстов / Т.С. Щербина // Проблемы сверхфразовых единств. Семантико-синтаксическая структура. – Уфа, 1985. – С. 39-45.

554. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

555. Эслон, П. Опыт семантической типологии модальности / П. Эслон // Типология. Семантика. Грамматика. – СПб.: Наука, 1998. – С. 330-337.

556. Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. –

М.: Сов. писатель, 2000. – 287 с.

557. Якобсон, Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М., 1963.

558. Якобсон, Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М., 1964.

559. Якобсон, Р. Избранные труды / Р. Якобсон. – М., 1985. – 357 с.

560. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Русская речь: Под ред. Л.В. Щербы. – Петроград, 1923. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 96-194.

561. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

562. Янко-Триницкая, Н.А. Местоимения с префиксальными частицами не- и ни- / Н.А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. – 1976. – № 1. – С. 37-90.

563. Clark, H. H. Four Dimensions of Language Use / H.H. Clark // The Pragmatic Perspective: Selected Papers from the 1985 International Pragmatics Conference. – Amsterdam, 1987. – P. 9-25.

564. Cremer, I. Verbale Strategien der Konfliktvermeidung / I. Cremer. – Frankfurt: Fisher, 1989. – 218 s.

565. Davison, W. P. International Political Communication / W.P. Davison. – New York: Praeger, 1965. – 404 p.

566. Dik, S. C. On the Notion Functional Explanation / S.C. Dik // Belgian Journal of Linguistics 1. – 1986. – P. 11-52.

567. Henne, H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – 2., verb. und erw. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982. – 332 S.

568. Kraus, J. On the Sociolinguistic Aspects of the Notion of Functional Class / J. Kraus // Reader in Czech Sociolinguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1987. – P. 83-93.

569. Kiefer, F. Modality / F. Kiefer // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, New York, Seoul, Tokyo, 1990.

570. Lakoff, R. T. Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation / R. T. Lakoff // Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistics Reader. R.W. Fasold – Washington: Georgetown Univ. Press, 1983. – P. 305-323.

571. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.

572. Searle, J. R. Indirect Speech Acts / J.R. Searle // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 59-82.

573. Weizman, E. Requestive Hints / E. Weizman // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Sh. Blum-Kulka et al. – Norwood: Ablex, 1989. – P. 71-95.

574. Wood, J. T. Interpersonal Communication. Everyday Encounters / J.T. Wood. – Inc. Thomson Learning, 2004. – 345 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Аксенов, В. Негатив положительного героя / В. Аксенов. – М.: Эксмо, 2009. – 316 с.
2. Аксенов, В. Звездный билет / В. Аксенов. – М.: Эксмо, 2012. – 285 с.
3. Аксенов, В. Таинственная страсть / В. Аксенов. – М.: Семь дней, 2009. – 591 с.
4. Алданов, М.А. Девятое термидора / М.А. Алданов. – М.: Вече, 2013. – 411 с.
5. Алексин, А. Повести для мальчишек и девчонок / А. Алексин. – М.: АСТ, 2015. – 414 с.
6. Андреев, Л.Н. Мысль / Л.Н. Андреев. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 334 с.
7. Астафьев, В. Повести. Рассказы / В. Астафьев. – М.: Дрофа, 2012. – 510 с.
8. Бакланов, Г. Жизнь, подаренная дважды / Г. Бакланов. – М.: Вагриус, 1999. – 445 с.
9. Белоусова, В. Второй выстрел / В. Белоусова. – М.: Вагриус, 2000. – 364 с.
10. Боборыкин, П.Д. Жертва вечерняя / П.Д. Боборыкин. – М.: Geleos, 2006. – 377 с.
11. Бондарев, Ю. Берег / Ю. Бондарев. – М.: Вече, 2014. – 381 с.
12. Булгаков, М.М. Мастер и Маргарита / М.М. Булгаков. – М.: Милосердие, 1991. – 400 с.
13. Бурлак, В. Хранители древних тайн / В. Бурлак. – М.: ВАГРИУС, 2001. – 316 с.
14. Быков, В. Избранное / В. Быков. – М.: Книжный клуб 36.6, 2014. – 621 с.
15. Вампилов А. Старший сын. Утиная охота: пьесы / А. Вампилов. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 191 с.
16. Васильев, Б. Сочинения: в 5 т. / Б. Васильев. – М.: Вагриус, 1999.
17. Веллер, М. Гонец из Пизы / М. Веллер. – М.: Астрель, 2012. – 445 с.
18. Веллер, М. О любви / М. Веллер. – М.: АСТ, 2006. – 380 с.
19. Войнович, В. Москва 2042 / В. Войнович. – М.: Эксмо, 2010. – 477 с.
20. Войнович, В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана

Чонкина / В. Войнович. – М.: Эксмо, 2010. – 828 с.

21. Гарин-Михайловский, Н.Г. Студенты. Инженеры / Н.Г. Гарин-Михайловский. – Л.: Худож. лит., 1988. – 477 с.

22. Геласимов, А. Дом на Озерной / А. Геласимов. – М.: Эксмо, 2009. – 253 с.

23. Геласимов, А. Собрание сочинений / А. Геласимов. – М.: ОГИ, 2007. – 779 с.

24. Герман, Ю. Дорогой мой человек / Ю. Герман. – М.: Астрель, 2012. – 698 с.

25. Гиголашвили, М. Чертово колесо / М. Гиголашвили. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. – 783 с.

26. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений: В двух томах Н.В. Гоголь. – М.: Полиграфресурсы, 1999.

27. Голованов, В. К развалинам Чевенгура / В. Голованов. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 440 с.

28. Гончаров, И.А. Малое собрание сочинений / И.А. Гончаров. – СПб.: Азбука, 2013. – 733 с.

29. Гончаров, И.А. Обрыв / И.А. Гончаров. – СПб.: Азбука, 2013. – 766 с.

30. Горенштейн, Ф. Избранное: В 3 т. / Ф. Горенштейн – М.: Слово, 1991.

31. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. ТТ. 1-25 / М. Горький. – М., 1968-1976.

32. Гранин, Д. Зубр / Д. Гранин. – М.: Вече, 2013. – 318 с.

33. Грекова, И. Перелом / И. Грекова. – М.: Астрель, 2011. – 284 с.

34. Грибоедов, А.С. Горе от ума / А.С. Грибоедов. – СПб.: Азбука, 2014. – 244 с.

35. Гроссман, В. Жизнь и судьба / В. Гроссман. – М.: Эксмо, 2013. – 989 с.

36. Довлатов, С. Собрание сочинений: В 4 т. / С. Довлатов. – СПб.: Азбука, 1999.

37. Домбровский, Ю.Ю. Факультет ненужных вещей / Ю.Ю. Домбровский. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 731 с.

38. Домбровский, Ю.Ю. Хранитель древностей / Ю.Ю. Домбровский. – М.: Вече, 2013. – 349 с.
39. Драбкина, А.В. Волшебные яблоки / А.В. Драбкина. – Л.: Дет. лит., 1975. – 112 с.
40. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1990.
41. Дудинцев, В. Белые одежды / В. Дудинцев. – М.: ЭКСМО, 2003. – 733 с.
42. Загоскин, М.Н. Юрий Милославский, или русские в 1612 году / М.Н. Загоскин. – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2014. – 334 с.
43. Екимов, Б. Пиночет / Б. Евдокимов. – М.: Вагриус, 2000. – 410 с.
44. Елизаров, М. Госпиталь: повести и рассказы / М. Елизаров. – М.: Ad marginem, 2009. – 266 с.
45. Ерофеев, В. Москва-Петушки / В. Ерофеев. – М.: Издат. дом Союз, 2008. – 143 с.
46. Ефимов, И. Суд да дело. Лолита и Холден двадцать лет спустя / И. Ефимов. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 348 с.
47. Иванов, А. Географ глобус пропил / А. Иванов. – М.: АСТ, 2013. – 443 с.
48. Ильф, И., Петров, Е. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – СПб.: Азбука, 2014. – 381 с.
49. Ильф, И., Петров, Е. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – СПб.: Азбука, 2014. – 412 с.
50. Искандер, Ф. Малое собрание сочинений / Ф. Искандер. – СПб.: Азбука, 2014. – 667 с.
51. Катаев, В.П. Повести / В.П. Катаев. – М.: Текст, 2005. – 442 с.
52. Катаев, В.П. Алмазный мой венец / В.П. Катаев. – М.: ПРОЗАИК, 2014. – 571 с.
53. Кожевников, В. Щит и меч / В. Кожевников. – М.: Сов. писатель, 1976. – 774 с.
54. Короленко, В.Г. Избранные произведения / В.Г. Короленко. – Л.: Лениздат, 1953. – 611 с.

55. Крейд, В. Георгий Иванов / В. Крейд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 428 с.
56. Крестовский, В.В. Петербургские трущобы. В 2 т. / В.В. Крестовский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998.
57. Куприн, А.И. Гранатовый браслет: повести и рассказы / А.И. Куприн. – СПб: Азбука, 2014. – 316 с.
58. Лесков, Н.С. Собрание сочинений в одиннадцати томах / Н.С. Лесков. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956.
59. Мартынов, Л. Собрание сочинений: В 3 т. / Л. Мартынов.– М.: Художественная литература, 1976-1977.
60. Мережковский, Д.С. Собрание сочинений: в 4 т. / Д.С. Мережковский. – М.: Кн. клуб «Книговек», 2011.
61. Набоков, В. Собрание сочинений: в 4 т. / В. Набоков. – М.: Правда, 1990.
62. Окуджава, Б. Искусство кройки и житья / Б. Окуджава. – М.: КоЛибри, 2014. – 443 с.
63. Островский, А.Н. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. / А.Н. Островский. – М.: ГИХЛ, 1950.
64. Пантелеев, Л. Повести и рассказы / Л. Пантелеев. – М.: Никая, 2014. – 278 с.
65. Пастернак, Б. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / Б. Пастернак. – М.: Альфа-книга, 2015. – 1279 с.
66. Паустовский, К.Г. Собрание сочинений: в 7 т. / К.Г. Паустовский. – М.: Литература: Книжный клуб «Книговек», 2012.
67. Пелевин, В. Желтая стрела / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 2003.
68. Пелевин, В. Generation «П» / В. Пелевин. – М.: ЭКСМО, 2010. – 608 С.
69. Пермяк, Е. Бабушкины кружева / Е. Пермяк. – М.: Правда, 1968. – 63 с.
70. Приставкин А. Ночевала тучка золотая / А. Приставкин. – М.: Эксмо, 2013. – 636 с.
71. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в десяти томах / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1960.

72. Распутин, В. Деньги для Марии / В. Распутин. – М.: Эксмо, 2011. – 637 с.
73. Рыбаков, А. Избранные произведения: В 3 т. / А. Рыбаков. – М.: Худож. лит., 1991.
74. Садулаев, Г. Шалинский рейд / Г. Садулаев. – М.: Роман-газета, 2011. – № 2. – 80 с.
75. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений в 10-ти томах / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Правда, 1988.
76. Сергеев-Ценский, С.Н. Повести. Рассказы / С.Н. Сергеев-Ценский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. – 284 с.
77. Слаповский, А. Большая Книга Перемен / А. Слаповский. – М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2011. – 635 с.
78. Солженицын, А.И. Малое собрание сочинений: в 7 т. / А.И. олженицын. – М.: ИНКОМ НВ, 1991.
79. Стругацкий, А., Стругацкий, Б. Пикник на обочине / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – М.: АСТ, 2014. – 189 с.
80. Сухово-Кобылин, А.В. Свадьба Кречинского: пьесы / А.В. Сухово-Кобылин. – М.: Эксмо, 2007. – 444 с.
81. Сушков, М.В. Российский Вертер / М.В. Сушков // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы рус. сентиментализма – М.: Современник, 1990. – 621 с.
82. Терехов, А. Каменный мост / А. Терехов. – М.: АСТ, 2014. – 830 с.
83. Токарева, В. Ни с тобой, ни без тебя / В. Токарева. – М.: АСТ, 2014. – 348 с.
84. Толстой, А.Н. Хождение по мукам / А.Н. Толстой. – М.: АСТ, 2014. – 958 с.
85. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л.Н. Толстой – М.: Художественная литература, 1978-1985.
86. Трифонов, Ю. Все московские повести / Ю. Трифонов. – М.: Астрель, 2012. – 794 с.
87. Тургенев, И.С. Собрание сочинений: в 12-ти т. / И.С. Тургенев. –

М.: Художественная литература, 1976.

88. Тынянов, Ю.Н. Восковая персона: Избранное / Ю.Н. Тынянов. – СПб.: Лимбус пресс, 2001. – 572 с.

89. Тэффи, Н.А. Алмазная пыль / Н.А. Тэффи. – М.: Эксмо, 2011. – 398 с.

90. Филатов, Л. И год как день: Поэзия и проза / Л. Филатов. – М.:Изд-во Эксмо, 2003. –576 с.

91. Фонвизин, Д.И. Бригадир / Д.И. Фонвизин. – М.: Искателькнига, 2015. – 60 с.

92. Фурманов, Д.А. Чапаев / Д. Фурманов. – М.: Эксмо, 2013. – 397 с.

93. Хармс, Д. Малое собрание сочинений / Д. Хармс. – СПб.: Азбука, 2014. – 732 с.

94. Цветаева, М.И. Избранные сочинения: В 2 т. / М.И. Цветаева. – М.-СПб.: Кристалл, 1999.

95. Чехов, А.П. Сочинения: в 18 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1986.

96. Шаламов, В. Колымские рассказы. Стихотворения / В. Шаламов. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 720 с.

97. Шаров, В. Воскрешение Лазаря / В. Шаров. – М.: Вагриус, 2003. – 365 с.

98. Шварц, Е.Л. Полное собрание сочинений в одном томе / Е.Л. Шварц. – М.: Альфа-Книга, 2011. – 1131 с.

99. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. / В.М. Шукшин. – М.: Молодая гвардия, 1985.

100. Эренбург, И.Г. Избранное / И.Г. Эренбург. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 447 с.

101. Яшин, А. Вологодская свадьба / А. Яшин. – СПб, 1863. – 88 с.